

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

4/2008
(№ 65)

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические проблемы регионологии

- 5 **С. В. Серебрякова.** Моделирование региональной структуры современного российского общества (на примере Приволжского федерального округа)
- 16 **О. Д. Шебло.** Проблема категориального определения региональных процессов: феномен азиатского регионализма
- 27 **К. М. Глonti.** Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития

Проблемы федерализма

- 40 **А. К. Родионова.** Признаки федерализма как инструментарий определения этапов его эволюции

Философская мысль в регионе

- 53 Круглый стол «100 лет книге В. И. Ленина „Материализм и эмпириокритицизм”»
- 53 **В. А. Писачкин.** Связь состояний, пространства и времени науки
- 55 **В. А. Бажанов.** Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания в XX в.
- 60 **В. В. Ильин.** Философская рефлексия В. И. Ленина
- 61 **Э. З. Феизов.** Психика и физика
- 63 **А. А. Гагаев.** Аналогия критики эмпириокритицизма В. И. Лениным и постмодернизма А. Сокалом и Ж. Брикмоном
- 65 **Н. С. Савкин.** Критика эмпириокритицизма
- 67 **Е. В. Мочалов.** Материализм и эмпириокритицизм: история и современность
- 72 **Ф. А. Айзатов.** Электрон неисчерпаем
- 73 **В. В. Козин.** «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина: предыстория и последствия

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 75 А. С. Тихонов. Основной вопрос философии в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»
- 79 А. И. Пантюшин. Права ли теория практики В. И. Ленина?
- 81 А. И. Сухарев. Философская мысль в регионе
* * *

- 82 О. А. Ермолаева. Современное общественное сознание России на государственном и региональном уровнях
- 87 Н. Т. Арефьева. Структура современной западной социокультурной футурологии

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 97 Л. А. Васильева. Демократический политический консенсус и эффективный политический процесс — первая фаза перемен в российском обществе
- 104 Н. И. Изергина. Органическая демократия как вектор социально-политических изменений современной России
- 112 З. А. Егорова. Влияние трансформаций избирательной системы на формирование многопартийности в России: региональный аспект

- 122 С. А. Щанкин, А. С. Борискин. Основные направления инновационного развития региона
- 130 С. Н. Растворцева. Сущность социально-экономической эффективности развития региона

Экономика региона

- 136 Е. Г. Анимица, В. А. Сухих, Н. В. Новикова. Концептуальные установки, механизмы и методы регионального управления экономикой
- 145 В. И. Маколов. Инвестиционная политика региона: оценка состояния и новые задачи

- 152 И. А. Юшачков. Анализ эффективности управления процессом реструктуризации на промышленных предприятиях региона
- 156 Е. Г. Саранцева. Совершенствование управления производственными затратами на промышленных предприятиях региона
- 162 С. И. Малоземов. Регионализация аграрной политики Российской Федерации
- 169 К. В. Мальцев. Проблемы развития земельного рынка в Российской Федерации
- 175 И. П. Юткина. Государственная поддержка сельского хозяйства региона в контексте реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК»

- 181 И. Н. Крутова. Создание инфраструктуры как условие развития проектного финансирования АПК региона
- 186 Т. А. Бурцева, А. В. Кузнецова, Н. А. Миронова, Е. А. Березина. Карта восприятия производителей молочной продукции на рынке Кировской области
- 193 А. С. Гуреев. Развитие региональных рынков мяса и мясосопродуктов
- 198 Ю. В. Кузнецова. Организация продвижения молочной продукции на российский и региональные рынки

Региональные проблемы науки и образования

- 207 С. В. Булярский, С. А. Булярская. Консорциум как коллективный участник инновационной деятельности
- 215 Н. В. Ивашкина. Проблемы формирования этнокультурной образовательной политики в регионе
- 221 В. П. Сальникова. Интеграция глобального и регионального компонентов в содержании вузовского курса «Культурология»

Социология региона

- 231 М. И. Беркович, С. В. Боженко, А. А. Брут-Бруляко. Оценка взаимосвязи экономической и социальной сфер регионов Российской Федерации
- 243 Л. В. Логинова. Институционализация региональных интересов: субъективные и объективные мотивации

- 252 **А. Н. Пескова.** Изменение статусных позиций в сфере трудовой деятельности региона
- 259 **М. В. Симонова.** Региональные и отраслевые особенности структурных показателей качества рабочей силы
- 270 **Е. В. Мозеров.** Социальный аспект жилищно-ипотечной политики в регионе
- 278 **И. Г. Юленкова.** Проблемы идентификации преподавателя вуза в региональном социуме
- 287 **В. П. Букин.** Молодежь российской провинции: общее и особенное
- 295 **Ю. П. Шабаев, Н. П. Миронова, А. В. Демина.** Этнополитическая и гражданская идентификация молодежи Республики Коми
- 306 **В. Г. Новиков.** Самоуправление и соуправление как факторы развития социальной активности студентов в образовательном учреждении

Народы России: возрождение и развитие

- 313 **М. А. Лещинский.** Модель мировидения православного христианина на современном этапе развития общества
- 320 **В. И. Твердохлеб.** Религиозность и религиозные объединения в регионе

Информационное пространство региона

- 326 **Ж. Ю. Бакаева.** Количественно-информационный контекст научных школ: этнорегиональный аспект
- 332 **А. А. Напалков.** Интернет как культурный коммуникативный институт

Провинциальная культура

- 340 **Е. А. Шишкина.** Калининградская область как региональная модель глобального социокультурного и социоприродного пространства
- 347 **Е. Ф. Черемушкина.** Проблемы межкультурного взаимодействия в работах основоположников британских «Культурных исследований»
- 354 **В. А. Моисеенко.** Архитектурный образ Москвы 1812 г. глазами неприятеля

361

Рецензии

С. В. СЕРЕБРЯКОВА

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Приволжского федерального округа)

Одним из наиболее эффективных методов познания социальных систем является их моделирование, замена реальных систем их моделями. Региональная структура российского общества представляет собой настолько сложный комплекс процессов и явлений, что изучить, описать ее, тем более научиться моделировать, а следовательно, и управлять, представляется невозможным без разложения ее на составные элементы, использования приемов классификации форм движения (развития), понимания механизмов существования отдельно взятых элементов. В этой связи Ю. М. Плотинский отмечает, что в современной научной литературе зачастую понятие «модель» тесно связано с понятием «теория», более того, граница между ними действительно размыта¹.

Проблематика региональных моделей² и методология моделирования социальной структуры и социальных сетей³ активно разрабатывались в западной литературе начиная с 70-х гг. XX в. В отечественной литературе этой проблематике также уделялось значительное внимание⁴.

При рассмотрении понятия модели межрегионального взаимодействия важно положение о том, что каждый элемент может быть понят только в свете той роли, которую он играет по отношению к другим частям социальной системы. В первую очередь это положение делает возможным изучение вертикали (иерархии) современной российской региональной структуры, а также соотнесение ее в рамках оси социально-территориальной организации пространства «центр — полу-

СЕРЕБРЯКОВА Светлана Владимировна, аспирант кафедры экономической социологии и маркетинга Московского государственного университета.

периферия — периферия». Определенный уровень развития экономики одного региона нельзя улучшить, не ухудшая положения других. При этом существуют возможности, когда какие-либо регионы, действуя самостоятельно или в кооперации с другими регионами, могут достичь более выгодных для себя состояний. Зачастую наиболее важным требованием при выборе таких взаимовыгодных вариантов для регионов является условие принадлежности к центру.

Нами предлагается классификация моделей межрегионального взаимодействия в качестве сложной многоуровневой социально-экономической категории и как одного из главных факторов, позволяющих выявить направления, интенсивность и сущность развития региональной структуры российского общества. Классификация является результатом анализа имеющихся в отечественной научной литературе материалов по проблемам социально-экономических отношений регионов и проведенного нами в апреле-мае 2007 г. эмпирического исследования в Приволжском федеральном округе (ПФО). Исследование проведено методом глубинных интервью, в ходе него были опрошены эксперты, условно составившие 3 группы представителей: органов власти, бизнеса, общественности. Интервью проводились в трех городах ПФО: Нижнем Новгороде, Самаре, Сызрани.

По природе происхождения модели межрегионального взаимодействия подразделяются нами на естественно сложившиеся и искусственно организованные. В качестве примера первых может выступать процесс формирования ассоциаций экономического взаимодействия в России начала 90-х гг. XX в. В тот период стало очевидным, что суверенизация территорий, тенденциозность административных элит областей и республик РФ несостоятельны и абсурдны наряду с экономической, культурной, национальной, образовательной обособленностью территорий в рамках одной страны. Ассоциации стали своеобразным ответом на децентрализацию общества. Примером искусственно организованной модели взаимодействия можно считать политическое деление территории РФ на 7 федеральных округов и создание института полномочных представителей Президента РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе». Здесь имел место фе-

номен конструирования пространства — повышения статуса определенных территорий, что скорректировало направления и интенсивность межрегионального взаимодействия в рамках искусственно созданной иерархии.

По характеру взаимодействия модели подразделяются на кооперационные, конкурентные и конфликтные. В качестве примера кооперационной модели в рамках ПФО можно привести взаимоотношения Республики Татарстан с Пензенской областью, руководство которой оказывает активную помощь при реализации инвестиционных проектов бизнесу из Казани. Не менее интересны частные случаи кооперационных моделей, а точнее различные роли (монополистические и конкурирующие), которые могут выполнять акторы, контролируемые взаимодействие нескольких регионов. Что касается конкурентных моделей, то на сегодняшний день они широко представлены в сфере экономики (например, между Нижегородской областью, Республиками Башкортостан и Татарстан); и в сфере телекоммуникаций (Н. Новгород — Чувашская Республика). Причиной конфликтов зачастую выступает так называемый национальный вопрос: нерешенность проблем татарского населения на территории Республики Башкирия, непризнание в некоторых аспектах Татарстаном наличия власти у полпреда.

По субъекту взаимодействия выделим микромоделю, мезомодели, макромоделю. Микромоделю подразумевают под собой уровень межличностного общения; мезомодели охватывают взаимодействие от лица хозяйствующих субъектов (предприятий, акционерных обществ, товариществ, организаций, ассоциаций, концернов, союзов и т. д.); макромоделю характеризуют действия, осуществляемые от лица социально-территориальных общностей.

По сущности взаимодействия модели подразделяются на интегрирующие, дезинтегрирующие, устойчивые. В качестве примера интегрирующей модели может выступать деятельность любой общественной организации регионального значения, а также множество проектов окружного значения, например, консолидация усилий республик Марий Эл, Чувашии и Нижегородской области в поиске решений проблемы подъема уровня воды в водохранилище Чебоксарской ГЭС. Дезинтегрирующая модель зачастую приводит к отказу от взаимодействий вне региона, примером ее воспроизводства

можно считать политику властей субъектов РФ по использованию только собственных ресурсов, несмотря на качество, что позволяет удерживать деньги внутри региона: «на строительство — только свой кирпич», «печататься только в своих типографиях» и т. д. Устойчивые модели — те, которые не оказывают влияния на изменение интенсивности взаимодействия.

По масштабам включенности⁵ выделяются модели макро-региональные, межрегиональные, региональные, локальные. Макрорегиональные модели взаимодействия охватывают значительные по территории регионы страны, например, Европейская часть России. Межрегиональные объединяют несколько регионов — субъектов РФ, которые наиболее интенсивно взаимодействуют между собой, например, регионы Черноземья. Региональные модели соответствуют субъектам РФ — республикам, краям, областям, автономной области и автономным округам, городам федерального подчинения. Локальные представлены территориально-административными частями субъектов РФ — муниципальными образованиями (городские и сельские поселения, муниципальные районы и городские округа).

Имеется разделение моделей и по осуществляемым функциям: координирующим, контролирующим, организационным, распределительным, представительским и смешанным. В данный момент распределительную функцию в российском межрегиональном взаимодействии осуществляет налоговая система РФ; координирующую в сфере производства и торговли — ассоциации экономического взаимодействия; контролирующую, представительскую и организационную в большей степени взял на себя аппарат полномочных представителей Президента РФ.

По типам ресурсов (потоков), являющихся предметом обмена в процессе взаимодействия, мы выделяем финансовые, информационные, технологические, организационные, ресурсные, миграционные модели.

В отечественной социологической литературе такая классификация впервые вводится в научный оборот и поэтому в ходе практического применения может быть дополнена другими признаками (например, жизненный цикл модели, степень включенности элементов, сфера взаимодействия и т. д.).

По результатам эмпирического исследования также возможно выделить некоторые основные формы, которые, по мнению экспертов, принимает сегодня межрегиональное взаимодействие на уровне федерального округа: производственно-экономическая кооперация предприятий, координация производства товаров и услуг, разработка концепций развития территорий, студенческая и рабочая миграция, межрегиональные социальные проекты, конкурсы, выставки, выездные совещания, встречи на региональном и муниципальном уровнях; обмен опытом в научной, образовательной, медицинской, производственной, управленческой, сельскохозяйственной сферах (научно-практические конференции, семинары); получение федеральной властью информации и отчетности «с мест», контроль исполнения постановлений; сбор налогов и распределение дотаций на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; культурно-развлекательные и спортивные мероприятия межрегионального значения.

Предметом нашего исследования на этом этапе выступают позиции и роли регионов ПФО в структуре межрегионального взаимодействия. При их изучении и сравнительном анализе целесообразным для нас представляется применение некоторых аспектов теории графов.

Выделим в изучаемом нами явлении (в данном случае взаимодействии в сфере товарооборота ПФО) конечное множество $X = \{1, 2, \dots, n\}$, состоящее из $n = 14$ элементов — регионов, между которыми происходит активное взаимодействие (показатели ввоза-вывоза по группам товаров, составляющие более 50 %), и множество бинарных отношений, заданных на первом множестве. Соотнесем (согласно статистическим данным по ПФО за 2006 г.⁶) вершины графа интересующие нас субъекты РФ, а ребрам — отношения между ними. Полученный граф (рисунок) является математической моделью межрегионального взаимодействия на уровне ПФО, а свойства графа будут отражать структурные свойства изучаемого нами явления.

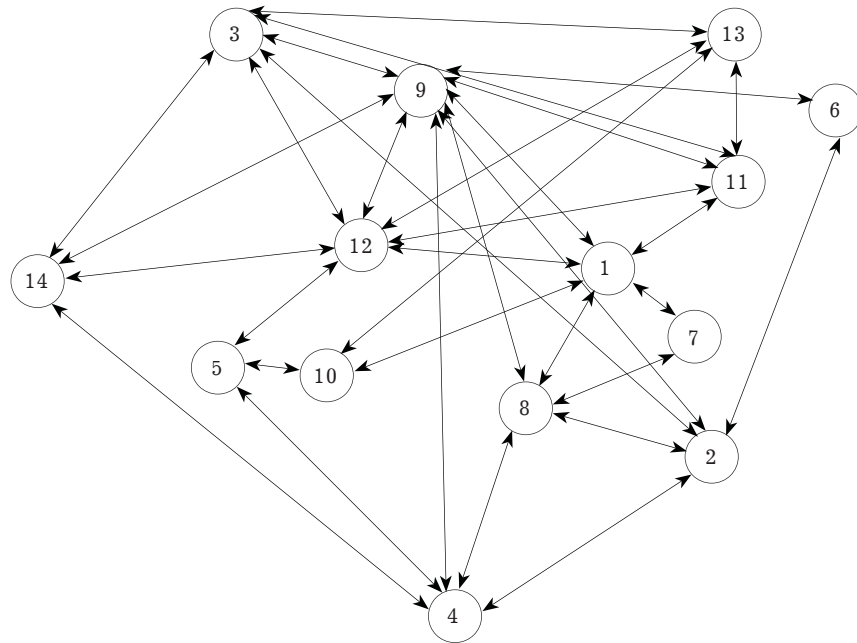

Рис. 1. Схема межрегионального взаимодействия (товарооборота) внутри Приволжского федерального округа

1 — Республика Башкортостан	8 — Кировская область
2 — Республика Марий Эл	9 — Нижегородская область
3 — Республика Мордовия	10 — Оренбургская область
4 — Республика Татарстан	11 — Пензенская область
5 — Удмуртская Республика	12 — Самарская область
6 — Чувашская Республика	13 — Саратовская область
7 — Пермский край	14 — Ульяновская область

Тип сети, построенной по принципу выделения связей взаимодействия, дает возможность применить количественные методы анализа. Методологически мы отказались от указания направлений и считаем сеть взаимной (независимо от того, является ли регион крупным поставщиком, либо покупателем, он является элементом взаимодействия). Наличие любого из этих условий либо двух одновременно обозначены ребрами; мы не конкретизируем весовые коэффициенты, а наличие / отсутствие взаимодействия (ввоза и/или вывоза) кодируем как 1 или 0 соответственно.

В исследовании Бейвласа было предложено понятие центральности. Это некоторая способность актора сосредотачивать на себе коммуникации и движение ресурсных потоков, выступающая преимуществом перед другими участниками сети. Определим степень центральности (СЦ) для каждого региона ПФО в нашем случае как количество связей (псц) у каждой вершины.

Так, значения $СЦ_{\max}$ принадлежат Нижегородской области ($n_9 = 9$), Самарской области ($n_{12} = 7$) и Республике Мордовия ($n_3 = 7$). $СЦ_{\min}$ характерны для Пермского края ($n_7 = 2$), Удмуртской Республики ($n_5 = 3$), Чувашской Республики ($n_6 = 3$) и Оренбургской области ($n_{10} = 3$).

Г. В. Градосельская полагает, что центральность зависит от того, какое количество потоков перемещаемых ресурсов контролирует та или иная вершина (чем оно больше, тем более «центральной» является регион), и предлагает при ее расчете воспользоваться формулой:

$$C_B(n_i) = \sum \frac{g_{jk}(n_i)}{g_{jk}}, \quad i, j, k \quad (1),$$

где g_{jk} — общее число кратчайших путей между вершинами n_j и n_k ; $g_{jk}(n_i)$ — число кратчайших путей между вершинами n_j и n_k , которые проходят через вершину n_i , i отлично от j и k .

Это ненормированный показатель актора n_i . В нашем графе из любой вершины можно попасть в любую другую одним или несколькими путями. Если путей несколько, то определим кратчайший (который включает наименьшее количество ребер). Кратчайших путей в большинстве случаев тоже несколько. Так, например, Республика Марий Эл связана с Ульяновской областью через Нижегородскую (путь 2—9—14), через Республику Мордовия (путь 2—3—14) и через Республику Татарстан (путь 2—4—14). Одно из слагаемых для Нижегородской области в формуле (1) равно 1/3, так как ею контролируется взаимодействие 1/3 кратчайших путей на данном участке 2—14.

Нам представляется возможным дополнить перечень получения информации при анализе графа, определив в ходе расчета центральности еще и то, какие из потоков товаров монопольно контролируются вершинами (регионами), какие акторы явно конкурируют за право контроля. Сделаем

это на примере лидеров по показателю степени центральности: Нижегородской, Самарской областей и Республики Мордовия.

Анализ показывает, что Республика Мордовия имеет две монопольные позиции, существенно контролируя взаимодействие Саратовской области с Республикой Марий Эл и Чувашской Республикой. Нижегородская область является единственным крупным посредником взаимодействий Республики Башкортостан и Чувашской Республики, а также Республики Татарстан и Пензенской области. Самарская область — связующее звено для Республики Удмуртия с Пензенской областью и Республикой Мордовия. Нижегородская область делит с Самарской контроль кооперации Ульяновской области с Республикой Башкортостан и Пензенской областью. Республика Мордовия конкурирует с Нижегородской за весомое участие во взаимодействии следующих пар регионов: Республика Марий Эл — Пензенская область, Республика Марий Эл — Самарская область, Чувашская Республика — Пензенская область, Чувашская Республика — Самарская область, Чувашская Республика — Ульяновская область. Самарская область и Республика Мордовия являются конкурентами при взаимодействии Ульяновской и Саратовской областей, а также в случае, когда вся выделенная нами группа регионов-лидеров является единственной связующей товарообмена между Пензенской и Ульяновской областями.

Расчет показателей посредничества центральностей показывает, что $C_B(n_3) = 6,67$ — ненормированная центральность Республики Мордовия, $C_B(n_9) = 11,83$ — ненормированная центральность Нижегородской области, $C_B(n_{12}) = 7,96$ — ненормированная центральность Самарской области.

Мы видим, что центральности Республики Мордовия и Самарской области имеют разное значение: у первой она на 1/6 меньше, хотя степени центральности этих регионов равны. Для того чтобы сравнивать центральность разных акторов более объективно, оценку следует стандартизировать⁷. Так, максимальное количество связей между всеми вершинами графа равно $(g-1)(g-2)/2$. Соответственно, нормированная центральность будет рассчитываться по формуле:

$$C'_B(n_i) = C_B(n_i)/(g-1)(g-2)/2 \quad (2)$$

В нашем случае $g = 14$ и нормировка будет равна 78. Значения нормированного показателя $C'_B(n_i)$ лежат в пределах от 0 до 1. Чем больше $C'_B(n_i)$, тем более центральной является эта позиция. Нормированные показатели центральности для Республики Мордовия, Нижегородской и Самарской областей соответственно равны $C'_B(n_3) = 6,67/78 = 0,086$, $C'_B(n_9) = 11,83/78 = 0,152$, $C'_B(n_{12}) = 7,96/78 = 0,102$.

Луис Вирт в работе «Ограниченность регионализма» совершенно очевидным считал то, что конкретная реальность региона, рассматриваемая с точки зрения некоторого данного явления, например, преступности, не всегда совпадает с регионом, рассматриваемым с точки зрения образования, досуга, налогообложения или промышленности⁸. При этом нельзя не согласиться с В. Н. Лексиным, А. Н. Швецовыми-мужчинами, что лишь поведение самого населения может считаться своеобразным индикатором территориальной депрессии⁹. Что есть норма, а что есть аномалия территориальной дифференциации решают не столько ученые и правительства, сколько само население соответствующих регионов, стремящееся переехать в более благоприятные регионы.

Искусственное формирование имиджа Нижегородской области и, в частности, придание Нижнему Новгороду статуса «столичного» города (в масштабах ПФО) с 2001 г. инициировало приток населения в регион и позволило выделять эту территорию в качестве стабильно «притягивающего» и консолидирующего региона. При этом Самарская область, имеющая крепкую экономику и занимающая лидирующее положение по многим социально-экономическим показателям, несмотря на тенденцию снижения коэффициента миграционного прироста вплоть до 2004 г. объективно является на сегодняшний день «центром» ПФО по притоку населения (в 2007 г. коэффициент миграционного прироста составил 23,3 в расчете на 10 тыс. населения).

При этом статистические данные в рамках субъектов РФ не отражают реальную ситуацию, а вычисляют зачастую «среднюю температуру по больнице» для отдельно взятого региона. На наш взгляд, адекватным уровнем анализа является уровень муниципальных образований, позволяющий

анализировать социально-территориальные общности в континууме «центр — полупериферия — периферия».

По мнению некоторых ученых, межрегиональные экономические взаимодействия наиболее эффективны между участниками, приближенными к единому уровню социально-экономического развития и обладающими схожими условиями для экономической деятельности. Чем выше и однороднее уровень экономического развития участников, тем интенсивнее идет процесс развития межрегионального сотрудничества, тем разнообразнее его формы¹⁰. В качестве возможных моделей взаимодействия «центр — периферия» исследователи И. П. Рязанцев, А. Ю. Завалишин выделяют следующие: ядро (центр) «подтягивает» периферию до своего уровня, либо ядро развивается за счет периферии, объективно понижая этим уровень ее социально-экономического развития¹¹. Для нас представляется интересной проверка данных гипотез. При этом мы полагаем, что есть необходимость совмещения сетевого анализа со статистическим. В свою очередь приведенные в данной статье сетевые структуры взаимных воздействий в сфере товарооборота регионов могут выступать в качестве основополагающих формальных моделей при дальнейшем исследовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М., 2001. С. 87.

² См.: William A. Schaffer. 1999. Regional Impact Models. Regional Research Institute, West Virginia University; Galaskiewicz J., Wasserman S. 1981. Change in a Regional Corporate Network. American Sociological Review. 46. P. 475—484; Wang F., Guldmann J. 1997. A spatial equilibrium model for region size, urbanization ratio, and rural structure. Environment and planning, 29. P. 929—941.

³ См.: Alba, Richard D. 1973. A graph-theoretic definition of a sociometric clique. Journal of Mathematical Sociology, 3: 113—126; Arabie P., Boorman S., Levit Pt. 1978. Constructing blockmodels: How and why. Journal of Mathematical Psychology, Vol. 17: 21—63; Burt, Ronald S. 1983. Corporate profits and cooptation: networks of market constraints and directorate ties in the American economy. New York; Burt, Ronald and M. J. Minor (eds.) 1983. Applied network analysis: A methodological introduction. Beverly Hills: Sage; Cartwright D., Harary F. 1956. Structural balance: A generalization of Heider's theory, Psychological Review, 63: 277—292; Davis, James A. 1967. Clustering and structural balance in graphs, Human Relations, 30: 181—187; Friedmann, Harriet. 1988. Form and substance in the analysis of the world

economy: 304—326 in Wellman and Berkowitz (eds.) Social structures: A network approach. Cambridge: Cambridge University Press; Newman M., Robey D. 1992. A social process model of user-analyst relationships. MIS Quarterly, Issue 2: 249—266; Physical models for social networks // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://64.233.183.104/search?q=cache:eHNZmi0bOAYJ:www.psych.unimelb.edu.au/cnss/assets/physical.pdf+model+of+social+processes&hl=ru&ct=clnk&cd=14&gl=ru&client=firefox-a>]; Rapoport A. 1963. Mathematical models of social interaction, P. 493—579 in R. Luce, R. Bush and E. Galanter (eds.), Handbook of mathematical psychology, Vol. II. New York: Wiley; Singer B; Spilerman S. 1976. The Representation of Social Processes by Markov Models. The American Journal of Sociology, Vol. 82, №. 1: 1—54; Wasserman, Stanley, and Katherine Faust. 1994. Social Network Analysis: Methods and Applications; Wellman, Barry and S. D. Berkowitz (eds.) 1988. Social structures: A network approach Cambridge: Cambridge University Press.

⁴ См.: Бурков В. Н., Заложнев А. Ю., Новиков Д. А. Теория графов в управлении организационными системами. М., 2001; Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004; Градосельская Г. В. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социол. журн. 1999 № 1/2; Иващенко Н. Н. Изучение процессов конкуренции: анализ сетей взаимодействия предприятий // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 4.

⁵ См.: Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: Учебник. М., 2003. С. 136—138.

⁶ В работе использовались статистические данные межрегионального товарооборота, представленные по методике, разработанной Е. Е. Скатеричевой.

⁷ См.: Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии. М., 2004.

⁸ Wirth L. Localism, Regionalism, and Centralization // Community Life and Social Policy: Selected Papers by Louis Wirth / Ed. by E. Wirth Marvick and A. J. Reiss, Jr. Chicago, 1956. P. 143—158.

⁹ Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2007. С. 32—33.

¹⁰ См.: Развитие российских регионов: новые теоретические и методологические подходы / Ин-т проблем региональной экономики РАН; отв. ред. Е. Б. Костяновская. СПб., 2006.

¹¹ Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006. С. 238.

Поступила 30.04.08.

О. Д. ШЕБЛО

**ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИАЛЬНОГО
ОПРЕДЕЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ: ФЕНОМЕН
АЗИАТСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА**

В самых общих словах регионализм определяют как тенденцию или политические инициативы по организации пространства в категориях региона. Кто-то заявляет, что регионализм — это идеология, которая ведет регион к регионализации¹. В более узком смысле под ним понимают конкретный региональный проект. Так, Э. Пэйн и Э. Гэмбл пишут, что «регионализм — это организованный одним или несколькими государствами проект по реорганизации конкретного регионального пространства в парадигме экономической и политической зависимости»². Так же как и глобализм, регионализм — это еще и нормативный концепт, относящийся к ценностям, нормам и идентичностям. Некоторые исследователи трактуют его как ответ на регионализацию и ее расширенную форму — глобализацию³. Такое понимание подчиненности вполне уместно, поскольку понятие регионализации шире и подразумевает в том числе спонтанные процессы складывания региональной общности.

При анализе процессов регионализации последних 20 лет используют понятие нового регионализма, тогда как более ранние инициативы региональных объединений называют «старым регионализмом». Считается, что он функционировал 20—30 лет после Второй мировой войны и пик его приходился на эпоху биполярности. При этом он, как правило, касался соглашений в сфере стратегической безопасности, либо экономического сотрудничества. Экономические договоры укладывались в рамки классической теории торговых союзов, т. е. главная их цель заключалась в либерализации

ШЕБЛО Олеся Дмитриевна, аспирант кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

товарной торговли. Это дало повод некоторым исследователям называть старый регионализм поверхностным или мелководным регионализмом⁴. То, что он существовал в условиях биполярности, обусловило и направление инициатив по регионализации: все они исходили сверху вниз и главным актором выступало государство. Поэтому его еще называют гегемоническим регионализмом, а его главным детищем указывают объединенную Европу⁵. Впрочем, еще одна региональная организация берет свое начало в проектах старого регионализма: АСЕАН. Несмотря на то, что Ассоциация изначально заявляла свою идеологическую свободу, она все же выступала механизмом балансировки сил: как противовес бывшим французским колониям Индокитая, где господствовал коммунистический режим. Однако на сегодняшний день тактика в региональной политике АСЕАН далеко отстоит от целей и идеалов старого регионализма.

То, что граница между старым и новым регионализмом не проходит по дате возникновения отдельной организации, говорит и тот факт, что Белая книга внутренней торговли ЕС 1985 г. считается началом нового этапа построения региональных отношений в мире. В ней впервые признается комплексный характер региональной зависимости, при этом глобализация указывается как импульс и одновременно тот контекст, в котором происходит структурирование политического, экономического и культурного пространства в категориях региональности. В числе прочих характерных черт нового регионализма выделяют изменившееся направление региональных инициатив (снизу вверх)⁶, а также многообразие акторов⁷.

Но несмотря на то, что сегодня все региональные соглашения преследуют много целей и исходят из соображений комплексной взаимозависимости экономических, социальных, экологических факторов, все же можно попытаться выделить отдельные течения внутри самого нового регионализма на основании долгосрочных приоритетов. Как один из вариантов можно назвать открытый регионализм, который оказался тесно связан с регионализацией после Второй мировой войны американской экономики. Его особенностью является мировая либерализация товарной торговли как главная цель, а отсюда — предельно размытое толкование региона и критериев региональности.

Почти одновременно были определены направления для формирования зоны открытого регионализма: с одной стороны таким направлением стало западное полушарие, с другой — Тихий океан. В 1986 г было заключено соглашение о создании ЗСТ между США и Канадой, положившее начало НАФТА (1993 г.), к которой присоединилась Мексика. Если на 1980 г. в ВТО было зарегистрировано только 65 договоров о преференциальной торговле, и абсолютное большинство их было подписано между странами, находящимися на одном уровне развития, то, начиная с НАФТА, быстро начали появляться соглашения конструкции Север—Юг (на конец 1999 г. их было большинство от общего количества в 194)⁸.

Впрочем, в западном полушарии предпринимались и параллельные варианты региональных объединений: были основаны МЕРКОСУР, Андский таможенный союз, подписан договор о Центрально-Американском общем рынке. Однако с американской стороны не замедлили поступить еще более широкие инициативы: в декабре 1993 г. вице-президент США А. Гор в своей речи в г. Мехико впервые озвучил идею создания американской ЗСТ, которая бы включала в себя все государства западного полушария (кроме Кубы, которая была исключена из Организации американских государств и теперь не входит в «американскую семью наций»). За этим через год последовал первый саммит американских государств, проходивший в Майами, и следующий — в Сантьяго (Чили) в апреле 1998 г. По замыслу ЗСТА была бы самым крупным региональным объединением: географически она простиралась бы от Аляски до Терра-дель-Фуэго. Но разница ВВП на душу населения между самой богатой и самой бедной американской страной (США и Никарагуа) равна почти 500 раз, что ставит проблему структурного соответствия государств региона. Коэффициент структурного различия для государств НАФТА и МЕРКОСУРА равен 1,11. Для сравнения: на момент подписания Римского договора между шестью европейскими странами он составлял 0,29. Сегодня для ЕС-10 он равен 0,34, ЕС-25 — 0,64⁹. Тем более остается открытым вопрос о совместном историческом опыте и разделяемой идеологии. И если идее южно-американского объединения более 200 лет (она восходит к работам Симона де Боливара), то панамериканизм — конструкт исключительно новейшего времени.

Еще меньшей степенью региональности характеризуется второе направление региональной активности США — АТР. Как указывают исследователи, «само определение АТР как региона во многом натянуто, поскольку часть объединена территориальными границами (как Европа), а часть — морскими (как НАТО). Так что его географическая связность очень условна. Еще меньше общности в том, что касается культурно-религиозной, политической и экономической систем»¹⁰. Это стало причиной того, что теоретики нового регионализма начали утверждать абсолютный примат политического сотрудничества в процессах регионализации. Наиболее радикальные сторонники этой точки зрения идут дальше и делают вывод, что сегодня регионализм вообще не имеет географической привязки. Например, А. Панагария доказывает, что понятия «региональные торговые соглашения» и «соглашения по региональной интеграции» равнозначны понятию «преференциальные торговые соглашения»¹¹.

Отдельные исследователи говорят о том, что само понятие «открытый регионализм» изначально использовалось в двух контекстах: во-первых, описательно, указывая на историческую особенность либерализации торговли в восточной части Тихого океана до появления АТЭС. Во-вторых, оно использовалось нормативно, предписывая стратегии сотрудничества странам-членам АТЭС¹². Однако с середины 90-х гг. XX в. после Богорской конференции стало сложно различить, насколько были бы иными инициативы по либерализации торговли отдельных стран, если бы не было АТЭС и провозглашенного им принципа.

Отдельного внимания заслуживает механизм присоединения новых членов в рамках открытого регионализма, поскольку он, на наш взгляд, во многом определяется особенностями американской политической системы. В частности, у президента США с 70-х гг. XX в. есть право в одностороннем порядке начинать переговоры по заключению торговых договоров. Парламент при этом может только принять или отклонить их, но не может дополнить. И поэтому стратегия США как в АТР, так и в западном полушарии ориентируется преимущественно на двусторонние альянсы в рамках многосторонних механизмов. Если для МЕРКОСУРА действует формула присоединения новых членов 4+1 (т. е. национальный интерес каждого отдельного

государства считается представленным в наднациональной структуре), то для региональных организаций с участием США оговорен принцип дифференцированных переговоров. При присоединении Доминиканской республики к договору о Центрально-американской ЗСТ (ЦАЗСТ) были проведены отдельные переговоры с США, и отдельные — с центрально-американскими государствами. Также в рамках ЦАЗСТ предусмотрен механизм снижения налогов центрально-американских государств в отношении друг друга и отдельно — в отношении США.

В структурах НАФТА стандарты организации также определяются США. Особое внимание поэтому уделяется таким сферам, как защита прав интеллектуальной собственности и инвестиционная безопасность. Особо тщательно проработан лист сервисных услуг, составленный по негативному принципу. При этом для прочих региональных организаций западного полушария действуют позитивные списки товаров и услуг. Организационные проекты по созданию Американской ЗСТ (АЗСТ) появились на саммите в Сан-Жозе в 1998 г., и тогда же от США поступило предложение о принципе дифференцированного сотрудничества. В ноябре 2003 г. уже было решено, что АЗСТ не будет создана подписанием одного документа. Будет разработано два пакета документов: первый — декларирующий права и обязанности членов, второй будет состоять из двусторонних и многосторонних соглашений, участие в которых необязательно для всех¹³.

В экономике это получило название *hub-and-spoke regionalism*, когда в рамках договора о ЗСТ каждое государство отдельно может инициировать переговоры с третьим государством, которое в этом случае становится ступицей, а его старые и новые партнеры — спицами колеса. Как пример можно назвать Мексику, которая, будучи членом НАФТА, имеет договора о преференциальной торговле с ЕС, Израилем и Японией. И, несмотря на утверждение его сторонников о том, что новый регионализм — рыночно ориентирован, а потому — открыт по своей сути¹⁴, сегодня практически невозможно найти оснований для его различения от мультилатерализма.

Японские экономисты доказывают, что преференциальные торговые соглашения способствуют сближению и дальнейшей

торговле между спицевыми странами¹⁵. Вместе с тем они противоречат ст. 1 ГАТТ, гарантирующей равные торговые условия всем странам, и п. 2 ст. 24, запрещающему создавать преференциальные торговые условия в ущерб третьим странам. Также договоры о создании ЗСТ не идут до конца в полной либерализации торговли, ссылаясь на неопределенность формулировки п. 1 ст. 24 о том, что «почти вся торговля должна быть включена». Для сравнения: договор ЗСТ АСЕАН покрывает собой свыше 60 тыс. товарных пунктов, тогда как аналогичные договора США исчерпываются несколькими сотнями наименований.

Очевидно, что вся история западного полушария представляла собой историю отношений самой большой экономики мира (США: 35 % населения, 75 % регионального ВВП) и 34 государств различных размеров, меньшим уровнем дохода и принадлежащих к различным культурам. Вполне обоснованно тогда заговорили и о полушарном регионализме. Он представляет собой «специфическую стратегию своих проponentов (главным образом, правительств и крупных бизнес-кругов), направленную на то, чтобы сделать политическую экономию идеологически и стратегически благоприятной для неолиберальных правил игры»¹⁶. А полушарная интеграция тогда становится «попыткой распространения неолиберальных правил рынка, отражающих триумф экономического либерализма, веры в экспортноориентированный рост и преимущественную значимость частного сектора в процессе развития»¹⁷. На наш взгляд, в случае открытого регионализма речь идет о новой вариации Вестфальской системы, государствоцентричной по своей сути и признающей только регионализацию национального интереса. Сегодня больше оснований называть открытый регионализм неолиберальным мультилатерализмом, отказывая ему тем самым в определении региональности.

В свою очередь, признание транснационализации государственного суверенитета является характерной чертой того, что мы предлагаем называть закрытым регионализмом. В рамках него признается, что создание широких условий для управления различиями и ограничения их не может быть предоставлено рыночным силам, а должно быть результатом сознательного политического выбора. Закрытый регионализм определяется преимущественным вниманием

нетарифным сферам сотрудничества. Для него важны гармонизация внутренней политики в сфере налогообложения и государственного субсидирования, либерализация движения трудовых ресурсов и создание институтов, приближающих монетарную интеграцию. Самым ярким примером закрытого регионализма можно назвать Европейский союз. Приоритет политических целей заставляет его заключать далеко не самые выгодные с экономической точки зрения договоры, тем самым замедляя собственный рост и подрывая производственную конкурентоспособность в мировом масштабе¹⁸.

Японский экономист М. Фудзита, исходя из анализа процентного распределения в мировом ВВП, предлагает разделить нового регионализма на институциональный и функциональный. Так, доля в мировом ВВП с 1980 по 2000 г. НАФТА и АСЕАН увеличилась с 27 до 35 % и с 14 до 23 % соответственно (примеры функционального регионализма). Тогда как доля ЕС снизилась с 29 до 25 % (пример институционального регионализма)¹⁹. Однако социальная жизнь не является простой функцией экономического взаимодействия, и даже монетарный (или валютный) регионализм, будучи высокой стадией регионального сотрудничества, не застрахован от трудностей. Тем более преждевременны предложения, например, азиатского валютного регионализма, озвученные президентом Азиатского банка развития в 2006 г.

Случаи Тихоокеанской Азии и Латинской Америки считаются примерами девелопменталистского регионализма. Его определяют как совместные усилия группы стран какого-либо географического региона по увеличению экономической комплиментарности через создание политических союзов²⁰. Это осуществляется через торговые соглашения или иные, более глубокие стратегии развития. Однако девелопменталистский регионализм держится преимущественно не на торговых, а на политических инициативах. Несмотря на то, что его называют видом мезо-глобализации²¹, и утверждение, что главной целью процессов «интеграции снизу» является подключение к глобализации²², девелопменталистский регионализм, даже заявляя своим главным приоритетом экономическое развитие, скорее определяется географическими и политическими факторами. Все это противопоставляет его открытому регионализму и дает повод отнести его к стратегиям закрытого развития, т. е. к закрытому регионализму.

Еще одним вариантом закрытого регионализма можно считать то, что Б.Хэтти называет секьюрити-регионализм. Он начинается с того момента, когда государства осознают наличие «комплекса проблем региональной безопасности»²³, решение которых требует межгосударственного сотрудничества. Примером такого регионализма называются интраконтинентальные региональные организации (Африканский союз, Организация американских государств). Однако их существование номинально, а факт их закрытости объясняется только географической обособленностью.

В ситуации мирного, невоенного времени встает вопрос, насколько могут быть «секьюритизированы» проблемы так называемой «низовой политики»: экологический и социетальный секторы?²⁴ Очевидно, что редко природные и политические ресурсы совпадают, но вот экологические проблемы нередко имеют региональный масштаб. Например, проблема обеспечения водными ресурсами нередко подталкивает к сотрудничеству двух и более сторон. Для Азии таким проектом стало освоение русла р. Меконг, для Африки — Замбези, для Ближнего Востока — Иордана²⁵.

Что касается Тихоокеанской Азии, то для решения вопросов безопасности в 1994 г. был создан Региональный форум АСЕАН. Несмотря на то, что критики не преминули назвать его за неэффективность talk shop (говорильней), все же это — «организация безопасности в том смысле, что она способствует развитию взаимопонимания между странами и заменяет <потенциальный> конфликт на диалог»²⁶. Например, лесные пожары в Индонезии в 1997 г. стали причиной атмосферных загрязнений в соседних Малайзии, Сингапуре и Брунее, что добавило напряжения в их отношения и без того подорванные экономическим кризисом. Но когда региональные НПО в рамках Регионального форума АСЕАН активно стали сотрудничать с индонезийским правительством, то отдельные наблюдатели расценили это как вызов национальному суверенитету²⁷.

Тем не менее, сегодня Тихоокеанскую Азию сложно однозначно отнести к закрытому регионализму. Скорее, она показывает пример исторической изменчивости форм регионализма. Зародившись как проект по обеспечению региональной безопасности в конце 60-х гг. XX в. с образованием АСЕАН, азиатский регионализм прошел стадию

девелопментализма, а с появлением АТЭС и транстихоокеанских инициатив заявляет свою приверженность и принципам открытого регионализма. На сегодняшний день по модели ступично-спицевого регионализма в регионе заключено более 500 договоров ЗСТ, из них примерно половина — с внерегиональными партнерами²⁸. Еще более показательна ситуация с прямыми инвестициями в ЮВА. За период 1995—2000 гг. 87 % общего объема ПИИ были от внерегиональных партнеров (52 % из них — от экономической триады: США, ЕС, Японии), и только 11 % — от региональных инвесторов: Тайваня, Кореи, Сингапура. Это заставляет делать вывод о том, что «государства АСЕАН в большей степени интегрированы с государствами мира, чем между собой»²⁹.

Вместе с тем очевидно, что случай азиатской интеграции отличается и от принципов открытого регионализма в том, что касается национального суверенитета. В международных отношениях Тихоокеанская Азия все чаще предстает единым субъектом политического интереса. С 1999 г. существует институт официальных встреч ЕС и АСЕАН+3. При этом если АТЭС — это трансрегионалистская модель, по мнению отдельных исследователей³⁰, то азиатско-европейский институт официальных встреч — это реальная попытка построить межрегиональный диалог. Вдобавок интеррегионализм как высшая стадия политической регионализации работает двумя способами. «Во-первых, функционально: для установления отношений между отдаленными регионами. Во-вторых, когнитивно: как средство (ре)идентификации понятия регион»³¹.

Все это дает основания предположить, что конкуренция двух региональных моделей (неовестфальской, представленной идеологией открытого регионализма, и поствестфальской, к которой относятся закрытые региональные проекты ЕС и, с рядом оговорок, Тихоокеанской Азии) будет определять динамику мирового порядка в ближайшие десятилетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Ndayi Z. V.* «Theorising the Rise of Regionness» by Bjorn Hettne and Frederik Soderbaum // *Politikon*. 2006. April. P. 113—124.

² *Payne A., Gamble A.* 'Introduction: the Political Economy of Regionalism and World Order', in: Andrew Gamble & Anthony Payne (eds), *Regionalism and World Order*. L., 1996. P. 2.

³ См.: *Kim S. S.* Regionalization and Regionalism in East Asia // *Journal of East Asian Studies*. 2004. № 4. P. 43.

⁴ См.: *Burfisher M. E., Robinson Sh., Thierfelder K.* Regionalism: old and New. Theory and Practice // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.ifpri.org/pubs/confpapers/2003/burfisherrobinsonthierfelder.pdf>].

⁵ См.: *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. UK, 2000.

⁶ См.: *Ibid.*

⁷ См.: *Vayrynen R.* Regionalism: old and New // *International Studies Review*. 2003. № 5. P. 25—51.

⁸ *Das S. P., Ghosh S.* Endogeneous Trading bloc Formation in a North-South Global economy // *Canadian Journal of Economics*. 2006. August. P. 809—830.

⁹ *Chia S. Y., Sussangkarn Ch.* The Economic Rise of China: Challenges and Opportunities for ASEAN // *Asian Economic Policy Review*. 2006. № 1. P. 102—129.

¹⁰ См.: *Coombe R.* Security in the Post-Cold War Asia-Pacific. Melbourne, 2003. P. 15.

¹¹ См.: *Panagariya A.* The Regionalism Debate: An Overview // Электрон. ресурс [режим доступа: [www.bsos.umd.edu/econ/panagariya/apecon/Policy%20Papers/overview-we\(1\).pdf](http://www.bsos.umd.edu/econ/panagariya/apecon/Policy%20Papers/overview-we(1).pdf)].

¹² *Woo Yuen Pau.* APEC after 10 Years: Whats Left of «Open Regionalism»? / Paper presented at APEC Study Center Consortium Conference. Auckland, New Zealand. 30 May — 2 June 1999.

¹³ См.: *Granados J., Cornejo R.* Convergence in the Americas: Some Lessons from the DR-CAFTA Process // *The World Economy*. 2006. № 8. P. 857—891.

¹⁴ См.: *Cable V., Henderson D. (eds).* Trade Blocs? The Future of Regional Integration. UK: Royal Institute of International Affairs, 1994.

¹⁵ См.: *Mukunoki H., Tachi K.* Multilateralism and Hub-and-Spoke Bilateralism // *Review of International Economics*. 2006. № 4. P. 658—674.

¹⁶ *Phillips N.* Hemispheric Integration and Subregionalism in the Americas // *International Affairs*. 2003. March. P. 330.

¹⁷ *Payne A.* The United States and Its Enterprise for the Americas. In: A. Gamble and A. Payne (eds) *Regionalism and World Order*. Basingstoke, 1996. P.96.

¹⁸ См.: *Lamy P.* Stepping Stones or Stumbling Blocks? The EU Approach Towards the Problem of Multilateralism vs Regionalism in Trade Policy // *World Economy*. 2002. № 10. P. 1399—1413; *Panagariya A.* EU Preferential trade Arrangements and Developing Countries // *World Economy*. 2002. № 10. P. 1415—1432.

¹⁹ См.: *Fujita M.* In Presentation of the Report on East Asian Integration: Opportunities and Obstacles for Enhanced Economic Co-operation. SUMMARY OF PROCEEDINGS. PARIS, 24 MARCH 2006. P. 4.

²⁰ См.: *Hettne B.* Beyond the «New» Regionalism // *New Political Economy*. 2005. December. P. 543—571.

²¹ См.: *Phillips N.* Governance after Financial Crisis: South American Perspectives on the Reformulation of Regionalism // *New Political Economy*. 2000. March. P. 386.

²² См.: *Tussie D.* In the Whirlwind of Globalization and Multilateralism: the Case of Emerging Regionalism in Latin America. In: William D. Coleman and Geoffrey R. D. Underhill (eds). *Regionalism and Global Economic Integration: Europe, Asia and the Americas*. L.; Routledge, 1998. P. 92.

²³ См.: *Buzan B.* The Logic of Regional Security I the Post-Cold War World. In: *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. UK, 2000. P. 1—25.

²⁴ См.: *Buzan B.* People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Hemel Hempstead: Wheatsheaf, 1983.

²⁵ *The New Regionalism and the Future of Security and Development*. Ed. by B. Hettne, A. Inotai, O. Sunkel. UK, 2000. P. XXVII.

²⁶ *Denoon D., Colbert E.* Challenges for the Association of Southeast Asian Nations // *Pacific Affairs*. 1998—1999. № 4. P. 514.

²⁷ См.: *Cotton J.* The Haze over Southeast Asia: Challenging the ASEAN Mode of Regional Engagement // *Pacific Affairs*. 1999. № 3. P. 331—351.

²⁸ *Bartel F. L.* The Future of Intra-Regional Foreign Direct Investment Patterns in Southeast Asia. In: N. J. Freeman and F. L. Bartels (eds). *The Future of Foreign Investment in Southeast Asia*. L., P. 85.

²⁹ *Giroud A.* Foreign Direct Investment and the Rise of Cross-Border Production Networks in Southeast Asia. In: N. J. Freeman and F. L. Bartels (eds). *The Future of Foreign Investment in Southeast Asia*. L.: Routledge Curzon. P. 105.

³⁰ См.: *Gilson J.* The New Interregionalism? The EU and East Asia // *European Integration*. 2005. September. P. 307—326.

³¹ *Ibidem*. P. 310.

Поступила 01.08.08.

К. М. ГЛОНТИ

СТАРОПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕГИОНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В процессе стратегического планирования развития России до 2020 г. все более наглядно проявляется актуальность выработки региональной социально-экономической политики как основы общей системы управления регионами. При этом необходимо иметь в виду, что неравномерность экономического состояния отдельных территорий ведет к дисбалансу развития российских регионов, усилению центробежных тенденций, проявляющихся в некотором нарушении единства рыночного пространства и перетоке ресурсов в экономически более благополучные регионы.

Практически все политические и экономические катаклизмы последних двух десятилетий, т. е. на постсоветском пространстве, начинались, как правило, в результате проведения в жизнь региональными политическими элитами «установки» на экономическую самодостаточность, которая в большинстве случаев связывалась с обладанием природными ресурсами. Следствием такой региональной «политики» и стала сегодняшняя ситуация, когда «стартовый капитал» экономического развития регионов оказался более неоднородным, а как следствие этого — не у всех есть мотивация к развитию с опорой на собственный потенциал. Величина и «наследственный» характер сложившихся социально-экономических диспропорций регионального развития слишком значительны, чтобы их можно было игнорировать в процессе дальнейшего экономического развития страны.

В этой связи, определяя новые направления региональной политики на ближайшие годы, В. В. Путин на рас-

ГЛОНТИ Константин Маратович, аспирант кафедры экономики и государственного регулирования рыночного хозяйства Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г. отметил: «Важную роль здесь будет играть работа по формированию новых центров социально-экономического развития: в Поволжье, на Урале, Юге России, в Сибири и на Дальнем Востоке ...только сбалансированная территориальная политика позволит обеспечить гармоничное развитие всей страны»¹. В свете предстоящего формирования в России инновационной экономики, а также особенностей «географии» ее территорий, концентрации там исторически сложившихся индустриальных отраслей ядром такого «агломерирования» будут местные производственные комплексы. Сегодня, когда на государственном уровне идет поиск «исходных опор» формирования инновационной экономики, к числу конкурентных преимуществ России вполне логично относить не только топливно-энергетический комплекс как источник финансовых ресурсов для будущих преобразований, но и ее промышленный высокотехнологичный комплекс (ВТК), исторически формировавшийся со времен СССР с учетом приоритета производства им продукции оборонной продукции.

В этой связи инновационная трансформация производственного комплекса того или иного региона, в том числе и являющегося составной частью ВТК, вполне может рассматриваться как реализация ключевого направления в достижении главной цели — перехода на инновационный путь развития, поставленной в стратегии развития России до 2020 г. Очевидно, что в рамках федеративных отношений инновационное обновление производственного комплекса такой страны, как Россия, в целом неразрывно связано с развитием производственных комплексов ее регионов, тесно интегрированных в структуру общего комплекса. Отсюда особую важность приобретают поиск направлений технологического преобразования производства, повышения наукоемкости выпускаемой им продукции, придания ей конкурентоспособности и востребованности на рынках сбыта. Все это определяет необходимость проработки региональных аспектов инновационной трансформации производственного комплекса страны. В условиях перехода к инновационному типу экономического развития регионы становятся не менее значимыми «авторами» и «исполнителями», чем федеральный центр в создании условий для развития и становления механизмов инновационной трансформации.

В контексте региональных аспектов инновационной трансформации производственного комплекса страны перечисленные задачи встают перед большинством субъектов РФ, но, пожалуй, наиболее остро перед так называемыми «старопромышленными регионами». Старопромышленный регион — это территория с устаревающей, невысокого технологического уровня промышленностью. Такая трактовка, на наш взгляд, позволяет дать следующее определение этому понятию. Это территория с относительно низким уровнем технологического развития промышленного комплекса, размещенного в ее границах, сложившимся с течением времени. Таким территориям присуще наличие обостренных проблем гуманитарного плана (от демографии до экологии). Основная проблема регионов такого типа — избыток производственных мощностей, представленных крупными и средними предприятиями с устаревшими оборудованием и технологиями. К началу 2008 г. более чем в половине субъектов РФ степень износа основных фондов составляла от 40 до 55 %.

Опираясь на такое понимание проблемы и ее современное состояние, можно выделить пять отличительных признаков старопромышленных регионов: исторически сложившаяся специализация региона в территориально-производственном разделении труда, характеризующаяся доминированием в ней индустриальных отраслей; преобладание использования устаревших технологий и средств производства; производство промышленной продукции низкого уровня наукоемкости; локализация рынков сбыта выпускаемой продукции; низкая восприимчивость к инновациям.

Указанные признаки, несмотря на их несколько «отрицательное звучание» на современном этапе, предопределяли особую роль в соответствующие периоды развития государства, обуславливали его индустриальную мощь и способность обеспечивать выполнение им и своих функций, поскольку именно на этих территориях на протяжении многих лет концентрировались ресурсы, развивалась инфраструктура.

Логика экономического прогресса и структурные трансформации в нем привели к тому, что некогда опора государства — старопромышленные регионы — стали в большинстве своем проблемными, депрессивными территориями, которые, особенно в контексте задач инновационного развития, нуждаются в соответствующей трансформации². Причем если в

западных странах с развитой рыночной экономикой проблемы такой трансформации обычно связывают с необходимостью преобразования отдельных отраслей или городов, то в России, учитывая ее масштабы и исторически сложившуюся структуру экономики, этот процесс имеет более глубокий и масштабный характер.

В силу объективных условий не каждый российский регион старопромышленного типа может полноценно «вписаться» в рамки современных мер, направленных на решение задач инновационного развития в масштабах страны. Следовательно, в контексте региональных аспектов инновационной трансформации производственного комплекса России, вполне обоснована актуальность особого внимания к выработке механизма такой трансформации применительно к ее старопромышленным регионам.

В истории старопромышленных регионов России условно можно выделить основные стадии развития: становление, расцвет и упадок. Упадок старопромышленных регионов является следствием постепенной утраты ими технологических преимуществ, полученных в результате быстрого развития на первых двух стадиях.

Первый период их упадка приходится на 70-е гг. XX в. Последовавший за ним второй период упадка (депрессии) — период «индустриальной отсталости», продолжающийся в ряде регионов и по сей день, связан с превращением там старопромышленных производств (отраслей) из «точек роста» в «балласт» вследствие их низкой адаптивности в эру постиндустриальных отраслей.

Старопромышленные районы, одними из первых вступившие в стадию индустриального развития и имевшие слабо диверсифицированную структуру хозяйства, а также специфические особенности внутренней территориальной структуры, при смене экономико-технологических укладов производства закономерно входили в стадию депрессии.

Перелом в региональном развитии России произошел в 90-е гг. XX в., когда действовавшая тогда государственная региональная политика себя исчерпала. Индустриализация регионов перестала быть основным способом концентрации в них базовых ресурсов развития (финансовых, человеческих и проч.). Общациональные приоритеты регионального развития, действовавшие ранее, были утрачены. Кризис затронул

прежде всего старопромышленные регионы России, в которых были сконцентрированы традиционно-индустриальные производства. Промышленная активность в этих регионах стала «угасать», оставляя без попечения становящийся избыточным, а потому и обременительным инфраструктурный комплекс.

Промышленно-технологический кризис вызвал кризис демографический. В стране, за исключением сырьевых районов, не было поселений, способных выполнить в полной мере роль «точек роста». В этой ситуации под вопросом оказался сам принцип прежней территориальной «сборки» страны как комплексного и взаимосогласованного индустриального освоения территорий. Наиболее конкурентоспособной на мировом рынке частью страны стали сырьевые зоны. Однако это разрастание экспортно-ориентированного сырьевого сектора экономики страны не давало импульса развитию несырьевых регионов. Есть все основания утверждать, что к концу 90-х гг. XX в. связь сырьевых зон со старопромышленными регионами России все более и более ослабевала. Пространство (социально-экономическое, административно-политическое, культурно-историческое) России продолжало сильно фрагментироваться. При этом государство не справлялось с функцией развития своих регионов, у которых отсутствовали в ту пору программы собственного социально-экономического развития³.

Для «нахождения своего пути» трансформации старопромышленных территорий России важно понимание «природы» их деградации в отличие от таких же территорий в иных государствах. В старопромышленных регионах Европы депрессия привела к разрушению традиционных структур и связей, утрате регионами преимуществ, которые они приобрели в период первой промышленной революции и связанных с доминированием в его экономике, валовом продукте, занятости населения и схеме размещения производительных сил. С течением времени «господство» этих отраслей стало замещаться более высокотехнологичными отраслями, а также развитием сферы услуг и финансового сектора.

Отличительная черта старопромышленных регионов России — «волевой» характер их образования и развития, особенно в восточной части страны в годы Великой Отечественной войны, который заключался в экстренном

перебазировании в этом направлении промышленности. В результате этого резко вырос индустриальный потенциал регионов Поволжья, Урала и Юга Сибири, куда было эвакуировано из Украины и Центральных районов более 1 тыс. крупных предприятий⁴.

Переход к рыночному механизму и резкое сокращение государственной поддержки привели к дальнейшему изменению отраслевых пропорций регионального развития России, перегруппировке экономической активности в направлении регионов топливно-сырьевой специализации. «За 90-е годы в результате неолиберальных рыночных реформ и распада СССР промышленное производство сократилось на 56 %, продукция машиностроения и металлообработки — на 60 %»⁵.

Таким образом, если в Европе период депрессии привел их к переходу на новые технологии, то упадок старопромышленных регионов в России привел к экономической стагнации, замедлению процесса технологического обновления, адекватного современным требованиям.

Определяющую роль для положительной динамики развития старопромышленных регионов играет система инвестирования, которая раньше определяла их развитие и «негативное» доминирование староиндустриальных отраслей. Практически для всех примеров развития старопромышленных территорий, известных в мировой региональной экономике, излишняя «опека» государства стала фактором инерционного развития индустриальных отраслей, «осваивавших» большую часть ресурсов региона.

Продолжающаяся депрессия, сопровождавшаяся острым кризисом в экономике, привела к разрушениям на структурном уровне в большинстве старопромышленных регионов мира. В России региональная политика способствовала «поглощению» основных инвестиционных ресурсов государства старопромышленными «регионообразующими» отраслями, что предопределило на последующие годы неоправданную структуру отраслевого спроса в экономике, сдерживающую инновационное развитие старопромышленных территорий («консервация» технологической отсталости).

Быстрый переход от административно-планового к рыночному механизму в странах с переходной экономикой приводил, как правило, к социально-экономическим потрясениям различной тяжести и продолжительности. В России этот

процесс усложняется из-за неоднородности ее экономического пространства, сильных различий регионов по возможностям адаптации к рыночным условиям. По этой причине особенно уязвимыми оказались старопромышленные регионы с высокой концентрацией производств, ставших нерентабельными при переходе от плановых цен к рыночным. Объективно ограниченные возможности саморегулирования и саморазвития в рыночной среде не позволяли старопромышленным регионам выйти из депрессивного состояния.

Резюмируя некоторые тенденции эволюции старопромышленных регионов России и мира, целесообразно выделить схожие черты и основные закономерности, свойственные развитию таких территорий.

Во-первых, старопромышленные регионы в большей своей части — это территории, развившиеся на «стыке» технологических укладов, в период первой промышленной революции. Во-вторых, все старопромышленные регионы прошли в своем развитии период экономического упадка, сопровождавшегося проявлениями социальной напряженности. Этот упадок — «наследство» продолжавшегося господства староиндустриальных отраслей конца XIX — начала XX в. В-третьих, экономический упадок и депрессивность старопромышленных регионов обусловлены сложностями трансформации староиндустриальных отраслей, т. е. их замещения современными производствами, продукция которых востребована и конкурентоспособна на рынках сбыта. В-четвертых, структурная невосприимчивость старопромышленных регионов современным условиям развития является следствием отсталости самой индустрии, сконцентрированной в них и представляющий определенный технологический уклад развития. Иными словами, технологически «отстает» не столько развитие отрасли, а сама отрасль: она морально устаревает на фоне появления потребностей в новых видах продукции, выпускаемых новыми производствами. В-пятых, депрессивное положение старопромышленных регионов является сигналом, стимулом принятия государством мер по эффективному замещению доминирующих старых индустрий — новыми современными производствами. В-шестых, эволюция старопромышленных регионов показала, что в их трансформации определяющую роль играет система инвестирования, которая, в одном случае, может привести к инерционному сценарию

развития, «консервации» технологической отсталости территории, в другом — эффективному замещению или, как минимум, эффективной реструктуризации отраслей старой индустрии. В этой связи В. Г. Лебедев отметил: «...Познание содержания экономической эффективности капиталовложений как объективного отношения, складывающегося в воспроизводстве основных фондов, становится все более полным. Установлена более тесная связь уровня эффективности с темпами воспроизводства, с развитием отдельных отраслей и технических систем»⁶.

На наш взгляд, есть еще одно отличие европейских и российских старопромышленных регионов, которое заключается в том, что в европейских странах их принадлежность к старопромышленным территориям определялась агломерацией староиндустриальных отраслей, таких как горнодобывающая и металлургическая. В ранг таких территорий попали многие угольные и металлургические районы Великобритании, Германии, Франции, Бельгии, затем в их число попали регионы с большим объемом текстильной промышленности, «грязной» химии, спрос на продукцию которых постепенно снижался вследствие перемещения производства в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой, меньшими экономическими ограничениями и другими конкурентными преимуществами.

С учетом целей инновационного развития экономики России, поставленных руководством страны, на наш взгляд, целесообразно определять принадлежность территории к старопромышленным не только фактом доминирования отраслей старой индустрии (горнодобывающей, металлургической и пр.). Помимо таких отраслей, характерных для большей части европейских старопромышленных регионов, «староукладность» российских регионов складывалась за счет отраслей, получивших свое развитие в период третьей промышленной революции. Прежде всего это машиностроение, представленное в основном предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Отставание отраслей, присущих третьей промышленной революции, в нашей стране окончательно сложилось в период геополитических перемен, произошедших в начале 90-х гг. XX в., что можно рассматривать в качестве своеобразного «положительного» фактора. Если, например, в старопромышленных регионах

Германии сложившийся индустриальный потенциал (горно-рудная промышленность, черная металлургия и пр.) мало способствовал их трансформации, то в России с ее традициями оборонно-промышленного комплекса, базирующегося на отраслях машино- и приборостроения, соответствующий потенциал может стать базовым элементом построения национальной инновационной системы.

Подходы к инновационной трансформации зависят от особенностей региона: его отраслевой специализации, причин депрессивных проявлений, условий экономической деятельности и предпосылок для ее активизации. Исходя из состава и содержания этих особенностей, в политике регионального развития могут применяться различные подходы к инновационной трансформации. Для выбора более адекватной системы мер по регулированию процесса такой трансформации возможна типологизация регионов России, которая строится на использовании следующих критериев: отраслевая специализация региона, диверсификация промышленности, технологический уровень производства, наукоемкость продукции.

Используя такой подход, мы предлагаем несколько иное определение понятия «старопромышленный регион» применительно к современной России. Старопромышленный регион — это территория субъекта Российской Федерации, на которой исторически сложилась концентрация индустриальных отраслей, располагающая потенциалом для увеличения производства наукоемкой продукции, путем инновационной трансформации своего производственного комплекса в рамках совершенствования экономических отношений. Такое «видение» старопромышленного региона предполагает сбалансированное развитие большинства регионов РФ, т. е. имеющих соответствующий промышленный потенциал.

Зоны старопромышленных регионов, производственно-технологическая база и система расселения которых созданы еще в период советской индустриализации, имеют потенциал такого развития. С его учетом вряд ли стоит отводить им роль «заднего двора» — поставщика рабочей силы для регионов группы роста. По мнению В. Н. Княгинина и П. Г. Щедровицкого, «...органы власти старопромышленных регионов, имея в качестве экономической базы устаревшую индустрию, не располагая альтернативным предложением трудоустройства занятых в ней людей, вынуждены форму-

лизовать и реализовывать собственную квазигосударственную „промышленную политику”»⁷. На наш взгляд, в современных условиях и поставленных целей развития вопрос о новой государственной промышленной политике необходимо рассматривать без «делений» на интересы государства, региональных групп или бизнеса. Вместе с тем В. Н. Княгинин и П. Г. Щедровицкий правы в том, что многие регионы, проводя «собственную...„промышленную политику” и не в полной мере решая задачи стратегического уровня в части собственного развития, сосредоточены исключительно на текущей поддержке производств «старой индустрии», сводимой, в основном, к налоговым и бюджетным преференциям. Такая ситуация на региональном уровне рано или поздно приводит к диспропорции в развитии регионов, центробежных процессах, выражающихся в оттоке различных ресурсов⁸.

Одним из вариантов решения проблемы некоторых старопромышленных территорий, особенно если они располагают некими иными, не только промышленными конкурентными преимуществами, могло бы стать изменение их региональной специализации: «Назрела необходимость создания в России постиндустриальных „средовых зон” — торговых, образовательных, развлекательно-рекреационных и т. п. зон, создаваемых в качестве своеобразных „ловушек” инновационной активности людей на выделяемой территории и стимулирующих приток в них наиболее ценного вида капитала — человеческого»⁹. Но это тема для отдельного исследования, связанного уже с другими, не производственными вопросами пространственной организации (развития) в стране.

Старопромышленным территориям в свете поставленной в «Стратегии—2020» цели перехода к инновационной экономике («экономике знаний») предопределяются иные место и роль. Можно предположить, что стране необходима новая государственная региональная политика пространственного развития, адекватная существующей социально-экономической и политической ситуации не только в стране, но и в глобализующемся мире. На наш взгляд, концептуальным основанием такой политики России должен стать (наряду с принципом выравнивания уровня социально-экономического развития территорий) переход к политике поляризованного развития, опирающийся на опережающий рост нескольких базовых территорий. Эти базовые или опорные территории

должны стать центрами инновационного развития страны, они же призваны демонстрировать новый тип экономического и социального роста для других регионов. Перед последними возникает дилемма: «встраивание» в формирующееся новое экономическое пространство в качестве «вспомогательной территории» или инновационная трансформация региональной экономики, повышение собственной «самодостаточности».

Бытует мнение, что конкуренцию регионов за активы выигрывает не тот, кто производит товары, а тот, кто управляет их потоками, кто привлекает финансы, права, технологии, наиболее квалифицированные кадры. В силу чего целью регионального развития становится увеличение капитализации региона (рост стоимости активов, находящихся на его территории и вовлекаемых в систему глобальных обменов). На наш взгляд, это не вполне верное убеждение. К чему может привести гипертрофированное развитие сектора услуг (формируемого в основном операциями финансового посредничества), можно наблюдать на ситуации, складывающейся сейчас в США.

Экономическое развитие региона, на наш взгляд, связывается прежде всего с развитием материального производства, позволяющего повысить конкурентоспособность региона и уровень обеспечения его собственных потребностей. В свою очередь реализация такого пути не может эффективно происходить без инновационной трансформации, особенно когда регион имеет к тому предпосылки — производственный комплекс. В ходе инновационной трансформации национальной экономики промышленный комплекс в силу исторических особенностей своего развития будет играть одну из ведущих ролей в данном процессе. В этой связи наиболее оптимальным было бы вести поиск решений, позволяющих вывести промышленный комплекс на более высокий технологический уровень производства, дающего возможность увеличить выпуск наукоемкой продукции (с одной стороны, продукции, позволяющей увеличить присутствие России на мировых высокотехнологичных рынках, с другой — продукции, позволяющей за счет роста импортозамещения обеспечивать потребности внутреннего рынка). Такая трансформация решает цели инновационного развития на уровне национальной экономики России и на уровне экономики субъекта РФ. Рост технологической оснащенности произ-

водства, не являющихся наукоемкими, способствует повышению конкурентоспособности региональной продукции, а также улучшению качества жизни населения средствами инновационного обновления материального производства и модернизации социальной сферы.

В контексте определения подходов инновационного обновления промышленного комплекса одним из принципиальных вопросов является следующий. Преимущественно каким образом ориентировать промышленный комплекс на инновационный тип воспроизводства, повышая долю наукоемкой продукции в общем объеме промышленного производства: за счет строительства и ввода в эксплуатацию новых предприятий и открытия новых производств («с чистого листа») или модернизации (технологического переоснащения) имеющихся производственных мощностей, с последующим увеличением доли выпуска наукоемкой продукции?

На наш взгляд, к решению этого вопроса следует подойти сквозь призму территориального аспекта (размещения производительных сил), т. е. «первого пути» интеграции в инновационный процесс придерживаются территории, не имеющие исторически сложившихся особенностей развития местной промышленности. «Второго пути», очевидно, следует придерживаться старопромышленным регионам. В них сосредоточены отрасли крупной промышленности, как правило, имеющие разветвленную сеть смежных функционально связанных отраслей и производств.

Развивая на своей территории научно-техническую и инновационную деятельность и всемерно содействуя в масштабах имеющихся сил и средств ее осуществлению, регионы, даже обладающие относительно скромным по количественным параметрам научно-техническим потенциалом, смогут решить принципиально важные задачи. Во-первых, эта деятельность будет создавать региону возможности для решения имеющихся в нем проблем социально-экономического развития на современном передовом уровне с наименьшими затратами времени и средств. Во-вторых, послужит решению ряда острых социальных и экономических проблем, связанных с трудностями и особенностями переходного периода¹⁰.

В любом случае, когда переход к инновационно активной экономике провозглашен в числе основных приоритетов раз-

вития Российской Федерации по большому счету не должно оставаться территорий, дезинтегрированных из этого процесса, к какому типу они бы не относились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия 2020. Главные задачи развития страны. М., 2008. С. 24.

² См.: Кушлин В. И. Траектории экономических трансформаций. М., 2004. С. 12.

³ Княгинин В. Н. Задачи переходного периода // «Эксперт Урал». № 48. 2004. 20 дек.

⁴ См.: Исупов В. А. Главный ресурс победы: Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.). ИД «Сова», 2008.

⁵ См.: Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Опережающий рост машиностроения и ОПК — основа инновационного обновления и повышения конкурентоспособности экономики России. Доклад на Общерос. инженерно-технологической конф. «Резервы ускорения экономического роста и удвоения ВВП России». М., 2005. С. 4.

⁶ Лебедев В. Г. Производительные силы и социальный прогресс. М., 1997. С. 70.

⁷ Княгинин В. Н., Щедровицкий П. Г. Промышленная политика России. Кто оплатит издержки глобализации. М., 2005. С. 22.

⁸ Там же.

⁹ Россия: принципы пространственного развития. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа / Под ред. В. Л. Глазычева и П. Г. Щедровицкого. 2004 // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.glazychev.ru>].

¹⁰ См.: Плетнев К. И. Научно-техническое развитие регионов России: теория и практика. М., 1998. С. 21—22.

Поступила 15.09.08.

А. К. РОДИОНОВА

ПРИЗНАКИ ФЕДЕРАЛИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТАПОВ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Федерализация государственности в конкретный исторический период является актуальной исследовательской проблемой, поскольку во многом определяет политико-правовую и социально-экономическую стабильность федеративного образования. Бельгийский ученый Р. Вутер отмечает, что функционирование с 1830 г. бельгийского многоязычного государства привело к тому, что к 1970 г. ярко обозначились политические, экономические, культурные, идеологические и социальные различия между голландской, французской, немецкой и двуязычной областью — Брюсселем. Рационализация представлений об этапах динамики федерализма связана с выявлением специфики государственного строительства — проведением реформ в конституционном законодательстве, связанных с федерированием государства: обозначением территориальных частей, которые совпадают с «языковыми» областями¹. Этапы развития бельгийского федерализма очерчивают в соответствии с датами внесения изменений в конституцию Бельгии: 1970 гг., 1988—1989 гг., 1993—1994 гг.²

Немецкие исследователи Ф. Шарпф, Г. Лембрух до 1815 г. рассматривают Германию как союз государств. До 1871 г. Германия считалась псевдофедерацией, а Веймарская республика оценивалась как децентрализованное единое государство. Эволюционные исследования федерации в Германии сфокусированы на послевоенном периоде. Выделяют три этапа развития федерализма Германии: развивающийся федерализм (до середины 1960-х гг.), кооперативный (тесные финансовые связи и единство законодательства) и с 1990-х гг. период,

РОДИОНОВА Антонида Кузьминична, доцент кафедры теории и истории государства и права Читинского института Байкальского государственного университета экономики и права, кандидат политических наук.

связанный с процессом четкого разделения полномочий союза и земель³.

Сценарий периодизации американского федерализма сформирован на основе оценки взаимоотношений федерального правительства и правительств штатов. Период с 1789 до 1901 г. — эра дуалистического федерализма, с 1901 до 1960 г. — период кооперативного федерализма, с 1960 до 1968 г. — творческий федерализм администрации президента Л. Джонсона (расширение системы дотаций и инструктивного управления), с 1970 г. и до настоящего времени — это период развития федерального законодательства и уточнение природы федеральной системы⁴.

Канадский ученый Д. Рагджери, опираясь на этапы напряженности развивающегося федерализма, рассматривает федеративные отношения в области финансов, выравнивания региональных различий⁵. Г. Лафорест на основе сформировавшихся моделей федерализма выделяет в развитии федерализма Канады два периода: с 1867 г. — период асимметричного федерализма и после принятия акта дополняющего Конституцию в 1982 г., определяющего особый статус Квебека — период симметричного федерализма⁶. Периоды обострения угрозы национальной безопасности Канады рассматриваются как эволюционные этапы федерализма в связи с усилением централизации в государственном управлении⁷.

За основу периодизации развития федерализма исследователями взяты характеристики федерализма, проявляющиеся в конкретный исторический период, что позволяет формировать на основе произвольного набора характеристик федерализма определенные конструкты, «ментальные образы», которым они придают достаточную самостоятельность как конкретному этапу эволюционного развития федерализма.

Зарубежные исследователи, анализируя рефлексию федерализма, основанную на его мониторинге в конкретный исторический отрезок времени, не увязывают свои исследования с поиском какого-либо унифицированного критерия периодизации эволюции федерализма, который свойственен федерализму любой федеративной системы, а не конкретного федеративного образования.

Исследованиям эволюции российского федерализма свойственен эклектизм на основе конгломератов идентичности:

российский мультисоциальный и полиэтничный социум (исторический аспект)⁸; социально-политические, экономические и естественно-географические факторы⁹; отношения федерального Центра и регионов¹⁰; смена моделей разграничения компетенции между федеральным и региональным уровнями власти¹¹; консолидация и роль элит, легального лидера в советском и постсоветском российском обществе¹²; договорный процесс федерального Центра и регионов¹³; состояние конкретных моделей федерализма (модели бюджетного федерализма)¹⁴; закрепление федерализма в Конституции 1993 г.¹⁵

Как видно, у российских и зарубежных исследователей отсутствует единый подход к периодизации федерализма, поскольку генезис методологии исследования периодизации федерализма не несет в себе новационных подходов. Не исключая целесообразности различных концептуальных подходов в изучении федерализма в конкретном государстве в избранный для исследования период, считаем необходимым подчеркнуть, что эволюция федерализма как предмет исследования изначально предполагает анализ реального «присутствия» федерализма в федеративном образовании в анализируемый период. При этом следует иметь в виду, что институт федерализма является объектом исследования, от которого производны все остальные концепты изучения федерализма: его эволюция, модели, принципы и т. д., поскольку структурализм и функционализм федерализма как целое преобладает над его конкретным выражением. На наш взгляд, основанием эволюционного измерения федерализма любого федеративного образования выступает его реализация в политико-правовой практике посредством организационных, функциональных, дезинтеграционных, интеграционных признаков, раскрывающих содержание института федерализма в конкретный исторический отрезок.

Эволюция российского федерализма, несомненно, начинается в 1917 г., когда Россия стала федеративным государством. Логически углубленное толкование Конституции РСФСР 1918 г. позволяет убедиться, что модификация формы государства и государственной власти в исследуемый период повлекла закрепление за Федерацией принципа полного суверенитета, равноправие субъектов, народов, вошедших в состав РСФСР. Глава 1 Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого

народа, вошедшая в Конституцию РСФСР 1918 г., утверждала Россию как республику, обладающую всей полнотой власти в лице Советов и организованную на основе свободного союза свободных наций как федерацию советских национальных республик. Была создана многоуровневая государственная власть: Советы в территориальных и национальных единицах, федеральные органы — Всероссийский съезд Советов, ВЦИК. В Конституции было закреплено разграничение «предметов ведения и полномочий между уровнями власти»: согласно ст. 32, за ВЦИК было закреплено определение общих направлений деятельности рабоче-крестьянского правительства и всех органов Советской власти, объединение и согласование работы по законодательству, управлению и наблюдению за проведением в жизнь Советской Конституции, постановлений Всероссийских съездов Советов и центральных органов Советской власти¹⁶. Постатейный анализ конституций РСФСР 1925 г. и 1937 г. также свидетельствует, что в них имелись положения, закрепляющие организацию уровней власти (устройство Советской власти), их полномочия. В Конституции 1937 г. закреплен достаточно широкий объем прав и свобод, предоставляемый гражданам¹⁷.

Исследование российского политико-правового поля свидетельствует, что в рассматриваемый период институт федерализма был образован, поскольку имелись: многоуровневая пространственная государственная власть, государственный аппарат, соответствующий по структуре созданным уровням власти; действующее законодательство с нормативными положениями о федеративной форме государственного устройства и федерализме; федеративные отношения; ресурсы власти; государственное управление, реализуемое на разных уровнях государственной власти.

Факторный анализ политической практики времен 1917—1993 гг. доказывает, что на первом этапе институт федерализма был закреплен на конституционном уровне и отличался публично-политической прозрачностью. При этом фиксированная конституционная догматика не отражала специфику политического менеджмента.

Российский федерализм 1917—1990 гг. отличался проявлением нескольких интеграционных признаков. Во-первых, определение только федеральным Центром основных начал внутренней и внешней политики, формальное соблюдение

принципов федерализма. Конституция 1917 г. в ст. 9 закрепляла установление «диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти». Во-вторых, усиление действий, направленных на создание единого политического, экономического, социального, правового пространства без учета интересов членов федерации. По Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 19) федеральный Центр определял направления внутренней и внешней политики, принимая планы развития народного хозяйства, формируя единое политическое, экономическое, социальное и правовое пространство. В-третьих, реализация федеральным Центром большинства совместных с региональным уровнем полномочий и полномочий регионального уровня. Согласно Конституции РСФСР 1937 г., руководство осуществлением бюджетов и установлением налогов всех уровней власти сохранялось за федеральным уровнем. Кроме того за Центром закреплялось управление образованием, здравоохранением, руководство местной промышленностью. В-четвертых, углубление соподчиненности имеющихся уровней федеральному уровню власти вследствие преобладания субординационных начал в государственном управлении и формирование на этой основе системы государственного аппарата и федеративных отношений. Конституция 1925 г. ст. 33 провозгласила, что Совету Народных Комиссаров принадлежит общее управление РСФСР.

Таким образом, государство-правовая стратегия придала федерализму формализованный характер, что в последующем позволит определить модель федерализма этого периода как модель фантомного федерализма¹⁸. Простое «прочтение текстов Основных Законов может ввести в заблуждение — в конституционном оформлении общественный и государственный строй того времени выглядит как вполне демократический»¹⁹. Федерализм первого этапа носил централизованный характер.

Изменения в российском федерализме стали происходить в период перестройки, наполняя информационное пространство идеями дальнейшего федеративного развития России. После 1990 г. начался и сложный процесс моделирования внутренней политики, основанной на федерализме.

Нормативное закрепление основ конституционного строя в Конституции РФ 1993 г. свидетельствует, что, согласно

ст. 11 Конституции РФ, в России создана многоуровневая пространственная государственная власть: федеральная и власть субъектов РФ, а также не входящее в систему органов государственной власти местное самоуправление, государственный аппарат построен в соответствии с организованными уровнями власти и с учетом исторических, национальных, бытовых особенностей регионов, федеративные отношения базируются на кооперативной модели распределения полномочий между уровнями власти, а ресурсы власти (природные, экономические, бюджетные и др.) закреплены за конкретными уровнями власти. Политико-правовая основа федерализма отражает многоуровневость власти и закрепляет на федеральном и региональном уровнях в нормативных установлениях демократический характер российского государства, его республиканскую форму правления и федеративную территориальную организацию как многонационального государства. Государственное управление, согласно Конституции РФ, осуществляется с учетом основных целей и задач: сохранение единого федеративного образования, укрепление его социально-экономического состояния, повышение роли на международной арене.

Конституция РФ 1993 г. закрепила институт федерализма, а политическая практика повлекла несколько дезинтеграционных признаков. Прежде всего наблюдались попытки выхода некоторых членов федерации за пределы политической и экономической, правовой самостоятельности, очерченной правовыми документами, в связи со стремлением к полной самостоятельности, свойственной суверенному государству. На этом этапе обозначилось стремление некоторых субъектов РФ взять неограниченный объем суверенитета. Республика Саха (Якутия) в 1995 г. была единственным субъектом РФ, который оставлял в субъекте 100 % собранных налогов. Республика Коми — 95 %²⁰.

Проявлялось стремление субъектов федерации предстать на международной арене самостоятельными государствами. Республика Саха (Якутия) (компания «Алросы») в середине 90-х гг. XX в. заключала международные договоры по разработке алмазных месторождений на территории республики, а также по вложению капиталов в алмазные рудники Анголы, без какого либо согласования с федеральным Центром²¹. Имела место масштабная децентрализация.

Федеральный уровень власти не воспринимался национальной и политической элитой некоторых регионов как вышестоящий. Республика Калмыкия без уведомления федерального Центра создала оффшорную зону, прокручивая капитал более 200 коммерческих структур и банков, находящихся за пределами Калмыкии²². Осуществлялось использование имеющихся ресурсов власти: природных, экономических, бюджетных, политических и др. только в интересах «своей» территории. Возникшие регионализм и республиканизация ослабили государство: доля расходов региональных и местных бюджетов в общей сумме бюджетных расходов РФ в 1992 г. составила около 24 %²³. Наблюдалось развитие «своей государственности» членами федерации без учета интересов остальных субъектов федерации и государства в целях полной обособленности территории от федерации. «Приватизация» власти на региональном уровне создала новое политическое явление — регионализм и республиканизацию, которые повлекут опасное для целостности России явление — сепаратизм²⁴. В 1993 г. Свердловская область в одностороннем порядке официально провозгласила себя Уральской республикой²⁵.

Систематизация эмпирического материала позволяет оценить политическую практику 90-х гг. XX в. Политическое строительство осуществлялось на основе реализации дезинтеграционных признаков федерализма. Это второй этап развития российского федерализма, начавшийся в 90-е гг. XX в. и продолжавшийся до 2000 г.

Президентство В. В. Путина изменило властную конфигурацию и содержание российского федерализма, что существенным образом повлияло на траекторию развития политического процесса. Законодательные новеллы федерального уровня изменили процедуру формирования института высшего должностного лица субъекта РФ²⁶. Эта обновленная процедура дает возможность Президенту РФ осуществлять рекрутирование региональной элиты при условии принятия ею очерченных на данный момент федеральных политических ценностей. Таким образом, преобладает интеграционный признак — определение федеральным Центром основных начал внутренней и внешней политики.

Бюджетная помощь федерального Центра, исходя из оценки социально-экономического положения субъектов

РФ — один из рычагов влияния на регионы. «Экономический контроль — это не просто контроль одной из областей человеческой жизни, никак не связанный с остальными, это контроль над средствами достижения наших целей»²⁷. В городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге (субъектах РФ) часть суммы налога на прибыль организаций зачислялась в бюджеты этих субъектов: в 2002 г. эта ставка равнялась 16,5 %, в 2003 г. увеличилась до 18 %, а в 2004 г. — до 19 %²⁸. Финансовая поддержка процесса укрупнения субъектов РФ означает усиление влияния Центра на регионы. Это еще одно проявление интеграционного признака — формальное соблюдение принципов федерализма.

Созданию единого политико-правового поля способствовали в том числе и поправки в законодательство об ответственности органов государственной власти субъектов РФ за принятие региональных актов, не соответствующих Конституции РФ и действующему федеральному законодательству²⁹. Более 14 субъектов РФ вообще не присылали свои нормативные акты на экспертизу в Минюст³⁰. Нормативные новеллы потребовали от регионального законодателя внесения поправок и изменений в уставы регионов и конституции республик. Интеграционный признак проявился в усилении действий, направленных на создание единого политико-правового, социально-экономического пространства.

Было сформировано семь федеральных округов, что очень похоже на «административное укрупнение» субъектов РФ. Это повлекло усиление властного потенциала федерального уровня, минимизации конфедеративных тенденций и ослабление сепаратистского потенциала. В федеральных округах созданы органы прокуратуры, юстиции и др. Наличие округов учитывается в ходе стратегического планирования и прогнозирования. Осуществлено реформирование института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, в задачи которых входят контрольно-политические полномочия по реализации указов Президента РФ и действующего федерального законодательства³¹. Институт полномочных представителей также укрепил влияние федерального Центра в субъектах РФ. Новая административная вертикаль (территориальная инфраструктура) дополняется функционированием в регионах порядка 30—50 управленческих структур (силовых, хозяйственных, финансовых)

федерального уровня и почти все они могут влиять на региональные процессы³². Реализация интеграционного признака повлекла углубление соподчиненности имеющихся уровней власти федеральному уровню власти вследствие преобладания субординационных начал в государственном управлении.

Федеральный Центр сформировал новую классификацию совместных полномочий уровней государственной власти: полномочия субъекта РФ, осуществляемые за счет средств собственного бюджета и полномочия, осуществляемые за счет субвенций из федерального бюджета³³. Прежний вариант модели совместных полномочий уровней государственной власти давал возможность федеральному Центру по предметам совместного ведения определять только общие принципы правового регулирования. Таким образом, на политические институты оказывается «сильное влияние правовых норм»³⁴.

Легальная властная компетенция законодательных институтов федерального уровня поправками в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных), исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» закрепила в ст. 26.1 ч. 2 положение, согласно которому полномочия регионов по предметам совместного ведения определяются Конституцией РФ, федеральными законами, договорами о разграничении полномочий и соглашениями, а также законами субъектов РФ. После принятия поправок в законы федеральный Центр подписал только один Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти Республики Татарстан³⁵. Нормативно-обязательное закрепление федеральной властью сфер и пределов полномочий субъектов РФ без дополнительных договоренностей можно оценивать как властно-императивное моделирование отношений между федеральным Центром и субъектами РФ. Сказанное можно оценить как инициирование Центром интеграционного признака, связанного со стремлением Центра к фактической реализации большинства совместных с региональным уровнем полномочий.

Институт федерализма останется неизменным в Конституции РФ, но вновь проявят себя интеграционные признаки,

приобретшие черты современного уровня политико-правовой и социальной практики. Третий период в развитии российского федерализма, начавшийся в 2000 г. и длящийся сегодня — централизованный.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить, что формализованное закрепление института федерализма имеется в каждом периоде эволюции российского федерализма. Конституции зарубежных государств также закрепляют институт федерализма: Глава II Конституции ФРГ закрепляет федеративную организацию власти, ст. 10—17 Конституции Австрии касаются распределения полномочий федерального и земельного уровней, наличие федеральных органов, образуемых «народом каждого из штатов» утверждено ст. 1 раздела 2.1. Конституции США³⁶.

Уточнение границ этапов эволюции следует осуществлять в ходе исследования ни одного свойства федерализма, а путем изучения его функционирования, когда проявляют себя организационные, функциональные, дезинтеграционные, интеграционные признаки федерализма. Равновесное состояние федерализма, позволяющее развиваться федерализму без «революционных» взрывов, создают организационные и функциональные признаки федерализма. В России не было ни одного этапа федерализма, когда посредством государственного управления было бы сформировано его равновесное состояние. Российский федерализм развивался под влиянием либо дезинтеграционных, либо интеграционных признаков.

Наш подход к периодизации эволюции российского федерализма базируется на анализе наличия структурных элементов института федерализма в основных законах и функционирования на этой основе признаков федерализма как определенной унифицированной основы. При этом он не исключает иных оснований для периодизации. Предложенный подход дает возможность увидеть изъяны и успехи институционального строительства федерализма в изучаемый период конкретного федеративного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Wouter P.* Der belgische Federalismus. Leipziger Universitätsverlag GmbH. Leipzig. 2002. P. 11—27; *Decoster S.* Wie erfahren die Bewohner der deutschsprachigen Gemeinschaft ihre Identität und das politische Autono-

miebestreben? // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.thesis.net/autonomiebestreben/autonomie.htm>].

² См.: Regionale und lokale Kompetenzen in Europa//Europäische Union, Ausschuss der Regionen. Luxemburg: Amt für Amtl. Veröffentlich. d. Europ. Gemeinschaften, 2002. P. 21—32; *Brückner Ch., Austermann K.* Regionalisierung und Raumplanung in Belgien // DISP. 1999. №. 136—137. S. 70—75; *Berge F., Grasse A.* Föderalismus in Belgien: vom Bundesstaat zum Staatenbund? Aus Politik und Zeitgeschichte // KAS-Auslandsinfo. 2004. № 6. S. 67—103.

³ См.: *Scharp F. W.* Recht und Politik in der Reform des deutschen Föderalismus. Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung / MPIfG Working Paper. 2005. №. 6. S. 71—93; *Lehmbruch G.* Bundesstaatsreform als Sozialtechnologie? Pfadabhängigkeit und Veränderungsspielräume im deutschen Föderalismus / Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung Tübingen (Hrsg.). Bd. 2. 2000. S. 71—93.

⁴ См.: *Boyd E.* American Federalism, 1776 to 1997 г.: Significant Event // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://usinfo.state.gov/usa/infousa/politics/states/federal.htm>]; *Bolleyer N.* Federal Dynamics in Canada, Switzerland and the US — How Sub-States' Internal Organization Affects Intergovernmental Cooperation // European Union Studies Association (EUSA) Texas. 2005. № 9. P. 28; *Schechter S. L.* To Make a Nation: The Rediscovery of American Federalism by Samuel H. Beer // Journal Oxford University Press. 1993. №. 2, P. 121—123; *Atkinson R. G.* Federalism in a Post-Modern World // Bond Law Review. № 16. 2004. P. 2—26; *Teaford J. C.* The rise of the states: Evolution of American state government. // Political Science Quarterly. 2003. P. 543—545.

⁵ *Ruggeri J.* Canadian Federalism at the Cross-Roads // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.unb.ca/econ/psc/publications/canadian%20federalism_full%20text.htm]; *Jan E., Gagnon, Alain-G.* Constitutional ambiguity and federal trust: codification of federalism in Canada, Spain and Belgium // Regional and Federal Studies, 2000. № 1. P. 92—111; *Davie M.* Asymmetry in Canada, past and present Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.queensu.ca/iigr/working/archive/Asymmetric/papers/1.pdf>].

⁶ *Laforest G.* The historical and legal of asymmetrical federalism in Canada // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.queensu.ca/iigr/working/archive/Asymmetric/papers/8.pdf>].

⁷ *Caron J. F.* A living tree. The legacy of 1982 in Canada's political evolution // Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.uregina.ca/sipp/conference_2007/english/abstracts/Jean_Caron2.pdf].

⁸ См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России: В 3 т. М., 1992. Т. 2. С. 41.

⁹ См.: *Воронина Ю. А.* Эволюция российского федерализма: социологический аспект: Автореф. ... канд. социол. наук. СПб., 2004. С. 19.

¹⁰ См.: *Лапина Н. Ю.* «Центр — регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // Политэкс. 2006. № 2. С. 62.

¹¹ См.: *Галкин А. А., Федосов П. А., Валентей С. Д., Соловей В. Д.* Эволюция российского федерализма // Полис. 2002. № 3. С. 96—128; *Кравец И. А.* Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2005. С. 108.

¹² См.: *Ланкин В. В., Пантин В. И.* Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Полис. 1999. № 6. С. 15.

¹³ См.: *Пляйс Я.* Политическая модернизация в России: реформирование России в 90-е годы XX века // Обозреватель—Observer. 2002. № 2. С. 30—33.

¹⁴ См.: *Лексин В., Швецов А.* Бюджетный федерализм в период кризиса и реформ // Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 18.

¹⁵ См.: *Зубов А. В.* Унитаризм или федерализм // Полис. 2000. № 5. С. 54.

¹⁶ См.: История Советской Конституции в документах. М., 1957. С. 102—113.

¹⁷ Там же. С. 190—203; 268—279.

¹⁸ См.: *Добрынин Н. М.* Федерализм: историко-методологические аспекты. Новосибирск, 2005. С. 123; *Байкова Т.* О некоторых особенностях российского федерализма // Право и жизнь. 1999 № 24 С. 23; *Абдулатипов Р.* О концепции федеративных отношений // Обозреватель. 2001. № 12. С. 2—5; *Большаков А. Г.* Дискурс федерализма в современной российской политике // Проблемы политической науки / Ред. М. Х. Фарукшин. Казань, 2005. С. 89.

¹⁹ *Авакьян С. А.* Конституция России: Природы, эволюция, современность. М., 2000. С. 95.

²⁰ См.: *Young J. F.* The republic of Sakha and republic building the neverendum of federalization in Russia. Routledge. 2000. P. 189.

²¹ Там же.

²² См.: *Арунин А. Н.* Российская государственность и проблемы федерализма // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1997. № 105. С. 16.

²³ См.: *Он же.* Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 61; *Сабуров Е., Типенко Н., Чернявский А.* Бюджетный федерализм и межбюджетные отношения // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 56—71.

²⁴ См.: *Сакава Р.* Республиканизация России: суверенитет, федерализм и демократическое устройство. Этажи демократии // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 4. С. 3; *Он же.* Российский регионализм, выработка политического курса и государственное развитие // Там же. С. 3—54; *Шшишкин С. И.* Государственно-правовые проблемы регионализации в РФ. Иркутск, 1996. С. 120; *Левакин И. В.* О современной российской юридической регионологии // Государство и право. 1997. № 10. С. 38.

²⁵ Конституция Уральской Республики // Екатеринбургские Ведомости. 1993. С. 6.

²⁶ Федеральные законы от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных), исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Система «Гарант».

²⁷ Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 2005. С. 218.

²⁸ Игудин А. Г. Некоторые проблемы межбюджетных отношений // Финансы. 2003. № 5. С. 8.

²⁹ Федеральный закон от 29 июля 2000 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Система «Гарант».

³⁰ Аригин А. Н. Российская государственность... С. 17.

³¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Рос. газ. 2000. 16 мая. С. 2.

³² См.: Нечаев В. Д. Децентрализация, демократизация и эффективность // Полис. 2005. № 3. С. 92; Долгов В. М. Политические механизмы взаимодействия центра и регионов Российской федерации // Полис. 2004. № 6. С. 116.

³³ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных), исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Система «Гарант».

³⁴ Матвеев Р. Политические процессы в правовом поле // Власть. 2003. № 7. С. 27.

³⁵ Федеральный закон РФ от 24 июля 2007 г. № 199-ФЗ «Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» // Рос. газ. 2007. 31 июля.

³⁶ См.: Конституция ФРГ, Конституция Австрии, Конституция США // Конституции зарубежных государств / Сост. В. В. Маклаков. Волтерс Клувер, 2006.

Поступила 08.08.08.

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«100 ЛЕТ КНИГЕ В. И. ЛЕНИНА
„МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ”»

В. А. Писачкин,
заведующий кафедрой методологии науки и прикладной социологии
Мордовского государственного университета, д. с. н., профессор

Связь состояний, пространства и времени науки

В 2009 г. исполняется 100 лет выходу в свет работы «Материализм и эмпириокритицизм». Ее автором является В. И. Ульянов-Ленин, о котором говорили раньше и продолжают говорить сегодня. Он родился в 1870 г. в г. Симбирске (сегодня Ульяновск, названный в советское время в его честь). Однако не ностальгия по тому времени собрала нас вместе, а желание в некоторой ритмике и циклическости событий поговорить о многих проблемах развития современной науки и культуры с учетом того опыта и тех ценностей, которые составляют каркас достижений и потерь.

Приглашенные на эту встречу люди, известные не только в местном, межрегиональном, но и в более значительном масштабе, представляют собой определенный «срез» научной общественности, символизирующий связь поколений. Главный урок, который мы извлекаем из событий и практики истекшего века связан с пониманием необходимости профессионального владения коммуникацией особого рода. Это коммуникация комплиментарности. В позиции комплиментарности достигается взаимодействие, базирующееся на различиях партнеров, дополняющих друг друга.

В январе 1979 г. в г. Саранске также состоялась конференция по поводу 70-летия этой работы. Одним из инициаторов встречи был В. И. Кемкин, ему принадлежит авторство в определении философского и научного статуса категории «состояние». Но «пионером» в разработке философской категории «состояние» на мордовской земле был В. И. Демидов. Продолжателями этой традиции стали Б. Ф. Кевбрин, Ф. А. Айзатов, ныне доктора философских наук. Хочу отметить, пользуясь терминологией В. И. Кемкина, важность фиксации «связи состояний» для науки, культуры, социального и духовного развития, которая необходима не только с точки зрения предотвращения неожиданных сюрпризов и угроз, с позиции

здорового смысла, но и в контексте социального благополучия и комфорта, если уместно такое суждение вообще.

Философское кредо В. И. Кемкина, во-первых, — системный подход в научном познании, во-вторых, — диалектика развития как процесс в различных системах (неорганической, органической и социальной организации), а также синергетика. Сфера научных и методологических изысканий — структуризация процесса развития и изменения систем посредством введения в методологический обиход категории «состояние» в качестве ее инвариантов «переходных состояний» и выявлении тенденций развития посредством «связи состояний».

Особый интерес и успех в научном поиске связан с попыткой дешифровки процесса «устойчивого развития». К сожалению, это научный поиск, не завершенный В. И. Кемкиным, но давший «школу» его ученикам и последователям.

Методологические идеи В. И. Кемкина во многом заимствованы из работ В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради» и др. Эти идеи во многом полезны и для современного этапа развития социальных наук, для которых исключительно актуальным становится создание базовых теорий. В познании общественных явлений огромное значение имеет выяснение внутренних и внешних связей, взаимодействий исследуемой социальной системы, условий ее функционирования и развития. Наиболее полный охват этих связей, учет своеобразия конкретных условий — важнейшее требование методологии социального познания.

Очевидно, следует разобраться, надо ли делать попытки современного прочтения работы «Материализм и эмпириокритицизм», кроме как в историческом контексте? Уместно ли акцентировать внимание на идеологических и полемических доминантах работы при полном игнорировании определенных эпистемологических и методологических приращений в истории и философии науки, достигнутых в этой работе.

Информационный повод и интеллектуальная честность будут совместимы, если мы будем отвечать на эти вопросы, дополняя и уточняя друг друга. Позвольте выразить слова признательности А. И. Сухареву, главному редактору журнала «Регионология», любезно согласившегося принять участие в работе круглого стола и разместить материалы этой встречи на страницах своего издания.

В. А. Бажанов,
заведующий кафедрой философии
Ульяновского государственного университета, д. ф. н., профессор

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания в XX в.

Столетие со дня выхода книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» предоставляет хороший повод попытаться осмыслить ее значение для философии XX в. Если в советское время эта книга считалась шедевром философской мысли, краеугольным камнем философского наследия В. И. Ленина, то после распада СССР эта книга, как и большая часть марксизма-ленинизма, была благополучно забыта. Лишь в период перестройки предпринимались достаточно непоследовательные попытки его критического анализа. Затем все, что относилось к марксизму и его наследию, было вытолкнуто на далекую периферию исследовательского сознания не только в России, но и на просторах СНГ. Между тем западные ученые продолжали анализировать марксистское теоретическое наследие, включая и труды В. И. Ульянова-Ленина.

Можно смело утверждать, что в силу ряда социально-политических условий и ее содержательных моментов эта книга — одна из наиболее влиятельных, увидевших свет в XX в. Влиятельных прежде всего потому, что она была известна, изучалась, читалась и перечитывалась десятками миллионов людей и воспринималась как выдающееся философское произведение, а стало быть, настраивала на вдумчивое отношение к философии, прививало уважение общества к философской и гуманитарной мысли в целом, а также уважение, которое, к сожалению, во многом было утеряно в последнее десятилетие. Это явная деградация интеллектуального потенциала общества, когда его «героями» становятся певички и шоумены, а не мыслители и инженеры.

Понятно, что знакомство с первоисточниками марксизма-ленинизма пытливым ум не могло удовлетворить полностью в том смысле, что философия этими источниками не ограничивается, и надо изучать не только предшественников К. Маркса и В. И. Ленина, но и более поздних мыслителей.

В итоге рефлексия над богатством философских и социально-политических идей и осознание убогости экономических реалий «развитого» социализма (теория предписывала одно, а практика свидетельствовала о противоположном) привели к крушению коммунистического эксперимента, которое сопровождалось тектоническими сдвигами на необъятных просторах Евразии, в процессе которых перестал существовать и СССР, основателем которого являлся В. И. Ленин.

Это не означает, что его концептуальное наследие может быть предано забвению. Напротив, идея *path dependence* (зависимость от предшествующего пути), столь популярная в современной политологии и экономической теории, а также давно известная в диалектической философии как идея преемственности в развитии, предполагает аналитику марксистско-ленинского наследия, которое в неявном виде присутствует в теоретических конструкциях сегодняшнего дня. Одним из таких базисных элементов является книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

В этой связи возникает ряд вопросов. Каковы причины и основания влияния на философию XX в. и теорию познания книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»? В чем оно конкретно состояло? Определялось ли это влияние политическими мотивами и/или содержательными соображениями и какими? Какие направления философско-методологической мысли испытали наибольшее влияние книги? Что можно считать устаревшим в ней и что сохраняет свою актуальность? Можно ли по-прежнему, как и в советское время, отождествлять теорию познания и теорию отражения? Что из себя представляют неотражательные операции познавательного процесса, о которых принято рассуждать в сфере истолкования познания сейчас? Противоречат ли друг другу традиционное и нетрадиционное истолкование отношения субъекта и объекта? Какова природа активности субъекта познания и нашла ли она адекватное отражение в книге В. И. Ленина? Какие гносеологические идеи книги работали в философии и гносеологии XX в.? Удалось ли автору книги предложить эффективную методологию анализа естествознания, которая использовалась в прошлом столетии и, если да, то каким образом и в каких областях естественных наук? В чем были особенности ее применения в области социально-гуманитарного знания? В чем недостатки такого рода методологии с позиций сегодняшнего дня?

Понятно, что мы можем коснуться лишь небольшой части указанных вопросов.

Смысл книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нельзя понять, если не учитывать, во-первых, философскую фундированность марксизма, заложенную его создателями и связанную с проблемами отчуждения человека, истолкованием развития общества как естественно-исторического процесса, представлениями о предыстории и собственно истории человечества, проблемами и представлениями, которые имели непосредственные политико-экономические аспекты и следствия. Во-вторых, конкретные условия написания книги (период поражения Первой русской революции) и очевидные политические цели ее автора. Четко следуя традиции марксизма, В. И. Ленин не мог игнорировать «модернизацию» и, стало быть, неизбежные искажения философских оснований (ортодоксального) марксизма, вытекавшие из платформы эмпириокритицизма, развиваемого видными социал-демократами и захватывавшего в России все более широкие слои людей, размышляющих о будущем пути развития страны. В. И. Ленин в книге стремился восстановить аутентичное прочтение марксизма, что означало беспрекословное признание необходимости революционного слома государственной машины, а не ревизионистский по своей сути процесс эволюционных преобразований, который отстаивался сторонниками западноевропейской социал-демократии и их российскими последователями. Единственное смещение относительно «автохтонной» позиции классиков марксизма, которое допускал Ленин, состояло в перенесении акцента с материализма на диалектику. Становление и развитие эмпириокритицизма было тесно связано с кризисом и последующей революцией в естествознании (прежде всего в физике) и поэтому проблемы диалектики познания получали политическое звучание. Понятно почему архитектоника «Материализма и эмпириокритицизма» включает активную (а порой просто яростную) политическую полемику, перемежаемую философскими отступлениями (главным образом, из области теории познания), которые на самом деле носят подчиненный характер по отношению к политическим в конечном счете целям данной работы. Именно по этой причине Ленин усиленно цитирует разных авторов, предпочитая скорее не аналитический, а дескриптивный стиль изложения (восстановление истинного положения дел в марксизме). Он

использует ненормативную для философского произведения лексику типа «кривляка» (по отношению к Авенариусу), «урядник» (по отношению к Г. Корнелиусу) или «философские Меньшиковы», (по отношению к имманентам). Ленин писал не философский, а политический текст.

Левые идеи будоражили умы многих известных мыслителей в молодости, позже основательно поменявших свои политические воззрения. Одним из таких мыслителей был К. Поппер, считавшийся родоначальником постпозитивизма. Он явился непримиримым и энергичным критиком марксизма. Достаточно вспомнить его «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма». Однако мало кто знает, что в 1919 г. семнадцатилетний Поппер вместе с венгерским коллегой, хорошо знавшим русский язык, переводил «Материализм и эмпириокритицизм» на немецкий язык. Поппер и другие постпозитивисты (особенно И. Лакатос и П. Фейерабенд) считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма благодаря его интерпретации в «Материализме и эмпириокритицизме» идей П. Дюгема, к которому вождь мирового пролетариата явно благоволил в силу взглядов последнего на развитие физических теорий с точки зрения познания истины, хотя и порицал за идейные «шатания». Гегель, и особенно В. И. Ленин, являются концептуальными источниками современного фаллибилизма, предложенного и развитого К. Поппером в весьма жесткой форме. И. Лакатос, ученик Поппера и выдающийся философ науки, развивал фаллибилизм близком к духу ленинской трактовки соотношения объективной, абсолютной и относительной истины. Точка зрения фаллибилизма (в виде идей приближения к истине) у Лакатоса неявно присутствует в его работах.

Еще в своих ранних работах (венгерского периода творчества) И. Лакатос рассуждает, упоминая иногда Ленина, о возможности бесконечного приближения разума к объективной реальности, ее неисчерпаемости, о достижениях физики, связанных с признанием принципа историцизма, о его ассимиляции в естественных науках и т. п.

Более того, есть все основания утверждать, что ключевое понятие методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса — понятие «жесткого ядра» заимствовано из работы В. И. Ленина «Что делать?», в которой пишется о сплоченном ядре (революционеров-профессионалов и самой партийной организации). На Западе Ленина считают одним

из наиболее влиятельных мыслителей XX в., потому что его идеи впитывались громадными массами людей, а многие люди в условиях тоталитарных режимов XX в. знакомились с классической философией не по первоисточникам, а по трудам В. И. Ленина. И. Лакатос тщательно скрывал источники своих воззрений, но, вероятно, диалектический метод осваивал не по оригинальным гегелевским произведениям, а по трудам В. И. Ленина. Диалектическая по своей сущности методология И. Лакатоса в области философии математики (и философии науки в целом) включает марксистскую методологию (диалектическую по своему духу) в качестве базисного элемента. В какой-то степени аналогичная характеристика будет справедлива и по отношению к П. Фейерабенду, поскольку он испытал глубокое влияние со стороны Б. Брехта (комбинация элементов анархии и неуважения к «респектабельности»), а австрийского марксиста В. Холличера вообще открыто называл своим учителем.

Таким образом, марксизм оказал влияние на позитивизм и особенно ощутимым оно было в случае К. Поппера и И. Лакатоса. Диалектические основания творчества последнего позволяют назвать его своего рода «троянским конем» по отношению не только к позитивизму в целом, но и всей англо-американской философии, если особенно учесть его заслуги в распространении на Западе исторического метода в области философии и методологии науки. Если Поппер начисто отвергал принцип историцизма (один из центральных принципов диалектики), то его ученик Лакатос возражал таким образом, что «нищета историцизма» (в терминологии Поппера) лучше, чем полное отсутствие оно.

В наши дни марксистские идеи (в том числе в интерпретации В. И. Ленина) продолжают привлекать немарксистов (не говоря о марксистах, которые не столь редки на Западе). Это объяснимо и понятно: если политическая составляющая марксизма-ленинизма уступила в состязании с либеральной идеей, то философская, восходя к великим предшественникам, развивавших диалектический дискурс, не потеряла своего значения как один из возможных способов рассуждения и анализа, а значит, мысленного расчленения и упорядочения мира, открытого для обогащения, переосмысления и нового концептуального синтеза с различными течениями современной мысли.

В. В. Ильин,
профессор кафедры философии
Института повышения квалификации
Московского государственного университета, д. ф. н.

Философская рефлексия В. И. Ленина

Великие заблуждались глубже. Мы — карлики на плечах гигантов и многое знаем лучше. Мы располагаем отстоявшимся в мысли утверждением, которое, по Гегелю, познается позже как в жизни, так и в науке; опровергать легче, чем давать оправдание. Отсюда наши размышления «по поводу» будут вынуждены принимать в расчет влияние позднейших духовных и культурных движений, расставивших соответственные акценты.

Бывшее модным становится скучным. Скучно ввиду директивности с просматриваемой периодичностью озадачиваться ритуальным. В недавнее (советское) время «Материализм и эмпириокритицизм» едва не делался грамматическим тренажером, на коем обрабатывалась «чистота рядов», ковалось сознание верноподданчества.

Между тем задача философии — отнюдь не политическое разоблачительство. Философия — синоним великого «теоретического героизма», нацеливающего на высокое, глубокое. Философское дело — духоподземное, поглощенное заботой об «урожае и жатве», а не о том, чтобы сосед на каком-то поле сеял и жал «как требуется».

Способ заявления философских идей исключает «публицистичность». Философские проблемы все-таки решаются, а не устраняются (тем более политически). Оптовая идейная социология в философии не проходит. Философия — товар штучный, вырабатываемый при участии натур деликатных, склонных к терпимости, обязывающей постигать позиции контрагентов. Философская полемика не связана с выкапыванием многозначительной пропасти между адептами каких-то взглядов, пропасти, которая может стать предпосылкой гражданских репрессий.

Источником роковой ошибки является выстраивание парадигматического ряда, позволяющего проводить идеологизацию и партизацию философии. Существовать — значит самоопределяться через отличия, а не консулизоваться в

суррогатной непримиримой среде. Нет пользы от философии, если она не изгоняет болезни души, т. е. лечит, а не калечит аргументами (в перспективе акциями), сдобренными зубодробительством. Сказанное в полной мере затрагивает характер динамики философии. Не партийная дисциплина, а поисковая свобода — залог исполнения философией исторической, промыслительной миссии.

В конце концов, как снимать изъяснения о неведомом, несказанном, трансцендентном? Вещь известна настолько, насколько освоена. Именно это и акцентировал впоследствии второй позитивизм, ратуя за операционализм в методологии. Естественно, о проблемах и вариантах их решения спорить должно, при этом, однако, не выставляя оппонентов членами «дурных сообществ», развращающих «добрые нравы».

Э. З. Феизов,
заведующий кафедрой философии и методологии науки
Чувашского государственного университета, д. ф. н., профессор

Психика и физика

Анализ содержания «материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленина обуславливает вопрос «Как может быть обеспечен материалистический монизм, когда предметом обсуждения является реальность, вынесенная философами за рамки материального мира?». Сознание входит в материальный мир вместе с мозгом как способ репрезентации окружающей среды на «экранах» мозга. В сущности есть только нейроотражение, скрывающееся за «дымовой завесой» самонаблюдения.

Парадоксальность связи идеального с материальным мозгом, фиксируемая на уровне видимости и кажимости, вероятно, объясняется отсутствием в наших знаниях тех недостающих звеньев, которые элиминированы в интроспекции. Ими являются такие особенности нейроотражения, как упорядоченность, композиция, структура.

Очевидно, что материальный орган сознания — это «серое вещество». Однако как часть вселенной «серое вещество» должно быть средоточием всех форм физических взаимодействий. Что касается гравитационных и электромагнитных взаимодействий, то их присутствие в функциях мозга не

вызывает сомнения. Разумеется, что мозг и сознание — не одно и то же. В этой связи было бы большой ошибкой сводить сознание ко всему физическому, из чего состоит мозг. В то же время, как бы мы ни расчленили мозг и сознание, относя их к разным несовместимым реальностям, всеобщая взаимосвязь, гармония вселенной внушают нам идею размытости границ между ними.

Фундаментальным свойством сознания является отраженная упорядоченность, «замкнутая» в пространстве мозга. Какими бы надежными средствами ни был защищен мозг от внешних несенсорных помех, он так или иначе находится внутри системы энерго-информационного обмена с космосом. Мозг питается главным образом информацией, т. е. упорядоченностью, поступающей из внешнего мира по самым разным каналам связи.

Психический мир, данный субъекту в его самонаблюдении можно представить как макроскопическую проекцию микромира квантовых процессов. Старая идея о внепространственности сознания (психики) основана на недоразумениях методологического порядка. Для внутреннего наблюдателя «пространство» сознания является неевклидовым. Такое поле сознания напоминает эйнштейновское (риманово) пространство. Гравитационное поле универсально. Не исключается его особое присутствие в сфере сознания. Имеется большое сходство между невещественностью сознания и невещественностью гравитационного поля. Искривленное пространство-время не может быть адекватно представлено в интроспекции. Пространственно-временное поведение поля тяготения вокруг некоторой массы производит впечатление, аналогичное тому, что происходит в сфере сознания. Наши мысли «привязаны» к структуре мозга. Но эта связь является довольно странной. Мысли ведут себя так, как если бы они не имели какой-либо зависимости от структуры своего материального субстрата. Так же как и гравитационные волны, мысли представляют собой «рябь», движущуюся над поверхностью воды. В мозгу движутся и интерферируются друг с другом структуры, построенные из самих же «волн». Пространственно-временные паттерны биоэлектрических колебаний представляют собой лишь макроскопические проявления поведения мозга. Суперпозиция впечатлений, тоннельные эффекты в творческом мышлении — обычные явления в субъективном мире человека.

Старые механистические представления о мире, основанные на строгом рационализме, справедливо подвергаются нападку со стороны тех достижений физики, которые кажутся странными и лишенными смысла. Они вводят нас в таинственный «потусторонний» мир, мир парадоксов. Настанет время, когда глубинные особенности человеческой психики будут экстраполированы на понимание сути физической Вселенной и ее эволюции.

А. А. Гагаев,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Рузаевского института машиностроения, д. ф. н., профессор

Аналогия критики эмпириокритицизма В. И. Лениным и постмодернизма А. Сокалом и Ж. Брикмоном

Философию В. И. Ленина изображают как лжефилософию, пустоту и т. п. Но кто изображает? Прежде всего, постмодернисты — действительно псевдофилософы, отождествляющие электроны и фотоны, полагающие, что число 7 Евклида и сила притяжения G Ньютона изменяются в зависимости от нашей субъективности и истории, а пространство войны есть неевклидово пространство, что возраст человека — это фрактал, что из теоремы К. Геделя вытекает необходимость управления этнокультурным обществом из внешних западно-европейских основ и т. п. Но философия В. И. Ленина — классический философский реализм, вытекающий из философий Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Дж. Локка, Т. Гоббса, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница, Г. Ф. В. Гегеля, И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Б. Паскаля, т. е. из классической традиции философии и присущей ей теории классической абсолютной и относительной истины.

Философский реализм В. И. Ленина основан на аксиомах: реальности, независимой от сознания; классической теории абсолютной и относительной истины Платона и Аристотеля и форм ее модификаций; оптимизации аподиктической и вероятностной формы истины; объективной законосообразности природы и общества, Вселенной; исследования природы в целом и по частям; исследования природы логически и математико-физически; способности языка адекватно и по истине отражать и моделировать мир; универсальности,

всеобщности, необходимости, общезначимости и культурно-типичности, антиномичности, лично-значимости, системности и уникальности суждений; конструировании истины в морали; истины в эстетике и искусстве; истины в религии (учение Христа, но не учение РПЦ, католичества и протестантизма); идеи перфекции этносов; истины в этнокультурной модели воспитания и образования.

Именно эти идеи утверждают А. Сокал и Ж. Брикмон, осуществляя критику так называемой «освободительной философии науки» Ж. Лакана, Ю. Кристевой, Т. Куна, К. Поппера, П. Фейерабенда, И. Лакатоса, Ф. Куина, У. Куайна, Л. Иригарей, Б. Латура, Ж. Бодрийяра, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, П. Вирилио за их псевдонаучность, солипсизм, безбрежный субъективизм и релятивизм познания.

В. И. Ленин писал, что «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики. Конечно, при этом не надо забывать, что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько „неопределенен“, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют“, и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма. Если то, что подтверждает наша практика, есть единственная, последняя, объективная истина, — то отсюда вытекает признание единственного к этой истине пути науки, стоящей на материалистической точке зрения».

Как в начале XX в., так и сейчас, на рубеже XXI в., разворачивается кризис философии, математики, естественных, технических наук и гуманитарных наук, искусства, религии, социальности, этносов и рас.

«Но в том-то и беда Дюгема, Сталло, Маха, Пуанкаре, что двери, открытой диалектическим материализмом, они не видят. Не умея дать правильной формулировки релятивизма, они катятся от него к идеализму. «Закон физики, собственно говоря, не истинен и не ложен, а приближителен», — пишет Дюгем. В этом и есть уже начало фальши, начало стирания грани между теорией науки, приблизительно отражающей объект, т. е. приближающейся к объективной истине, и

теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры.

В сущности, что такое работа А. Сокала и Ж. Брикмона? Это новое издание работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», но на новом материале. Суть работы та же — критика гносеологического релятивизма, радикального скептицизма, абсолютизации математической физики, светского мистицизма, разрыва эмпирической и теоретической составляющей научного метода, обоснование философского реализма, научного реализма, общих и особенных методологий познания в математике, философии, естественных науках, технико-технологическом знании, искусстве, религии, обоснование прав свободного разума на критику деятельности, прежде всего критику собственности, власти, церкви и веры, обоснование тезиса недопустимости отказа от критики реальности. У В. И. Ленина представлено глубже обоснование классической теории истины применительно к научным регионам. Сущность современного кризиса науки (математики, естествознания, технического и гуманитарного знания, педагогики) составляет деградация теории истины и отказ от нее, заменяемой различными инструментальными концепциями истины: интерпретацией, конвенционализмом, прагматизмом, консенсуализмом, редукционизмом. Это ведет к деградации науки и росту заблуждения человечества.

Н. С. Савкин,

заведующий кафедрой философии

для естественно-научных и инженерных специальностей

Мордовского государственного университета, д. ф. н., профессор

Критика эмпириокритицизма

По базовому образованию В. И. Ленин не был философом, не был он и физиком. Он был юристом. Тем не менее, когда в начале XX в. в связи с новейшими открытиями в физике разразился кризис (вначале в самой физике, затем в философии), ему удалось за короткий срок разобраться с происходящими там процессами, в том числе с новейшей философией, возникшей в Австрии и распространившейся в России — эмпириокритицизмом, претендовавшим на преодоление крайностей в философии — материализма и идеализма. Название новое, оригинальное, но оригинально ли

содержание? В. И. Ленин обращается к Г. В. Плеханову, как самому опытному и подготовленному философу-марксисту с просьбой проанализировать новейшее течение в философии, сделать выводы, защитить материализм от нападок со стороны эмпириокритиков. К сожалению, Г. В. Плеханов не смог этого сделать из-за болезни. Тогда В. И. Ленин сам взялся изучить более детально и внимательно работы Э. Маха, Р. Авенариуса и др. и написать книгу, где достаточно убедительно и аргументированно показал, что в новейшей философии (эмпириокритицизме) много сходного с концепцией субъективного идеализма Дж. Беркли, что в ней не так уж много нового и оригинального.

Работа написана довольно в резких, полемических тонах, ибо перед нами «не спокойная» монография, а результат острого несогласия автора с концепцией эмпириокритицизма. В. В. Ильин охарактеризовал это как «зубодробительный пафос Ильича без процедур доказательства научности». На наш взгляд, работа, посвященная теории познания, достаточно полно выражает и позицию автора, и доказательность, научную обоснованность высказываемых им идей.

Есть мнение, что работа В. И. Лениным написана с партийных позиций. Здесь следует вспомнить К. Р. Поппера, утверждавшего, что объективная истина в процессе познания вообще невозможна не только в гуманитарных и социальных науках, но и естественных, так как познающий субъект (ученый) всегда партиен, ибо у него как у личности есть позиция, интересы, ценностные ориентации, которые накладывают отпечаток на оценку истинности знаний.

Что касается спора о научности философии как формы знания, который вновь возник в процессе дискуссии, то следует напомнить точку зрения, которую высказывают многие философы, в частности, К. Х. Момджян (и я придерживаюсь этой позиции), что существуют два разных способа философского мышления, по сути, две разные философии, или парадигмы — валютивная и рефлексивная, одна из которых не претендует называться наукой и не является таковой, вторая же научна.

Первая — валютивная (от итал. *valuta* — цена, стоимость) имеет своим предметом не мир сам по себе как объект, а отношение человека к миру, взаимосвязь объекта и субъекта, представляет собой систему ценностных суждений о смысле жизни, о том, что есть добро, зло, благо, счастье,

должен ли человек наслаждаться жизнью или, наоборот, страдать и одиночеством, аскетизмом достичь свободы духа и бессмертия и др. Ее содержание составляет не совокупность истин, законов, а система ценностных суждений, которые трудно опровергаемы и столь же трудно доказуемы. Они не подлежат экспериментальному контролю. Это философия не претендует на объективную истину, поэтому не претендует и называться наукой. Ее часто называют «философствованием». Поначалу в таком виде философия и существовала (Аристипп, Эпикур, Диоген, Сенека, позднее С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Вс. Соловьев, Н. А. Бердяев и др.).

Вторая — рефлексивная. Она ориентирована на постижение сути бытия, раскрытие и объяснение устройства мира, всеобщих законов его функционирования, универсальных связей в природе, обществе, мышлении. Она изучает мир как объект и человека как объект, т. е. его природу, сущность, место в этом мире, и отвечает на вопросы «Что такое мир?», «Является ли он порождением трансцендентного духа или несотворимой, неуничтожимой, вечно развивающейся материей?», «Имеет ли он начало или бесконечен и безграничен во времени и пространстве?», «Что такое истина?», «Может ли человек постичь сущность вещей или мир непознаваем?», «Почему „все течет, все изменяется“?», «Каковы причины, импульсы, источники этих вечных преобразований?».

Эта парадигма представлена Р. Декартом, Б. Спинозой, Дж. Локком, К. Гельвецием, И. Кантом, К. Марксом, Ф. Энгельсом, английским рационализмом, логическим позитивизмом, постпозитивизмом и др. Эта философия претендует называться наукой и является таковой.

Е. В. Мочалов,
заведующий кафедрой философии для гуманитарных специальностей
Мордовского государственного университета, д. ф. н., профессор

Материализм и эмпириокритицизм: история и современность

Пытаясь оценить значение работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», обратимся к историко-философскому фону той эпохи, к конкретно-историческим условиям ее выхода в свет. Конец XIX — начало XX в. открыли новую эпоху революционных преобразований в

естествознании, связанных с открытием генов как носителей наследственности и сложности атома. Вся научная общественность Европы была во власти так называемого «второго позитивизма» и идей его лидеров Э. Маха (1838—1916) и Р. Авенариуса (1843—1896). Отметим, что это были довольно известные ученые, внесшие большой вклад в разработку проблем теоретической физики, биологии и психологии. Нет сомнений, что В. И. Ленин был знаком с работами теоретиков позитивизма О. Конта, Г. Спенсера. Кроме того, в 1904 г. в России увидела свет книга Э. Маха «Механика: историко-критический очерк ее развития».

Э. Мах и Р. Авенариус полагали, что источником заблуждений и трудностей в науке является ее «нагруженность метафизикой». Чтобы не повторять ошибок, связанных с включением в фундаментальные представления науки различных вымышленных сущностей типа теплорода и флогистона, нужно последовательно очистить от метафизических положений не только теоретическое знание, но и научный опыт. Мах отмечал, что опытные факты часто интерпретируются учеными с позиций неявно привлекаемой метафизики (когда ученый рассматривает данные опыта как проявление тех или иных скрытых сущностей). Это, по мнению Маха, приводит к заблуждениям в науке, мешает ее прогрессу. Критика опыта, нагруженного метафизикой, объявлялась важнейшей задачей «позитивной философии». В соответствии с этой задачей Мах и Авенариус часто именовали свою философию эмпириокритицизмом. Этот термин впоследствии стал применяться для обозначения второго позитивизма.

Анализируя историю науки, Э. Мах, вслед за О. Контом, отмечал, что на ранних этапах наука была тесно связана с метафизикой. Вначале она развивалась в рамках теологической натурфилософии. Затем, начиная с Ньютона, в науке постепенно утверждается механическое воззрение на природу. Мах рассматривал механицизм как одну из разновидностей метафизики. Он резко критиковал механицизм, и эта критика находила отклик в умах некоторых естествоиспытателей конца XIX — начала XX в.

Во всех критических оценках, которые Мах адресовал механицизму, рациональные моменты переплетались с неправомерными допущениями. Его критика представлений механической картины мира об абсолютном пространстве и времени предвосхищала последующие идеи теории отно-

сительности. Даже в маховской критике атомизма имелись рациональные моменты. Они были частично справедливы по отношению к представлениям механической картины мира, в которой постулировалось существование неделимых атомов как «первокирпичиков» материи. Представления о неделимых атомах были идеализациями, и их онтологический статус (отождествление с реальностью), конечно, имел свои границы. Убеждение в реальном, физическом существовании атомов, их движений и взаимодействий Мах сравнивал с верой в шабаш ведьм. Идеи атомистики он допускал только в качестве вспомогательного условного соглашения, позволявшего описывать некоторую область опыта, но не как характеристику физического мира. В этом и состоял подход Э. Маха к проблеме обоснования фундаментальных научных абстракций и принципов.

При попытках решить реальные методологические проблемы науки позитивизм часто сталкивался с дилеммой: либо отказываться от радикального эмпиризма и феноменологизма, либо не замечать логические противоречия в своей концепции. В наибольшей мере это относится к предложенной Э. Махом концепции реальности. Она была продолжением и обоснованием феноменалистских представлений о познании. Согласно Маху, элементы опыта (ощущения) и их функциональные отношения представляют собой единственную реальность, которую можно допустить, если последовательно проводить принцип устранения метафизики. Элементы опыта Мах объявил элементами мира. Эмпириокритицизм объявил себя новой (научной) философией, преодолевающей односторонности как материализма, так и идеализма. Но даже первичный критический анализ этой концепции обнаруживал ее внутреннюю противоречивость. Постулировав, что реальность — это ощущения и их комбинации, Э. Мах воспроизводил идеи философии Дж. Беркли и Д. Юма, т. е. один из вариантов той самой метафизики, которую он стремился исключить из научного познания. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, критикуя махизм, особо подчеркивали это обстоятельство. Трактовка Махом вещей как комплексов ощущений почти текстуально совпадала с основным тезисом субъективного идеализма Дж. Беркли.

Принцип нейтральности элементов мира Мах связывал с функциями ощущений и восприятий, средством биологического приспособления организма к среде. Он отмечал, что в

ощущениях и восприятиях нельзя отделить то, что относится к внешнему, а что к внутреннему миру организма.

Эту же точку зрения отстаивал и развивал Р. Авенариус. Он рассматривал познание как особый аспект жизнедеятельности, органично включенный в нее. Авенариус трактовал жизнь как процесс накопления и расходования энергии. По его мнению, стратегия выживания связана со стремлением организмов минимизировать затраты энергии в процессе адаптации к среде, экономно расходовать свои энергетические запасы. Эту характеристику жизни Авенариус определял как принцип наименьшей траты сил. Поскольку познание выступает аспектом жизни, постольку, согласно Авенариусу, этот принцип распространяется и на познавательные процессы. Здесь он выступает в форме принципа экономии мышления.

Критики эмпириокритицизма, в том числе и В. И. Ленин, справедливо отмечали, что принципиальная координация Р. Авенариуса, как и махистская концепция «элементов мира», вовсе не выводит эмпириокритицизм за рамки полемики материализма и идеализма. Утверждая, что единственной реальностью выступает чувственный опыт (ощущения, восприятия), а все остальное бытие представляет собой производное от ощущений, эмпириокритицизм, хотел он этого или нет, солидаризировался с позицией субъективного идеализма. Эта позиция в свою очередь приводила к противоречиям с достижениями науки. Ленин особо подчеркивал это обстоятельство. Исходя из идей Маха и Авенариуса, нельзя без конфликта с наукой ответить на вопросы «Существовала ли природа до человека?» и «Мыслит ли человек при помощи мозга?». Наука давала однозначный ответ на эти вопросы. Но принципиальная координация постулировала, что природная среда не может существовать вне Я, а тезис о том, что мышление есть функция мозга, также отвергался Авенариусом.

Эмпириокритицизм воспроизводил многое из того, что уже было сказано Беркли и Юмом, и сталкивался с теми же парадоксами солипсизма, которые возникали как следствие трактовки ощущений в качестве первичной реальности. На этом заострял внимание В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Критикуя позитивистскую гносеологию, он противопоставлял ей теорию отражения, интерпретированную в духе созерцательного материализма.

Лишь в более поздних работах Ленин изменяет эту трактовку, подчеркивая деятельностно-практическую природу познания и принципиальную значимость для разработки гносеологии идеи К. Маркса о том, что объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики. Однако в период написания своей книги, посвященной критике эмпириокритицизма, он отстаивал идею познания как копирования, фотографирования, зеркального отражения внешних вещей.

Такой подход был альтернативен позитивистским установкам. В принципе, он был представлен в работах К. Маркса. Был исторически важный сюжет, который мог бы открыть новые перспективы философии науки. Он был связан с работами русских «эмпириокритиков» начала XX в. (А. А. Богданов, В. А. Базаров, П. С. Юшкевич, Н. В. Валентинов и др.). Они выдвинули программу видоизменения эмпириокритицизма путем его соединения с идеями К. Маркса, а именно с требованием рассматривать науку в контексте деятельностного подхода как связанную с развитием практического отношения человека к миру, включенную в социально-историческое развитие общества.

Согласно марксистским установкам, познание и практику необходимо рассматривать как целостную систему исторически развивающейся деятельности людей. Хотя приведенные рассуждения не были четко выражены в работах «русских эмпириокритиков», они неявно содержались в их исследовательской программе, ориентированной на идею К. Маркса об общественно-исторической и практически деятельностной природе человеческого познания. Эта программа ставила целью развить марксистский подход с учетом достижений науки конца XIX — начала XX в. и найти ответ на те методологические проблемы науки, которые обсуждал эмпириокритицизм.

Критикуя так называемых «русских махистов», В. И. Ленин прошел мимо этих эвристических положений их программы. Основные мотивы его критики были инициированы партийно-идеологическими интересами, и он сосредоточил внимание на обвинениях «русских махистов» в ревизионизме и отступлениях от материализма. При этом четко не проводилось различие между созерцательным материализмом и материализмом, ориентированным на деятельностный подход к познанию (последнюю трактовку Ленин излагал и отста-

ивал только в более поздних своих работах). Канонизация ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм» в советское время осложняла разработку методологических проблем науки с позиций деятельностного подхода. Приходилось апеллировать к высказываниям последних работ Ленина и интерпретировать теорию отражения как теорию деятельности, при этом всячески маскируя несовпадение такой интерпретации с многими положениями «Материализма и эмпириокритицизма». Лишь в 60—70-х гг. XX в. у нас появились оригинальные школы философии науки, соединившие разработку уже выявленной в западной литературе проблематики с новыми методами анализа. В этот же период кризис позитивистской программы стимулировал новые подходы в западной философии науки, многообразие которых часто обозначают термином «постпозитивизм».

Ф. А. Айзатов,
профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Саранского кооперативного института, д. ф. н.

Электрон неисчерпаем

Анализируя открытия в физике, В. И. Ленин не только обосновал объективность материального мира, но и высказал идею о неисчерпаемости материи, ее бесконечности вглубь. «Электрон, — указывает он, — так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...». Исходя из того, что любому материальному объекту присуща внутренняя структура, В. И. Ленин отверг представление о существовании какой-то «конечной», абсолютно простой субстанции, к «окончательным» свойствам и проявлениям которой якобы сводится все существующее, и показал, что таковой субстанции в природе нет и быть не может.

Ленинская идея неисчерпаемости материи подтвердилась в ходе развития естествознания XX — начала XXI в., сейчас она является одним из методологических принципов естественнонаучного исследования. Свидетельство плодотворности этой идеи мы находим в современных взглядах на строение материи, сложившихся в физике, химии, биологии, геологии и т. д. Так, если в конце XIX в. была известна одна элементарная частица — электрон, то в настоящее время их открыто более 300 видов.

Исследование элементарных частиц, законов их взаимодействия и взаимопревращения привело физиков к выводу о том, что протоны и нейтроны, образующие ядра атомов, сами обладают внутренней структурой, еще более сложной, чем у атомного ядра. Зондирование протона и нейтрона в пучке быстрых электронов обнаружило в их глубине какие-то очень мелкие, но весьма тяжелые частицы. Они получили название кварков.

Была разработана кварковая модель структуры протонов, нейтронов и ряда других частиц, определены значения электрического заряда, спина и других характеристик кварков. Кварковая гипотеза предсказала существование ряда новых частиц, которые были, затем обнаружены. Вместе с тем на многие вопросы, касающиеся природы кварков, характер их взаимосвязи и т. д., наука еще не дала ответа. Над этими и другими вопросами о структуре и свойствах материи наука продолжает работать, руководствуясь идеей о бесконечности материи.

Итак, с точки зрения современной философии, опирающегося на данные современной науки, любое материальное явление представляет собой определенную систему. Но в мире все связано. Поэтому любое явление, само, будучи системой, одновременно выступает элементом другой, более широкой системы. Материальный мир в целом представляет собой совокупность иерархически взаимосвязанных систем, различающихся по размерам и сложности. Доступная нам область от 10—15 до 1 038 см (ок. 20 млрд световых лет).

В. В. Козин,
заместитель директора по научной работе НИИ регионологии
Мордовского государственного университета, к. с. н., доцент

«Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина: предыстория и последствия

В последнее время можно наблюдать начало «ренессанса» отечественного социально-философского наследия, оценивавшегося различными научными направлениями отнюдь не однозначно. К подобного рода текстам, вне сомнения, относится работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», 100-летний юбилей выхода которой будет отмечен частью социально-философской общественности страны в 2009 г.

Своей работой В. И. Ленин вмешался в давно тянувшийся спор между двумя течениями в среде увлекавшихся философией российских социал-демократов: «ортодоксов» во главе с Г. В. Плехановым и «эмпириокритиков», наиболее видными представителями которых были А. А. Богданов, В. А. Базаров, А. В. Луначарский, Н. В. Валентинов, П. С. Юшкевич и др. В этом споре В. И. Ленин без колебаний отстаивал позицию «ортодоксов». Собственно говоря, Богданов явился прямым «виновником» появления у Ленина желания написать книгу философского характера.

В среде российской социал-демократии «ортодоксы» претендовали на то, что они являются единственными толкователями смысла и сущности философии марксизма. Она в том виде, как была сформулирована Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге», по их мнению, стала вершиной достижения философской мысли, а всякое отступление от этой версии философии марксизма, которую выдвигают «ортодоксы», есть не только отступление от марксизма и сползание с единственно правильного пути развития философии, но и содействие попыткам буржуазных идеологов повернуть вспять колесо истории.

В книге А. А. Богданова «Основные элементы исторического взгляда на природу» было заметно влияние спенсеризма, а также модного в конце XIX в. энергетизма В. Оствальда. Но самым главным было то, что Богданов отстаивал право на собственное толкование марксистской философии и творческое развитие марксизма. Между тем право толковать «основоположников» Плеханов признавал только за собой, а в праве развивать или дополнять «классиков» отказывал даже себе. Философские разногласия в руководстве большевистской фракции российской социал-демократии дали о себе знать еще в феврале 1908 г. В дальнейшем они развивались по нарастающей и, несмотря на заявления Ленина о желании избежать смешивания «драки» по философским вопросам с партийными и фракционными делами, однако привели к крайнему обострению отношений внутри редакционного руководства газеты «Пролетарий».

Книга В. И. Ленина в целом не выполнила той роли, которая ей предназначалась ее автором, и прежде всего потому, что большинство социал-демократов не интересовали высокие философские материи, а тех, кого философия интересовала, «Материализм и эмпириокритицизм»

шокировал категоричностью претензий ее автора на монопольное право давать единственно правильное толкование философских вопросов, а также нетерпимость, с которой подвергались критике противники «ортодоксов». Причем резкость ленинской критики шокировала даже тех, кто, в сущности, придерживался его точки зрения.

Отклики и критика работы Ленина были вполне конструктивны и принадлежали в основном тем, кого непосредственно касался «Материализм и эмпириокритицизм». Наиболее интересными являются статья А. А. Богданова «Вера и наука» и рецензия на книгу Ленина Л. И. Аксельрод (Ортодокс). Однако в 20-е гг. XX в. в России «Материализм и эмпириокритицизм» был объявлен шедевром философской мысли, а высказанные до 1917 г. скептические и критические замечания в ее адрес стали долгое время восприниматься как курьез. Это во многом определило дальнейшую традицию советской философии — неумение и нежелание находить точки соприкосновения.

А. С. Тихонов,

доцент кафедры философии

Чувашского государственного педагогического университета, к. биол. н.

Основной вопрос философии в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин подверг критике философию эмпириокритицизма (махизма), неокантианство, прагматизм. Огромное значение имели дальнейшая разработка В. И. Лениным основного вопроса философии и определение философского понятия материи.

Раскрывая всеобщую взаимосвязь явлений материального мира, В. И. Ленин подчеркивал, что отражение есть универсальное, общее свойство материи. Поскольку все вещи, предметы, явления и т. д. взаимодействуют между собой и потому своими воздействиями как бы представлены или отражены друг в друге, то в этом обнаруживается некоторый аналог психического отражения. Так создаются условия для понимания того, в чем состоят общность и различие между психическим отражением и всеми другими видами отражения и каковы естественные предпосылки для закономерного развития психики в самом фундаменте материи. Эту методо-

логически исходную для всей психологии идею В. И. Ленин выразил в следующей форме: «...Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения». Осуществленный Лениным анализ отражательной природы психики позволил четко противопоставить идеалистическому монизму в понимании психики материалистический монизм марксистской философии. Материалистический монизм В. И. Ленин выразил предельно кратко и точно: психическое, сознание, дух — это «функция мозга, отражение внешнего мира». Ленин связывал в единое целое обе части этой формулы. Как известно, первая часть формулы (психика как функция мозга) — в отрыве от второй, т. е. без учета отражательной природы психического — закономерно приводит к «физиологическому идеализму», который Ленин тоже резко критиковал в своей книге.

Материалистический монизм чрезвычайно чувствителен к решению проблемы соотношения двух реальностей: психической и физической. Материалист Дж. Фодор справедливо заметил, что «определение того, может или не может материализм быть истинным, зависит от понимания отношения между психологическими и нейрофизиологическими теориями...». Нет единого мнения о том, имеется ли в виду под материальным единством мира «весь мир» или только та часть «всего мира», которая внеположена сознанию и мышлению, включается ли в этот «мир в целом» человек с его сознанием. Тут возможны два решения: первое — включается. Но тогда с порога отбрасывается главный вопрос всей философии об отношении между бытием (в данном случае «миром в целом») и сознанием, поскольку сознание уже включено в этот мир. Отсюда получается, что философия определяется через «мир в целом». Иначе говоря, предмет философии трактуется в чисто «онтологическом смысле: „мир в целом” как таковой, без отношения к нему мышления, сознания человека. В итоге опять-таки философия лишается основного вопроса».

Проблема материального единства мира многоаспектна. Мы берем только один, но зато существенный ее аспект, связанный с ответом на вопрос «Если человеческое сознание идеально (нематериально), то каким же образом оно входит в состав мира, исключаящего из своего состава все, что не относится к материи, ее свойствам и отношениям?». Учебники ограничиваются указанием того, что существующий вне нас

и независимо от нас мир един, и его единство заключается в его материальности. Это означает, что тезис о материальном единстве мира распространяется только на внешний мир, а самого человека и тем более его сознания он не касается. Субъект с его внутренним духовным миром остается за рамками этого мира. Если все же человека включить в него, то можно понять, как «входят» во внешний мир тело и мозг человека, и в то же время трудно себе представить «местоположение» духовного (сознания) внутри замкнутого на себе материального мира. Однако концепция мира с духовной «начинкой» не отвечает идеалу монизма, присущего последовательному материализму. Мы остались между двух огней, между двумя теоретическими крайностями.

Существует и «третья» линия в решении психофизической проблемы. Ф. Энгельс считал сознание продуктом материального органа. Отсюда вовсе не следует, что сознание как духовная реальность представлена им как своего рода «выделение» вещественного органа. Ясно одно, что сознание, имея свою специфическую эмпирическую характеристику и особую терминологию описания, не перестает быть принадлежностью или свойством вещественного мира. Ф. Энгельс понимал, что свойство вещественного органа, представляющее особенность сознания, не имеет своего аналога ни в одном из традиционных свойств материи и поэтому его вполне справедливо описывают как реальность, лишенную вещественности, чувственности, весомости, протяженности и т. д.

В единый своей материальности мир входит не только физическая Вселенная, но и человеческое общество, люди, не только телесная организация людей, но и их сознание. В этом контексте В. И. Ленин рассматривал одну из наиболее острых и актуальных философских проблем психологии: психика материальна или же нематериальна? Эту проблему Ленин анализировал в полемике с вульгарным и механистическим материализмом (что обычно недостаточно учитывается), поскольку именно в такой полемике особенно четко можно выявить специфику диалектического материализма. Критикуя воззрения вульгарных материалистов, Ленин противопоставил им «настоящие взгляды материалистов»: «Не в том состоят эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи».

Этот вывод В. И. Ленина о несводимости ощущения к движению материи, о нематериальности мысли и т. д. вначале разработаны им в самом общем плане — безотносительно к более конкретному и дифференцированному их рассмотрению с учетом более специального, гносеологического аспекта проблемы. В данном случае В. И. Ленин проанализировал именно гносеологический аспект проблемы. Но это не значит, что лишь в этом аспекте неправомерно включать мысль в понятие материи. Как уже было выше отмечено, еще и до рассмотрения собственно гносеологической проблематики Ленин писал, что было бы ошибкой назвать мысль материальной. Не употребляя термина «онтологический», но по существу имея в виду и то, что сейчас в нашей философско-психологической литературе обозначается этим термином, Ленин подчеркивал: различие материи и духа относительно, нечрезмерно; но даже с учетом такого «нечрезмерного» их различия нельзя назвать мысль материальной, нельзя включить ее в понятие материи. Иначе говоря, в любом аспекте (значит, и в онтологическом) мысль, дух, психическое не материальны. Вместе с тем не только материя, но и мысль «действительна», т. е. реально существует. Это и понятно, поскольку как бы ни понимали более конкретное соотношение онтологического и гносеологического аспектов, второй из них никогда не может быть оторван от первого, исходного.

Таким образом, в своей книге В. И. Ленин боролся с обеими ошибочными крайностями в трактовке психического. Он выступал против вульгарного и механистического материализма и тем более против идеализма. Поэтому Ленин специально отмечал «различие материи от духа» и вместе с тем подчеркивал относительность этого различия, предостерегая против его абсолютизации. Психическое столь же реально, как и физическое, физиологическое и т. д. (что особенно важно учитывать в ходе исследования сложнейших взаимосвязей между физиологическими и психическими процессами).

Пожалуй, именно разработка В. И. Лениным этой проблемы реальности психического (соотношения материального и психического) имеет наиболее существенное методологическое значение для развития новейшей психологической науки и философии. Ленинский анализ реальности психического, будучи общеполитическим, представляет собой тем самым глубокую разработку также и всей проблематики исторического материализма.

А. И. Пантюшин,

доцент кафедры методологии науки и прикладной социологии
Мордовского государственного университета, к. ф. н.

Права ли теория практики В. И. Ленина?

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — системное изложение теории диалектического и исторического материализма; совершенно новое мировоззрение в философии России того периода — философский материализм, «окованный» воинствующим атеизмом, партийностью, революционной настроенностью и непримиримостью к каким бы то ни было нападкам и ревизиям марксистской философской мысли со стороны махизма и его сторонников, последователей, и идеализма (в том числе физического), теизма, федеизма, схоластики, религии как таковой. В своем труде он яростно защищал Маркса от не последовательных и от путанных материалистов, считавших себя марксистами. «Но если люди порвавшие радикальным образом с самыми основами марксизма в философии, начинают потом вертеться, путать, вилять, уверять, что они „тоже“ марксисты в философии, что они „почти“ согласны с Марксом и чуточку только его „дополнили“, — это уже зрелище совсем неприятное». Критики подверглись и естествоиспытатели, склонявшиеся к материализму, хотя и не последовательному, робкому, недоговоренному. Критика Ленина была напористой и бескомпромиссной, ее требовала ситуация и обстановка российского общества, сложившиеся после подавления революции 1905—1907 гг. Марксистская философия была востребована как истинный, верный метод познания и осмысления действительности (природы и общества, движения истории, смысла естественнонаучных открытий, исходя из самих законов объективного реального мира его необходимости и закономерности — бытие определяет и обуславливает мышление, материя сознание, физическое психическое, общественное бытие общественное сознание, базис и надстройку).

Ленин считал, что только теория Маркса есть объективная истина, а все остальное путаница и ложь. «...Наши махисты слепо веруя „новейшим“ реакционным профессорам повторяют ошибки кантовского и юмовского агностицизма в вопросе о причинности...». Ленин четко очерчивал различие

материализма и идеализма, материалистической теории познания и субъективно-идеалистической. Если для Маха наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, то для Маркса, Энгельса и Ленина она связана с практикой, и только последняя является критерием истины в процессе познания, которая отделяет иллюзию от действительности и позволяет решить основной гносеологический вопрос (обусловленность теории познания практикой). В буквальном смысле слова он раскрывает эклектизм Маха и Авенариуса («дипломированных лакеев» буржуазии), что их философия «есть крошка, набор противоречивых и бессвязных гносеологических положений». Ведь Ленин защищает в своем труде не только материалистическое понимание истории, но и социалистические миросозерцания Маркса, Энгельса и свои в том числе. Он замечает, что общая теория политической экономии — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. «В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов». Видимо, здесь принцип партийности доводится до классовости, на чем далее и заостряется внимание: «...Уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов. Это и не сумели наши махисты, рабски следующие за реакционной профессорской философией».

Более того, махисты подменяли авторитеты социалистические (Маркс, Энгельс, Лафарг, Меринг, Каутский), в которые верил Ленин, авторитетами буржуазными (Махом, Петцольдом, Авенариусом, имманентами). Маркс и Энгельс, исходя из практики и ее объективных законов, доказывали гибель капитализма и построение нового более прогрессивного строя, вторые ограничиваются только чистым опытом, субъективными представлениями об обществе.

Его труд выступает как разгром не согласных с Марксом, материализмом и с ним. Говоря о практике как о критерии истины, объективной закономерности, как о необходимой составляющей теории познания, на деле «убил» практику субъективностью, а именно политической революционностью и классовостью. Его стратегия и тактика борьбы (с отжившим, реакционным, устаревшим), идущая под знаменем теоретиков марксизма, так изменила практику, что для России это

стоило множеством жертв и потерей исторических корней. На мой взгляд, его философия, научно осознанная, диалектически оформленная есть больше всего политическое, партийное мировоззрение, что наносит ущерб философии и самой науке.

А. И. Сухарев,
главный редактор журнала «Регионология»,
директор Научного центра социально-экономического
мониторинга Республики Мордовия, д. ф. н., профессор

Философская мысль в регионе

Наш журнал неоднократно представлял свои страницы для публикации работ по философской проблематике. Сегодня для участия в круглом столе по случаю 100-летия выхода в свет работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» собрался широкий круг представителей философской общественности. Среди присутствующих оказались известные ученые и деятели науки.

Считаю такие собрания исключительно полезными. Так, упомянутая конференция 1979 г. в итоге завершилась появлением сразу нескольких докторов философии: В. И. Демидова, В. И. Кемкина, Б. Ф. Кевбрина, впоследствии Ф. А. Айзятова, Г. Г. Зейналова и др. Представителем другой школы «Проблемы теории воспроизводства» является Н. И. Савкин. Профессор Р. И. Александрова воспитала специалистов по этике, профессор Н. И. Воронина имеет оригинальную школу культурологов и руководит докторским советом этого профиля.

Наш журнал будет и впредь уделять пристальное внимание публикациям философского профиля, для чего мы создаем рубрику «Философская мысль в регионе». Поскольку «регион» в нашей трактовке представляет собой системообразующую, комплексную и сбалансированную субстанцию, то в эту рубрику попадут наиболее интересные авторы из многих смежных областей философского знания и регионов.

О. А. ЕРМОЛАЕВА

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ РОССИИ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

В современной социальной философии общественное сознание представляется как сложная система обыденного (повседневного) и теоретического (научного) уровня.

Выделяются также четыре сферы: общественная психология, общественная идеология, научное знание и профессиональное мастерство. Еще в середине XIX в. в марксистской философии сформулировалась традиция (перешедшая в отечественную философию) выделять основные формы: политическое сознание, правовое, моральное, религиозное, философское и эстетическое. С конца XX в. активно обсуждается вопрос о формировании новых форм, что обусловлено усложнением социальной системы: экономическое, экологическое, медицинское, педагогическое, историческое и другое сознание¹.

В зависимости от исторической эпохи на первый план выдвигалась та или иная форма. Так, в Античности первостепенное значение приобрела философия, в Средневековье — религия, в эпоху Возрождения — эстетика и творчество в материально-чувственной сфере. В период «двухполюсного мира» в XX в. и непримиримой идеологической борьбы двух общественных систем особую роль (как на Западе, так и на Востоке) играло политическое сознание. Особенно ярко это выражалось в военно-политических доктринах Организации Варшавского договора и НАТО.

На рубеже XX—XXI вв. выдвигается точка зрения о *перманентной ведущей роли морального сознания*, которое исторически является наиболее древним и влияет на другие формы. В этом контексте политика и право могут

ЕРМОЛАЕВА Ольга Александровна, аспирант кафедры философии для естественно-научных и инженерных специальностей Мордовского государственного университета.

быть моральными (служить прогрессивным гуманистическим целям и осуществляться в интересах большинства людей) или аморальными (отражать корыстные интересы узкой группы коррумпированных лиц, захвативших власть)².

Мы являемся свидетелями уникального феномена отечественной и мировой истории — процесса *двойной смены парадигм* общественного сознания: отход от партийно-классового подхода во внутренней политике страны и ориентация на общечеловеческие гуманистические ценности (основные витальные, гражданские, политико-правовые и т. п.); признание приоритета высших интегративных ценностей человечества на международной арене (вместо классовых, партийных, государственных, религиозных, национальных или элитарно-групповых). К ним можно отнести эволюционное единство космического мира, природы и человечества; целостность существования и развития современного общества; признание человека главным критерием и целью исторического прогресса; равноправные партнерские отношения в экономической сфере; принцип субсидиарности в политике³.

Следует отметить, что сама возможность периодических скачкообразных изменений в структурах человеческого сознания (смены его парадигм) была научно обоснована К. Гюнцлем. Он выделил закономерные этапы этого процесса: новое время (назревание объективных условий для качественных перемен); новое ценностное мышление (осознание необходимости этих перемен передовыми мыслителями, идеологами); новое общественное сознание (принятие массовым сознанием ценностных установок на перемены); новый этап интеграционного развития общества (сознательно проводимые преобразования, реформы)⁴. Каждый этап сопровождается возникновением кризисных ситуаций, вызванных конкурентной борьбой разных социальных структур за место и ранг в более сложном системном единстве.

Эта концепция находит свое подтверждение в современном российском обществе. На национально-государственном (федеральном) уровне осознана необходимость перемен, декларированы новые ценностные ориентиры. Однако на региональных уровнях наблюдаются значительные противоречия в их понимании и реализации.

В сфере политического сознания кризис переходного этапа проявляется прежде всего в отсутствии национальной идеи.

В соответствии со ст. 13 Конституции РФ «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁵. Это означает, что в общественное сознание не должны насильно внедряться какие-либо догмы, принятые в качестве «единственно верных и правильных» на все времена.

Однако ошибкой было бы считать, что для современной России вообще не нужна никакая идеология. Национально-государственные идеологии имеются во всех развитых странах. Они будут существовать пока существуют государства. Национальные идеи выступают в качестве кратких аксиологических эталонов (понятных народу ценностных ориентиров, лозунгов, призывов), выражающих сущностные черты таких идеологий и действующих на определенном историческом этапе.

Теоретически мыслящими представителями нации (политологами, социальными философами, социологами, писателями-публицистами) осуществляется активный поиск «факторов объединения»⁶ для групп населения с различными социальными и мировоззренческими характеристиками, оформляется новое научное направление — социология идеологии⁷. Однако конституирование новой общенациональной идеи в современном российском обществе связано с огромными трудностями. Это обусловлено гетерогенностью социума, разнонаправленной ориентацией ведущих политических сил. В данной ситуации крайне сложно выразить в лаконичной форме «матричную формулу» общенациональной идеи. Если в XIX в. сформулированная министром народного просвещения С. С. Уваровым тройственная формула «Православие, самодержавие, народность!» более или менее верно отражала основные ментальные особенности населения России и соответствовала реалиям своего времени, то сейчас многие популистские лозунги не сочетаются с действительностью и подвергаются вполне обоснованной критике.

В этом отношении весьма показателен опыт Республики Мордовия. Выдвинутый в середине 90-х гг. XX в. лозунг «Согласие, порядок, созидание!» способствовал оформлению внятной политики региона и был направлен на консолидацию различных социальных сил. Но несмотря на многие положительные моменты, этот призыв рассчитан на короткий переходный период.

В настоящее время на состояние правосознания российского социума наибольшее влияние оказывает внутрисубъективный интеграционный процесс. Прежде всего, он связан с постепенным преодолением регионального сепаратизма. С прекращением существования СССР резко усилились центробежные тенденции, федерация оказалась на грани распада. Ряд национальных республик (Татарстан, Якутия, Коми и др.) объявили себя «государствами в государстве» со всеми атрибутами международной правосубъектности. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., закрепила равный правовой статус всех субъектов Федерации. Но конституции и уставы регионов по многим пунктам противоречили основному закону страны.

На современном этапе еще существуют отдельные несоответствия между региональным и федеральным законодательством. Однако сам факт преобладания центростремительных тенденций над центробежными очевиден. «Единое государство — сильное государство» — такое понимание изначально присуще российской ментальности. Возможно, что именно благодаря такому лозунгу, частично заменившему национальную идею, партия «Единая Россия» одержала весомую победу на парламентских выборах.

Характеризуя экономическое сознание россиян, следует особо отметить *влияние на него региональных условий*. Разница в уровне жизни населения по линии «центр — периферия» зачастую является многократной. Пока не наблюдается никаких существенных признаков выравнивания ситуации. По-прежнему 70—80 % наличных финансовых средств сосредоточено в столице, а весь стабилизационный фонд страны (сотни миллиардов долларов) — за границей.

Поэтому, согласно многочисленным социологическим исследованиям⁸, в экономическом сознании населения многих регионов проявляется настроение недовольства, вызванное отсутствием работы, низкой заработной платой, плохим медицинским обслуживанием, невозможностью приобрести жилье (ипотека для 90 % населения далеко не доступна) и т. д. В результате постоянно растет стремление выпускников вузов покинуть свой регион (чаще всего возникает желание уехать в Москву или за границу).

С целью выявления некоторых аспектов региональной специфики экономического сознания нами было про-

ведено пробное (пилотное) социологическое исследование (100 респондентов) методом анкетного опроса. Объектом было избрано население Республики Мордовия. На основе компаративного метода (сопоставления регионов) были выявлены существенные отличия в экономическом сознании, характерные для населения республики: более низкие запросы на материальное благосостояние (тремякратная разница); значительное стремление молодежи к самостоятельной предпринимательской деятельности (до 60 %); негативное отношение к «либеральной модели» экономики (ее поддерживают менее 6 %, большинство выступает за усиление регулятивной роли государства)⁹.

Необходимо отметить, что в дальнейшем для успешного проведения реформ в стране потребуется более детальное изучение региональных особенностей современных форм общественного сознания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Барз М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987; Сивоконь П. Е., Самойлов Л. Н., Лямин В. С., Гирусов Э. В. Графические средства в курсе марксистско-ленинской философии. М., 1978; Фофанов В. П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979.

² Фролов Д. Е. Проблема формирования новой системы социальных ценностей // Правственная культура народов России: традиции и современность: Сб. ст. Саранск, 2001. С. 62—66.

³ См.: Фролов Д. Е. Иерархия социальных ценностей и смена парадигмы ценностного мышления // Космизм и новое мышление на Западе и Востоке: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 1999. С. 131—136.

⁴ См.: Гюнцль К. Новое время — новое мышление — новое сознание // Вестн. Мордов. ун-та. 1993. № 4. С. 9—14.

⁵ Конституция Российской Федерации. М., 2000 г. С. 7.

⁶ Кузнецова А. В. Патриотическая идея в российском обществе: генезис, состояние, тенденции. М., 2004. С. 51.

⁷ См.: Кузнецов В. Н. Идеология: Социологический аспект: Учебник. М., 2005; Кузнецов В. Н. Российская идеология 21: опыт социологического исследования российской идеологии 21 века. М., 2004.

⁸ Электрон. ресурсы [режимы доступа: <http://wciom.ru>; <http://fom.ru>; <http://levada.ru>];

⁹ Ермолаева О. А. Региональный аспект современного экономического сознания социума // XXXIV Огаревские чтения: Материалы науч. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Гуманитарные науки / Сост. О. И. Скотников; отв. за вып. В. Д. Черкасов. Саранск, 2006. С. 29.

Поступила 15.01.08.

Н. Т. АРЕФЬЕВА

СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ФУТУРОЛОГИИ

Рефлексируя над сущностными основаниями культуры, ее нормами и ценностями, идеями и смыслами, общество приходит к осознанию возможности создания прогнозов социокультурного развития.

Причем в современном мире вопрос о том, каким предстанет будущее человечества, становится одним из наиважнейших. Определение инновационных форм и путей развития культуры, технологий, поиск новых мировоззренческих оснований, установок, ценностей, поиск новых стратегий деятельности приобретают особое значение на фоне будоражащих воображение социокультурных изменений современности.

Любые социокультурные изменения проявляются на нескольких уровнях: глобальном (геополитическом), на уровне общества, региональном и индивида. Социальный уровень в свою очередь может быть структурирован на несколько подуровней (место элит, условия существования и роль различных социальных групп и т. д.). Футурологический прогноз описывает происходящее на всех уровнях. Он будет тем подробней, чем большее количество уровней опишет. Именно таким образом структурируют свои работы современные западные исследователи Ф. Фукуяма, Э. Тоффлер, С. Хантингтон¹.

Подобные прогнозы в значительной степени коррелируют с основанными на той или иной типологии цивилизаций представлениями авторов о векторе развития цивилизации и с представлениями каждого из них о том, какие технологии на сегодняшний день являются наиболее инновационными и обладают наибольшим влиянием на определение вектора развития человечества.

АРЕФЬЕВА Нина Тимофеевна, директор Ивановского филиала Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат философских наук, доцент.

Один из основоположников современной цивилизациологии А. Тойнби насчитал во всемирной истории 22 цивилизации. По его мнению, из них существуют и поныне западная, дальневосточная (основная), дальневосточная (Корея и Япония), православно-христианская (основная), православно-христианская (в России), индуистская, арабская². Ф. Фукуяма подчеркивает особую роль религии в генезисе цивилизации³. С. Хантингтон, разделяя этот взгляд, полагает, что конфессиональная идентичность нации, как правило, тождественна ее цивилизационной идентичности. Он выделяет важнейшие, по его мнению, цивилизации: западную, латиноамериканскую (католическую), исламскую, синскую (конфуцианскую), индуистскую, православную и японскую⁴.

В. С. Степин выдвигает предположение о существовании двух основных типов цивилизации — техногенную (страны Западной Европы и США) и традиционалистскую (мусульманские страны)⁵. Основным смыслом техногенной цивилизации, ее императивом является достижение прогресса, который можно определить как стремление обеспечить передачу большего объема информации на большее расстояние за меньший промежуток времени. История техногенной цивилизации — это борьба за контроль над пространством и временем. Техногенный тип цивилизации отличает имманентное стремление к модернизации экономики и социальной сферы за счет максимальной свободы (либерализма и индивидуализма) или за счет мобилизационных усилий (тоталитарные социалистические режимы и неотрадиционалистские ультраправые).

Основную массу современных западных футурологических концепций можно условно разделить на 4 группы:

— либеральный научный мейнстрим (авторы пропагандируют либерально-прогрессистский взгляд);

— контркультурная футурология, являющаяся порождением протестного потенциала массовой культуры 60-х гг. XX в., вненаучная по происхождению, но активно присутствующая в научном дискурсе;

— конструктивная критика капитализма, экономического либерализма и консьюмеризма (как явлений, уже проживших свою историю) с позиций так называемого «холистического» (т. е. планетарного) миропонимания и представлений о другом масштабе будущего развития;

— консервативная позиция (для авторов характерны, с одной стороны, охранительные и мемориальные культурные ориентации применительно к западной цивилизации, с другой — откровенный скепсис касательно ее дальнейших изменений).

Футурологический мейнстрим составляют работы таких корифеев обществоведения, как З. Бауман, З. Бжезинский, Э. Гидденс, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон⁶. При общности приверженности либеральным идеям у некоторых из них отмечается и своеобразная позиция. Например, Э. Гидденс полагает что «постмодернити» — это фантом, очередной симулякр постмодернистов. С. Хантингтон иначе оценивает гегемонию США. Контркультурное течение в футурологии представляют такие авторитеты молодежной психологии 60—70-х гг. XX в., как Т. Лири, Д. Рашкофф⁷. Конструктивную критику современного капитализма, экономического либерализма и консьюмеризма с позиций холистического миропонимания (отчасти и с позиций неомарксизма) развивали основатель школы миросистемного анализа И. Валлерстайн и видный футуролог-синергетик Э. Ласло⁸. Несколько особняком от них стоит критик капитализма П. Дракер⁹. Наиболее ярким и последним по времени представителем консервативной позиции в футурологии стал американский политик П. Бьюкенен¹⁰.

Здесь мы сопоставим взгляды только двух течений: либерального и контркультурного, поскольку критики капитализма и консерваторы в большинстве своем сосредоточены на политических проблемах современности.

Абсолютное большинство современных западных футурологических концепций построено на либерально-прогрессистских основаниях. Однако, экстраполируя тенденции социокультурного и технологического развития человечества в будущее, они делают разные прогнозы прежде всего на глобальном геополитическом уровне. Эти прогнозы можно условно разделить на две концептуальные группы: *оптимистические* и *катастрофистские*. Оптимистические концепции в значительной степени являются порождением победы либеральной идеологии в холодной войне; наступившего «конца истории» (в терминологии Ф. Фукуямы) как конца противостояния идеологий и поиска оптимального социального устройства. Эти прогнозы основаны на концепции постиндустриального общества.

Особую позицию в рядах либералов занимает Э. Гидденс. Он полагает, что модернити (под которой понимается социальная система, порожденная национальным государством и промышленным капиталистическим производством, — индустриальное общество), не сменяется сегодня какой-то новой стадией, которую многие исследователи определяют как «постмодернити». По мнению Э. Гидденса, так называемое постиндустриальное общество не более, чем фикция. На самом деле, классическая «модернити» переживает бурное развитие, резко радикализуется. Э. Гидденс видит два источника этой радикализации. Во-первых, это растущая социологизация жизни, повышение значения рефлексии и саморефлексии, изменение системы ценностей человека, их переориентация с внешних на внутренние, с материальных на нематериальные. Во-вторых, это глобализация, устранение прежних границ национальных государств и становление мировой сети производственных и информационных структур. Оба эти явления не рассматриваются им как чуждые идеям индустриального общества. Напротив, полагая, что западная цивилизация модернити глубоко социологична и что в ней заложено противопоставление традиции, стремление к безграничной экспансии новации, он утверждает, что сегодня правильнее вести речь не о новом обществе, сменяющем модернити, а о периоде нового, радикализованного индустриального общества¹¹.

Либеральные «оптимисты» (Ф. Фукуяма и Э. Тоффлер), напротив, полагают, что мы уже живем «в мире, где борьба вокруг всех крупных вопросов в основном закончена»¹². По мнению Фукуямы, «постисторический мир — это мир, в котором стремление к комфортному самосохранению победило желание рисковать жизнью в битве за престиж, и в котором борьбу за господство сменило всеобщее и рациональное признание»¹³. Исследователь подчеркивает, что «число приемлемых форм экономической и политической организации последние сто лет постоянно уменьшается», однако «возможные интерпретации оставшихся форм — капитализма и либеральной демократии — продолжают разнообразиться. Это наводит на мысль, что даже если идеологические различия между государствами уходят на задний план, остаются другие существенные различия, уходящие в культурную и экономическую плоскость»¹⁴. Таким образом, при абсо-

лютной победе мирного сосуществования человечеству не грозит единое государство («мировое правительство») как логический результат глобализации.

Важнейшими «социальнообразующими» технологиями для «оптимистов» от футурологического мейнстрима являются информационные (собственно и приведшие к «концу истории»). Как отмечает Ф. Фукуяма, «многие аспекты технологии конца двадцатого столетия, в том числе так называемая информационная революция, весьма способствовали распространению либеральной демократии»¹⁵. Большинство исследователей этой волны солидарно в том, что сегодняшнее постиндустриальное общество уже является информационным обществом. Владение информацией стало одним из важнейших рычагов властного могущества: «Кто владеет информацией — тот владеет миром». Информация стала основным товаром и основой современной экономики. «Переход к экономике, основанной на знании, резко усиливает потребность в коммуникации и способствует гибели старой системы доставки символов»¹⁶. От развития информационных (коммуникационных) технологий в существенной степени зависит как военная мощь правящего режима, так и его оснащенность современными средствами информационного контроля, т. е. уровень эффективности управления обществом¹⁷.

Подобную точку зрения на роль информационных технологий разделяют и контркультурные футурологи: «власть, которой сегодня обладает тот или иной человек, определяется уже не количеством собственности, находящейся в его распоряжении, а скорее тем, сколько минут „прайм-тайма“ на телевидении или страниц новостной печати он может заполучить»¹⁸.

Все контркультурные футурологические концепции основываются прежде всего на критике консьюмеризма и на идеях «новых левых». Можно сказать, что они «произросли» из работ Г. Маркузе и М. Маклюэна¹⁹. Существенное влияние на формирование контркультурных футурологических концепций оказали психоделическое движение 60-х гг. XX в. и массовая культура, прежде всего широко экранизированная литература киберпанка, родоначальником которого считается американский фантаст У. Гибсон²⁰. Массовая культура способна генерировать дополнительные потоки информации,

транслирующие систему определенных ценностей²¹. «Анти-идеология» контркультурных футурологов является либерализмом, доведенным до предела — индивидуальные права и индивидуальное целеполагание ставятся над правами и целеполаганием общества, но свобода личности совсем не кончается «там, где начинается свобода другого человека». Инструментами создания новой постиндустриальной и постиерархической («сетевой») культуры провозглашаются психоделики (ЛСД, псилоцибин, МДМА) и новейшие информационные технологии (Интернет, виртуальная реальность, медиавирусы)²².

Существенное отличие в футурологических концепциях либерально-прогрессистского мейнстрима и контркультурных футурологов проявляется в их отношении к наиболее инновационной сфере человеческой деятельности — к биотехнологиям. Если представители контркультуры приветствуют их как инструмент модификации человека, то у «классических» либералов биотехнологии по той же причине вызывают серьезную настороженность.

Так, идеолог контркультурного психоделического движения 60-х гг. XX в., человек, которого киберпанки считают своим предшественником, Т. Лири утверждал, что: «Нервная система может быть изменена, интегрирована, перепрограммирована, расширена в своих функциях. Эти возможности, естественно, пугают любую ветвь истеблишмента»²³. Пугать истеблишмент, по мнению Лири, должно было то, что расширение сознания — путь к свободе от иерархического общества, от старых социокультурных мифов, символов и поведенческих паттернов.

Представитель футурологического истеблишмента Ф. Фукуяма как раз и опасается того, что биотехнологии, равно как и более глубокое понимание наукой принципов функционирования человеческого мозга, «будут иметь существенные политические последствия — они заново открывают возможности социальной инженерии, от которой отказались общества, обладавшие технологиями двадцатого века»²⁴.

Но если Фукуяма называет информационные технологии «технологиями свободы»²⁵, то К. Беркер полагает, что «рост средств коммуникации, драматически нарастающий поток манипулятивных коммуникаций, оперирующий символами и спекулирующих на базисных человеческих эмоциях — это

система, предназначенная отнюдь не только развлекать и информировать, но заражать индивидуумов ценностями, верованиями и поведенческими кодами...»²⁶. В контркультурном стане нет единства в отношении к коммуникативным технологиям. К. Беккер предостерегает от опасности информационного тоталитаризма, а Д. Рашкофф оптимистически полагает, что коммуникативные технологии — это технологии позволяющие индивиду изменять массовое сознание, и, соответственно, — влиять на «систему»²⁷.

Показательным представляется и то, как различается отношение внутри либерального футурологического мейнстрима к развитию информационных и биологических технологий. Прогресс в области биологии порождает в их сознании больше этических дилемм, нежели прогресс в области передачи информации и манипулирования ею и сознанием потребителя. Такое противоречивое отношение к современным технологиям означает, что любую из них можно использовать как во благо, так и во вред. Но в этом противоречии скрыта и основная проблема всех футурологических концепций — проблема постиндустриального этоса.

Э. Тоффлер подчеркивает, что технология как способ производства материальных благ всегда в той или иной степени коррелирует с общественным устройством²⁸ и, соответственно, — с общественной моралью и этикой. По мнению Ф. Фукуямы, «одной из основных движущих сил исторического процесса было и остается развитие науки и технологии, и оно определяет горизонты производительных возможностей экономики, а потому и весьма во многом — структурные характеристики общества»²⁹. Однако М. Вебер полагал, что вектор и динамику развития любого общества, равно как и его социокультурные особенности, во многом определяет этика — нормы и ценности, формирующие общественную мораль. Он отводил протестантской этике важнейшую роль среди факторов, обусловивших бурное развитие капитализма в Европе и США³⁰.

Но из взглядов Тоффлера следует и обратное: капиталистическому обществу массового производства соответствует протестантская этика, а постиндустриальному — некая постиндустриальная этика. Понятно, что религия и идеология, позволяющие осуществлять культурное кодирование действительности, в некоторой степени утрачивают свое значение

(но продолжают быть востребованными некоторой частью населения). Сегодня универсальным культурным языком, в значительной степени узурпировавшим сакральные функции идеологии и религии, стала массовая культура. В рамках современных социокультурных трендов именно ее можно считать одним из главных факторов, конструирующих социокультурную реальность будущего.

В современном постиндустриальном мире возрастает влияние отдельного человека на содержание и направление коммуникативных потоков³¹. Таким образом, идеологию подменяет этика — «общие ценности, но без формальной доктрины»³². Однако, что это за ценности, или какими они в принципе могут быть (или должны быть), чтобы человечество могло продолжить свое существование — все это вызывает наиболее ожесточенные споры.

Любая футурологическая концепция предполагает прогнозирование в следующих сферах: геополитической (политической), технологической, экономической, социальной (в том числе коммуникативной, этнологической и демографической), экологической, аксиологической (ценностно-нормативной). Сейчас важнейшей составляющей актуальных футурологических концепций становятся именно этические проблемы (поиск новых ценностей, норм и целей индивида и общества).

Пессимистический взгляд в русле современного либерального футурологического мейнстрима характеризует позицию Ю. Хабермаса. Ученый высказывает опасение, что биотехнологии так или иначе, но обязательно изменят этику человечества. Он пишет: «Прогресс биологических наук и развитие биотехнологий не только расширяют известные возможности действовать, но и позволяют осуществлять новый тип вмешательства в человеческую жизнь. То, что прежде было „дано“ как органическая природа и, в крайнем случае, можно было „вырастить“, сегодня превратилось в сферу целенаправленного вмешательства. В той мере, в какой к объектам вмешательства извне относится человеческий организм, приобретает поразительную актуальность... феноменологическое различие между „быть телом“ и „иметь телесную оболочку“: граница между природой, которой мы „являемся“, и органической оболочкой, которой мы „наделяем“ себя, расплывается. Для искусственно созданных субъектов вследствие этого возникает новый вид отношения

к самим себе, глубоко затрагивающий их органический субстрат. То, как эти субъекты захотят использовать богатые возможности новых игровых пространств принятия решения — *автономно*, соразмерно нормативным соображениям, принимающим участие в демократическом формировании воли, или *произвольно*, опираясь на субъективные предпочтения, умиротворяемые посредством рынка, — зависит теперь именно от самосознания и самопонимания данных субъектов»³³.

Обострившийся интерес к проблематике будущего наблюдается в XXI в. не только среди узкого круга исследователей, но во всем обществе в целом. Мир глобализировался, появились новые факторы культурной жизни, новые средства массовой информации. Интерес к социокультурному прогнозированию и футурологии в западном обществе, устремленном в будущее, выступающим с идеями модернизации и прогресса, является закономерным.

В этой статье мы, разумеется, не смогли рассмотреть все прогнозы футурологов либерального и контркультурного направлений, а остановились на том, что нам представляется наиболее существенным, связанным с будущим человеческой личности и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2001; Хантингтон С. Политический порядок в меняющемся мире. М., 2004; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

² См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

³ См.: Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 323.

⁴ См.: Хантингтон С. Столкновение...

⁵ См.: Степин В. С. Философия и универсалии культуры. СПб., 2000.

⁶ См.: Бауман Э. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004; Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999; Фукуяма Ф. Указ. соч.; Тоффлер Э. Указ. соч.; Хантингтон С. Указ. сочинения.

⁷ См.: Лири Т. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах. СПб., 2002; Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.

⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Ласло Э. Макросдвиг. М., 2004.

⁹ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна...

- ¹⁰ Бьюкенен П. На краю гибели. М., 2008.
- ¹¹ См.: Гидденс Э. Последствия модернити... С. 101—122.
- ¹² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 479.
- ¹³ Там же. С. 427.
- ¹⁴ Там же. С. 371.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 402.
- ¹⁷ См.: Бауман З. Указ. соч. С. 11—12.
- ¹⁸ Рашкофф Д. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁹ См.: Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003; Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2002.
- ²⁰ См.: Гибсон У. Мона Лиза Овердрайв. М., 1999; Он же. Граф Ноль. М., 1997.
- ²¹ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 38.
- ²² См.: Рашкофф Д. Указ. соч.; Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. М., 2004.
- ²³ Leary T., Alpert R. The Politics of Consciousness Expansion // Harvard Review 1(4). 1963. P. 33—37.
- ²⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 30.
- ²⁵ Там же. С. 29.
- ²⁶ Беккер К. Указ. соч. С. 28.
- ²⁷ Рашкофф Д. Указ. соч. С. 302.
- ²⁸ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 291.
- ²⁹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее... С. 109.
- ³⁰ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.
- ³¹ См.: Рашкофф Д. Указ. соч. С. 265—270.
- ³² Бжезинский З. Указ. соч. С. 18.
- ³³ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? М., 2002. С. 26.

Поступила 16.09.08.

Л. А. ВАСИЛЬЕВА

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС И ЭФФЕКТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ПЕРВАЯ ФАЗА ПЕРЕМЕН В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Демократические трансформации и их перспективы были заданы хантингтоновской концепцией «третьей волны».

Но волны демократизации сопровождаются и откатами назад, в авторитаризм¹. Э. Фромм, а также М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль, Ю. Е. Федоров идут дальше, называя это явление «бегством от свободы»². В связи с этим, считает Г. Вайнштейн, ключевую роль в методологических схемах начинают играть понятия «transition» и «consolidation» («переход» и «консолидация»). Смысл первого — «переход к демократии», второго — «закрепление демократии, упрочение демократической системы». По сути дела, в первом случае речь идет о формировании институциональных основ демократической системы, обеспечивающих сменяемость политического руководства посредством демократических процедур, во втором — имеется в виду упрочение демократии как общественно-политической системы, предполагающее приобщение общества к ценностям демократии, ее осознание как наиболее совершенной формы политического устройства по сравнению со всеми другими его формами³.

Делая ссылку на понятия «transition» и «consolidation», З. Бжезинский отмечает, что посткоммунистические преобразования займут длительный период. Трансформационный процесс не является чем-то неразрывным и целостным, это последовательное прохождение ряда этапов, но не все страны проходят эти этапы с одинаковой скоростью⁴. З. Бжезинский утверждает, что один из важных уроков, который может

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна, профессор кафедры международного туризма Дальневосточного государственного университета, кандидат исторических наук (г. Владивосток).

быть извлечен из опыта первых лет посткоммунистических преобразований, состоит в том, что «политическая реформа первична как основа для эффективной экономической реформы»⁵. Более того, «демократический переход» — не только длительный и сложный процесс, но и не всегда приходящий к своему логическому завершению. Так, Х. Линц и А. Штепан вводят понятие «завершенный демократический переход»⁶.

Среди появившихся в последнее время концепций заслуживает внимания трактовка этапа «*утверждение демократии*». Демократический режим является утвердившимся тогда, когда все значимые политические группы общества согласны с тем, что его ключевые политические институты обеспечивают легитимные рамки политического соперничества и поддерживают демократические правила игры. Это определение включает в себя социально-психологические, поведенческие институциональные параметры, согласие всех политически значительных групп действовать в рамках установленных норм и правил.

Существует множество аналитических моделей перехода от недемократических режимов к демократическим. Одна из первых попыток была предпринята Д. Растоу, который выделил ряд предварительных условий такого перехода⁷. Однако произошедшие преобразования продемонстрировали неэффективность механического «переноса» анализа российской политики транзитологических схем, разработанных на материале других стран. Для России характерны исторические традиции, не совместимые с традиционным либерализмом и демократией.

В обозначенном контексте российский политический режим характеризуется как промежуточный, гибридный, демонстрирующий сочетание элементов авторитаризма и демократии, имеющий тенденцию к определенной устойчивости данного состояния. Несомненно, что формирование такого режима во многом объясняется историческими, политическими и социокультурными традициями России, спецификой стартовых условий. За последние десятилетия российский политический режим претерпел трансформацию промежуточных форм: от неконсолидированной к делегативной демократии с некоторыми элементами авторитарной ситуации.

Можно предположить, что очередная попытка политической модернизации в России привела страну к состоянию,

которое исследователи характеризуют как «*демократический транзит*». Согласно общепризнанной схеме «транзита», частично пройдена лишь первая фаза — либерализации и демократизации режима. Однако противоречие, которое придавало импульс политическим изменениям в России, состояло в том, что институциональный дизайн не был основан на либеральной социокультурной традиции. По этой причине, вопреки классической теории, первоначальная стадия транзита (либерализация и зарождение демократических институтов) предваряла распространение и утверждение в обществе демократических ценностей и ориентаций. Возникновение и развитие новых демократических институтов в современной России происходило не столько путем «прорастания» снизу в результате организованных систематических усилий общества и его борьбы за политические права, сколько за счет насаждения их «сверху» при активном участии наиболее динамичных слоев коммунистической и посткоммунистической элит⁸.

Черты политической жизни, присущие предшествующим системам, спонтанно воспроизводились в деятельности демократических структур. Разочарование в российской демократии привело к дискредитации в массовом сознании демократических символов, ценностей, институтов. Это в значительной мере ослабляло массовую базу демократического процесса. Массовое сознание отвергло или не воспринимает демократические ценности в качестве реального инструмента решения стоящих перед российским обществом задач. Успешный выход из кризиса и становление демократического общества требовали, чтобы появляющаяся частная собственность вписалась в структуру смешанной экономики переходного периода, не отбрасывая страну в эпоху раннего капитализма. Такой подход сформулирован Ю. А. Красиным⁹. Ставка на стихийно складывающиеся рыночные отношения, игнорирующие эти новейшие тенденции, могла дать и дала только «дикий рынок», который в наше время не в состоянии выполнять функцию несущей конструкции гражданского общества. Эту функцию может выполнять общество, отличающееся многомерностью, а в области экономики опирающееся на дифференцированную систему ассоциативных связей свободных производителей. Но рыночная экономика — это не предел человеческого прогресса.

Рождающаяся в ходе российской посткоммунистической трансформации новая политическая реальность несет в себе сложный сплав частично преодоленных и преобразованных традиций прошлого. Такой подход сформулирован А. Ю. Мельвилем¹⁰. В предложенной модели он обращает внимание на совокупность международных (геополитических, военно-стратегических, экономических, политических, культурно-идеологических и других факторов), четко проявившихся в начале 80-х гг. XX в. и стимулировавших реформаторские тенденции в СССР.

Уровень структурных социально-экономических показателей демонстрирует особенности демократических транзитов и определенную специфику. Движение к демократизации не было результатом высокого уровня экономического развития, а реформы периода перестройки явились попыткой выхода из тупика стагнирующей экономики, архаичной хозяйственной стратегии экстенсивного развития, кризиса в социальной сфере. В России не было каких-либо зачатков рыночной экономики, это усложняло и усложняет ход трансформационных процессов. С точки зрения задач политической демократизации переход к рыночной экономике — не самоцель, а средство для создания среднего класса в качестве массовой социальной базы демократии.

Анализ на уровне культурно-ценностных факторов показывает, что российский демократический транзит не был обусловлен массовым распространением ценностей и ориентаций, типичных для «гражданской культуры». Воспринимались лишь некоторые базовые элементы из системы демократических ценностей, хотя и обозначились тенденции к их закреплению. Дальнейшая демократизация общества способствовала продвижению к рынку, который создавал экономическую и социальную базу демократии. Стратеги успешных демократических транзитов, проводя последовательную политическую демократизацию, строили и закрепляли эффективные демократические институты, затем создавали систему социальных гарантий и посреднических институтов между государством и рынком. Последовательная политическая демократизация способствовала обеспечению массовой поддержки демократии в условиях тяжелых экономических реформ, так как создавалась социальная страховочная сетка, облегчавшая экономический переход.

Десятилетие посткоммунизма принесло политической науке полное разочарование. Критике подвергались теории, не сумевшие предсказать такой ход и убедительно описать его. Опыт первого десятилетия посткоммунизма не подтверждает основную часть господствующих в сфере анализа демократизации и демократии идей и парадигм. Прилагаются огромные усилия, чтобы спасти «пошатнувшиеся» парадигмы. С невероятной скоростью плодятся концепты, призванные приспособить их к российским реалиям: «прото- и квазидемократия», «остановленный транзит», «затянувшийся транзит», «гибридный режим». Категоричен в оценке этой ситуации Б. Г. Капустин, считающий «транзитологическую парадигму» воскрешением из мертвых теории модернизации, которая в свое время показала интеллектуальное банкротство¹¹.

Альтернативой транзитологической парадигмы он выдвигает «определенным образом истолкованный постмодернизм с присущими ему темами фрагментации и «плюрализма без консенсуса», краха «метаповествований», «отсутствия будущего» и невозможности «делать историю», «смерти субъекта» (в особенности политического), превращения в симулякры таких ключевых понятий и принципов политической жизни Нового времени, как «представительство», «легитимность», «верховенство права», «воля и власть народа», как, впрочем, и самой «политической жизни» и ее организующего начала — «демократии»¹².

По нашему мнению, теории западного модернизма не прижились на российской почве, у российской транзитологии нет движения вперед.

По мнению большинства исследователей, анализ ситуации в России происходит в рамках альтернативных и промежуточных форм политического развития при постоянном подчеркивании особого характера российской трансформации. Восьмидесятые годы оставили в наследие девяностым медленные темпы и упущенные возможности рыжковско-горбачевских реформ. Полный провал реформ их создатель и вдохновитель Е. Т. Гайдар объясняет страхом и историческим опытом, довлевшим над номенклатурой¹³.

Россия вошла в социально-политический кризис, точкой отсчета которого стали реформы, проводившиеся командой Е. Т. Гайдара, А. Б. Чубайса. Он развивался и приобретал системный характер. Углублялись противоречия между сто-

ронниками и противниками проводимых в России реформ и в лагере оппозиции, между законодательной, исполнительной и судебной властью, между центром и регионами.

Национальной трагедией для страны и ее народа стала политика псевдореформ. «За период с 1992 по 1997 гг. произошло падение ВВП на 50 % (ныне он составляет 10 % американского), промышленной продукции — на 55 %, жизненного уровня населения — на 60 %, капиталовложений — на 50—60 %. На Запад беспрепятственно, без всякого противодействия со стороны властей перекачано 300 млрд. долларов в основном награбленного капитала»¹⁴. Страну из-за нищенской зарплаты и бедности покинуло около 200 тыс. ученых и специалистов. Произошла деградация науки, среднего и высшего образования, здравоохранения, культуры, вооруженных сил. Россия была откинута в разряд развивающихся стран. Кардинальные кадровые перестановки 1998 г. не решили проблему. Для того, чтобы остановить кризис, необходимо было проявить политическую волю.

Ко времени избрания В. В. Путина Президентом России ситуация в стране изменилась в силу ряда внутренних и внешних факторов. Революционный период ломки старой системы и приватизации государственной собственности в основном завершился. На этом этапе произошло беспрецедентное для мирного развития страны ухудшение всех социально-экономических показателей. На повестку дня встал вопрос о легитимации и сохранении полученной далеко не всегда законным и этически оправданным путем огромной частной собственности, защите ее от претендентов на новое перераспределение. В. В. Путин столкнулся с вечной проблемой российских «реформ сверху» в процессе так называемой догоняющей, запаздывающей, ускоренной модернизации, когда реформатор имеет дело со слабо структурированным и политически апатичным обществом (отсутствие гражданского общества) в ситуации системного кризиса страны. Эту проблему предшественники В. В. Путина, начиная с И. Грозного и Петра I, решали путем поиска опоры в «государевых людях» и проведения жесткой политики «закручивания гаек». Поэтому неудивительно, что агентом путинских преобразований стало выстраивание вертикали власти. Нынешний процесс постсоветских преобразований можно считать вполне закономерным явлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // МЭ и МО. 1995. № 6. С. 87—94.

² См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю., Федоров Е. Ю. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. С. 146—162.

³ Вайнштейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // МО и МЭ. 1997. № 8. С. 144—154.

⁴ См.: Brzezinski Z. The Great Transformation // «The National Interest», № 33. Fall 1993. P. 3—13.

⁵ Там же.

⁶ См.: Juan J. Linz and Alfred Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996.

⁷ См.: Растой Д. А. Демократизация — согласие — пакт // Полис. 1996. № 5. С. 5.

⁸ Пономарева О. Б. Специфика демократического транзита. К вопросу о некоторых особенностях переходного политического процесса: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 17—18;

⁹ Красин Ю. А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу // Полис. 1992. № 5/6. С. 97—104.

¹⁰ Мельвиль А. Ю. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результатов. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного подхода к демократическим транзитам // Полис. 1998 № 2. С. 6—38; Демократические транзиты. М., 1999.

¹¹ Капустин Б. Г. Конец «транзитологии». О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 12—13.

¹² Он же. Посткоммунизм как современность. Российский вариант // Полис. 2001. № 5. С. 6.

¹³ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1998. С. 187—188.

¹⁴ Независимая газета. 1998. 10 июня.

Поступила 13.05.08.

Н. И. ИЗЕРГИНА

**ОРГАНИЧЕСКАЯ
ДЕМОКРАТИЯ КАК ВЕКТОР
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИЗМЕНЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

С конца XX в. процесс политической трансформации российского общества связан с переходом к демократической политической системе, правовому и социальному государству. На нынешнем этапе трансформации (2003—2008 гг.) публичная политика в России как необходимое условие перехода к демократии участия, как и публичная сфера в целом, оказалась в непростой ситуации.

Режимные изменения — процесс с открытым финалом, а исследование различных его исходов остается актуальной задачей для научной и политической повестки дня. Решение этой задачи предполагает выработку некоего образца политического режима, на который должно ориентироваться трансформирующееся общество. Этот образец может быть результатом собственного творчества, исходящего из всестороннего учета общесистемной специфики функционирования конкретного социума в соответствии с общемировыми тенденциями развития, а может быть результатом односторонней ориентации на внешние «передовые образцы», не учитывающей собственного исторического, национально-культурного своеобразия. В конце XX в. стремление воспроизвести западный образец было чуть ли не важнейшим стимулом демократических реформ на всем посткоммунистическом пространстве.

В процессе «третьей волны демократизации» произошло отделение западных политических форм от их либерально-демократического содержания. Большая или меньшая либеральность режимов, сложившихся в результате посткоммунистических преобразований, не отменяет того факта,

ИЗЕРГИНА Нина Ивановна, доцент кафедры политологии и регионоведения Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

что даже самым свободным (по классификации «Freedom House») странам так и не удалось воспроизвести вожденный образец. Важно также обратить внимание на то, что в «транзите» сегодня находятся и вчерашние демократии. Вступая в фазу глубинной внутренней трансформации, западные политические системы утрачивают свою безусловность в качестве ориентиров для подражания. При неясности ориентиров трудно ожидать четкости политического пути от тех, кто этими ориентирами руководствуется. Некогда продекларированное стремление к подражанию означает сегодня лишь имитацию (осознанную или нет) западных образцов, а российская версия означает «имитацию имитации» или «имитацию в квадрате»¹.

В этой связи возникает вопрос, какой образец демократии нужен современной России для дальнейшей ее трансформации? Более полувека назад русский философ И. А. Ильин (1883—1954) обосновал в качестве образца для России органическую демократию, избежав при этом крайностей европоцентризма и этнонационализма. Им был проведен всесторонний анализ недостатков формальной западной демократии и на этой основе сделан прогноз о неизбежном обострении ее кризиса в будущем.

Нынешнее состояние демократии вполне подтверждает этот прогноз мыслителя. Очень характерна в этом контексте главная тема XX Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки, состоявшегося в 2006 г. в г. Фукуока (Япония) — «Работает ли демократия?». Любопытно, что современная демократия рассматривалась на конгрессе именно так, как в свое время ее рассматривал И. А. Ильин: с точки зрения эффективности, социальной справедливости как длительный историко-цивилизационный процесс, который имеет значительные особенности в различных странах. В частности, было выражено сомнение в превосходстве плюралистической демократии западного типа, опирающейся на правовое государство, рыночную экономику; отмечена актуальность проблемы определения пределов «европоцентричного» понимания демократии, пути ее консолидации и развития².

С конца 80-х гг. XX в. на основе попыток демократизации ученые на новом уровне знаний возвращаются к пониманию первостепенного значения основ демократии³. Вопросу об

основах демократии отводится центральное место в теории органической демократии И. А. Ильина. Его проект — это выражение «особого пути» России, модель модернизации без вестернизации, но в то же время не изолирующая страну от общемировых процессов, не чуждающаяся идеи универсального устройства человеческой жизни. Начало, которое должно лечь в его основу, духовно спасающее и нравственно-возвышающее. Показательно, что активно обсуждаемый сегодня проект «суверенной демократии», претендующий на то, чтобы выступить в качестве мобилизующего и консолидирующего фактора перед лицом новых внешнеполитических и внутриполитических вызовов, восходит в своих приоритетах к либерально-консервативной идеологии И. А. Ильина. Речь идет о приоритетах «суверенной демократии»: творческое сословие как ведущий слой нации, возобновляющий новации и синергию креативных гражданских групп; культура как механизм смыслообразования и идейного влияния и т. д.⁴

Отличительная черта нынешнего этапа в политическом развитии России — глубокий кризис либеральной модели, который подтвердил предвидение Ильина о неэффективности попыток воспроизведения на российской почве западной версии этой модели. Методологической основой анализа эволюции структуры власти в современной России, в направлении демократии качества, в наибольшей мере отвечающей отечественным традициям и историческому опыту, является органическое понимание политики, государства и демократии. По нашему мнению, именно идеи И. А. Ильина об органической демократии должны быть претворены в жизнь.

Органическая демократия предполагает в народе способность править государством. Для этого ему необходимы чувство государственной ответственности, свободная лояльность и элементарная честность, государственно-политический кругозор, сила личного характера, уважение к труду, гражданское мужество, национальное всеединство. Иными словами, органическая демократия рассматривается не просто как власть большинства (толпы), а именно как власть духовных, активных и политически культурных граждан. Таких граждан необходимо воспитывать. Новый русский уклад (религиозный, познавательный, художественный, гражданский, собственный и хозяйственный) должен прежде всего воспитать и укрепить в себе «новый ведущий слой». Затем он может быть

передан народу в процессе «нового, христианско-социального, волевого, творческого воспитания». Для этого новая элита должна извлечь уроки из русского исторического прошлого, ибо, согласно органическому пониманию политики, формы государственного устройства развиваются подобно живым организмам по своим внутренним законам, которые складываются на базе специфической культуры народа.

Устоявшиеся способы политической жизнедеятельности несут на себе отпечаток географических условий страны, характера ее исторического пути, веками господствующих религиозных верований. Принцип органического понимания политики отрицает эффективность одной и той же политической модели или схемы для различных социально-культурных общностей. Ильин выступал против абсолютизации какой-либо абстрактной политической модели и стремления к повсеместной реализации, навязывания ее всем народам без учета их культурно-исторической специфики.

Известный спор о восточной или западной природе духовности России философ решает, не превращаясь ни в фанатичного славянофила, ни в слепого западника. Настаивая на драгоценной самобытности русского народа, его духовного акта, философ ставит главную задачу обновления России: «ковать во всех нас *новый русский дух*». Это означает, что сохраняя воздействие нашей природы и истории, органическое свободолобие, естественную православность души и непосредственную искренность духа, мы должны вырастить «свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации». Самобытность русской души и русской культуры в том, что ее первичные силы (сердца, созерцания, свободы и совести) должны быть определяющими по отношению к вторичным силам (воли, мысли, формы и организации). Осуществлению своей национальной культуры, проникнутой христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности как главной цели, и должна служить органическая демократия.

Органическая демократия сочетает несколько целей — участие (народа и правительства), свободу (прежде всего духовную), правление лучшего меньшинства во имя высшего блага всех, правовой порядок и социальность, баланс управления и самоуправления. Она также включает в себя комплексные предпосылки (искусство свободы, высокий уро-

вень правосознания народа, экономическая самостоятельность гражданина, уровень образования, позволяющий понимать выборный процесс и предлагаемые программы, политический опыт и т. д.), занимающие срединное положение между образами демократии и действительностью. Это значит, что теория органической демократии, опережая реальность, не теряет ее из виду.

Центральное звено теории органической демократии — категория *правосознания*. Оно сообщает «известное чувство меры во всех социальных проявлениях человека»; в нем человек «утверждает свою собственную духовность и признает духовность других людей». Органический характер демократизации, втягивания масс в политику возможен лишь в меру вызревания правосознания рядовых граждан, постепенного обретения ими способностей и творческих навыков к самоуправлению. Народное правосознание растет только тогда, когда между управляющими и управляемыми нет противопоставления, когда управление народом есть в то же время самоуправление народа. Оптимальное соотношение значений начал управления и самоуправления определяется размерами государственной территории, национальным составом, геополитическим положением, укладом народного характера и т. д. Обеспечение максимально благоприятных условий для возрождения и культивирования основ духовности и народного правосознания — основная задача национально и либерально ориентированной власти. Это предполагает исключение практики государственного принуждения и контроля в сфере частной жизни индивида, особенно там, где совершается таинство свободного духовного самоопределения личности; возрождение в людях доверия к частной собственности, честному труду и хозяйственной инициативе; обретение ими материальной независимости и чувства собственного достоинства. Лишь в меру обретения всего этого народное большинство постепенно приобретает навыки к ответственной самодеятельности в сфере национально-государственного строительства, порождающей потребность в политических правах и свободах, развивающей культуру правильного пользования ими.

Итак, в теории органической демократии примиряются начало свободы и начало власти и правового порядка, творческой инициативы и исторической преемственности.

В ней либерализм органично соединен с государственностью, патриотизмом, духовными ценностями и традициями, присущими русскому народу.

Важно, что ее магистральный прогноз отражает основные исторические тенденции: жизнь государства складывается органически; люди, участвующие в этой жизни, не просто нуждаются в свободе и требуют ее, они должны быть достойны ее, участие людей в жизни государства несводимо к внешним делам и внешнему порядку; оно включает и внутреннюю жизнь. «В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или, наоборот, разрушают его) — все *свободные*, частноинициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния гражданина»⁵.

И. А. Ильин не отрицает какой-либо государственный строй, а выявляет те духовные основы, на которых он может эффективно функционировать. Для философа одинаково неприемлемы как абстрактный монархизм, так и абстрактный демократизм. С этих позиций демократическая трансформация общества предполагает детальный анализ конкретной ситуации и выдвижение на этой основе оптимальной в данной ситуации модели демократии. По мнению И. А. Ильина, после падения коммунистического строя в России, «вернее всего», будет «такая новая политическая форма, которую не подведешь ни под какую историческую и юридическую категорию, ибо она возьмет *жизнеспособное из разных форм*; она сложится в хаосе, из беды и нужды, в виде великой, спасительной импровизации; она будет приспособляться на ходу, будет подвижна и изменчива...»⁶.

Сильная сторона органического понимания политики и демократии заключается в том, что оно акцентирует внимание на факторах именно духовного, культурного порядка, определяющих развитие экономических и политических систем. Кроме того, органическое понимание политики и демократии исключает однозначные предписания. Демократическое строительство — это творчество, исходящее из осознания уникальности конкретной политической ситуации, ее слитности с социально-экономической и духовно-культурной средой. Одновременно органический подход подразумевает изучение и разумное использование накопленного мирового политического опыта государственного строительства.

Теория органической демократии дает возможность решения такой проблемы современных демократических обществ, как «рост аномичной демократии». Суть последней в том, что в демократических обществах сегодня недостает не согласия по поводу *правил* игры, а понимания *цели*, во имя которой стоит играть. Культу мертвой формальной *процедуры* в теории органической демократии противопоставляются здоровые традиционные ценности, сообщающие биологическим особям их человеческий облик, наделяющие *смыслом* их бытие и ориентирующие их практику. Это абсолютные и объективные ценности, имеющие морально-религиозную природу (Откровение, Истина, Добро, Красота, Естественное, т. е. «совестное» Право) и составляющие реальный фундамент любой национальной культуры. Именно эти постоянные субстанции определяют меру, соотношение значений индивидуальности и коллективизма, автономии и солидарности, управления и самоуправления, являющихся источниками политического здоровья общества.

Назначение органической демократии — беречь национальную культуру и создавать условия для ее расцвета. Главный путь, ведущий к расцвету русской национальной культуры, по И. А. Ильину, есть путь нового воспитания, исходящего «из трех великих основ человеческой жизни и культуры — *свободы, любви и предметности*», взаимно обуславливающих друг друга⁷.

Следует отметить еще одну особенность органического понимания политики, состоящего не только в том, чтобы освобождать и поощрять лучшие силы народа, но и щадить «отрицательные силы и волевые заряды и находить для них положительное применение»⁸. Народная жизнь органична: каждая часть нуждается в остальных и служит им. Каждый из нас заинтересован самым реальным образом в благополучии каждого из своих сограждан: один бедствующий, оставленный без помощи, ставит всех в положение черствых предателей; один нищий есть угроза всем; один заболевший чумою заразит всех; и каждый сумасшедший, каждый запойный пьяница, каждый морфинист есть общая опасность. Политика не должна разъединять людей, а, напротив, должна объединять людей на том, что «им всем общее». Поэтому истинная политика утверждает органическую солидарность всех со всеми. Поэтому истинный политический успех обес-

печивается «органическим созерцанием» того, что соединяет всех со всеми и «гражданским мужеством», чтобы бороться против того, что их разъединяет. Такова «программа всеобщей органической солидарности» Ильина, составляющая важнейшую основу органической демократии⁹.

Теория органической демократии И. А. Ильина носит нормативную и консервативную направленность, но это не значит, что она утопична, архаична и анахронична. Опыт переходного состояния России показывает, что либерализм вряд ли утвердится в обществе без органичного соединения с государственностью, патриотизмом, духовными ценностями и традициями, присущими русскому народу, а общественно-политический идеал наполнит смыслом и задаст общее направление проводимым реформам. В этой связи теория органической демократии И. А. Ильина имеет непреходящее значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пшизова С. Н. Политика как бизнес: российская версия (I) // Полис. 2007. № 2. С. 110—113, 116, 117.

² См.: Хроника политической науки // Полис. 2006. № 5. С. 185—186; Ирхин Ю. В. Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки в Японии «Работает ли демократия?» // Соц.-гуманит. знания. 2007. № 1. С. 222—244.

³ См.: Сытин А. Г. Исследование вопроса о необходимых предпосылках демократии в западной политической мысли XX в.: основные идеи и проблемы // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 2006. № 4. С. 51—59.

⁴ См.: Окара А. Н. Реприватизация будущего. «Суверенная демократия»: от поисков «новой русской идеи» к «миссии» корпорации ЗАО «Россия» // Политика. 2007. № 1. С. 90.

⁵ См.: Ильин И. А. Об органическом понимании государства и демократии // Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 294.

⁶ Цит. по: Шаронов Д. И. Концепция органической демократии И. А. Ильина // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 12. Соц.-полит. исслед. 1994. № 1. С. 71.

⁷ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Наши задачи... Т. 2. С. 143, 144.

⁸ Ильин И. А. О политическом успехе // Там же. С. 131.

⁹ Зотов В. Д. Слово об Иване Ильине // Соц.-гуманит. знания. 2006. № 4. С. 267.

З. А. ЕГОРОВА

**ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
НА ФОРМИРОВАНИЕ
МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РОССИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Развитие многопартийности в России отражает сложный процесс формирования политической системы постсоветского общества. Сочетание объективных и субъективных причин, исторических традиций и борьбы за власть придало истории становления многопартийности в России не только особый колорит, но и выявило направления и тенденции, требующие научного осмысления. Особое влияние на становление многопартийности оказывают трансформации избирательной системы, позволяющие определить не только ее специфику, но и показать роль политико-правовых механизмов в этом процессе.

Горбачевские реформы позволили обществу открыто обсуждать деятельность власти. Плюрализм мнений повлек за собой возникновение множества политических взглядов на общественную жизнь. Одним из инициаторов многопартийности была государственная власть, которая уже тогда понимала, что «нельзя было успешно проводить политику либерализации в обществе, не создав условий для дискуссий и плюрализма»¹. КПСС к тому времени была идеологически разнородной. «Чтобы вывести этот „скрытый плюрализм“ в сферу открытой политической борьбы, руководство КПСС санкционировало создание фракций („платформ“) внутри партии»². После распада СССР и в период экономических реформ политические партии не получили должного развития и не имели возможности участвовать в формировании власти, так как «сторонники рыночных ре-

ЕГОРОВА Зоя Александровна, старший преподаватель кафедры государственного и административного права Института права и государственной службы Ульяновского государственного университета.

форм консолидировались вокруг Президента Б. Н. Ельцина, а их противники — вокруг Верховного Совета. Поскольку протопартийные объединения были по-прежнему слабыми в организационном и политическом планах, им досталась роль младших партнеров, союзников этих институтов власти в их противостоянии друг с другом»³.

Постепенное укрепление властных структур в государстве привело к усилению их влияния на политическую жизнь и активному использованию электорального законодательства в дальнейшем становлении многопартийности в России.

О. В. Попова отмечает, что «институциональные изменения политических процессов в России принципиальным образом уже изменили, „лицо“ выборного процесса в нашей стране»⁴. Она выделяет два этапа изменения российского выборного законодательства. Первый охватывает 1991—1998 гг. — период «запаздывающего латания дыр», связанный с попыткой избавиться от непредвиденных последствий использования во время предвыборной борьбы «черных политтехнологий» (изменение законодательства шло «по результатам» прошедших выборов), второй — с 1999 г. и по настоящее время. Этот период связан с осознанным стремлением на уровне законодательных актов таким образом регламентировать ход предвыборной кампании, чтобы избежать опасности получить по итогам выборов не запланированный результат⁵.

При рассмотрении вопроса об этапах становления многопартийности в постсоветской России похожие периоды изменений российского избирательного законодательства выделяет и А. В. Рябов. В частности, третий и четвертый этапы (1993—2003 гг., 2003 г. — настоящее время) в этом процессе он связывает именно с развитием избирательного законодательства⁶.

Несмотря на то, что Конституция РФ 1993 г. формально закрепила многопартийность, правовое положение политических партий оставалось нестабильным, так как у них отсутствовала возможность влиять на власть, следовательно, необходимо было найти способы влияния. Одним из этих способов стало принятие Указа Президента РФ от 1 октября 1993 г. № 1557 «Положение о выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г.»⁷, юридически закрепившего политические партии в качестве элемента политико-правовой системы и их возможность участвовать

в законотворчестве, что являлось результатом действия мажоритарно-пропорциональной системы выборов. Положение политических партий в регионах оставалось по-прежнему нестабильным, их влияние на местную политику — незначительным. «Исполнительная власть в субъектах федерации всегда стремилась подчеркнуть свой беспартийный характер. Губернаторы нередко заявляли, что представляют интересы „партии избирателей” своего края или области»⁸. Так, выборы депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области в 1995 и 1999 гг., проходившие исключительно по мажоритарной системе, являлись свидетельством данного процесса. На территории области существовал полный контроль властных исполнительных структур над электоральным процессом, что было связано в первую очередь с деятельностью экс-губернатора, реализующего свою политику без опоры на какую-либо политическую партию, а «состояние области до 2001 года можно назвать если не застоём, то „административно ограниченными полуреформами” в экономике, распределительной системой в социальной сфере и практически полным контролем политической и культурной сфер общества»⁹.

Итак, в 90-е гг. XX в. законодательное признание получил принцип сочетания мажоритарной и пропорциональной избирательной систем, что придало ей облик динамично развивающегося института, соответствующего реалиям времени. Этот период характеризовался стабилизацией политических отношений и удержанием политического развития в правовых рамках, так как именно партии предназначены для выражения корпоративных интересов, интегрирования политического смысла частных интересов, их перевода на общегосударственный уровень. В то же время сохранялась связь избирателей с властью через депутатов-одномандатников, представляющих интересы своих избирателей, что соответствовало традиционной политической культуре основной части населения страны.

Начало 2000-х гг. характеризуется проведением в России широкомасштабных политико-правовых реформ, характеризующихся дальнейшим становлением многопартийной системы, что обеспечивается государственно-правовым стимулированием процессов укрепления партий, переходом от крайнего плюрализма и атомарности партийной системы к

устойчивой партийной идентификации в рамках сложившейся политической системы и демократии. Одно из направлений такой реформы — введение пропорциональной системы выборов депутатов органов законодательной власти, следствием которой являются многочисленные дискуссии.

В литературе не раз отмечалось, что пропорциональная избирательная система в развитом демократическом государстве с отсутствием жесткого контроля со стороны «партии власти» способствует развитию многопартийности, для чего необходимо наличие у граждан возможности создавать политические партии. «В ситуации, когда партии крайне сложно приобрести легальный статус, влияние избирательной системы на партийную резко падает»¹⁰. Анализируя особенности российской партийной системы и принятое за последнее десятилетие законодательство, А. В. Кынев выделяет следующие этапы региональной избирательной реформы¹¹.

Первоначальное изменение законодательства. Так, Федеральный Закон РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹² обязал субъекты Российской Федерации избирать по пропорциональной системе не менее половины депутатов законодательного органа, а также Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹³, который закрепил избрание депутатов Государственной Думы по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты Государственной Думы. Этот нормативный акт на федеральном уровне «отказывается от смешанной избирательной системы и направлен на стимулирование граждан, желающих заниматься политикой, к участию в деятельности политических партий, то есть к занятию политикой не в индивидуальном порядке, а в составе команды единомышленников»¹⁴. Региональная избирательная кампания 2003 г. оказалась под влиянием федеральной избирательной кампании по выборам в Государственную Думу. «Ресурсы региональных элит оказались распылены, практически нигде, кроме Ульяновской области, не было избирательных блоков, и достигнутые результаты во многом сближались с

общефедеральными. Доминировала „Единая Россия”, хуже всего выступившая в Ульяновской области»¹⁵.

Изменение законодательства с учетом опыта региональных выборов 2003—2005 гг., в основе которого были отмена избирательных блоков, установление 7%-го барьера, ужесточение процедуры регистрации списков и кандидатов. Основной целью этого этапа стала попытка контроля над теми политическими силами, к которым уходили голоса недовольных в действиях федерального центра.

Лето 2006 г. — настоящее время. Этот период связан с отменой протестного голосования. «Ключевыми игроками» на региональных выборах были губернаторы и их команды, заинтересованность которых в контроле над законодательной властью значительно выросла после вступления в силу изменений в законодательстве, связанных с назначением глав регионов из федерального центра. Такая тенденция прослеживается и на будущих выборах депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области, о чем свидетельствует реклама в пользу поддержки партии действующего губернатора, в значительной степени дублирующей рекламные акции на прошедших выборах депутатов Государственной Думы 2 декабря 2007 г. Не смотря на то, что будущие выборы депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области пройдут по смешанной избирательной системе, большинство одномандатников является членами «Единой России», что говорит о доминировании «этой партии» в российском политическом процессе как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Таким образом, переход на новую пропорциональную избирательную систему олицетворяет начало нового этапа формирования многопартийности «партией власти» с использованием «тепличных правовых условий, а не гражданских инициатив»¹⁶. «Принято считать, что выдвижение от политической партии способствует успеху кандидата, избираемого по системе большинства. Оно делает кандидата узнаваемым, проясняет его идеологический профиль. Согласно теории рационального выбора, избиратель, чтобы определить, какой из претендентов удовлетворяет его политическим предпочтениям, должен располагать информацией не только о личности кандидата, но и о политической партии, от которой он выдвигается. Очевидно, что получение информации обо всем

пуле кандидатов сопряжено со значительными сложностями. Информация же о партиях более доступна, и рядовой гражданин обычно имеет представление о том, чего можно ожидать от той или иной из них. Иначе говоря, партийная аффилиация снижает уровень неопределенности, тем самым, снижая и связанные с выбором трансакционные издержки. Соответственно, при прочих равных условиях рациональный избиратель отдаст предпочтение партийному кандидату. Существуют и другие формы взаимодействия между партиями и кандидатами. На практике нередко бывает, что не кандидаты пытаются заручиться поддержкой партии, а партии вербуют популярных на местах деятелей, дабы с их помощью добиться представительства в регионах либо просто привлечь к себе внимание»¹⁷. Это в свою очередь является свидетельством не до конца сложившейся многопартийности, незавершенности процесса становления многопартийности в России.

В то же время, голосуя за конкретную партию, избиратель не знает, кто займет место в парламенте и кто будет представлять его интересы, при голосовании избиратель отдает предпочтение той партии, программа которой наиболее ему близка, а возможность реализации механизма ответственности в данных условиях не всегда представляется осуществимой. Таким образом, обезличенность партийных списков является одним из недостатков данной избирательной системы, так как голосование за конкретную личность является наиболее оптимальным вариантом любой избирательной системы, доступной и понятной рядовому избирателю, хотя во время предвыборной агитации избиратели имеют возможность познакомиться и с конкретными кандидатами, так как именно они выступают в СМИ, агитируя предвыборную программу своей партии.

Трансформации избирательного законодательства на разных этапах свидетельствует о том, что основной целью этого процесса являлось развитие партийной системы. «Именно на это и были направлены такие решения, как превращение партий в единственных участников выборов, увеличение численности партий и количества их региональных объединений как условие их регистрации. Даже введение пропорциональной системы выборов при всей ее спорности тоже, учитывая весь мировой опыт, работает именно на усиление роли партий в политическом про-

цессе»¹⁸. В то же время существует мнение и о том, что переход на пропорциональную избирательную систему при выборах в региональные представительные органы позволит активизировать работу политических партий в регионах РФ, так как «региональные интересы остаются для регионального избирателя первичными, и отделения федеральных партий при введении полностью пропорциональной системы на уровне субъектов будут вынуждены подстраиваться под региональные интересы, что заставит партии принимать реальное участие в политической жизни на местах»¹⁹.

Региональное избирательное законодательство, соответствующее общенациональным стандартам, также направлено на развитие партийной политической системы. Новое избирательное законодательство и введение пропорциональной избирательной системы федерального уровня оказало воздействие на регионы, некоторые из которых перешли на эту систему выборов, например, г. Санкт-Петербург, Московская область и Республика Дагестан. Большинство же сохранило существовавшую ранее смешанную избирательную систему, в их числе и Ульяновская область.

7 декабря 2003 г. были проведены выборы в Законодательное Собрание Ульяновской области по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе. Из 30 депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области 15 избирались по одномандатным избирательным округам, 15 — по областному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за областные списки кандидатов, выдвинутых избирательными объединениями, избирательными блоками. Из 13 депутатов, избранных по мажоритарной избирательной системе (по двум одномандатным избирательным округам повторные выборы признаны не состоявшимися), 9 депутатов являлись беспартийными, 4 принадлежали к партии «Единая Россия», что свидетельствует об авторитете этой партии в регионе.

По пропорциональной избирательной системе из 10 избирательных объединений, избирательных блоков 5%-й барьер прошли «Ульяновское региональное объединение ЛДПР», «Ульяновское региональное отделение политической партии „Единая Россия“», «Ульяновское областное отделение КПРФ» и избирательный блок «Народ за Фролыча» (избирательный

блок экс-губернатора Ульяновской области Ю. Ф. Горячева). Кроме того, партия «Единая Россия» еще получила 4 места одномандатников, таким образом получив большинство мест в представительном органе, что благоприятствовало проведению партийной политики.

Успех данных избирательных объединений и блока связан с тем, что они являются наиболее известными, остальные объединения в регионе либо вообще не известны, либо о них знает ограниченный круг людей, что не достаточно для победы на выборах. Возможно, что это связано и с недостаточными финансовыми возможностями «проигравших» партий. Такие партии, как «КПРФ», «ЛДПР» и «Единая Россия», ведут свою агитационную работу не только во время предвыборной агитации, но и в интервалах между выборами, например, еще телевизионная передача «ЛДПР» на местном телевидении. Большое значение имеет и предыдущий политический опыт партий.

Против всех по областному избирательному округу на региональных выборах 2003 г. проголосовали 12,77 % избирателей. Эта позиция занимает второе место после избирательного объединения «Единая Россия», что является свидетельством протестного поведения, либо неспособности населения принимать самостоятельные решения и голосовать за нововведения, не учитывая прошлый опыт и не прогнозируя будущее. Таким образом, региональный избирательный процесс также свидетельствует о легализации стремления региональной политической элиты, как и федеральной, к контролю над политическими процессами.

Отмена графы «против всех» в избирательном законодательстве России позволяет «заставить избирателей не портить бюллетени, а делать выбор и не выражать протест своим бездействием.

Как уже было отмечено, выдвижение от политической партии способствует успеху соответствующего кандидата, так как оно делает его узнаваемым, проясняет его идеологию и политические взгляды. Однако получение информации обо всех кандидатах сопряжено со значительными сложностями. Так, на выборах 7 декабря 2003 г. избирательными объединениями, блоками, зарегистрировавшими областные списки кандидатов, в общей сложности было выпущено 425 агитационных печатных, аудиовизуальных и иных материалов,

в то время как кандидатами — всего лишь 75 материалов. Таким образом, информация о партиях более доступна.

Несмотря на то, что выборы в Законодательное Собрание Ульяновской области в соответствии с Законом от 3 апреля 2007 г. № 29—30 «О выборах депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области»²⁰ проходят по смешанной избирательной системе, что является существенным отличием от общефедерального законодательства, можно выделить общие черты в избирательном процессе, в частности, частичное избрание депутатов по пропорциональной системе, использование общих избирательных принципов, равный статус кандидатов, общие условия для проведения предвыборной агитации.

Значительное влияние на формирование партийно-политической системы России оказывают личностный (политическая культура населения), территориальный, социальный, институциональный, организационный и другие факторы. Особую роль играют избирательные технологии.

Таким образом, трансформация избирательных систем выступает механизмом стимулирования развития многопартийности в целом, в том числе и партийной системы. Это влияет на ограничение воинствующей оппозиционности некоторых политических сил и позволяет сдерживать отрицательные последствия партийной организации политической жизни, а именно политический экстремизм левого и правого толка, использование партий в личных целях, вырождение партий в олигархические организации, излишнюю партийно-идеологическую дифференциацию общества и дестабилизацию политической жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рябов А. В. Многопартийность в современной России // Российская политика: Курс лекций / Под ред. В. А. Никонова. М., 2006. С. 106.

² Там же. С. 108.

³ Там же.

⁴ Попова О. В. Политические последствия изменения российского электорального законодательства в 2000-х годах // Материалы междунар. науч. конф. «Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы», 22—23 нояб. 2007 г. М., 2007. С. 250.

⁵ Там же.

⁶ Рябов А. В. Указ. соч. С. 104.

⁷ Указ Президента России от 1 октября 1993 г. «Положение о выборах депутатов Государственной Думы» // Бюлл. центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1993. № 1.

⁸ Рябов А. В. Указ. соч. С. 111.

⁹ Основные аспекты регионального политического процесса: Ульяновская область. 2002—2003 гг. Вып. 1(3). Социально-экономические, политико-культурные изменения в регионе в постсоветский период: Сб. ст. / Под ред. Н. В. Дергуновой. Ульяновск, 2004. С. 241.

¹⁰ Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // Полис. 2006. № 6. С. 146.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Закон РФ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собр. Законодательства Российской Федерации от 23 апреля 2007 г.

¹³ Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собр. Законодательства Российской Федерации от 30 апреля 2007 г.

¹⁴ Овсян Ж. Формирование юридических предпосылок становления многопартийной системы в Российской Федерации конца 20—21 века // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4. С. 54.

¹⁵ Кынев А. В. Указ. соч. С. 149.

¹⁶ Рябов А. Указ. соч. С. 111.

¹⁷ Медведев Ю. С. Партийное выдвижение кандидатов в одномандатных округах на выборах в российские региональные законодательные собрания // Полис. 2006. № 3. С. 92.

¹⁸ Миграян А. М. От политического хаоса к порядку // Известия. 2007. 17 апр. С. 4.

¹⁹ Чащихина Е. М. Специфика перехода к пропорциональной системе на выборах в законодательные органы субъектов Российской Федерации (на примере Курганской области, Тюменской и Челябинской областей) // Материалы междунар. науч. конф. «Трансформация политической системы России: проблемы и перспективы». 22—23 нояб. 2007 г. М., 2007. С. 322.

²⁰ Закон от 3 апреля 2007 г. № 29—30 «О выборах депутатов Законодательного Собрания Ульяновской области» // Ульяновская правда. 2007 г. № 29. 1 апр.

Поступила 30.01.08.

С. А. ЩАНКИН

А. С. БОРИСКИН

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

До недавнего времени в стране господствовало мнение, что наукоемкая, высокотехнологичная российская промышленность способна развиваться и совершенствоваться без государственной поддержки, благодаря действию рыночного механизма и потребностям российского бизнеса. В результате экономика России в 90-е гг. XX в. втрое сократила удельный вес наукоемкого производства (пятого технологического уклада). Увеличилась доля третьего и реликтового укладов, связанных с добычей сырья и энергоресурсов. Предприятия обрабатывающей промышленности пока не в состоянии производить готовую, высокотехнологичную, конкурентоспособную продукцию. Сложившиеся за годы реформ экономики институциональные условия сдерживают рост конкурентоспособности отечественных предприятий. Страна может оказаться не подготовленной к вступлению в ВТО. За рубежом, в странах-лидерах научно-технического

ЩАНКИН Сергей Алексеевич, доцент кафедры экономики управления строительством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

БОРИСКИН Алексей Сергеевич, заведующий кафедрой экономики управления строительством Мордовского государственного университета, кандидат технических наук, доцент.

прогресса продолжают формироваться основы шестого и закладываются элементы седьмого укладов.

Одним из направлений выхода из сложившейся ситуации может, на наш взгляд, стать государственная программа инновационного развития регионов. В Республике Мордовия проводятся организационно-структурные и социально-экономические мероприятия по повышению конкурентоспособности предприятий, расположенных на ее территории. За развитие науки и инноваций в РМ отвечает вице-премьер Правительства РМ. Под его руководством ежегодно в РМ проводится научно-практическая конференция на тему «Наука и инновации в Республике Мордовия».

Правительство РМ является координационным центром, сочетающим выработанную стратегию и практические шаги в данном направлении. Для мобилизации инвестиционных ресурсов в регионе, их лучшего использования и усиления воздействия на прирост ВРП необходимо уделить внимание структурной перестройке, поддержке товаропроизводителей, формирующих инновационный кластерный механизм, развитию предпринимательства, формированию конкурентной среды в регионе, становлению рыночной инфраструктуры, разработке крупных инвестиционных программ.

Мордовия способна трансформироваться из потребителя готовых инновационных проектов на стадии их массовой реализации в центр разработки и экспериментального апробирования современных технологий. В Послании Главы РМ Государственному собранию РМ Н. И. Меркушкина высказана идея формирования инновационной экономики с соответствующей инфраструктурой: «Выполняя Послание прошлого года, нашим правительством совместно с Минэкономразвития России одним из первых в стране создан важнейший элемент инновационного развития республики — венчурный фонд Мордовии»¹.

Накопленный в республике опыт может быть использован в других субъектах РФ. Высокая степень готовности производственной, научно-исследовательской базы, полнота и завершенность объектов инфраструктуры помноженные на эффективное использование квалифицированной рабочей силы способны предоставить возможности в ряде перспективных направлений инновационной деятельности. Именно инновации обеспечивают предприятиям долговременное конкурентное

преимущество, являются одним из основных источников конкурентоспособности. Сформированный единый производственный комплекс республики способен стать постоянно совершенствующимся инновационным механизмом, реализующим необходимый стране конкурентоспособный продукт.

Долгосрочными приоритетами региональной промышленной политики послужили предприятия ряда отраслей экономики РМ: электротехнической, светотехнической, пищевой, перерабатывающей, кабельной и строительной. Например, продукция завода «Саранскабель» (оптико-волоконный кабель, огнестойкий и громозащитный) знает вся страна. В ближайшие годы начнется выпуск кабелей высокого напряжения. Годовой объем этого производства составит 12 млрд руб. Предприятие «Сарэкс» совместно с белорусскими специалистами планирует выпускать около 400 тракторов в месяц, на сумму 4,5 млрд руб. годового объема реализации. На «Мордовцементе» запущена линия энергосберегающего полусухого производства клинкера. В ближайшие годы начнется строительство нового предприятия с сухим обжигом сырья. Предприятие «Лато» начинает выпуск нового отделочного строительного материала, пока не производимого в стране. Саранский телевизионный завод в составе концерна «Радиотехнические и информационные системы» планирует начать производство нового высокотехнологичного продукта. На подъеме находятся Уметский ДСК, Саранский консервный и авторемонтный заводы, Ковылкинский электромеханический, Ардатовский светотехнический заводы. Значительная реконструкция планируется на предприятии «Резинотехника».

Проведена модернизация мясокомбинатов «Саранский», «Атяшевский», «Торбеевский» и «Оброченский». В пищевой промышленности имеется более двадцати предприятий, производящих продукцию европейского уровня. В аграрный сектор РМ за два последних года вложено почти 8 млрд руб. В аграрный проект вошло около 20 тыс. личных подсобных хозяйств. Они получили 2,7 млрд руб. кредитов. В республике насчитывается 115 фермерских хозяйств, их заем составил 253 млн руб., 140 кооперативов взяли на свое развитие около 700 млн руб.

В настоящее время в РМ реализуется более 40 проектов модернизации производства в рамках третьей программы экономического и социального развития на 2006—2010 гг.

Для формирования устойчивого конкурентного преимущества необходимо, чтобы имеющийся интеллектуальный ресурс сочетался с институциональными и организационными переменами в агропромышленном потенциале республики. Следует отметить, что среди функционирующих предприятий республики 60 % определяют в качестве устойчивых конкурентных преимуществ собственные внутренние возможности, 19 % — диверсификацию производства, 11 % — определенную рыночную нишу, 10 % — эффект масштаба. Следовательно, интеллектуальный капитал, объединенный с соответствующей организацией производства на предприятиях и благоприятной институциональной средой, в состоянии дать синергетический эффект и превратить имеющийся потенциал кластерного механизма в реально функционирующую конкурентоспособную хозяйственную систему.

Преимущество инновационного кластера состоит в том, что действие всех эффектов вызывает преодоление нижней границы нормы прибыли вследствие возможной специализации. Это ведет к повышению производительности труда и уменьшению себестоимости продукции.

Одним из важных направлений развития инновационной экономики региона может стать венчурный бизнес. За рубежом широко развиты государственные и частные венчурные фонды. Накопленный зарубежный опыт может быть использован в России. Фонд создается совместным участием средств федерального центра, регионального бюджета, консорциума региональных банков и частных инвесторов. Он способен финансировать проекты, основанные на коммерческом использовании научных открытий и достижений. Главной задачей деятельности венчурного регионального фонда (ВРФ) должно стать осуществление приоритетной поддержки республиканских инновационных предприятий, создающих наиболее перспективные инновационные товары.

Венчурные инвестиции содержат высокую степень риска, но способны обеспечить благоприятные перспективы дохода. В обмен на принимаемый на себя риск венчурный бизнес получает вознаграждение в виде прибыли, роялти, привилегированных акций компаний, использующих их средства для коммерческого применения научно-технических открытий и изобретений.

Необходимо отметить, что в развитых странах венчурные инвестиции играют значительную роль. Так, в США объем венчурных инвестиций возрос с 5 млрд долл. в год в начале 90-х гг. XX в. до более 100 млрд долл. в последние годы. В России производительность труда составила за годы реформ 20 % от уровня США. В объеме продаж наукоемкой продукции на долю нашей страны на мировом рынке приходится 0,3 %, США — 20 %, Японии — 11 %, Германии — 8,5 %. Стоимость не использованной российской промышленностью интеллектуальной собственности превышает 100 млрд долл.²

Руководством Мордовии поставлена задача — республика должна стать центром высокотехнологического бизнеса. Курсом инноваций республика движется в течение 10 лет. Для решения поставленной задачи в 2007 г. в РМ созданы Фонд содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия и бизнес-инкубатор. В последние два года на развитие малого бизнеса из бюджета РМ направлено 289 млн руб., такая же сумма поступила из федерального бюджета³. Цель венчурного фонда — инвестирование организаций, занимающихся научно-технологическими разработками и изобретениями. Управлять формирующимся предприятием будет финансовая компания «Альянс РОСНО УД».

В настоящее время важнейшая задача венчурного бизнеса — определение круга ученых, способных подготовить бизнес-проект, а также оформить документы на объект интеллектуальной собственности. В ближайшие годы необходимо завершить формирование механизма коммерциализации научных разработок, сделать их востребованными отечественным бизнесом.

Для того, чтобы контролировать вложенные средства, инвесторы становятся соучредителями малых предприятий и стремятся совместно с учеными преобразовать научную идею в высокотехнологичный товар. Для реализации предлагаемого проекта необходимо от 5 до 7 лет. Сложность и проблематичность этой работы заключается в способности выделить из массы предлагаемых научно-технологических проектов наиболее перспективные.

Минэкономразвития РФ совместно с региональными властями сформировало аналогичные фонды во многих регионах. Для реализации этого проекта федеральный бюджет выделяет 70 млн руб., столько же регионы и 140 млн руб. — бизнес.

За короткое время венчурному фонду РМ удалось привлечь частные инвестиции в количестве 280 млн руб. В 2008 г. капитализация превысила 880 млн руб.⁴ В настоящее время в работе фонда находится 11 проектов, в которые будут вложены 15—25 млн руб. Это разработки новых мультимедийных проектов, радиотехнических устройств, приборы оказания услуг спутниковой навигации, создание программного обеспечения мирового уровня. Часть проектов направлена на повышение эффективности поиска, добычи и переработки полезных ископаемых. Предприятия, функционирующие в составе венчурного фонда РМ, регистрируются на территории республики и платят налоги в местный бюджет. Выработанный подход является основой региональной Государственной программы стимулирования развития инновационного производства Мордовии.

В РМ функционирует бизнес-инкубатор. Его задача — содействовать вновь образованным малым предприятиям, предоставляя на льготных условиях производственные площади, оборудование и необходимые консультации. Начинающему предпринимателю необходимо предоставить бизнес-план и приступить к работе. Для поддержания предпринимательства используются резервы Банка-развития. К 2020 г. доля наукоемких предприятий должна возрасти с 2 до 20 %.

Большинство малых предприятий располагается в бизнес-инкубаторе, что гарантирует им определенные льготы. В будущем они должны стать основой саранского технопарка. Для его создания отводится площадь в 40 га, планируется строительство 50 тыс. м² административных зданий, жилья площадью 570 тыс. м² и формирование необходимой социальной инфраструктуры. Стоимость возведения технопарка составит 10 млрд руб. Бюджеты всех уровней выделяют 3 млрд руб., остальная сумма будет выделена инвесторами. Сформирована концепция технопарка. К 2010—2011 гг. будут сданы основные объекты инфраструктуры и начнется реализация программы поддержки инноваций.

Для научно-исследовательской работы ученых планируется создать необходимые условия, которые включают в себя современные лаборатории с научным оборудованием. Ключевую роль в достижении конкурентоспособности играет интеллектуальный капитал, являющийся устойчивым конкурентоспособным преимуществом фирмы.

Устойчивость конкурентоспособных факторов вызвана рядом причин: длительностью жизненного цикла знаний, способностью к самосовершенствованию и самообновляемости. Знания характеризует «эффект возрастающей доходности». Они обеспечивают рост доходности по мере их применения. Таким образом, знания имеют эффективность синергии, т. е. создаются и совершенствуются новые знания. Продолжительность жизненного цикла продукта увеличивается за счет привлечения активов из разных областей знаний.

Республика Мордовия характеризуется высоким уровнем развития науки и образования, ее отличает стабильная образовательная база — Мордовский государственный университет, который может быть преобразован в межрегиональное учебно-исследовательское учреждение.

Формируемый в настоящее время менеджмент знаний на предприятиях республики представляет собой механизм увеличения организационного знания на производстве. Существует два вида увеличения знаний: внутренний (работники и специалисты предприятия, а также их мотивация к совершенствованию) и внешний (публикации, система специального и высшего образования, профессиональные, консалтинговые и иные структуры). Управление знаниями может быть представлено на ряде уровней: разработка стратегии развития системы знаний в организации; разработка и формирование механизма аккумуляции, применения и накопления знаний; мотивация персонала для реализации мероприятий по управлению знаниями.

Республиканский венчурный фонд стремится установить взаимодействие перспективных проектов и передового опыта. В условиях нарастающей глобализации и конкуренции преимущество получают регионы, привлекающие высококвалифицированных специалистов. В связи с этим Мордовия должна обеспечить благоприятные условия в виде необходимой инфраструктуры, льготного налогового режима, мягких административных барьеров.

Функционирующему в Мордовии венчурному бизнесу присущ ряд недостатков. Это невысокая предпринимательская активность (особенно в научной сфере), замкнутость российских специалистов, их слабая взаимосвязь с мировой информационной сетью, отсутствие спроса на научно-технические разработки у среднего и крупного бизнеса.

Главное богатство Республики Мордовия — интеллектуальный и научно-технологический потенциал. По числу специалистов, занимающихся НИОКР, республика находится в первой десятке регионов страны. По уровню грамотности взрослого населения Мордовия сохраняет равное положение с развитыми странами мира.

Государственная программа инновационного развития региона может содержать механизм государственного участия в формировании вертикально и горизонтально интегрированных комплексов, а также инновационных кластеров; перспективные отраслевые и региональные проекты развития конкурентоспособных структур; в рамках функционирования РВФ и бизнес-инкубатора систему поддержки малого и среднего наукоемкого предпринимательства; элементы прямого участия государства в ВФ и принятие инновационного направления в качестве стратегического пути развития региона; определение источников и размеров государственных средств для формирования фонда развития региона, направляемого на создание специфической инфраструктуры конкурентоспособной экономики.

Все это создаст возможности для перехода к новому качеству экономического роста. Таким образом, в рамках отдельного региона отрабатываются элементы государственного подхода к решению важнейшей проблемы российской экономики — формированию инновационной, конкурентоспособной модели национальной хозяйственной системы страны. Перечисленный комплекс мер позволит экономике республики вступить в ВТО без ощутимых для нее потерь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Послание Главы Республики Мордовия Государственному Собранию Республики Мордовия от 25 января 2008 г.

² См.: Шанднева Н., Лузан С. Венчурное и инновационное: проблемы развития // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.rvca.ru>].

³ Послание Главы Республики...

⁴ Владимирова М. В Саранске построят «город науки» // Столица С. 2008. 15 янв.

С. Н. РАСТВОРЦЕВА

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Проблема повышения эффективности актуальна на макро-, мезо- и микроуровне, так как она в целом определяется эффективностью деятельности отдельных экономических систем и хозяйствующих субъектов. Задача формирования в России конкурентоспособной экономики требует поиска новых подходов к решению проблем на региональном уровне. Однако вопросам управления эффективностью на региональном уровне иерархии социально-экономических систем уделяется недостаточно внимания. Тем не менее, многие из сегодняшних проблем экономики региона могут быть решены с помощью целенаправленного управления эффективностью, положенного в основу региональной политики.

Экономическая реформа должна способствовать интеграции российской экономики, укреплению ее целостности. Необходимо сочетать разнообразие подходов к решению проблем в отдельных регионах и единство общих принципов функционирования рынка на всем экономическом пространстве, общие правила экономического взаимодействия центра, регионов, хозяйствующих субъектов¹.

При управлении социально-экономической эффективностью регион следует рассматривать как субъект экономических отношений, носитель как особых экономических интересов, как многофункциональную и многоаспектную систему. К основным задачам регионального управления можно отнести обеспечение самостоятельности и самодостаточности регионального хозяйства, регулирование регионального рынка и управление собственностью, решение социальных задач².

РАСТВОРЦЕВА Светлана Николаевна, доцент кафедры мировой экономики Белгородского государственного университета, кандидат экономических наук.

Теоретической основой экономических отношений в региональном хозяйстве является воспроизводственный подход. Воспроизводственный процесс рассматривается с позиций его характера (интенсивный или экстенсивный) и по фазам процесса (производство — распределение — обмен — потребление). К качественным характеристикам регионального воспроизводственного процесса можно отнести обновление материально-технической базы, производства, качество продукции, ее конкурентоспособность, воспроизводство материальных благ и условий жизнедеятельности населения.

Эффективность развития региона зависит в первую очередь от его экономического потенциала. Есть мнение, что чем выше экономический потенциал региона, тем шире возможности его развития и наоборот. Мы не можем согласиться с таким мнением по двум причинам. Во-первых, экономический потенциал региона является объектом управления. Управление эффективностью развития региона направлено на наиболее рациональное использование экономического потенциала, получение максимального эффекта при ограниченных ресурсах. Во-вторых, экономический потенциал региона не является величиной постоянной. Если он претерпевает изменения в ходе открытия новых видов минеральных ресурсов, месторождений и т. д., то, например, такая составляющая экономического потенциала, как инновации, крайне сложно поддается оценке и не является постоянной.

Экономический потенциал региона — совокупность имеющихся в наличии и возможных для мобилизации ресурсов региона, необходимых для его развития при условии максимального использования имеющихся возможностей для производства конкурентоспособной продукции и наиболее полного удовлетворения потребностей нынешнего и будущего поколений, с учетом интересов государства и бизнеса³. Во многом он определяется уровнем развития межтерриториальных и межотраслевых связей.

В системе управления эффективностью развития региона важную роль играет рациональное использование его экономического потенциала, в связи с чем, по нашему мнению, целесообразным является выделение двух его составляющих: ресурсной (совокупность ресурсов, имеющихся для развития) и результативной (способность региона к эффективному использованию имеющихся ресурсов).

Природно-ресурсный фактор играет значительную роль в повышении эффективности развития региона. Наличие промышленных месторождений различных руд, нефти, газа и т. д. зачастую становится фундаментом развития региона. Однако, на наш взгляд, богатство природных ресурсов не является решающим критерием развития. В мировой экономике известны случаи, когда имеющие природные ресурсы страны не достигли высокого уровня развития экономики, и наоборот, такие страны, как Япония, Израиль, Южная Корея, смогли достичь высоких показателей экономического развития благодаря эффективному использованию имеющихся ресурсов.

Природный потенциал (природные ресурсы) представляет собой доступную при данных технологиях и социально-экономических отношениях совокупность природных ресурсов в виде земли и земельных угодий, водных богатств, воздушного бассейна, полезных ископаемых, лесов, растительного и животного мира. Проблема эффективного использования природного потенциала региона заключается в необходимости согласования этого процесса с концепцией устойчивого развития (sustainable development). Оно предполагает гармоничное развитие производства, социальной сферы, населения и окружающей природной среды, при котором удовлетворяются потребности современного поколения и не ставится под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои способности.

В связи с этим становится чрезвычайно актуальной задача выявления возможностей реализации устойчивого развития регионов, преимущественно определяемых механизмами саморазвития посредством мотивации и стимулирования роста экономики региона.

Другой составляющей экономического потенциала региона является финансовый потенциал (финансовые ресурсы региона, населения, организаций и т. д.) как совокупность фондов денежных средств, находящихся в распоряжении государства, предприятий, организаций, создающаяся в процессе распределения и перераспределения совокупного общественного продукта и национального дохода.

Мы считаем, что накопление капитала становится значимым фактором экономического роста. Нарращивание фондовооруженности в регионе способствует повышению про-

изводительности труда и соответствующему росту ВРП, а процесс накопления капитала осуществляется путем увеличения объема сбережений населения и инвестиций. Внешние инвестиции в экономику региона поступают из федерального бюджета, от инвесторов из других регионов, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья. Накопление капитала в регионе тесно взаимосвязано с техническим прогрессом. Экономически отсталые территории нуждаются в современных технологиях, переходе на инновационный тип развития, адаптированный к местным ресурсным возможностям.

Немаловажную роль в формировании финансового потенциала региона играют инвестиции. При разработке инвестиционной политики регионы должны концентрироваться не столько на процессе привлечения инвестиций (как отечественных, так и зарубежных), сколько на трансформации взглядов на результаты в деятельности. Основными задачами региональной политики в области инвестиций является активизация и стимулирование инвестиционной деятельности, привлечение и эффективное использование финансовых ресурсов для решения проблем социально-экономического развития региона и улучшения качества жизни населения.

Важный элемент экономического потенциала — информационные ресурсы. Это определенный объем научно-технической информации (книги, журналы, описание изобретений и др.), которым располагает государство, район, отрасль народного хозяйства, предприятие и т. п. Актуальность исследования информационного потенциала как фактора эффективности развития региона обуславливается переходом от материального общества к информационному. Научоемкие и информоемкие технологии определяют качество развития материального производства, интеллектуальный потенциал становится главным фактором устойчивого экономического роста. Развитие информационного потенциала на уровне региона способствует повышению социально-экономической эффективности.

Инновационный потенциал региона представлен ресурсами, мобилизованными на достижение инновационной цели и организационным механизмом. Как структурный элемент экономического потенциала он близок к понятию «научно-технический потенциал». Функциональная направлен-

ность инновационного потенциала заключается в создании условий, при которых наиболее полно реализуются другие потенциалы: трудовой, природно-ресурсный, финансовый, информационный.

В условиях современной экономики, основанной на использовании достижений НТП, формирование достаточного инновационного потенциала является отправной точкой повышения эффективности развития региона. В теории эффективности, по нашему мнению, использование инновационного потенциала можно сопоставить с качественным сдвигом кривой производственных возможностей, так как именно здесь кроются наиболее существенные резервы улучшения качества продукции, экономии трудовых и материальных затрат, роста производительности труда, совершенствования организации производства и повышения его эффективности.

Следует отметить, что особую важность приобретают меры государственной политики, содействующие современным исследовательским проектам, распространению управленческих технологий и методов ведения бизнеса, по формированию сетей и кластеров предприятий. Государственная поддержка должна выражаться в формировании технологических возможностей в долгосрочной перспективе, во вложении в фундаментальные исследования.

Важнейшей составляющей экономического потенциала региона является трудовой потенциал. Трудовые ресурсы на современном этапе развития экономики имеют все меньшее значение. Под влиянием НТП часть отраслей народного хозяйства перестает быть трудоемкой, работники переходят из сектора производства и сельского хозяйства в сферу услуг. С другой стороны, НТП требует постоянного повышения качества трудовых ресурсов, высокого образовательного уровня работников, развития их творческих способностей, способности к обучению, ответственного отношения к труду.

Инфраструктурный потенциал — комплекс производственных и непроизводственных отраслей, которыми располагает регион для обеспечения условий воспроизводства: дороги, связь, транспорт, здравоохранение и т. д. Задачами рыночной инфраструктуры являются объединение сферы производства, распределения, обращения и потребления в

единую цепочку, обеспечение ускоренного оборота материальных, финансовых и информационных потоков, повышение эффективности развития региона.

Внеэкономический потенциал (ВЭП) региона характеризуют имеющиеся в распоряжении ресурсы региона и способность их эффективного использования. Существуют два подхода к анализу и оценке ВЭП. Первый состоит в определении ресурсов, которыми располагает регион; второй — в оценке возможного социально-экономического результата от использования всей массы ресурсов, вовлекаемых в хозяйственный оборот, в условиях, определяющих доступность и эффективность использования ресурсов⁴.

Основным элементом ресурсной составляющей экономического потенциала является конкурентоустойчивость, т. е. способность экономики региона обеспечивать устойчиво высокий уровень ее конкурентоспособности за счет эффективного использования экономического потенциала.

Таким образом, исследование сущности социально-экономической эффективности развития региона, определение степени влияния различных элементов экономического потенциала позволит в системе управления эффективностью сформировать совокупность факторов, ранжировать их по степени воздействия на эффективность, разработать методический подход к ее оценке и предложить мероприятия по ее повышению на уровне региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кистанов В. В., Копылов Н. В. Региональная экономика России: Учебник. М., 2005.

² См.: Шапкин И. Н., Блинов А. О., Кестер Я. М. Управление региональным хозяйством: Учеб. пособие. М., 2005.

³ Печаткин В. В. К вопросу оценки экономического потенциала регионов // Воспроизводственный потенциал региона: Материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 24—26 мая 2007 г. Ч. I. Уфа, 2007. С. 261.

⁴ Акимбетова А. В., Муратова З. М. Анализ внешнеэкономического потенциала региона // Там же. С. 244.

Поступила 14.04.08.

Е. Г. АНИМИЦА

В. А. СУХИХ

Н. В. НОВИКОВА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ, МЕХАНИЗМЫ И МЕТОДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ¹

В научной литературе по-разному трактуются методы управления по совершенствованию регионального развития, но если обобщить различные суждения по этому поводу, то можно прийти к выводу, что, в общем, под методами управленческой деятельности подразумеваются способы, приемы анализа и оценки управленческих ситуаций, использования правовых, организационных и иных форм воздействия на сознание и поведение людей в общественных процессах, отношениях и связях для достижения поставленных целей и решения определенных задач территории².

Региональное управление в нашем понимании — это управление экономическими, социальными, этнодемографическими, технико-технологическими, экологическими и иными процессами в пределах данной территории, направ-

АНИМИЦА Евгений Георгиевич, заведующий кафедрой региональной и муниципальной экономики Уральского государственного экономического университета, доктор географических наук, профессор (г. Екатеринбург).

СУХИХ Валерий Александрович, Председатель Правительства Пермского края, кандидат экономических наук, доцент (г. Екатеринбург).

НОВИКОВА Наталья Валерьевна, доцент кафедры региональной и муниципальной экономики Уральского государственного экономического университета, кандидат экономических наук (г. Екатеринбург).

ленные на эффективное использование имеющихся ресурсов в целях динамичного развития региона и повышения благосостояния жителей.

Успешность регионального управления в основном зависит от того, как организована в регионе система связей и отношений в заданных параметрах, которая характеризуется понятием «механизм». Механизм регулирования экономических и социальных процессов в регионе нами рассматривается как *сложная многоуровневая система*. Он представляет собой совокупность достаточного количества составляющих его компонентов с точки зрения внутренней законченности и посредством совокупности конкретных методов, инструментов, связей и отношений, воздействует на функционирование и развитие региона в соответствии с целевыми установками. Подсистему обеспечения механизма регионального управления можно представить в виде следующей логической «цепочки» — методическое, правовое, организационное, информационное, кадровое, материальное и финансовое обеспечение.

При разработке механизма управления региональным развитием следует учитывать то обстоятельство, что не все стороны (компоненты) региона поддаются прямому управлению. Они развиваются по принципам *самоорганизации* в силу объективных причин. Важно понять, каким образом они приходят в движение. Приоритетную роль в складывающемся механизме регионального управления призван сыграть *государственно-регулятивный компонент*, который ориентирован на сохранение и укрепление социально-экономического пространства региона.

Региональное управление социально-экономическими процессами предполагает тесное *взаимодействие с муниципальными органами власти*. Такое взаимодействие должно строиться с учетом относительной самостоятельности каждого уровня в рамках их полномочий и принятия совместных решений на основе партнерства, сотрудничества и согласования интересов.

В региональном управлении социально-экономическими процессами применяются свои специфические методы управления, представляющие собой совокупность взаимосвязанных форм, способов и средств воздействия управляющего субъекта на объект управления. Сложность, динамичность

объекта управления, т. е. региона, определяет и многообразие используемых инструментов, методов и подходов, формирующих в итоге механизм регионального управления.

В системе методов управления социально-экономическим развитием региона важное значение имеет выбор оптимального сочетания *административных* и *экономических* методов.

Административные методы управления регионами, которые нередко называют организационно-административными или организационно-распорядительными, содержат в себе способы, приемы, действия прямого и обязательного определения поведения и деятельности людей со стороны соответствующих управляющих структур региона, базируются на присущих региональной системе отношениях власти и подчинения. Региональные органы, наделенные властью, осуществляют административную деятельность, задача которой заключается в координации направлений деятельности хозяйствующих субъектов региона. При этом власть имеет полномочия задать «коридор социоэкономического развития», одним из «бордюров» которого, является эффективность как следствие соотношения результата и затрат, а другим «бордюром» является уровень доверия населения к властным структурам. Между этими двумя двумя ограничителями может флуктуировать процесс развития. Административные методы позволяют обеспечить реализацию общерегиональных интересов, их преобладание над интересами отдельных субъектов региональной экономики.

Наличие сильного административного начала во многом определяет устойчивость региональной системы даже при отсутствии иных значимых системообразующих связей. Так, созданные Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» федеральные округа показали свою устойчивость именно в качестве вертикально интегрированных региональных систем, несмотря на некоторую искусственность социально-экономической территориальной целостности ряда из них, например, Приволжского и Уральского³.

Нередко слабость единого управленческого органа той или иной территориальной единицы объясняется объективной слабостью внутренних связей на конкретной территории. Примером этого может служить зона Крайнего Севера,

регулятором развития которой дважды на коротком промежутке времени в 90-е гг. XX в. выступал создаваемый и затем ликвидируемый Госкомсевер России. С учетом отсутствия единого управленческого органа в настоящее время можно предположить, что зона Крайнего Севера постепенно будет терять свои системообразующие связи и в ближайшем будущем.

В основе административных методов лежит неукоснительность соблюдения предписаний, а также возможность применения различных видов юридической ответственности в отношении отдельных предприятий, нарушающих установленные правила.

В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ⁴, а также Федеральным законом «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“»,» от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ⁵ региональные органы управления наделены правом использования *широкого набора административных методов управления*, влияющих как на деятельность отдельных предприятий и организаций, так и на региональную экономику в целом.

С помощью административных методов региональные органы власти могут осуществлять управление и регулирование процессов приватизации, формирования и развития предприятий и организаций региональной формы собственности, размещения новых предприятий на территории региона, привлечения иностранного капитала, использования природных ресурсов региона, а также социальных процессов. Административные методы должны использоваться в комплексе с экономическими, оптимальное сочетание с которыми в единой системе может обеспечить эффективное функционирование экономики региона.

Есть отличительные особенности административных и экономических методов управления экономикой. Административные методы основаны на конкретно-адресных заданиях, ориентированных на достижение целей системы путем формирования ее четкой структуры, создания условий для принятия и реализации управленческих решений. Они выражают *прямое воздействие на управляемые объекты*, преследуют преимущественно интересы органа управления. Основная доля ответственности за принимаемые решения ложится на орган управления, права управляемых объектов могут быть ограничены. Административные распоряжения, как правило, однозначны, требуют обязательного исполнения, не допускают существенных отклонений от установленных норм и процедур.

В отличие от административных, экономические методы базируются на общих правилах поведения, выбора вариантов экономической стратегии. Они оказывают *косвенное воздействие* на объекты управления, учитывают экономические интересы предприятий различных форм собственности. Экономические методы предполагают полную самостоятельность субъектов экономики региона при высокой ответственности за принимаемые действия и их последствия, побуждают субъекты к подготовке альтернативных решений и выбору оптимального с точки зрения интересов каждого субъекта экономического риска. Объективная необходимость использования экономических методов управления вызвана тем, что только на основе административных методов невозможно эффективное решение всей совокупности проблем, возникающих в процессе управления экономикой региона.

Сущность экономических методов состоит в том, чтобы путем косвенного воздействия на экономические интересы субъектов экономики региона с помощью тарифов, цены, прибыли, оплаты труда, налогов, кредитов, субвенций и т. д., создавать механизмы их ориентации на эффективный режим функционирования региональной экономики по возможности без прямого вмешательства органов управления, но в установленных этими органами рамках. Экономические методы управления основаны на использовании системы стимулов, предусматривающих экономическую заинтересованность и ответственность предприятий и организаций региона за последствия принимаемых решений и побуждающих пред-

приятия участвовать в выполнении задач комплексного социально-экономического развития региона без специальных на то разрешений.

В новых условиях взаимоотношения региональных органов управления с субъектами экономики региона строятся на принципах экономической самостоятельности, самоуправления и эквивалентности отношений, исключительно на налоговой и договорной основе.

К числу новых действенных экономических методов управления следует отнести разработку индикативных программ социально-экономического развития регионов (субъектов РФ), которые губернаторы должны представлять в законодательные собрания и согласовывать с Правительством РФ⁶. Сейчас такие программы факультативны и их рассматривает Минэкономразвития РФ. Теперь потребуется активизация деятельности правительственных структур в региональном направлении. Успех в реализации этих программ будет главным критерием оценки федеральным центром эффективности деятельности глав регионов и основанием для определения последующих федеральных субвенций.

В последние годы региональное управление все шире использует методы научного познания. Это математическое программирование, вероятностно-статистические методы, системный и функциональный анализы; методы теории стратегических игр и статистической теории принятия решений; экономико-статистическое моделирование; методы прогнозирования социального экспериментирования; графические; теории очередей или теории массового обслуживания и др. Сегодня инструментарий научной методологии исключительно обширен, богат и постоянно развивается. Однако управленческая деятельность на уровне регионов в своей массе все еще далека от него, весьма робко реализует его возможности. Если прогнозировать уровень сложности управленческой деятельности в XXI в., то уже сейчас можно полагать, что без освоения научной методологии во всем ее многообразии региональному управлению не справиться со своими проблемами.

Содержательные изменения, произошедшие в социальной и экономической сферах страны за последние пятнадцать лет создали новые объективные предпосылки для изменения системы и структуры государственного управления. Такие

изменения касаются в первую очередь того, что ответственность государства сегодня определяется не ответственностью за конкретные показатели социально-экономического развития (за них на себя принимают ответственность многие действующие участники экономических и социальных отношений), а наполняется качественно иным содержанием — ответственность за выбор стратегического курса и направлений развития. Именно институт государственного управления может и способен реализовать функцию координации и определения приоритетов в целях социально-экономического развития и управления этими целями.

В современных условиях позитивное и оперативное решение социально-экономических проблем на региональном уровне во многом зависит от степени выстроенности отношений в триаде «власть — бизнес — общество», ибо самостоятельные усилия этих «базовых» секторов обречены на неудачу, так как социально-экономические процессы настолько сложны и многообразны, что управлять ими необходимо лишь воздействуя со всех возможных сторон влияния. При этом мы убеждены, что главенство в этой межсекторной триаде должно оставаться за *властью*, ибо ее главная задача — создание правил и обеспечение их неукоснительного выполнения другими участниками социально-экономических процессов. Выбор своевременных и взаимосвязанных приоритетов и создание благоприятных условий их реализации — самая актуальная задача власти, которая характеризуется достижением максимальной эффективности в процедуре выбора и формирования целей социально-экономического развития. При этом следует понимать, что обязательной процедурой в современных демократических условиях становится открытая выработка и согласование этих правил с участием всех заинтересованных сторон. То есть без участия бизнеса и общественности процедура выработки таковых правил становится весьма уязвимой для критики.

Именно поэтому в системе механизмов управления появляются «общественные слушания», «переговорные площадки», «общественная экспертиза», «межведомственные группы (советы)», «экспертная оценка рисков», «гражданский контроль» и т. п. Именно они становятся механизмами включения представителей бизнес-сообщества и общественности в процессы выработки и принятия управленческих решений.

Сама система управления также претерпевает существенные изменения. В первую очередь речь идет о реформах системы здравоохранения, образования, социального развития, в рамках которых кардинально меняются «субъект-объектные» и «субъект-субъектные» отношения. Процессы глубокого реформирования коснулись практически всех сфер общественной жизни. Решающим для них стал переход от отраслевой модели управления к *функционально-целевой*.

Институционализация и появление новых субъектов правовых, финансово-экономических, имущественных и иных отношений также влияют на изменение содержания и интенсивности социально-экономических процессов.

При современной мозаичной системе отношений, влияющих на социально-экономические процессы, важно определить «центр ответственности», который выступает в интересах населения и берет на себя функции регулятора этих процессов. Таким субъектом может и должна выступить государственная власть. Именно ее миссия и предназначение состоят в выполнении роли регулятора и арбитра межсекторных отношений. В этой связи принципиально важным становится выбор модели управления внутри властных структур, так как степень адекватности такой модели современным социально-экономическим процессам определяет успешность принимаемых управленческих решений и становится условием поступательного регионального развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование проведено при поддержке Гранта РФФИ (проект № 07-06-00420).

² См.: Буров М. П. Система регулирования экономического взаимодействия регионов. М., 2007; Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник / Под ред. В. И. Кушлина. М., 2006; Гутман Г. В., Мироедов А. А., Федин С. В. Управление региональной экономикой. М., 2002; Котилко В. В. Региональная экономическая политика. М., 2001; Кузнецова О. В. Экономическое развитие регионов: теоретические и практические аспекты государственного регулирования. М., 2005; Лексин В. Н., Швецов А. Н. Государство и регионы. Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М., 2003; Маршалова А. С., Новоселов А. С. Управление экономикой региона. Новосибирск, 2001; Орешин В. П., Потапов Л. В. Управление региональной экономикой. М., 2003; Гранберг А. Г., Бусыгина И. М., Введенский В. Г. и др. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза. М., 2000; Шапкин И. Н., Блинов А. О., Кестер Я. М. Управление ре-

гиональным хозяйством. М., 2005; Швецов А. Либерализация государственной региональной политики // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 73—8

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://zakon.kuban.ru/rus/up849.htm>].

⁴ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005; 2003. № 27. Ст. 2709; 2005. № 1. Ст. 17, 25; 2006. № 1. Ст. 10.

⁵ Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов „О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“»,» // Собр. законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.

⁶ Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 17 июня 2002 г. № 170 «О совершенствовании разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации».

Поступила 12.08.08.

В. И. МАКОЛОВ

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И НОВЫЕ ЗАДАЧИ¹

Ключевая составляющая экономической политики страны и ее регионального звена — инвестиционная политика, содержание которой заключается в целенаправленной и обоснованной деятельности государственных органов управления по активизации инвестиционной деятельности с целью обеспечения воспроизводства экономики и решения социально-экономических проблем. В силу значительного разнообразия и асимметрии стартовых условий для развития субъектов РФ особая роль в осуществлении инвестиционной политики принадлежит региональному уровню управления. Реализация инвестиционной политики региона рассматривается в нескольких направлениях, важнейшими из которых являются обеспечение и повышение инвестиционной активности в экономике, привлечение зарубежных инвестиций, улучшение инвестиционного климата.

Инвестиционная политика Республики Мордовия обусловлена необходимостью модернизации и усиления инновационного характера экономики региона, улучшения инвестиционного климата, способствующего общей деловой активности в регионе. Состояние инвестиционного процесса в республике в целом характеризуется положительными тенденциями. Начиная с 2002 г. наблюдался рост инвестиций в основной капитал (исключение — 2004 г.). Объем освоенных инвестиций в 2007 г. составил 26 362 млн руб., или 110,5 % к уровню предыдущего года. Большая часть из них принадлежит вложению в капитальное строительство, приобретению и установке машин и оборудования. Увеличивается также ввод в действие общей площади жилых домов. Доля Мордовии в суммарном объеме инвестиций в

¹ МАКОЛОВ Василий Иванович, доцент кафедры управления качеством Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

основной капитал России в 2007 г. составил 0,4 %, в общей площади введенных в действие жилых домов по стране на республику приходится также 0,4 %².

К 2007 г. реальный объем инвестиций увеличился в 2,9 раза к уровню 1998 г., тогда как по России в среднем — 2,8 раза². Однако показатели, характеризующие динамику потребления, несколько отстают от соответствующих показателей по России в целом (исключение — реальная начисленная среднемесячная заработная плата). Эти показатели носят инвестиционный характер. Что касается товаров народного потребления, то среди факторов, стимулирующих инвестиционную деятельность в этих секторах экономики, первые места занимают размер рынка и наличие платежеспособного спроса, так как результатами осуществления инвестиций выступают новые виды и рост объемов продукции и услуг, повышение их качества. Соответственно, условием окупаемости инвестиций является наличие и устойчивость спроса на данную продукцию. Достаточно высок показатель инвестиций в основной капитал по республике в сочетании со сравнительно низкими показателями реальных денежных доходов и оборота розничной торговли. Это косвенно свидетельствует о том, что инвестиционная активность во многом носит восстановительный, посткризисный характер. Анализ динамики инвестиционного процесса показывает, что общий объем инвестиций к уровню 1990 г. пока не достигнут. В 2007 г. объем инвестиций в основной капитал по республике составил 69,6 % к показателю 1990 г., по России — 59,2 %.

Инвестиционный спад в регионе был более глубоким, чем по России в целом. Спад инвестиций в Мордовии длился 9 лет. Максимальная глубина сокращения инвестиций в основной капитал составила 79,3 % к уровню 1990 г., что превышает аналогичный показатель по Приволжскому федеральному округу (ПФО) в среднем на 6,4 %. Максимальный спад инвестиций в ПФО был в Кировской области (88,2 %), наименьшее сокращение инвестиций (по сравнению с другими регионами округа) наблюдалось в Республике Башкортостан (48,8 %)³.

Для стимулирования инвестиционной деятельности в республике федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления используют различные нормативно-правовые и экономические методы управления

прямого и косвенного характера. Применение прямых экономических методов позволило приостановить ухудшение социально-экономического положения республики и обеспечить положительную динамику важнейших показателей развития региона.

Один из признаков завершения трансформационного кризиса — высокая инвестиционная активность хозяйствующих субъектов частного сектора экономики. Инвестиционный процесс в республике характеризуется сравнительно высокой долей участия бюджетных инвестиций. В 2006 г. их удельный вес составил 33,5 %, в том числе за счет средств бюджета РМ и местных бюджетов было профинансировано 20,2 % инвестиционных затрат, федерального бюджета — 11,3 %⁴. Это один из самых высоких показателей в ПФО. Сравнение показателей удельного веса бюджетных средств в инвестиционный капитал республики с динамикой реальных объемов инвестиций показывает значительную зависимость их роста от сумм бюджетных инвестиций. Это говорит о недостаточной инвестиционной активности частного сектора республики. Поэтому говорить о полноценном трансформационном подъеме в регионе пока рано.

Привлечение иностранных инвестиций — приоритетное направление региональной инвестиционной политики. Иностранные инвестиции играют важную роль в социально-экономическом развитии любого государства, региона независимо от уровня их экономического развития. В целом можно выделить два канала «эффективности» иностранных инвестиций: выход зарубежных фирм на национальный рынок ведет к замещению или вытеснению менее эффективных национальных компаний; рост конкуренции на местных рынках за счет зарубежных компаний⁵.

Суммарный объем притока иностранных инвестиций в экономику Мордовии в 2007 г. увеличился до 168 250,9 тыс. долл.⁶ На республику приходится 0,1 % объема зарубежных инвестиций, поступающих в Россию⁷. В структуре иностранных инвестиций преобладают прямые инвестиции. Это способствует созданию на территории региона новых мощностей и производств, способствующих модернизации и повышению конкурентоспособности экономики.

В большинстве развитых экономик примерно 90 % совокупных иностранных инвестиций занимает портфельный

капитал и прямые инвестиции⁸. Зарубежные портфельные инвестиции в экономике республики составляют менее 0,5 %, что связано с неразвитостью рынка ценных бумаг.

Важность политики привлечения иностранных инвестиций не вызывает сомнений. Однако в основе мероприятий по привлечению зарубежных инвестиций должны быть стратегический интерес и обеспечение экономической безопасности. Мировой экономике известны случаи, когда за счет многократного увеличения прямых иностранных инвестиций одна страна успешно стимулировала экономический рост, тогда как другие не только не получали должного развития, но и оказывались в зависимости от стран-инвесторов⁹.

Реализация инвестиционной политики республики в посткризисный период связана с формированием благоприятных экономических, политических, правовых, социальных и иных условий для осуществления долгосрочных инвестиций. Речь идет о создании инвестиционного климата, формирующего новые возможности и стимулы для эффективного вложения капитала. Благоприятный инвестиционный климат обеспечивает рост доходов для компаний и снижение затрат и рисков. В итоге позитивный инвестиционный климат создает общественный эффект в виде роста производительности труда, внедрения инноваций, повышения качества и конкурентоспособности продукции, повышения занятости населения, увеличения налоговых платежей в бюджеты всех уровней и др.

Благоприятный инвестиционный климат повышает доверие инвесторов к стране, действиям государства в экономике, дает «сигнал» для долговременного инвестирования. Важный результат улучшения инвестиционного климата — рост зарубежных инвестиций, вкладываемых в экономику страны (региона). Один из главных вопросов в этой связи состоит в том, какие факторы инвестиционной привлекательности региона наиболее важны для инвесторов. Для этого обратимся к результатам исследования, представленного в отчете ЮНКТАД и содержащего обзор мировых инвестиционных перспектив на 2007—2009 гг.¹⁰ В отчете даны результаты опроса экспертов-инвесторов, в том числе относительно факторов привлекательности стран для прямых иностранных инвестиций.

Размер внутреннего рынка выделен в качестве главного фактора инвестиционной привлекательности. Этот фактор достаточно высоко оценен для России (29 %), Китая (26 %),

США (25 %), Индии (24 %), Бразилии (24 %), Германии (21 %), Великобритании (20 %). Значимость фактора «Рост внутреннего рынка» для вложения инвестиций в ту или иную страну также весьма высока (20 %). Наиболее положительная динамика данного фактора отмечена у России (36 %), Индии (29 %), Бразилии (29 %) и Китая (28 %).

Доступ к международному/региональному рынку стал третьим наиболее важным критерием, отмеченным 10 % компаний-инвесторов. Этот фактор важен прежде для тех стран (регионов), в которых возможно развивать экспортное производство. 8 % экспертов отметили наличие такого привлекательного фактора у России.

Примечательно то, что тройка лидеров-факторов инвестиционной привлекательности связана, так или иначе, с продажами продукции. Это во многом объясняет, почему развитые страны и регионы остаются наиболее привлекательными для зарубежных инвестиций. Деятельность инвесторов направлена на получение прибыли через производство и реализацию продукции. На развитые экономики приходится более 65,0 % прямых зарубежных инвестиций, вкладываемых в мировую экономику, тогда как развивающиеся государства и страны с переходной экономикой получают около 35,0 % прямых иностранных капиталовложений¹¹.

Четвертое место среди факторов инвестиционной привлекательности стран мира занимает устойчивость инвестиционной среды. Только 3 % компаний отметили наличие этого фактора у России. Что касается инвестиционной среды в России, то речь идет о нерешенности проблем формирования эффективного инвестиционного законодательства, стимулов для инвестиционной активности в несырьевых отраслях и секторах экономики, развития механизма государственной поддержки частных инвестиций и участия финансовых учреждений в воспроизводственном процессе, создания полноценной инвестопроводящей системы, а также появления нового слоя «эффективных собственников».

Что касается пятого критерия, то вопреки расхожему мнению о наличии и даже избытке в России квалифицированной рабочей силы, только 4 % компаний-инвесторов указали на этот фактор (Китай — 8 %, Индия — 13 %, Бразилия — 10 %, Вьетнам — 14 %, Мексика — 19 %, Польша — 14 %). Кроме того, критерий «низкая стоимость рабочей силы» отметили и 5 % инвесторов.

Исходя из представленных результатов исследования, можно отметить важность формирования инвестиционных проектов в Республике Мордовия, ориентированных на межрегиональный и международный рынок. Учитывая благоприятное транспортно-географическое положение республики, эта задача представляется вполне реальной.

В рамках третьего приоритетного направления инвестиционной политики — обеспечения эффективности инвестирования бюджетных средств — сделать объективные выводы сложно. Связано это с недостаточной прозрачностью системы государственной поддержки инвестиционных проектов и в особенности с отсутствием эффективного мониторинга реализации этих проектов. В рамках государственной поддержки инвестиционных проектов предприятий и организаций должен быть создан механизм стимулирования привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов из других источников, т. е. механизм государственной поддержки видится в качестве мультипликатора инвестиционных ресурсов. При правильной организации он может обеспечивать многократное увеличение инвестиционных ресурсов за счет мобилизации средств частных инвесторов. Такой подход позволит косвенно стимулировать рост производства в смежных отраслях, производствах, тем самым расширяя налогооблагаемую базу.

Процесс осуществления государственной поддержки инвестиций включает инициирование, анализ и отбор проектов для финансирования (кредитования); разработку по каждому проекту индивидуальной схемы финансирования, перечисление средств и обеспечение гарантий; мониторинг проектов и оценку эффективности их реализации. Принцип конкурентности хозяйствующих субъектов в получении государственной поддержки инвестиционных проектов (кредитных ресурсов и (или) гарантий) является необходимым условием, причем конкурс должен быть открытым, прозрачным, обеспечивающим отбор наиболее эффективны для региональной экономики проектов.

Важное место в деятельности региональных органов государственной власти должно занять направление, связанное с продолжением институциональных преобразований, созданием благоприятного инвестиционного климата, проведением структурной перестройки экономики, модернизацией промышленности и активизацией инновационной деятельности.

Все это позволит обеспечить высокие и устойчивые темпы экономического роста.

Таким образом, с учетом современных тенденций необходимо сосредоточить усилия региональных органов государственной власти на ключевой задаче в рамках инвестиционной политики — создание эффективной структуры инвестиционной деятельности, включающей перспективные инвестиционные проекты и программы, механизмы стимулирования отечественных и зарубежных инвестиций, эффективная государственная поддержка инвестиций, улучшение инвестиционного климата и современное информационное обеспечение инвесторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (грант № МК-663.2008.6).

² Рассчитано по данным Росстата (<http://www.gks.ru>); Министерства торговли и предпринимательства Республики Мордовия (<http://www.mordo-via-business.ru/licenses/index.php>); Мордовия: Стат. ежегодник / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2008.

³ Рассчитано по изданию «Регионы России: Стат. сб.: В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. М., 2001».

⁴ См.: Мордовия: Стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006. С. 364; Мордовия: Стат. ежегодник / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2008. С. 386.

⁵ Костюнина Г. М., Ливенцев Н. Н. Международная практика регулирования иностранных инвестиций: Учеб. пособие. М., 2001. С. 6.

⁶ Мордовия: Стат. ежегодник / Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по РМ. Саранск, 2008. С. 388.

⁷ Рос. стат. ежегодник. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 725.

⁸ Прямые иностранные инвестиции в европейских странах с переходной экономикой / Редкол.: С. П. Глинкина, Н. В. Куликова, Н. В. Фейт; Ин-т междунар. экон. и полит. исслед. М., 2006. С. 50.

⁹ См.: Маколов В. И. Куприянов Д. И. Иностранные инвестиции для // Федерализм. 2006. № 2. С. 177—190.

¹⁰ См.: World Investment Prospects Survey 2007—2009 // Электрон. ресурс [режим доступа: www.unctad.org].

¹¹ См.: UNCTAD Investment Brief / № 1. 2008 // Электрон. ресурс [режим доступа: www.unctad.org].

Поступила 12.09.08.

И. А. ЮШАЧКОВ

**АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ
РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ
НА ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕГИОНА**

Состояние и конкурентоспособность предприятий зависят от большого количества факторов, одним из которых является правильная и своевременная реструктуризация. Она продолжает оставаться одним из наиболее сильных рычагов, с помощью которого предприятия и отрасли регулирует процессы, происходящие в экономике в целом. Важная функция реструктуризации — стимулирование хозяйственной деятельности, которая особенно остро проявляется в машиностроении. Проблемы дальнейшего совершенствования системы реструктуризации в машиностроении как фактора стимулирования эффективности его развития весьма актуальны в современных условиях.

Анализ различных оценок эффективности управления процессом реструктуризации позволил выявить отсутствие единства мнений по этой проблематике. Поэтому, обобщив существующие подходы и учитывая практическую значимость данного круга вопросов, нами предложена система показателей оценки эффективности управления технологическими изменениями: уровень инновационной активности и интеллектуального капитала (после реструктуризации), экономический эффект от реализации изменений, влияние результатов на развитие производства, соотношение затрат на управление и доходов от изменений, уровень наукоемкости труда персонала до и после изменений, соотношение сроков освоения новой продукции, количество претензий от потребителей, уровень безотходности производства.

ЮШАЧКОВ Игорь Алексеевич, аспирант отдела социально-экономического развития Мордовии ГУ НИИГН при Правительстве Республики Мордовия.

В настоящее время наибольшее количество предприятий, реализующих реструктуризацию, в РФ приходится на машиностроительный комплекс. В частности, только в 2007 г. удельный вес таких предприятий в общем количестве инновационно-активных предприятий составил 18,4 % от обследованных Госкомстатом РФ, в то время как в целом по отраслям их доля невелика — 9 %¹.

Более глубокий, качественный анализ позволил нам оценить воздействие результатов технологических изменений на развитие производства. На основе официальной статистической информации была проведена рейтинговая оценка влияния последствий изменений на развитие производства в Мордовии.

Наибольшее влияние этот фактор оказал на расширение номенклатуры, что обусловлено объективной рыночной необходимостью периодического обновления ассортимента и, как следствие, уменьшения уровня коммерческого риска, а также повышения общей рентабельности предприятий и закрепления его позиций на рынке.

Вхождение предприятий в мировой рынок неизбежно стимулирует их к более быстрой реализации изменений, что позволяет обеспечить максимизацию прибыли по причине наличия значительного потребительского спроса. В последние годы в РФ значительно повысился уровень новизны осуществляемых технологических и продуктовых изменений. Более того, рост объемов промышленного производства характеризуется опережающим ростом объемов новой продукции.

Увеличение объемов производства и реализации продукции невозможно без повышения уровня качественных параметров производимой продукции и обеспечения соответствия современным правилам и стандартам. Особое значение для машиностроительных предприятий имеют появившиеся в конце 80-х гг. XX в. стандарты ИСО серии 9000. Эффективность повышения качества продукции можно подтвердить рядом примеров. Так, выпускаемая в 2000 г. на ОАО «Завод „Сарансккабель”» (в настоящее время ОАО «Севкабель») продукция была сертифицирована на соответствие требованиям ИСО 9002 фирмой КЕМА (Нидерланды) и ГОСТ Р «ОССКМАШ» (Россия). На рост объемов и эффективность производства в 2000—2002 гг. повлияли следующие факторы: проведение семинаров-совещаний с

дилерами, потребителями, поставщиками; освоение новых видов кабельных изделий. В производство были внедрены новые технологические материалы (пленко-пористый полиэтилен, композиция на основе бутадиен-стирольных ТЭП и др.) и новые виды технологического оборудования, проведена реконструкция и модернизация действующей техники для производства телефонных кабелей, смонтирована и сдана в эксплуатацию технологическая линия изолирования для производства кабелей с силано-сшитой изоляцией.

Изменения положительно повлияли на сохранение и расширение традиционных рынков сбыта и создание новых в России. Об этом свидетельствует динамика объемов выпускаемой продукции, отгружаемой за пределы РФ. За исследуемый период она возросла в 4,5 раза². Анализ региональной специфики оценки эффективности управления реструктуризацией и апробации новой отечественной модели социально-экономического устройства российского общества и отдельных регионов играет важную роль в дальнейшей интеграции в мировую экономику. В то же время большинство машиностроительных предприятий проводит недостаточно эффективную работу по реализации изменений, направленных на снижение трудоемкости выпускаемой продукции, механизации и автоматизации производства (повышение наукоемкости труда).

Наименьшее влияние изменения оказывают на создание новых рынков в странах СНГ и Восточной Европы, Европейского сообщества, США, Канады и Японии. По нашему мнению, такая ситуация может объясняться более низким технологическим уровнем российских предприятий по сравнению с индустриально развитыми странами. Так, анализ товарооборота со странами дальнего зарубежья показывает, что динамика, объемы и структура торговли с ними существенно отличаются от аналогичных показателей по субъектам РФ. Главными особенностями являются существенный дисбаланс между экспортом и импортом, нестабильность и отрывочность торговых связей. Многие поставки носят эпизодический характер. В российских условиях к числу основных факторов, детерминирующих необходимость проведения реструктуризации предприятия (фирмы), относятся конкурентный прессинг со стороны отечественных и западных фирм, поток импортных товаров, жесткие условия

налогообложения, высокие процентные ставки коммерческих банков.

Недавние события в экономической сфере также предвещают снижение темпов роста. Последствия ипотечного кризиса продолжают распространяться по всему миру. Отмечены и другие тревожные факты, которые могут понизить ликвидность инвестиций и вызвать недоверие между потребителем и производителем. К ним относятся резкие колебания цен на нефть, уменьшение внутренних продаж, снижение цен, вероятность значительного повышения ипотечных ставок; неспособность населения вкладывать деньги.

Проведенная оценка эффективности управления изменениями не может быть полной без анализа соотношения затрат и доходов от управленческой деятельности в сфере технологического развития. Однако провести такую оценку не представляется возможным в связи с тем, что на некоторых предприятиях подобный учет не ведется и проведенный анализ можно считать субъективным³.

Таким образом, можно констатировать, что основная доля изменений на предприятиях РФ носит адаптивный характер, что объясняется прежде всего тем, что они имеют более высокую рентабельность по сравнению с инновационными изменениями в краткосрочной перспективе и в целом направлены на решение текущих задач выживания предприятия. Нельзя оставлять без внимания то, что на исследуемых предприятиях отсутствует стратегический подход к управлению изменениями, определяющими жизнеспособность предприятия в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Промышленное производство в России // Промышленный вестн. 2008. № 2.

² См.: Промышленник России. 2008. № 4, 5.

³ См.: Морозов Ю. П. Управление технологическими нововведениями в условиях рыночных отношений. Н. Новгород, 2005.

Поступила 21.04.08.

Е. Г. САРАНЦЕВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ЗАТРАТАМИ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ РЕГИОНА

В условиях рыночных отношений основной целью деятельности предприятий является достижение максимальной прибыли, поскольку именно она является основой и источником средств для дальнейшего развития. Предприятия в процессе производства продукции используют разнообразные виды ресурсов: материальные, трудовые, технические и др., величина которых в значительной степени влияет на результативность производства. Исследование ряда промышленных предприятий Республики Мордовия, выпускающих машиностроительную продукцию (ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Саранский приборостроительный завод»), показало, что они являются наиболее ресурсоемкими. Для предприятий, использующих разнообразные виды ресурсов, наиболее остро возрастает необходимость разработки направлений более эффективного управления ими в целях принятия управленческих решений, обеспечивающих повышение отдачи от применяемых ресурсов.

В условиях острой конкуренции товаров, производимых этими предприятиями, с импортными товарами важно осуществлять жесткий контроль затрат с целью повышения конкурентоспособности предприятий и улучшения их финансового состояния. Одним из средств достижения предприятием высокого экономического результата становится эффективное управление затратами. Управление затратами как средство достижения предприятием высокого экономического результата не сводится только к снижению затрат, но и распространяется на все элементы управления.

САРАНЦЕВА Елена Геннадьевна, доцент кафедры экономического анализа и учета Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

В связи с этим разработка новых нетрадиционных систем управления издержками, исследование проблем повышения качественных характеристик и аналитичности информации о них является весьма актуальной проблемой.

Совершенствование методологии учета и анализа в системе комплексного управления затратами позволит решить проблему оптимизации затрат и эффективности хозяйствования предприятий. В связи с этим необходимо создание рационально организованной системы информационного обеспечения управления затратами производства. Управление затратами на всех стадиях их возникновения включает планирование, нормирование, учет, контроль, анализ.

Системный подход к исследованию проблем управления затратами вытекает из объективной взаимосвязи между функциями управления и невозможности совершенствования системы управления в целом на основе улучшения отдельных функций. Повышение эффективности управления затратами предполагает совершенствование методов учета затрат.

Проведенный анализ промышленных предприятий Мордовии (ОАО «Электровыпрямитель», ОАО «Саранский приборостроительный завод») показал, что действующая методика формирования затрат, а также способы организации их учета не позволяют обеспечить процесс принятия управленческих решений нужной учетной информацией, поскольку методы учета затрат и калькулирования себестоимости продукции, применяемые на данных предприятиях, не позволяют исчислить достоверное значение себестоимости продукции, что приводит к необходимости совершенствования методических основ формирования затрат на производство.

В совершенствовании учета затрат выделяются два основных подхода. Первый направлен на совершенствование калькуляции и контроля за затратами по каждому отдельному виду готовой продукции. Реализующие этот подход системы учета предназначены для исчисления полных затрат. Второй вариант, широко используемый в странах с развитыми рыночными отношениями, позволяет планировать и учитывать сокращенную себестоимость, включающую только переменные затраты, зависящие от изменения объема производства (система «директ-костинг»). Предприятиям машиностроения следует, на наш взгляд, осуществлять учет затрат по системе «директ-костинг», т. е. исчислять сокра-

ценную себестоимость в целях совершенствования методики принятия управленческих решений, а также возможности их корректировки от влияния изменений рыночной конъюнктуры, других внешних и внутренних факторов.

Основная трудность применения расчета сокращенной себестоимости в практике отечественных предприятий промышленности связана со сложностью разделения смешанных (общепроизводственных и общехозяйственных) расходов на постоянную и переменную части, т. е. определения зависимости затрат от изменения объема производства, поскольку часть расходов относится к полупостоянным. Анализ номенклатуры статей общепроизводственных и общехозяйственных расходов анализируемых предприятий показал, что определенную часть затрат можно отнести к переменным и добавить их сумму к сокращенной себестоимости с определенным коэффициентом. Статьи этих затрат предлагается подразделить на постоянные и переменные составляющие, определить их зависимость от изменения объема производства и присвоить коэффициент, отражающий эту зависимость. Предложенная система коэффициентов зависимости условно-постоянных косвенных расходов от изменения объема производства по данным анализируемого предприятия определена эмпирическим путем посредством наблюдения данных за установленные временные отрезки.

В целях наиболее точного разделения расходов на постоянные и переменные составляющие предприятиям рекомендуется использовать методы, основанные на применении стандартной программы регрессионного анализа, включающего в себя все результаты наблюдения для определения линии наилучшего соответствия при расчете переменной величины и постоянной составляющей затрат. Другим методом, обеспечивающим получение наиболее достоверного результата, является метод исследования множества данных за короткие периоды времени.

В целях совершенствования учета смешанных затрат на предприятиях можно использовать систему субсчетов для отражения постоянной и переменной частей расходов, позволяющую усилить контроль за использованием ресурсов и обеспечить систему управления необходимыми данными о состоянии затрат на предприятии.

В целях получения достоверной информации для управления следует использовать многоступенчатый учет затрат,

учет возмещения постоянных затрат на производство. Информация, формируемая в рамках этих методов, может быть использована для контроля соблюдения запланированного уровня затрат в процессе производства, определения прибыльности отдельных видов продуктов и принятия на этой основе решений в области ценообразования и ассортиментной политики.

Многоступенчатый учет затрат, основанный на исчислении частичных затрат, включает процедуру многоступенчатого накопления наценки прибыли-брутто. Установление процентной наценки (маржи) на покрытие затрат каждой ступени (сегмента) рекомендуется использовать для оценки окупаемости производственных видов готовой продукции, определения рентабельности отдельных подразделений предприятия и нахождения нижней границы для отпускных цен.

Учет возмещения постоянных затрат на производство представляет собой модификацию многоступенчатого учета. Лучшие результаты эта система учета обеспечивает при условии, что постоянные затраты фиксируются с помощью определенных процентных ставок и, исчисленные таким путем, сопоставляются с полученными доходами. Использование метода учета возмещения постоянных затрат на производство позволит предприятиям исчислить нижний предел цены реализации продукции. Эту цену можно использовать в качестве цены на экспортную продукцию при внедрении на рынок. Этот метод особенно актуален для предприятий, где управление децентрализовано по центрам ответственности.

В условиях децентрализации производства предприятия сталкиваются с проблемой определения цены передачи при внутрифирменных расчетах, что позволяет определять доходность структурного подразделения. Ценообразование при внутрифирменной передаче может определяться на основе переменных и полных затрат. Метод ценообразования на базе переменных затрат более предпочтителен, поскольку нацелен на обеспечение наиболее эффективного использования ресурсов предприятия. Это объясняется тем, что постоянные затраты остаются неизменными, а использование средств без дополнительных постоянных расходов увеличивает прибыль предприятия в целом. Метод ценообразования на базе переменных затрат целесообразно использовать там, где менеджеры несут ответственность за расход средств

конкретного подразделения, что позволит усилить контроль за использованием средств.

По нашему мнению, система учета затрат на основе исчисления сокращенной себестоимости способна обеспечить наиболее эффективное управление затратами предприятий промышленности Мордовии. Эта система выявляет структуру затрат в зависимости от их участия в осуществлении основной деятельности предприятия и дает основания принятия основных управленческих решений.

Современный бизнес, отличающийся динамичностью, заставляет предприятия постоянно совершенствовать методы и технику управления. Поэтому промышленные предприятия стремятся решить проблему принятия стратегически верных решений по управлению затратами.

Большую долю информации о стратегии предприятия обеспечивает управленческий учет. В стратегическом планировании и контроле внимание сосредотачивается на относительных данных о затратах, ценах, спросе, финансовом положении. В практике стратегического управления большое значение имеет информация об относительных затратах, т. е. комплексе информации как о затратах своего предприятия, так и о затратах конкурентов, при сопоставлении с которыми формируется база для принятия решений стратегического значения.

Преимущество по себестоимости в сравнении с конкурентами — только один измеритель относительных затрат. Другим является оценка возможности проникновения в отрасль конкурентов. Ограничителями доступа в отрасль служат эффект масштаба, товарная дифференциация, преимущества по себестоимости и потребности в капитале.

Таким образом, стратегический управленческий учет затрат формирует информацию о своих затратах, опираясь на сопоставление с данными о затратах конкурирующих предприятий. При разработке стратегии предприятия менеджеры должны исследовать не только внешнюю среду, но и ситуацию внутри предприятия. Необходимо идентифицировать те внутренние переменные, которые могут рассматриваться как сильные и слабые стороны предприятия, оценить их важность и установить, какие из этих переменных могут стать основой конкурентных преимуществ. Для этого проводится управленческий анализ деятельности предприятия.

Несмотря на специфику проведения управленческого анализа деятельности конкретного предприятия, в его структуре можно выделить ряд типовых блоков, среди которых особенно важное значение имеют ресурсный потенциал предприятия, факторный анализ издержек (себестоимости) предприятия, система управления, а именно управленческая и организационная структура управления на предприятии.

Такие организационные возможности предприятия, как структура и система управления, в любой ситуации могут быть источниками сильных и слабых сторон предприятия. Ключевой этап управленческого анализа — определение сильных и слабых сторон предприятия, которые основываются на его ресурсах и стратегически важных сферах деятельности и которые всегда являются относительными. На практике может быть использовано несколько подходов к определению сильных и слабых сторон предприятия: внутренний подход — определение на основе анализа опыта предприятия, мнений его специалистов; внешний — определение на основе сравнения с конкурентами; нормативный — как должно быть (по мнению экспертов, консультантов).

Таким образом, эффективное управление затратами предприятий промышленности на разных уровнях обеспечивается использованием методического единства, предполагающего единые требования к информационному обеспечению, планированию, учету, анализу затрат на предприятии. Это обеспечивает система управленческого учета, которая соединяет все эти элементы в едином методологическом и методическом пространстве и выступает как комплексное, системное исследование затрат на производство.

Поступила 28.05.08.

С. И. МАЛОЗЕМОВ

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеративное устройство РФ предполагает формирование и проведение аграрной политики на двух уровнях: общегосударственном и региональном, четкое разграничение полномочий между центральными и региональными органами власти при выработке и реализации решений. При этом федеральный центр, обладая политической инициативой при разработке целей и приоритетов государственной аграрной политики, обеспечивает условия функционирования экономики в регионах и отраслях АПК. Учет интересов регионов возможен на стадии разработки соответствующих федеральных и региональных целевых программ, их ресурсного обеспечения. Регионы, обладая известной самостоятельностью, способны эффективно решать свои специфические проблемы в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Распад СССР обусловил передачу значительных полномочий и ответственности субъектам РФ, что, с одной стороны, усилило независимость регионов от федерального центра, расширило их полномочия, с другой — увеличило бремя хозяйственных забот. Заключение договоров о разделении полномочий предметов ведения между федеральной властью и ее субъектами привело к усилению бюджетного неравенства регионов. Регионы, имеющие сильную налоговую базу, стремились получить еще большую бюджетную независимость и сократить до минимума перечисления в федеральный бюджет. В итоге ресурсы центральной власти на финансирование программ в интересах более «бедных» регионов уменьшались.

МАЛОЗЕМОВ Сергей Иванович, доцент кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

В условиях экономического кризиса федеральные власти сворачивали многие программы по поддержке АПК. Так, в 1997 г. были отменены трансферты из федерального бюджета регионам для дотирования животноводства, что привело не только к существенному сокращению удельного веса расходов на развитие сельского хозяйства на федеральном уровне, но и к вынужденному увеличению бюджетной поддержки села на региональном уровне.

В результате регионализации аграрной политики наблюдалось существенное сужение единого продовольственного рынка страны. Политика продовольственного самообеспечения во многих регионах обернулась установлением якобы в интересах местного населения торговых барьеров, препятствующих вывозу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за их пределы, и в итоге способствовала разделению национального агропродовольственного рынка и препятствовала формированию рыночной инфраструктуры.

В условиях бюджетного неравенства серьезным подспорьем для депрессивных регионов могли стать трансферты из целевого фонда финансовой поддержки регионов, созданного в 1994 г. Однако в условиях 90-х гг. XX в. депрессивными можно было считать большинство регионов РФ. Поэтому нельзя согласиться с Б. В. Джамбиновым, считающим, что даже с учетом природного, экономического и социального разнообразия РФ децентрализацию процессов принятия решений, в принципе, можно назвать позитивной тенденцией¹.

Лишь в начале XXI в. Правительством РФ была осознана необходимость решения этой проблемы, результатом чего стало принятие программного документа «Основные направления агропродовольственной политики на 2001—2010 годы»². В процессе разработки и принятия Правительством РФ этого документа определялись роль, место и методы участия, а также ответственность государства в процессах рыночной трансформации АПК. Он разрабатывался большим коллективом ведущих ученых ряда профильных институтов РАН, Российской сельскохозяйственной академии, ведомственных научно-исследовательских организаций, экспертов других научных центров совместно с экспертами-практиками федерального, регионального и местного уровней, руководите-

лями агропродовольственных хозяйств. Ключевые аспекты государственной аграрной политики обсуждались на круглых столах, в том числе с участием Президента, премьер-министра и его заместителей.

Для проведения единой агропродовольственной политики Правительство РФ посчитало необходимым обеспечить четкое разграничение сфер ответственности федеральных, региональных и муниципальных органов управления АПК и их тесное взаимодействие. В частности, в рамках реализации программ земельной реформы Правительство РФ распределило полномочия федерального и региональных законодательств в области регулирования земельного оборота, не допустило противоречий региональных нормативных актов федеральным правовым нормам.

При разработке основных направлений аграрной политики федеральный центр учитывал различия в географическом положении, климатических и социальных условиях, обуславливающих дифференциацию уровней развития российских регионов и определяющих специфику осуществления аграрных реформ в регионах и объективно сложившуюся сельскохозяйственную специализацию регионов. В решении продовольственной проблемы одни регионы в состоянии не только полностью удовлетворять собственные продовольственные нужды, но и поставлять значительную часть продукции на российский и внешний рынки, другие были и останутся регионами, ввозящими продовольствие. Поэтому федеральный центр признал за каждым регионом особую роль в формировании местного и общероссийского рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, используя дифференцированный подход к аграрной политике по отношению к отдельным регионам.

Однако осуществление программных мероприятий по развитию агропромышленного комплекса, сельской местности и стабилизации региональных продовольственных рынков немыслимо без государственной поддержки. Бюджетное финансирование АПК предусматривает бюджетные услуги, включающие содержание управленческих структур, организаций, осуществляющих фито-санитарный, технический, качественный и прочие виды контроля, в продовольственной цепи, структур, предоставляющих АПК научные, консультационные, информационные и прочие услуги. Кроме того,

бюджетная поддержка АПК включает финансирование программ, направленных на решение отдельных задач. К ним относятся программы поддержки животноводства, растениеводства, финансируемые через прямые субсидии производителям; программы компенсации затрат на ресурсы; программы льготного кредитования и т. д.

Прямые бюджетные субсидии сельскому хозяйству в последнее время являются предметом особого внимания в связи с предстоящим вступлением страны в ВТО. Правила ВТО не предусматривают отмены государственного субсидирования сельского хозяйства. Так, в соответствии с положениями Уругвайского раунда Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) сохранялся ряд мер, включающих исследовательские и консультационные услуги, внутренние продовольственные пособия, страхование урожая, инвестиционные пособия для структурной перестройки, программы охраны окружающей среды, а также региональные программы поддержки.

Однако в переговорном процессе камнем преткновения является, в частности, размер сельскохозяйственных субсидий. ВТО требует от РФ сократить государственную дотацию АПК до 2,5 долл. на га пашни³, тогда как еще в начале 1990-х гг. она составляла около 65 долл., а в США и ЕС — 333 и 1 385 долл. соответственно⁴. Кроме того, на 2003 г. государственные субсидии отечественному сельскому хозяйству из бюджетов всех уровней составляли около 2 млрд долл., тогда как РФ настаивала на увеличении их совокупного размера до 16,2 млрд долл.⁵ Вместе с тем потенциальные возможности федерального и региональных бюджетов таковы, что в большинстве субъектов РФ трудно достичь даже этого уровня государственной поддержки. Следовательно, необходимо и в дальнейшем перераспределять часть федеральных бюджетных средств в пользу региональных бюджетов.

В связи с этим начинают изменяться направления государственной поддержки сельского хозяйства. Она оказывается предприятиям и фермерским хозяйствам, способным обеспечить наибольшую отдачу вложенных средств. Предоставление бюджетных кредитов и субвенций осуществляется путем заключения с сельскохозяйственными предприятиями соглашений, в которых оговариваются обязательные условия их получения. Предполагается в рамках государственной

поддержки сохранить федеральные фонды семян, ветеринарных препаратов, резервов средств защиты растений. Обязательным условием поддержки, оказываемой на региональном уровне, является соответствие регионального законодательства федеральному.

С целью государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей будет продолжено их льготное кредитование и принципиально пересмотрена его концепция. Будет осуществляться субсидирование процентной ставки по сезонным займам товаропроизводителей АПК в коммерческих банках. За счет средств федерального бюджета будут финансироваться объекты, вошедшие в федеральные целевые программы, а также строительство, реконструкция, техническое перевооружение бюджетных организаций, природоохранных объектов.

Таким образом, *основой аграрной политики, направленной на повышение производственной эффективности в аграрной сфере и доходов сельского хозяйства, является рациональное распределение функций между федеральными и региональными органами власти.*

Однако обращают на себя внимание проблемы, препятствующие нормальному функционированию агропромышленного комплекса по причине отсутствия четкого разграничения полномочий между федеральными и региональными властями. В 2006 г. Институтом социологии РАН проведено исследование, целью которого являлось выявление проблем реализации национальных проектов, в том числе «Развитие АПК». Заметим, что представители регионов отмечали прежде всего ошибки, допущенные федеральными властями, в частности, несогласованность механизмов реализации проектов с конкретными исполнителями на местах; нарушение коммуникации между Центром и регионами в процессе реализации национальных проектов; низкую степень свободы региональных властей в расходовании средств⁶.

Однако далеко не безгрешны и сами региональные власти. Например, информационное агентство «REGNUM» 18 марта 2008 г., Управление Министерства юстиции РФ по Приволжскому федеральному округу подвело итоги мониторинга нормативно-правовых актов в сфере реализации национального проекта «Развитие АПК», действующих на территории округа. Было проведено более 500 юридических экспертиз,

выявлены и устранены несоответствия федеральному законодательству в 23 актах⁷. Как оказалось, типичными нарушениями стали превышение полномочий органов государственной власти регионов страны (Нижегородская, Самарская, Кировская, Пензенская области, Республики Удмуртия и Башкортостан) и нарушение бюджетного законодательства (Оренбургская область, Республика Башкортостан).

По информации Министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области выявлен ряд нарушений законодательства. Во-первых, со стороны органов местного самоуправления ненадлежащим образом формируются дела граждан, имеющих личные подсобные хозяйства, изъявивших желание получить соответствующую финансовую поддержку. Во-вторых, имеют место факты выделения кредитов в отсутствие на то оснований, не контролируются сроки освоения заемщиками кредитных ресурсов, не проверяются должным образом их целевое использование. Кроме того, имеются случаи предоставления фиктивных документов для получения субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитным договорам. В-третьих, слабо организован контроль за работой вновь созданных сельскохозяйственных потребительских кооперативов и целевым использованием выделенных льготных кредитов. Имеются факты, когда программа кредитования малых форм хозяйствования через кредитные кооперативы трансформировалась в программу поддержки сельскохозяйственных предприятий. В-четвертых, органами местного самоуправления предоставляется не полный список документов, на основании которых формируются списки участников программы по обеспечению жильем молодых специалистов в рамках реализации национального проекта «Развитие АПК»⁸. Кроме того, имеют место значительное количество бюрократических обременений на пути эффективного оборота земель, процедуры регистрации прав собственности, отсутствие мобильности в работе руководителей, сдерживающие темпы реализации национального проекта, например, в Кировской области⁹.

Таким образом, на протяжении 90-х гг. XX в. в стране отсутствовала единая государственная аграрная политика. Лишь с 2000 г. с принятием «Основных направлений агропродовольственной политики на 2001—2010 годы» можно

констатировать четкое разграничение сфер ответственности федеральных и региональных органов управления АПК, их тесное взаимодействие, несмотря на сохраняющиеся правовые, организационно-управленческие и финансовые проблемы, подлежащие устранению на федеральном и региональном уровнях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джамбинов Б. В. Совершенствование региональной аграрной политики: на примере Республики Калмыкия: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 74.

² Основные направления агропродовольственной политики на 2001—2010 годы // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.mcx.ru>].

³ Джамбинов Б. В. Указ. соч. С. 37.

⁴ Крылатых Э. Н., Строкова О. Г. Вопросы сельского хозяйства при вступлении стран СНГ в ВТО // Проблемы прогнозирования. 2002. № 2. С. 39.

⁵ Зубченко Л. А. Присоединение к ВТО и сельское хозяйство России // Путь России в ВТО: Сб. обзоров / РАН ИНИОН; отв. ред. и сост. Л. А. Зубченко. М., 2002. С. 123.

⁶ Федеральный центр и региональная власть: взаимодействие на поле социальной политики в современной России: Аналит. доклад / Рук. проекта М. Горшков. М., 2006. С. 58.

⁷ Самый частый вид нарушений при реализации нацпроекта «Развитие АПК» в Приволжском ФО — превышение полномочий органов власти // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/972772.html>].

⁸ О ходе реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» на территории Нижегородской области (по состоянию на октябрь 2007 г.). Официальный сайт Правительства Нижегородской области // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www/government.nnov.ru/?id=27184>].

⁹ Национальный проект «Развитие АПК» в действии 31 января 2007 г. Сайт Законодательного Собрания Кировской области // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.zsko.ru/press/smi/publ/detail.php?ID=1784>].

Поступила 01.08.08.

К. В. МАЛЬЦЕВ

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО РЫНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Россия — крупнейший в мире обладатель земельных ресурсов. Земельный фонд РФ составляет 1 709,8 млн га, на ее территории расположены практически все природно-минеральные вещества планеты, в зоне влияния находится около 45 % пресной и около 20 % морской воды, около 70 % территории располагается в сейсмоустойчивых районах¹. Однако эффективность использования богатейших земельных ресурсов в России остается на низком уровне. В течение XX в. курс государственной земельной политики кардинально менялся дважды: в 1917 г. земля была национализирована и полностью исключена из рыночного оборота, в 1993 г. Конституция РФ определила различные виды собственности на землю, включая и частную.

Рыночная трансформация экономики России обусловила направленность земельной реформы на развитие земельного рынка, участие земельных участков — в свободном гражданском обороте. Только в 2001 г. после продолжительных дискуссий Государственной Думой был принят новый вариант Земельного кодекса, соответствующего новым конституционным положениям. В то же время споры вокруг Земельного кодекса не прекращаются до сих пор.

Тем не менее, процесс формирования института частной собственности на землю в России активно развивается. Показатели государственной отчетности свидетельствуют о том, что земля включена в рыночный оборот, т. е. с земельными участками совершаются сделки, предусмотренные гражданским законодательством. В то же время земля как пространственная основа существования государства и его

МАЛЬЦЕВ Кирилл Владимирович, докторант кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

граждан, как звено экосистемы требует пристального внимания со стороны государства для обеспечения политической, экономической, экологической безопасности, социальной защиты населения, защиты исторических и культурных основ существования страны и ее граждан.

Одним из ключевых направлений социально-экономического развития России является повышение эффективности использования объектов земельно-имущественного комплекса и управления национальным богатством посредством развития многообразных форм собственности. Высокий эффект может быть получен в первую очередь от использования городских земель, так как, во-первых, в городской среде рыночные отношения развиваются со значительным опережением по отношению к сельской местности. Во-вторых, позиция науки и общества по включению городской земли в рыночный оборот носит достаточно определенный характер, чего нельзя сказать относительно земель сельскохозяйственного назначения. В-третьих, несмотря на то, что доля городских земель незначительна, именно на них сконцентрированы жизненно важные производства, они аккумулируют в своих границах до 75 % социально-демографического и производственно-экономического потенциала России. Финансовые ресурсы также сосредоточены в основном в городах, что придает им статус потенциального кредитора для остальных территорий. Поэтому социально-экономическое значение городских земель за последние годы существенно возросло, возникла острая потребность в формировании цивилизованного рынка городских земель.

Значимое направление государственного регулирования отношений собственности (и в особенности для стран переходной экономики) — процесс формирования и воспроизводства эффективного собственника². В рыночной экономике городская земля рассматривается не только как пространственный базис хозяйствования и жизнедеятельности населения, но и как важнейший источник извлечения прибыли для предпринимателей, регулярного поступления средств в региональные и муниципальные бюджеты.

В России с начала 90-х гг. XX в. проводится земельная реформа, однако ни правовая база, ни общенациональная концепция этой реформы до сих пор полностью не созданы. Стратегия развития земельно-имущественных отношений не

увязана с задачами структурной перестройки экономики в целом. Решение многих проблем в этой области отдано на откуп местным властям, что породило к концу 90-х гг. XX в. множество региональных моделей развития земельно-имущественных отношений.

Формирование цивилизованных рыночных отношений предполагает переход земельно-имущественного комплекса на качественно новый этап развития, а именно превращение земли в реальный высокодоходный производственный ресурс путем обоснованного применения различных механизмов государственного управления. В связи с этим особую важность приобретают исследования, отвечающие на вопросы: какие направления развития рынка городских земель возможны в России, какие социальные, политические, экономические последствия этих процессов возможны, какие существуют механизмы государственного регулирования земельного рынка?

В целях исследования проблем развития земельного рынка в России, изучения состояния нормативно-правового, кадрового, информационного, методического обеспечения органов государственной и муниципальной власти, участвующих в управлении земельными ресурсами, был проведен социологический опрос руководителей и сотрудников Управления Роснедвижимости по Нижегородской области и его структурных подразделений, которые выступили в качестве экспертов в области государственного управления земельными ресурсами и регулирования оборота земли. Анализ результатов исследования, а также экспертного опроса членов территориальных торгово-промышленных палат, предпринимателей и посредников при прохождении процедур, связанных с недвижимостью и землей, проводившихся в рамках «Исследования сделок с землей и недвижимостью в Российской Федерации», позволил сделать ряд выводов.

Степень информированности населения и его «правовой грамотности» в вопросах владения, распоряжения и пользования землей, по мнению большинства экспертов, является низкой, что, несомненно, отрицательно сказывается на развитии земельного рынка.

На развитие земельного рынка в России оказывают влияние следующие (по степени уменьшения влияния) экономические, правовые, организационные, политические, социальные и культурно-исторические факторы.

По мнению экспертов, развитие земельного рынка может привести к ряду последствий негативного и позитивного характера. Большинство экспертов обеспокоено процессами деградации земель и усилением социальной напряженности в результате перераспределения собственности на землю. К тому же велика вероятность того, что в результате развития рыночных отношений увеличатся объем земельных платежей и число собственников земельных участков. Не вызывает опасений выкуп больших площадей российских земель иностранными гражданами. В отношении того, сможет ли рынок распределить земельные участки в руках наиболее эффективных собственников, эксперты высказались далеко не однозначно.

Для создания благоприятных условий более эффективного использования земельных ресурсов эксперты считают необходимым продолжить приватизацию земель поселений, упростив процедуру предоставления земельных участков и существенно увеличить долю частной собственности (50—70 %) на эту категорию земель. Причем оборот земель поселений должен в большей степени регулироваться рыночными механизмами. В отношении приватизации земель сельскохозяйственного назначения эксперты высказывались более сдержанно, считая, что доля частной собственности на землю сельскохозяйственного назначения не должна быть более 25 %. При этом государство должно четко контролировать оборот земель сельскохозяйственного назначения.

Цена, по которой на данный момент продаются земельные участки сельскохозяйственного назначения, является ниже объективной (т. е. земля недооценена), и в ближайшие 5 лет она, скорее всего, останется на том же уровне либо немного увеличится. Цена на землю поселений в большинстве случаев соответствует ее реальной стоимости (что свидетельствует о достаточно развитом рынке земельных участков) и в ближайшие 5 лет, вследствие объективных причин, стоимость земельных участков в городах и поселениях будет увеличиваться.

Деятельность федеральных и региональных органов власти, по мнению большинства экспертов, оказывала позитивное влияние на развитие земельного рынка. В то же время в меньшей степени позитивной в отношении реформирования земельных отношений экспертами была оценена деятельность органов муниципальной власти.

Информационное и кадровое обеспечение органов государственной и муниципальной власти, участвующих в управлении земельными ресурсами, в целом признано удовлетворительным. Наиболее востребованными для руководителей органов власти являются знания и навыки в сфере земельного законодательства, государственного и муниципального управления, экономики.

Полноценному вовлечению земли в хозяйственный оборот препятствует ряд факторов, одним из важнейших является наличие административных барьеров на пути предпринимателей к покупке земельных участков для осуществления хозяйственной деятельности.

Ценовая ситуация на частном рынке земельных участков характеризуется сильным завышением стоимости участков, при этом рынок частных компаний, предоставляющих посреднические услуги в области земельных отношений, признается экспертами в значительной мере ограниченным в свободе, что подразумевает существование барьеров для создания новых компаний. Существование подобных барьеров неизбежно ведет к его монополизации, что создает предпосылки для подрыва конкурентной среды и постепенного размывания стимулов к повышению конкурентоспособности предприятий. К числу причин, обуславливающих существование ограничений свободы рынка, в первую очередь следует отнести деятельность бюрократического аппарата, которая характеризуется невысоким уровнем компетенции, а в ряде случаев — умышленным оппортунистическим поведением служащих, направленным на извлечение ренты из административного ресурса.

Процедура предоставления земельных участков, по мнению экспертов, значительно менее удобна и доступна для предприятий малого и среднего бизнеса (по сравнению с приобретением на частном рынке). Сложность успешного прохождения процедуры предоставления земельных участков органами государственной власти или местного самоуправления отмечается как один из наиболее важных факторов, ограничивающих возможности малых предприятий приобрести земельные участки в собственность. Помимо значительных издержек на получение необходимых разрешений, проведение землеустроительных работ и согласований с инженерными службами зачастую превращается в широкое поле для коррупционных действий работников и руководителей соответствующих служб.

Имеется значительное количество свидетельств о непоследовательных действиях органов местного самоуправления: после постановления о предоставлении земельного участка нередко выходит постановление об отмене предыдущего. При этом оспаривание отмены постановления в суде редко приводит к положительному для предпринимателей результату. Отмечаются отдельные случаи, когда чиновники удерживают компании от подачи заявлений на приобретение земли в собственность, так как для них более удобными являются отношения аренды. В связи с этим множество компаний даже не пытаются подавать заявления о предоставлении и продолжают арендовать земельные участки.

Часто при принятии решений властями муниципальных образований существенно нарушается антимонопольное законодательство. Проверки Федеральной антимонопольной службы РФ систематически выявляют нарушения главным образом в сфере предоставления земельных участков для жилищного строительства.

Несмотря на то, что в целом земельные участки на рынке оцениваются экспертами как доступные для малого бизнеса, следует отметить, что в большинстве случаев малым предприятиям сложно (преимущественно даже невозможно) конкурировать на проводимых конкурсах и аукционах по продаже государственных или муниципальных земель с представителями крупного бизнеса. Следует заключить, что доступны малому бизнесу, как правило, земельные участки из сегмента, который представляет для крупного бизнеса малый интерес.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земли в Российской Федерации в 2006 г. / Под ред. С. М. Подобед, В. С. Кислов, В. А. Самолетов и др. М., 2007.

² Государственное регулирование рыночной экономики: Учебник / Под общ. ред. В. И. Кушлина. М., 2008. С. 144.

Поступила 11.08.08.

И. П. ЮТКИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ АПК»

Особое место среди приоритетных национальных проектов занимает «Развитие АПК». Это определяющее звено в развитии экономики и социальной сферы Мордовии и включает в себя три направления.

«Ускоренное развитие животноводства» предусматривает расширение доступности дешевых долгосрочных (до восьми лет) кредитных ресурсов на строительство и модернизацию животноводческих комплексов (ферм). Основным механизмом стимулирования привлечения инвестиций является субсидирование процентной ставки в размере 2/3 ставки рефинансирования Банка России по кредитам коммерческих банков на срок до восьми лет на строительство и модернизацию животноводческих комплексов. Целью этого направления определены показатели по росту объемов производства мяса на 7 %, молока — на 4,5 % при стабилизации поголовья крупного рогатого скота на уровне не ниже 2005 г.; поставка по лизингу 100 тыс. голов племенного скота; поставка оборудования для создания 130 тыс. скотомест. Реализация этого направления позволит повысить рентабельность животноводства, провести техническое перевооружение действующих животноводческих комплексов и ввести в эксплуатацию новые мощности. На эти цели из федерального бюджета в 2007 г. выделено 3,18 млрд руб. За два года был достигнут положительный результат.

Среди ведущих животноводческих хозяйств республики следует отметить агрохолдинг «Мордовский бекон», а также птицефабрики «Октябрьская» и «Атемарская». Только

ЮТКИНА Ирина Петровна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

в 2007 г. агрохолдинг «Талина», в котором сосредоточено 50 % всего свиноголовья и 70 % производства свинины в республике, ввел два современных свиноккомплекса. Птицефабрика «Октябрьская» — «флагман» сельхозпроизводства республики. В 2007 г. она произвела 25,6 тыс. т мяса птицы и в течение 3—4 ближайших лет намерена довести производство до 50 тыс. т.¹ Именно для этого птицефабрика взяла 498 млн руб. кредитных ресурсов и вкладывает их в строящиеся объекты. На птицефабрики «Атемарская» ежедневно производится более 1 млн шт. яиц, реконструкция к 2009 г. доведет этот показатель до 1,8 млн шт. Кроме того, готов проект по производству 30 тыс. т куриного мяса в год. На эти цели в «Россельхозбанке» был взят кредит в размере 2 млрд руб. Благодаря реализации этого проекта республика будет производить 100 тыс. т мяса скота и птицы.

Идет строительство свиноккомплексов: на 1 260 свиноматок — в ООО «Моргинское» Дубенского, 900 свиноматок — в ЗАО «Агро-Козловка» Атяшевского, 600 свиноматок — в агрофирме «Норов» Кочкуровского района. Реконструируются и строятся свинофермы в Рузаевском, Большеигнатовском, Староайтовском, Атяшевском районах.

За два года действия национального проекта «Развитие АПК» в республике ведется реализация 92 мероприятий по строительству и реконструкции крупных комплексов по производству молока и мяса, для чего привлечено более 4,4 млрд руб. кредитных ресурсов. Из этих объектов 18 уже введены в строй и дают продукцию. В конце 2005 г. также в рамках национального приоритетного проекта в Мордовию были привлечены пятилетние инвестиционные кредиты. Таким образом, общая сумма привлеченных для развития животноводства республики инвестиционных кредитов составляет 6,2 млрд руб.

Главными инструментами реализации *стимулирования развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе* определены увеличение и удешевление привлекаемых кредитных ресурсов ЛПХ и КФХ и создаваемыми ими сельскохозяйственными потребительскими кооперативами. Это позволило наряду с увеличением объемов производства сельскохозяйственной продукции повысить рентабельность и товарность хозяйств, доходы занятых в них граждан. Основным механизмом является субсидирование процентной

ставки по кредитам и займам, полученным в коммерческих банках и сельскохозяйственных кредитных кооперативах, в размере 95 % ставки рефинансирования Центрального Банка. Национальный проект сблизил банки с сельхозпроизводителями действующими программами кредитования и условиями кредитования. Цель этого направления — увеличение объема реализации продукции личными подсобными и крестьянскими (фермерскими) хозяйствами на 6 %; модернизация и развитие инфраструктурной сети 2 550 заготовительных и снабженческо-сбытовых сельскохозяйственных потребительских кооперативов. На эти цели из федерального бюджета в 2007 г. выделены 3,67 млрд руб.

В 2007 г. во всех муниципальных районах Мордовии были открыты представительства Россельхозбанка. Это дает возможность напрямую работать с заемщиками, помогать им оформлять документы, обучать, консультировать, как упростить эти процедуры. На долю ОАО МРФ «Россельхозбанк» в 2007 г. пришлось 76,9 % выданных в Мордовии кредитов по ЛПХ, КФХ и сельскохозяйственным потребительским кооперативам. На долю Сбербанка пришлось 18,4 % от общей суммы кредитов для малых форм хозяйствования, Актив Банка — 1,7 %. В 2007 г. начали работу по кредитованию сельскохозяйственные кредитные кооперативы. На их долю пришлось 3 % всех выданных кредитов².

Мордовия — лидер в кредитовании малых форм хозяйствования на селе. За два года личные подсобные, крестьянско-фермерские хозяйства, потребительские кооперативы привлекли более 2,5 млрд руб. кредитных ресурсов. Особенно преуспели личные подсобные хозяйства, участие которых в проекте стало массовым. Подворья республики взяли за два года более 1,5 млрд руб. кредитных ресурсов. Главным показателем, характеризующим эффективность национального проекта в личных подворьях, является рост реализации продукции. В денежном выражении объем продажи животноводческой продукции от населения за два года реализации национального приоритетного проекта «Развитие АПК» возрос в республике на 7,2 %³.

Особое внимание в национальном проекте уделяется третьему направлению — *строительству жилья для молодых специалистов*. Целью его являются ввод 1 392,9 тыс. км² жилья и улучшение жилищных условий не менее 31,64 тыс.

молодых специалистов (или их семей) на селе⁴. Главная задача по обеспечению жильем молодых специалистов видится в том, чтобы создать такие условия, которые обеспечивали бы для них, исходя из существующих финансовых возможностей, максимальную доступность улучшения жилищных условий. В основу такого механизма для строительства или покупки жилья молодым специалистам предложено использовать безвозмездные субсидии в размере 70 % расчетной стоимости жилья за счет средств федерального и регионального бюджетов. Из них 30 % приходится на федеральный бюджет и 40 % — на бюджеты субъекта РФ. Такие пропорции участия бюджетов разных уровней апробированы в течение трех лет реализации мероприятий по улучшению жилищных условий проживающих в сельской местности граждан, осуществляемых в рамках федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года».

При разработке схемы финансовой поддержки строительства и приобретения жилья для молодых семей и молодых специалистов важно было определить третьего участника в софинансировании мероприятия, который должен внести недостающие 30 % стоимости жилья. Исходя из того, что прямую экономическую выгоду от использования профессионального труда и навыков привлекаемого молодого специалиста имеет хозяйствующий субъект, было принято решение в качестве источника софинансирования затрат по строительству жилья привлечь средства работодателя. Таким образом, в процесс реализации третьего направления включается бизнес, что повышает его мотивацию к эффективному использованию привлекаемых качественных трудовых ресурсов.

В 2006—2007 гг. в программе улучшения жилищных условий приняли участие 536 молодых специалистов (или их семей) на селе. За два года реализации проекта освоены 321,1 млн руб. (в том числе 123,5 млн руб. федерального бюджета и 197,6 млн руб. бюджета Республики Мордовия). Ввод жилья для молодых специалистов составил 39,24 тыс. кв. м при принятых обязательствах 38,7 тыс. кв. м⁵.

В республике уделяется большое внимание поддержке молодых специалистов на селе. Однако этого явно далеко не достаточно. Модернизация АПК возможна только при помощи специалистов, выпускников аграрных вузов. Для привлечения молодых специалистов, их трудовой адаптации

и стабилизации коллективов на селе и в целях повышения эффективности реализации направления «Обеспечение жильем молодых специалистов на селе» национального проекта «Развитие АПК» необходим ряд социально-экономических, управленческих и организационно-технических мер: повышение уровня реальных доходов работников предприятий; расширение пакета социальных льгот; развитие социальной инфраструктуры села; коренное улучшение условий и охраны труда, особенно в производственных подразделениях предприятий. Возможно следует перенять опыт Саратовской области по материальному стимулированию выпускников вузов. Там молодым специалистам, работающим на селе, помимо единовременного пособия в размере 55 тыс. руб., ежемесячно доплачивают к основному заработку второго оклада в течение двух лет.

Вместе с тем необходимо отметить ряд трудностей и проблем, с которыми пришлось столкнуться при реализации национального проекта. Во-первых, большинство сельских жителей впервые столкнулось с получением кредита. Сельчане допускали множество ошибок при оформлении и сборе документов на получение кредита, испытывали сложности в поиске лиц, готовых выступить в качестве поручителей, не говоря уже о процедуре оформления ликвидного имущества, выступающего в качестве залога. Это значительно увеличивало время работы кредитного специалиста с потенциальным заемщиком. Во-вторых, у многих заемщиков отсутствуют надлежащим образом оформленные документы, подтверждающие право собственности на имущество и землю. В результате такое имущество не может быть использовано в качестве залоговой базы до момента приведения в соответствие с существующими требованиями. В-третьих, имеют место слабое финансовое положение сельскохозяйственных предприятий, задолженность перед бюджетом, государственными предприятиями.

На данном этапе реализации национального проекта есть немало вопросов, на которые нет ясных ответов. В частности, нет гарантии, что субсидии будут предусмотрены в годовых бюджетах на весь восьмилетний период реализации проектов. Также следует иметь в виду, что существующая нормативно-правовая база либо недостаточна, либо имеет разночтения. В этой связи предстоит внести предложения

по совершенствованию нормативно-правового регулирования залога земель сельскохозяйственного назначения, подготовить соответствующие поправки в федеральные законы «О сельскохозяйственной кооперации», «Об ипотеке», Налоговый кодекс. Эту работу необходимо выполнить в очень короткие сроки и на высоком качественном уровне.

Приоритетный национальный проект «Развитие АПК» — большая и разносторонняя программа, задача его исполнителей — обеспечить, сделать так, чтобы каждый рубль, выделенный на эти цели, сработал с максимальной эффективностью.

Начиная с 2008 г. приоритетный национальный проект «Развитие АПК» трансформируется в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг. В государственную программу вошли все направления и параметры национального проекта «Развитие АПК». На предстоящие пять лет на реализацию программы из федерального бюджета будут выделены 547,6 млрд руб., что в три раза больше по сравнению с предыдущим пятилетием. Также предусматривается в тех же объемах софинансирование мероприятий со стороны бюджетов регионов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Годовые отчеты агрохолдинга «Мордовский бекон» и птицефабрик «Октябрьская» и «Атемарская».

² Данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия.

³ См.: Коваленко Е. Г., Полушкина Т. М., Юткина И. П. Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в Республике Мордовия: первые итоги. Саранск, 2006.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Поступила 30.05.08.

И. Н. КРУТОВА

СОЗДАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ФИНАНСИРОВАНИЯ АПК РЕГИОНА

Несовершенство современного инвестиционного законодательства, на наш взгляд, является одной из основных причин, которые замедляют темпы внедрения проектного финансирования АПК в Республике Мордовия и Российской Федерации в целом.

В России на данном этапе экономического развития не преодолены сложности в определении норм, регулирующих инвестиции и кредиты в секторе новых производств. Во-первых, в действующем законодательстве не определена взаимосвязь между инвестиционной и кредитной деятельностью. Во-вторых, имеющиеся в инвестиционном законодательстве пробелы не позволяют определить, могут ли долгосрочные кредиты, связанные с капиталовложениями, причисляться к категории инвестиций. В-третьих, существуют противоречия между международными договорами, ратифицированными Россией, и отечественным законодательством в определении видов иностранных инвестиций и их экономического смысла.

Проектное финансирование должно регулироваться не только кредитным, но и инвестиционным законодательством. В России кредитные операции регулируют законодательство о банках и банковской деятельности, Гражданский кодекс, а также различные инструкции Банка России. Однако все это не обеспечивает специального правового режима для кредитования предприятия в проектных целях¹.

Не смотря на то, что законодательная база в сфере кредитного и инвестиционного законодательства, в основном

КРУТОВА Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

сформированная в 90-х гг. XX в., постоянно обновляется, в ней до сих пор не получило отражение беззалоговое кредитование. Соответственно, ключевой задачей по развитию проектного финансирования в АПК РФ в настоящее время является совершенствование законодательства, регулирующего кредитные процессы на территории страны.

Важным шагом в развитии проектного финансирования АПК является также улучшение инвестиционного климата путем снижения различного рода рисков, в том числе и политических. После нашумевшего дела о «Юкесе» западная экономическая пресса нагнетает обстановку по поводу возможного повторения сценария, однажды сыгранного на политико-экономической сцене России.

Нами был проведен экспертный опрос на предмет развития проектного финансирования в АПК Мордовии. Одним из ключевых факторов многие эксперты считают отсутствие в республике некой организации, банка или фонда проектного финансирования. Поэтому в целях развития проектного финансирования в республике целесообразно создать соответствующий отдел в Министерстве сельского хозяйства республики.

Эта структура должна, по нашему мнению, выполнять ряд функций, ключевыми из которых могли бы стать:

- осуществление мониторинга реализации проектов, осуществляемых за счет займов различного рода кредитных организаций;

- подготовка для Правительства РМ, Минфина РМ, Минэкономразвития РМ и кредитных организаций, желающих участвовать в проектном финансировании АПК республики обзорные и обобщающие материалы по портфелю проектов;

- выполнение мероприятий, повышающих эффективность реализации действующих проектов, подготовка материалов по вопросам реализации проектов;

- выступление представителем Правительства РМ в совместных гарантийных операциях от некоммерческих (политических) рисков. В качестве представителя Правительства РМ эта структура могла бы подписывать гарантийные контракты, управлять гарантийной программой, регулировать потенциальные гарантийные события до того, как они приведут к наступлению ответственности по гарантийному

контракту, взаимодействовать с кредитными организациями и выполнять функции по проведению оценки проектов и мониторингу рисков;

- проведение экспертизы и предварительного отбора проектов для включения их в процесс проектного финансирования;

- осуществление мониторинга и финансирования подготовки проектов, включенных в программу проектного финансирования;

- подготовка для Правительства РМ и ключевых министерств республики обзорных материалов по портфелю проектов, находящихся в стадии подготовки;

- финансирование прединвестиционных исследований, разработки ТЭО, проектно-изыскательных работ по проектам, одобренных постоянной рабочей группой;

- содействие повышению эффективности работы структурных подразделений министерств РМ, участвующих в формировании программы проектного финансирования АПК РМ;

- осуществление информационной, консультационной и методологической поддержки предприятий АПК республики с целью обеспечить их активное и успешное участие в региональных, национальных и международных конкурсах на поставку товаров, работ и услуг;

- оказание всестороннего содействия развитию системы конкурсных закупок товаров, работ и услуг на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;

- проведение работы по повышению эффективности конкурсных закупок².

В Министерстве сельского хозяйства РМ целесообразно создать отдел по вопросам кредитования реформирования АПК РМ, основными задачами которого, по нашему мнению, должны являться:

- организация подготовки и реализации проектов и программ в сфере реформирования агропромышленного комплекса РМ с участием региональных, национальных, международных и межгосударственных организаций;

- взаимодействие с органами управления АПК РФ по вопросам подготовки и реализации региональных, национальных и международных проектов и программ в сфере реформирования АПК;

— осуществление работы по активному включению организаций и предприятий АПК РМ в региональную, национальную и международную систему экономических отношений на основе привлечения инвестиций, институционального развития, вхождения в региональные, национальные и международные соглашения и программы активизации экспортной политики и т. д.³

По мнению экспертов, в Мордовии также целесообразно создать банк проектного финансирования, один из отделов которого занимался бы проектным финансированием АПК республики, или соответствующий отдел в Россельхозбанке. Такой подход гарантирует эффективное использование ресурсов, обмен идеями и технологиями при реализации не связанных между собой проектов, основанными на опыте проектного финансирования.

Различия между проектным и другими типами структурного финансирования стираются, и, следовательно, проектное финансирование становится частью структурного, в этом случае может быть предложен более сложный набор продуктов. Кроме того, существует некоторая опасность, что проектное финансирование не сможет сочетаться с текущей деятельностью, если остальной бизнес кредитной организации рассчитан на короткие сроки, что характерно для кредитных организаций РМ.

Как правило, персонал, занимающийся проектным финансированием в специальном отделе банка, имеет опыт и связи в банковских или финансовых кругах, хотя некоторые банки нанимают специалистов, имеющих опыт работы в АПК, в качестве внутренних экспертов. Несмотря на то, что большинство работников обычных банков не является экспертами в сфере АПК как нефинансовой дисциплины, в процессе работы над многочисленными сделками в течение длительного периода они накапливают опыт и знания в этой сфере, необходимые для решения технических и практических проблем, которые могут повлиять на жизнеспособность проекта. Однако обычно банки полагаются на узкоспециализированных внешних консультантов.

Проектное финансирование — длительный процесс для банков, требующий высококвалифицированного и высокооплачиваемого персонала: многие лидеры мирового рынка проектного финансирования прошлых лет ушли из бизнеса,

потому что банки посчитали, что более высокая доходность капитала может быть получена в других видах финансирования или на рынке розничной торговли. Однако большинство крупных международных банков по-прежнему активно работает на рынке⁴.

Тем не менее, предприятие АПК, расположенное на территории Мордовии, не может стать клиентом подобного финансового «монстра» потому, что проекты должны иметь определенный размер, чтобы обеспечить банкам приемлемый доход, который стóит затраченного времени. Выделение займа для проекта на сумму намного меньше 25 млн долл. не будет экономически выгодным для абсолютного большинства крупных зарубежных банков, которые предпочитают работать с суммами от 100 млн долл. и более. Это еще одна из причин необходимости создания специального межотраслевого банка проектного финансирования или отдела проектного финансирования при Россельхозбанке на территории Республики Мордовия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Баринов А. Э. Прожект файненсинг. М., 2007. С. 306—307.

² Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.fcprf.ru>].

³ Электрон. ресурс [режим доступа: www.mcx.ru].

⁴ Йескомб Э. Р. Принцип проектного финансирования. М., 2008. С. 3—75.

Поступила 03.09.08.

Т. А. БУРЦЕВА,
А. В. КУЗНЕЦОВА,
Н. А. МИРОНОВА,
Е. А. БЕРЕЗИНА

**КАРТА ВОСПРИЯТИЯ
ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ
НА РЫНКЕ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Кировская область, специализирующаяся на производстве продукции АПК, тем не менее, эти позиции постепенно теряет по большинству видов последней. Исключение составляет производство яиц, цельномолочной продукции, сыра и брынзы, в отношении которых проявляется обратная тенденция. Производимые в Кировской области продовольствие и сельскохозяйственное сырье в настоящее время имеют преимущественно региональное значение. Исключение составляют молоко и молочные продукты, около 20 % объема производства которых в 2007 г. вывозилось за пределы области¹.

Емкость областного рынка молока и молочных продуктов является недостаточной для продукции, произведенной в регионе. Рост избытка продукции требует расширения ее ниш на региональных рынках других субъектов РФ. Область благоприятно расположена относительно емких продовольственных рынков: Европейского Севера, индустриального Урала, а также крупного мегаполиса Нижнего Новгорода, где уровень самообеспеченности продуктами питания остается низким, а объемы потребления овощей, мясных и молочных продуктов существенно превышают объемы их производства. С учетом перспектив развития молочного подкомплекса

БУРЦЕВА Татьяна Алексеевна, доцент кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат экономических наук (г. Киров).

КУЗНЕЦОВА Анна Владимировна, аспирант кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии (г. Киров).

МИРОНОВА Наталья Алексеевна, аспирант кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии (г. Киров).

БЕРЕЗИНА Екатерина Александровна, аспирант кафедры маркетинга и стратегического планирования Вятской государственной сельскохозяйственной академии (г. Киров).

возможно создание бренда, ориентированного на конкуренцию, и распространение в высшем ценовом сегменте, т. е. сегменте Premium. Этому также будут способствовать более высокие доходы населения в регионах — потенциальных рынках сбыта молочной продукции.

Основным конкурентным преимуществом молочной продукции Кировской области является высокое качество (с точки зрения производства из натурального сырья) и экологичность. Это может стать основой расширения присутствия и завоевания новых ниш на новых региональных рынках продовольствия. Для укрепления и расширения своих позиций на региональных рынках, а также обеспечения качества молочной продукции в соответствии с принятыми международными стандартами в связи с вступлением России в ВТО необходима реализация системы маркетинговых мероприятий, концептуальная основа которых должна базироваться на продвижении натуральных высококачественных продуктов питания.

Одно из основных направлений системы продвижения — формирование у целевых сегментов позитивного восприятия марки производителя. В настоящее время на рынке молочной продукции Кировской области с разной степенью эффективности функционирует 21 предприятие по переработке и реализации молока.

Динамика производства молочной продукции перерабатывающими предприятиями Кировской области, за исключением животного масла, выглядит достаточно позитивно. Индекс физического объема производства цельномолочной продукции в 2007 г. составил 130,2 % к уровню 2001 г., сыра — 159,3 %, масла животного — 56,7 %.

Конъюнктура на межрегиональных рынках молочной продукции складывается не только под влиянием конкуренции между местными производителями, но и под воздействием импортных продуктов, поставки которых в Россию с 2001 по 2006 г. увеличились в 1,9 раза.

Основными импортерами являются Республика Беларусь (37 % объемов импорта масла сливочного, 20 % — сыра) и Украина (20 и 35 % соответственно). Сельское хозяйство этих стран находится на подъеме и базируется на дешевых кормах и рабочей силе. В этой связи российским предприятиям и в будущем следует ожидать серьезную конкуренцию

на рынке молочной продукции со стороны поставщиков из Республики Беларусь и Украины, а также Новой Зеландии (25 % импорта сливочного масла), Финляндии (15 % сливочного масла), Германии (23 % сыров и 4 % сливочного масла) и Литвы (7 % сыров).

Предприятиям по производству молочной продукции Кировской области для завоевания сильных конкурентных позиций на рынке, наряду с другими, крайне важно использовать резервы развития, связанные с маркетингом. Пока эффективная работа в этом направлении ведется лишь на трех предприятиях области (ЗАО «Кировский молочный комбинат», ОАО «Городской молочный комбинат» и ОАО «Двуречье»). В них созданы маркетинговые службы, способные быстро реагировать на изменение конъюнктуры рынка, и успешно конкурировать на внутриобластном и межрегиональных рынках.

Для анализа конкурентоспособности молочной продукции, представленной на рынке Кировской области, построим карту восприятия для 11 наиболее конкурентоспособных предприятий с использованием процедуры факторного анализа данных маркетингового исследования в программе Minitab 14. Исходными данными являются экспертная оценка по 100-балльной шкале основных составляющих конкурентоспособности молочной продукции.

При построении карты восприятия объекты могут проецироваться на 2, 3, 4 и даже большее число осей. Чтобы свести число атрибутов к меньшему числу факторов (осей пространства восприятия), можно использовать два подхода — дискриминантный и факторный анализ.

На основе факторного анализа, а также исходя из значений дисперсий переменных, в нашем примере принято решение о двухмерном пространстве, т. е. карта восприятия будет содержать две оси. Результаты факторного анализа представлены в табл. 1.

Программа факторного анализа вычисляет корреляционную матрицу. Из ее данных (табл. 1) видно, что особенно высокое значение корреляции наблюдается между X_1 и X_2 , X_1 и X_5 , X_2 и X_5 , X_4 и X_{10} . Следовательно, переменные, тесно взаимосвязанные между собой, должны коррелировать с одним и тем же фактором.

Таблица 1

№ п/п	Результаты факторного анализа										
	ЗАО «КМК»	ОАО «Яранск»	ОАО «ГМЗ»	ОАО «Суна»	ОАО «Уни»	ОАО «Лактис»	ОАО «Двуречье»	ОАО «Слободской»	ЧП, с. Пасеково	ООО «Мо-локо»	ЗАО «Даровской»
X_1	84	65	75	53	45	69	78	76	43	42	45
X_2	82	71	63	57	43	67	71	73	45	32	23
X_3	63	79	42	61	70	68	67	54	41	29	54
X_4	79	48	59	48	39	58	79	52	87	45	34
X_5	90	58	57	59	40	62	74	63	48	32	29
X_6	60	52	53	58	50	51	76	53	73	67	43
X_7	93	67	64	80	38	36	61	51	48	36	38
X_8	57	72	76	76	40	60	73	71	79	32	49
X_9	69	42	78	69	30	57	79	68	82	43	54
X_{10}	61	38	49	51	40	51	67	52	76	39	34
Корреляционный анализ											
№ п/п	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8	X_9	X_{10}	
X_1	1,00										
X_2	0,906	1,00									
X_3	0,337	0,473	1,00								
X_4	0,454	0,523	-0,072	1,00							
X_5	0,880	0,936	0,418	0,657	1,00						
X_6	0,033	0,132	-0,276	0,691	0,269	1,000					
X_7	0,496	0,632	0,348	0,272	0,722	0,146	1,00				
X_8	0,443	0,556	0,191	0,505	0,504	0,233	0,174	1,00			
X_9	0,448	0,382	-0,263	0,718	0,512	0,492	0,141	0,750	1,00		
X_{10}	0,316	0,419	-0,105	0,931	0,568	0,744	0,195	0,586	0,798	1,00	
Предварительные оценки общностей; собственные значения матрицы корреляции: сумма = 10											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Собственное значение	5,199	2,384	0,927	0,642	0,444	0,219	0,130	0,045	0,007	0,002	
Доля, %	52,0	23,8	9,3	6,4	4,4	2,2	1,3	0,5	0,1	0,01	

Окончание табл. 1

Модель факторов		
№ п/п	Фактор 1	Фактор 2
X ₁	-0,769	-0,445
X ₂	-0,842	-0,473
X ₃	-0,211	-0,756
X ₄	-0,842	0,392
X ₅	-0,917	-0,352
X ₆	-0,507	0,631
X ₇	-0,557	-0,474
X ₈	-0,713	0,095
X ₉	-0,760	0,466
X ₁₀	-0,807	0,514
<i>Дисперсия объясненная каждым фактором</i>		
	Фактор 1	Фактор 2
	5,199	2,384
	52,0	23,8
<i>Нормированные коэффициенты значения факторов (факторные нагрузки)</i>		
	Фактор 1	Фактор 2
X ₁	-0,148	-0,187
X ₂	-0,162	-0,199
X ₃	-0,041	-0,317
X ₄	-0,162	0,164
X ₅	-0,176	-0,148
X ₆	-0,098	0,265
X ₇	-0,107	-0,199
X ₈	-0,137	0,040
X ₉	-0,146	0,196
X ₁₀	-0,155	0,215

Интерпретация факторов основывается на факторных нагрузках. Анализируя модель факторов, можно сделать вывод, что относительно высокое значение корреляции для фактора 1 наблюдается между переменными X₁ (вкусовые качества), X₂ (качество изготовления), X₄ (ассортимент), X₅ (имидж производителя), X₈ (система скидок), X₉ (доступность товара), X₁₀ (рекламная поддержка). Эти переменные подчеркивают важность маркетингового управления конкурентоспособностью, поэтому этот фактор (ось 1) можно назвать «маркетинг продукта». Для фактора 2 высокие значения корреляции наблюдаются между переменными X₃ (экологичность) и X₆ (упаковка), поэтому этот фактор (ось 2) можно назвать «экологичность продукта» (табл. 2).

Таблица 2

Наименование осей карты восприятия

№ п/п	Основные составляющие конкурентоспособности молочной продукции	Ось 1: «Маркетинг продукта»	Ось 2: «Экологичность продукта»
X ₁	Вкусовые качества	-0,769	-0,445
X ₂	Качество изготовления	-0,842	-0,473
X ₃	Экологичность	-0,211	-0,756
X ₄	Ассортимент	-0,842	0,392
X ₅	Имидж производителя	-0,917	-0,352
X ₆	Упаковка товара	-0,507	0,631
X ₇	Соответствие цены и качества	-0,557	-0,474
X ₈	Система скидок	-0,713	0,095
X ₉	Доступность товара	-0,760	0,466
X ₁₀	Рекламная поддержка	-0,807	0,514

Графическое изображение карты восприятия представлено на рисунке. Карту можно интерпретировать, изучив координаты и относительное расположение предприятий. Предприятия, расположенные рядом, конкурируют более жестко. Изолированно расположенные производители имеют свой уникальный имидж. Пробелы на карте могут указывать на потенциальные возможности для внедрения на рынок новых товаров и позиционирования предприятия.

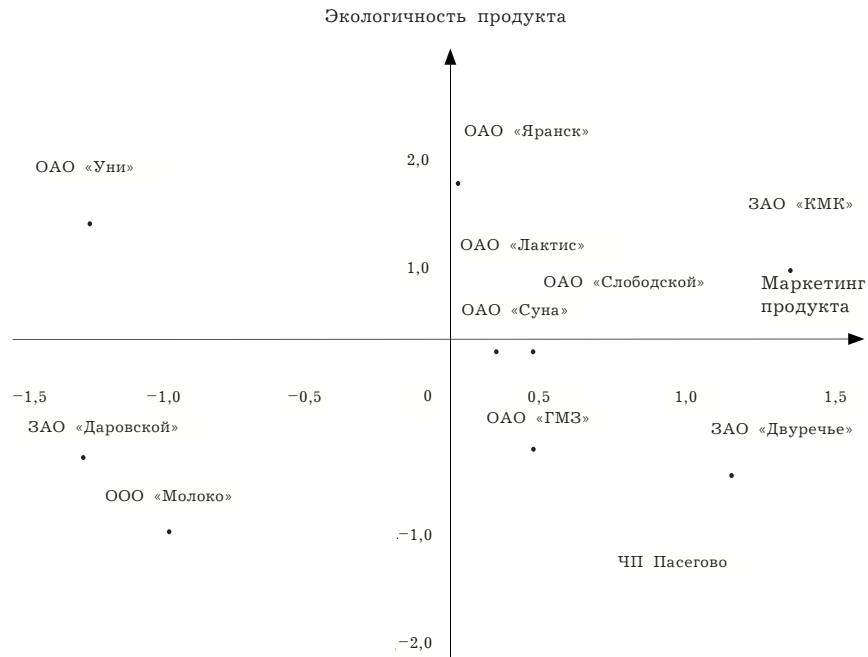

Рисунок. Карта восприятия производителей молочной продукции

Таким образом, карта восприятия может быть использована для получения пространственного представления о восприятиях и предпочтениях потребителей молочной продукции на рынке Кировской области.

Оценка конкурентного статуса на основе восприятия продукции предприятия позволяет определить особенности развития конкурентной ситуации, установить степень доминирования предприятия на рынке, выявить ближайших конкурентов и установить относительную позицию предприятия среди других участников рынка, использовать информацию для формирования досье конкурентов, разработать мероприятия по обеспечению конкурентоспособного положения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее см. данные: Торговля в Кировской области: Стат. сб. Киров, 2007.

Поступила 29.02.08.

А. С. ГУРЕЕВ

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ МЯСА И МЯСОПРОДУКТОВ

Развитие продовольственного рынка — один из важнейших индикаторов уровня и качества жизни населения. Однако его состояние в России характеризуется широким спектром проблем. Особо остро обстоит дело на рынке мяса и мясных продуктов. На фоне некоторого увеличения объемов внутреннего производства мяса доля его импорта остается высокой. При этом стремительный рост цен на мясные продукты снижает их доступность. Так, среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов составляет 70 % от рекомендуемых региональных норм.

В 2007 г. отмечался заметный рост производства мяса, однако по сравнению с 1990 г. производство мяса сократилось в 2,7 раза. Индексы объемов производства большинства мясных продуктов в 2007 г. были выше, чем в 2006 г. Так, в 2007 г. выработка мяса и субпродуктов I категории выросла относительно предыдущего года на 14,6 % (в 2006 г. прирост составил 17,7 %), колбасных изделий — на 7 % (в 2006 г. — 9,1 %) мясных полуфабрикатов — на 9 % (в 2006 г. — 10,7 %). Рост производства после 2000 г. обеспечивался в основном увеличением использования импортного сырья, объемы которого возросли на 42 % и составляют в настоящее время 35 % всех ресурсов мяса и мясопродуктов.

Особое влияние на выбор стратегии развития мясного подкомплекса оказывают региональные условия, определяющие правила функционирования предприятий на территории, а также специфические особенности потребления мяса и мясных продуктов. К числу основных факторов, определяющих региональную специфику развития рынка мяса и мясных продуктов, следует отнести природно-климатические условия,

ГУРЕЕВ Анатолий Сергеевич, соискатель кафедры экономики кооперации и предпринимательства Саранского кооперативного института.

культурные и национальные традиции, уровень социально-экономического развития региона.

Следует подчеркнуть, что для России характерна существенная региональная дифференциация в развитии рынка мяса и мясных продуктов. Одним из основных различий являются разные размеры региональных рынков по числу потребителей. Так, по числу проживающих самыми многочисленными являются регионы Центрального федерального округа. Здесь проживают 25 % общей численности населения страны. Также многочисленными являются регионы Приволжского ФО (21 %). В регионах других федеральных округов численность населения значительно ниже. Так, в Южном ФО проживают 16 % населения страны, в Сибирском — 14 %, Северо-Западном — 10 %, Уральском — 9 %, Дальневосточном — 5 %¹.

При существенной разнице в численности проживающего населения регионы России характеризуются и разным соотношением в общей численности городского и сельского населения. Городское население преобладает во всех федеральных округах, но особенно высок его удельный вес в Северо-Западном (82,2 %) и Центральном (80,5 %) федеральных округах. Такая структура предопределяет трудности удовлетворения растущего спроса на мясные продукты за счет собственного производства. Преобладание сельского населения характерно только для некоторых регионов Южного (республики Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Чеченская) и Сибирского (Республика Алтай, Эвенский автономный округ) федеральных округов².

Типичной тенденцией для всех регионов страны стало сокращение численности населения. Однако его темпы имеют разные значения. Самые высокие показатели сокращения численности населения наблюдаются в регионах Северо-Западного и Дальневосточного федеральных округов (0,6 и 0,7 % от общей численности населения за год). Медленнее всего население сокращается в регионах Южного и Уральского федеральных округов (по 0,1 % в год)³.

Влияющие на изменения емкости рынка доходы населения также имеют значительную дифференциацию по регионам России. В последние годы явным лидером по размеру среднедушевых доходов населения стал Центральный федеральный округ благодаря высоким доходам в г. Москве (29 803 руб. на чел.). Второе место по этому показателю

занимает Ненецкий автономный округ (27 201 руб.), а самые низкие среднедушевые доходы отмечаются в Республике Ингушетия (2 924 руб.).

На фоне такой разницы в доходах населения (в 10 раз) наблюдаются и существенные различия в среднедушевом потреблении мяса и мясных продуктов. Лидером, как и по среднедушевым доходам, является Центральный ФО (по данным 2006 г., 63 кг на чел. в год). Последнее место по потреблению мяса принадлежит регионам Южного ФО (52 кг на чел.).

Таким образом, существует прямая зависимость между уровнем среднедушевых доходов и потреблением этого вида продукта. Однако среди отдельных субъектов РФ лидером потребления мяса является Республика Калмыкия (86 кг на чел.), тогда как по уровню среднедушевых доходов она находится на одном из последних мест (85-м). Такая ситуация объясняется национальными традициями питания и особенностями жизнедеятельности населения региона. При преобладающей доле сельского населения животноводство здесь является основной отраслью. Самые низкие показатели среднедушевого потребления мяса отмечаются в Республике Ингушетия (29 кг на чел.), что объясняется самыми низкими среднедушевыми доходами.

Сложившаяся ситуация подтверждает необходимость использования дифференцированного подхода при разработке стратегии развития мясного подкомплекса относительно рынков сбыта в каждом регионе. Так, для многочисленных регионов с высоким уровнем доходов населения стратегическим направлением может выступать наращивание объемов производства мяса и мясной продукции, ориентированное не столько на ценовой фактор, сколько на высокое качество. Для регионов с низким уровнем доходов необходим поиск путей снижения издержек производства для расширения ассортимента мясной продукции за счет более дешевых и экономически доступных продуктов.

Существенные различия в регионах страны наблюдаются и по производству мяса и мясной продукции. По уровню самообеспеченности мясом скота и птицы в расчете на душу населения самыми благополучными являются регионы Приволжского и Южного федеральных округов. Сложнее всего обстоит дело в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах. При этом наиболее динамично раз-

вивается производство скота и птицы на убой в регионах Центрального ФО (прирост в 2006 г. по сравнению с 2005 г. составил 11 %). В других округах этот показатель имеет меньшие значения. Так, в Северо-Западном ФО он составил 95 %, Южном — 7 %, Приволжском — 5 %, Дальневосточном — 2 %, Уральском — 15 %. В Сибирском ФО отмечено сокращение на 1 %⁴.

Однако по производству мясной продукции перерабатывающими предприятиями пищевой промышленности наблюдается обратная картина. Так, по производству колбасных изделий лидерами выступают регионы Центрального и Северо-Западного округов, а меньше всего, в расчете на душу населения, их производится в Южном ФО⁵.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что в стране выделяются регионы — производители мяса-сырья и регионы — производители мясной продукции (переработчики). К сожалению, отсутствие отлаженных связей между производителями мяса и предприятиями промышленности по его переработке обуславливает ряд проблем для обеих сторон. Первые испытывают трудности с выгодной реализацией продукции, вторые страдают от недостатка качественного и недорого сырья. Недостаток собственного сырья для производства мясной продукции ведет к тому, что в г. Санкт-Петербург более 60 % мяса ввозятся. В три раза ввоз мяса и мясопродуктов превышает внутреннее производство в Дальневосточном ФО. Максимальные показатели ввоза отмечаются в Приморском и Хабаровском краях (по 25 %). Превышение объемов ввоза над внутренним производством более чем в 1,5 раза наблюдается и в Центральном ФО. При этом около 50 % его объема приходится на Москву. В Уральском ФО ввоз данного продукта составляет почти 70 % от его внутреннего производства, из которого по 40 % приходится на Свердловскую и Челябинскую области. В Приволжском федеральном округе этот показатель составляет около 30 %, а наибольший объем ввоза зафиксирован в Самарской и Нижегородской областях (по 15—17 %). Самым благополучным в этом отношении является Южный ФО. Сюда ввозится мяса и мясопродуктов чуть более 20 % от объемов внутреннего производства, из которых примерно по 20 % приходится на Ставропольский край, Астраханскую и Волгоградскую области⁶.

Импорт мяса значительно усиливает конкуренцию на этом рынке. Оценка структуры его производителей показала, что в среднем по стране 49,8 % от общего объема производимого мяса приходится на сельскохозяйственные организации, 47,1 % — на хозяйства населения и 3,1 % — на крестьянские (фермерские) хозяйства, т. е. более половины производства мяса приходится на мелких производителей. В региональном разрезе картина является неоднородной. Доля крестьянских (фермерских) хозяйств по поголовью крупного рогатого скота колеблется от 3,3 % в Уральском ФО до 19,2 % в Дальневосточном ФО. Наибольший удельный вес по поголовью КРС сельскохозяйственных организаций отмечается в Северо-Западном ФО (76,7 %), наименьший — Дальневосточном ФО (24,3 %). Абсолютное преобладание сельскохозяйственных организаций по поголовью КРС (более 90 %) в Московской Ленинградской и Мурманской областях, Ненецком автономном округе. Наибольшая доля хозяйств населения по поголовью КРС отмечается в Южном ФО (64,6 %), наименьшая — Северо-Западном ФО (19,5 %). Абсолютный лидер здесь Республика Ингушетия (93,7 %). Структура поголовья свиней по категориям хозяйств имеет некоторые отклонения от поголовья КРС. Так, в Дальневосточном ФО наблюдается снижение доли хозяйств населения в пользу сельскохозяйственных организаций.

Данная ситуация свидетельствует о необходимости при разработке стратегии развития регионального мясного подкомплекса больше уделять внимание направлениям межрегионального взаимодействия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рос. стат. ежегодник. М., 2007. С. 88—91.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. М., 2007. С. 66—71.

³ Там же.

⁴ Стат. бюлл. Федеральной службы государственной статистики. 2008. № 4. С. 59—64.

⁵ Там же.

⁶ Социально-экономическое положение России. Стат. бюлл. Федеральной службы государственной статистики. 2007. № 12. С. 400—401.

Поступила 17.09.08.

Ю. В. КУЗНЕЦОВА

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОДВИЖЕНИЯ
МОЛОЧНОЙ ПРОДУКЦИИ
НА РОССИЙСКИЙ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ**

Молочная промышленность относится к отрасли, которой принадлежит особая роль в решении задач по обеспечению населения продовольствием. Молочная продукция востребована всеми слоями населения независимо от возраста, места проживания и материального положения потребителей, поэтому рынок молочных продуктов динамично развивается. Важность роли рынка молочной продукции определяется не только значительными объемами производства, реализации и потребления молока и молочных продуктов, но и их социальной значимостью.

Оборот российского рынка молочной продукции составляет более 10 млрд т и оценивается по различным источникам от 4,5 до 6 млрд долл. США в год. Производство цельномолочной продукции и сыров жирных в РФ сконцентрировано в основном в Центральном ФО (36,9 % от общего объема производства и 40,3 % соответственно), производство масла животного — в Приволжском ФО (24,8 %). Вторым по объему производства цельномолочной продукции в РФ после Центрального федерального округа является Приволжский ФО (19,9 %)¹.

Значительная доля выпуска цельномолочной продукции сосредоточена в республиках Башкортостан (12,6 %), Татарстан (11,8 %), в Кировской (12 %), Нижегородской (11 %) и Самарской (10,3 %) областях. Республика Мордовия по данному показателю занимает девятое место из четырнадцати регионов Приволжского ФО.

В Мордовии в 2007 г. по сравнению с 2006 г. темп роста производства цельномолочной продукции составил 123,1 %,

КУЗНЕЦОВА Юлия Владимировна, преподаватель кафедры маркетинга Мордовского государственного университета.

молочных консервов — 143,1 %, сыров и творога — 112,8 и 140,5 % соответственно. Это свидетельствует о том, что предприятия республики имеют стабильный рынок сбыта, и молочная продукция пользуется спросом не только на территории республики, но и за ее пределами. Вывоз цельномолочной продукции в другие регионы России в 2007 г. составил 63 % от общего объема производства, молочных консервов — 83 %, жирных сыров — 68,4 %². Вместе с тем вывоз масла животного сократился и составляет 47 % от произведенного, что обусловило уменьшение объемов его производства (2007 г. к 2006 г. — 81,6 %).

Продукцию молочной отрасли в целом можно условно разделить на два сегмента: сегмент традиционных продуктов (сметана, молоко, творог, ряженка, масло, сыр) и новых продуктов (йогурты, десерты, пудинги с молоком, ароматизированное молоко, обогащенные продукты).

В настоящее время существенных изменений в структуре молочных категорий в среднем по России не наблюдается. В общем объеме продаж в тоннах доля пастеризованного молока составляет 33,1 %, стерилизованного — 16 % и кефира — 15,8 %. Следует отметить, что сегмент традиционных продуктов в денежном выражении изменяется в соответствии с изменением доходов населения. У этого сегмента есть перспективы роста и в натуральном выражении, так как потребление молочных продуктов этого сегмента оценивается как недостаточное в связи с низкой покупательной способностью населения. Сегмент новых молочных продуктов будет активно расти в стоимостном и натуральном выражении при росте доходов населения. Продукты этого сегмента в настоящее время относительно дорогие, что обуславливает низкие по сравнению со странами Европы объемы их потребления. Этот сегмент рынка более привлекателен для крупных компаний, так как они имеют возможность покупать современное дорогостоящее оборудование и обеспечивать более высокую рентабельность производства.

Молочный рынок Российской Федерации, хотя и не демонстрирует значительные темпы роста, но имеет хороший потенциал развития, так как среднедушевое потребление молока и молочных продуктов населением РФ не превышает рекомендуемые ВОЗ нормы.

Следует отметить, что хотя среднедушевое потребление молока и молочных продуктов в Мордовии превышает среднероссийские нормы, оно снижается. За период с 2002 по 2006 г. в республике потребление молока и молочных продуктов на душу населения снизилось на 14 кг и составило 292 кг на чел. в год, что на 4,6 % меньше уровня 2002 г. и на 2 % ниже по сравнению с 2005 г.

Анализ структуры потребительских расходов домашних хозяйств РФ на покупку продуктов питания в 2006 г. показал, что расходы на покупку молока и молочных продуктов в совокупных расходах граждан являются одними из приоритетных (14 %) и занимают третье место после мясных (31 %) и хлебобулочных (16 %) продуктов³. Аналогичная ситуация и в регионах страны. Так, наиболее затратными статьями в структуре денежных расходов на питание домашних хозяйств в Мордовии в 2006 г. являлись расходы на мясо и мясoproductы (31,3 %), хлеб и хлебoproductы (14,1%), молоко и молочные продукты (15,6 %)⁴.

Увеличение доходов населения, снижение инфляционного давления создали условия для позитивных изменений в ассортиментной структуре розничной продажи основных видов молочной продукции в РФ. По данным выборочного обследования крупных и средних организаций розничной торговли, проведенного органами государственной статистики, в общем объеме продаж молока и молокопродуктов в 2006 г., увеличилась по сравнению с 2005 г. доля сухого молока (с 3,6 до 8,5 %), сметаны (с 14,6 до 16,2 %); сыров — брынзы жирной (с 4,5 до 9,6 %); масла животного (с 7,0 до 9,5 %). В структуре продаж молочных продуктов в Мордовии за 2006 г. 65 % приходилось на молоко питьевое, 28,3 % — кисломолочную продукцию, 3,6 % — сметану, 2,9 % — творог жирный. Это позволяет сделать вывод, что население по-прежнему в большей степени склонно к покупке цельного молока.

Изменений на российском молочном рынке традиционных категорий практически не наблюдается. Несмотря на рост новинок, представляемых производителями молочной продукции, основной оборот в этой категории по-прежнему определяют традиционные продукты. Однако, следует отметить, что важный источник прибыли компаний — инновационные продукты, которые на фоне стагнации традиционного

сегмента обеспечивают стабильный рост всей категории. Наблюдается и рост потребления упакованной молочной продукции, активное развитие йогуртно-десертного сегмента, обогащенных и функциональных продуктов. К быстрорастущим сегментам можно также отнести молочные десерты и пудинги. Потребители все больше отдают предпочтение натуральным продуктам. Соответственно, производители йогуртов класса люкс переориентируются на производство продукции без ароматизаторов и добавок.

В розничной торговле в связи с актуальностью здорового питания появляются национальные молочные продукты (кумыс, тан, айран). Следовательно, в настоящее время довольно быстро растет спрос на новинки, предлагаемые крупнейшими компаниями и российскими холдингами.

Производственная база компаний молочной промышленности в целом сформирована, поэтому происходит активный переход на этап выстраивания и совершенствования сбытовых механизмов, включая создание сильного узнаваемого бренда, использование новых средств продвижения, которые становятся ключевыми факторами формирования стоимости компании и успеха на рынке молочной продукции.

Современное состояние рынка молочной продукции характеризуется тем, что многочисленные производители предлагают потребителям товары с аналогичными названиями, похожими функциональными свойствами и в близком друг к другу ценовом диапазоне. В условиях жесткой конкуренции, важно умело дифференцировать свой продукт и эффективно его продвигать.

Обострение конкуренции и растущее давление ритейлеров, приводят к смене стратегических приоритетов развития участников рынка, особенно у российских компаний. Основными задачами становятся создание и развитие собственных торговых марок, расширение географии сбыта и продвижение товара в торговых сетях. В России работают около 2 тыс. производителей молочной продукции, из которых основными являются ОАО «Вимм-Билль-Данн», ОАО «Юнимилк», ООО «Danone», ОАО «Очаковский молочный завод», ООО «Ehrmann», ОАО «Воронежский молочный комбинат», ЗАО «Барнаульский молочный комбинат», ООО «Campina», ОАО «Останкинский молочный комбинат». Все большее число людей, покупая молоко, обращает внимание

на информационную поддержку продукта, внимательно изучая упаковку и другие средства его продвижения. Продукты ведущих компаний на молочном рынке активно продвигаются производителями, которые достаточно активно используют практически все виды рекламы — на телевидении, радио, в прессе, транспорте, наружную рекламу.

Крупные средства в целях продвижения молочной продукции вкладываются компаниями в участие на международных и национальных выставках, ярмарках, а также спонсорство, организацию дегустаций продукции среди оптовых и розничных торговых организаций и непосредственно в магазинах среди покупателей.

В своем маркетинговом предложении производители молока и молочной продукции в целях продвижения своих товаров обращают внимание потребителей на натуральность, экологичность и высокое качество. Приоритеты натуральности и традиционности являются одними из эффективных маркетинговых ходов в продвижении молочной продукции. Тема популярности и моды на здоровый образ жизни сегодня также помогают эффективно продвигать молочные продукты. Одним из наиболее распространенных приемов в средствах продвижения молочной продукции являются обещания преимуществ потребления молокопродуктов: здоровья, красоты, хорошего настроения и самочувствия⁵. Например, в рекламе часто демонстрируются полезные вещества, входящие в состав продукта.

В настоящее время ребенок все больше становится полноценным потребителем для производителей. В связи с этим развивается новое направление в продвижении товаров — детский маркетинг, где продукт, упаковка и средства продвижения разработаны с учетом особенностей запросов детей и специфики их восприятия. Именно в сегментах молочной и кисломолочной продукции появляется наибольшее количество торговых марок, направленных на детскую аудиторию. Например, молочные продукты под торговой маркой «Френди» холдинга «Юнимилк» обращены к детям как к покупателям. Товарная марка «Френди» была разработана специально под программу школьного питания. Для родителей присутствие Френди, от имени которого марка обращается к ребенку, облегчает процесс формирования у ребенка правильных вкусовых ориентиров, навыков совер-

шения самостоятельного и одобряемого взрослым выбором, понимания того, что продукты могут быть одновременно вкусными и полезными. Молочные продукты товарной марки «Тёма» компании «Юнимилк» также позиционируются исключительно как детские. Главной целью их продвижения является закрепление четкой ассоциативной связи в сознании потребителя: «Продукция товарной марки „Тёма“ — полезный продукт для матери и ребенка».

Один из эффективных способов привлечь внимание детей к продвигаемому товару — персонификация бренда при помощи мультипликационных героев. В связи с этим в современном маркетинге при оформлении упаковки товара приобретает все большее значение новый элемент маркетинговых коммуникаций — киномерчандайзинг, предполагающий использование определенного образа из кино или мультипликационного персонажа при продвижении товара. Мультипликационные герои играют важную роль не только в жизни детей, но и при продвижении товаров, ориентированных на детскую потребительскую аудиторию. Такие персонажи постепенно прививают ребенку лояльность к бренду и создают ассоциативный ряд между товаром и предоставляемым им ценностями. Так, в оформлении продуктов под маркой «Простоквашино» холдинг «Юнимилк» использует персонажей одноименного мультфильма. Главное в данной марке — веселое взаимопонимание между взрослыми и детьми. Использование этого бренда позволило предприятию увеличить продажи продуктов более чем в три раза.

Ведущие компании молочной промышленности для продвижения своей продукции также активно используют маркетинговые коммуникации в формате селебрити, используя при продвижении продукции заявления знаменитого человека об удовлетворении качеством продукта и его рекомендаций приобретать предлагаемый товар. Так, компанией «Юнимилк» для того, чтобы сделать марку «Доктор Петмол» (кефир, ряженка, бифидок) более современной и успешной для привлечения покупателей к продукции, было принято решение о представлении на упаковке печати заслуженного врача РФ, а также популярного ведущего программы «Без рецепта» на телеканале НТВ Я. Б. Бранда. Компанией была выпущена серия кисломолочных напитков со штампом «Рекомендовано. Доктор Бренд». Также на телевидении демонстрировалась

реклама, в которой известный врач подтверждал качество кисломолочной продукции компании и ее полезные свойства. Использование авторитета доктора и его рекомендации привели к увеличению продаж этой товарной категории на 10 %. В итоге компанией «Юнимилк» было принято решение о выведении на рынок нового бренда кисломолочной продукции «Доктор Бранд».

Сегодня одним из ключевых элементов корпоративной стратегии развития компаний является покупка и интеграция в свою структуру региональных производителей молока. Так, продвижение и сбыт молочной продукции ОАО «Молочный комбинат „Саранский”» осуществляется филиалом «Юнимилк-Саранск» — ООО «Юнимилк». В связи с этим на молочном рынке благоприятной тенденцией в последнее время стали активизация деятельности местных молочных предприятий и усиление конкурентной борьбы на внутреннем рынке. Тем не менее, в более чем половине (64 %) торговых точек г. Саранска отсутствуют рекламные материалы молока и молочных продуктов и их производителей. Только в 36 % торговых точках г. Саранска они представлены в форме плакатов («NEO», «DANONE», «Веселый молочник», «АктиЛайфБио», «Простоквашино», «Актуаль», «Активиа», «Растишка»), флажков («Веселый молочник», «Вимм-Билль-Данн»), торгового оборудования («Юнимилк», «Danone»), корбоек на витрине и подносов с эмблемой («Простоквашино»), наклеек («Простоквашино», «Веселый молочник»), муляжей («Волга—Волга», «Имунеле», «Простоквашино», «Домик в деревне»). Такая реклама достаточно эффективна, так как многие покупатели принимают решение о выборе товара не заранее, а непосредственно на месте покупки. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что организация продвижения молочной продукции в г. Саранске еще недостаточно развита, и производителям необходимо активизировать свою деятельность в этом направлении.

Предприятия молочной промышленности одновременно продвигают несколько молочных брендов в разных ценовых категориях, целевых группах и персонифицированном позиционировании, используя все СМИ и другие средства продвижения, благодаря которым молочные продукты становятся все более распространенными среди сегментов потребителей по индивидуальным имиджевым характеристикам.

Сегментирование потребителей имеет ключевое значение в продвижении продукции, поскольку побуждает компании учитывать потребности отдельных групп, предоставляет широкие возможности удовлетворять нужды потребителей более эффективно, чем конкуренты, обеспечивает рост объемов продаж и прибыли. Важную роль играет также сегментирование по географическому признаку.

В условиях стремительного развития рынка эффективность различных способов продвижения также быстро меняется, промоушен-акции стали привычными не только жителям больших городов, но и всему населению регионов. В крупных магазинах часто одновременно проводятся несколько промо-акций товаров, зачастую аналогов. Основной задачей для достижения долгосрочного конкурентного преимущества продукции предприятия становится использование грамотного дифференцированного подхода к выбору средств продвижения в зависимости от численности населения города и стиля потребления его покупателей. Если несколько лет назад простейшие дегустации молочной продукции могли вызвать интерес у любых покупателей, то сейчас отношение к промоушену в магазинах у потребителя, особенно в городах-миллионерах, более спокойное и рациональное. В магазинах небольших городов покупатели более отзывчивы на личностное общение, больше доверяют слову промоутера, поэтому и обычные промо-акции проходят более динамично.

В крупных магазинах мегаполисов (города Москва и Санкт-Петербург), где в основном делают покупки довольно обеспеченные горожане, стандартные средства продвижения носят более формальный характер. Многие покупатели могут принципиально не подходить к дегустационным стойкам, т. е. потребитель на них практически не реагирует. Поэтому для продвижения продукции в магазинах крупных городов необходимо применение более нестандартных и сложных средств продвижения, чем дегустация или подарок за покупку. Например, проведение в торговых точках параллельно двух разных акций по продвижению одной продукции с одновременно сопутствующей визуализацией на ATL-рекламоносителях, выполненных в едином стиле — печатных СМИ, постеров в метрополитене и электричках.

Возможная тенденция в развитии рынка молочной продукции — расширение ее ассортимента у региональных

компаний. Появляются новые продукты функционального, профилактического назначения, активизируется использование средств продвижения, проводится работа по совершенствованию технологий и рецептур, разрабатываются новые виды удобной упаковки.

Таким образом, молоко и молочные продукты стабильно и уверенно занимают одно из ведущих мест не только в пищевом рационе российских потребителей, но и в структуре их потребительских расходов. По мере роста доходов населения становятся все более популярными инновационные продукты и продукты с коротким сроком хранения. Будущее предприятий молочной промышленности в регионах за разработкой и реализацией маркетинговых действий, направленных на создание и продвижение собственной продукции и бренда в рамках определенного региона.

Разработка грамотной маркетинговой стратегии, направленной на создание и продвижение молочных продуктов, дает возможность региональным предприятиям молочной промышленности увеличить число потребителей своей продукции, в том числе и за счет привлечения потребительской аудитории своих конкурентов. Этот путь развития, безусловно, является достаточно сложным и затратным, но именно он открывает предприятиям молочной промышленности перспективы для освоения региональных и федерального рынков молока и молочной продукции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь используется авторский анализ данных Федеральной службы государственной статистики.

² Авторский анализ данных стат. бюлл. «Ввоз и вывоз потребительских товаров по Республике Мордовия». № 604 (3). Саранск, 2008.

³ Стат. бюлл. № 3 (133) / Росстат. М., 2007. С. 46—47, 112—114.

⁴ Доходы и расходы в домашних хозяйствах Республики Мордовия. № 748. Мордовиястат. Саранск, 2008. С. 11.

⁵ *Евстафьев В. А., Ясонов В. Н.* Что, где и как рекламировать. Практические советы. СПб., 2005. С. 256.

Поступила 27.05.08.

С. В. БУЛЯРСКИЙ С. А. БУЛЯРСКАЯ

КОНСОРЦИУМ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЙ УЧАСТНИК ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

В целях обеспечения экономической безопасности и достижения стабильно высокой динамики роста экономики основой государственной инновационной политики становится перевод научно-промышленного потенциала России на инновационный путь развития, построение экономики, основанной на знаниях. Это предполагает признание вузов центральным звеном инновационной деятельности и использование их научно-технического потенциала для развития производства и решения социальных задач регионов. В то же время современными тенденциями развития инновационной деятельности является укрупнение проектов. Это требует интеграции интеллектуального потенциала университетов и объединения усилий учебных, научных и производственных организаций.

Нами создана новая форма соглашений между участниками инновационной деятельности, получившая название

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, заведующий кафедрой инженерной физики Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

БУЛЯРСКАЯ Светлана Алексеевна, главный ученый секретарь диссертационных советов Управления научных исследований Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

консорциума². Эта форма успешно апробирована при организации консорциумов при участии Ульяновского государственного университета (УлГУ). В 2002 г. создан и успешно работает консорциум УлГУ — ФГУП ГНЦ РФ НИИ Атомных реакторов, который позволил реализовать ряд инновационных проектов, стоимостью в десятки миллионов рублей. В 2005 г. создан и работает Поволжский консорциум трансфера технологий, охватывающий 14 университетов ПФО и способствующий инновационному развитию региона.

Консорциум — временное соглашение, заключаемое между несколькими предприятиями и учреждениями для совместного осуществления крупного проекта. Консорциум не является юридическим лицом и управляется всеми участниками совместно. Партнеры (участники) в свою очередь сохраняют за собой полную экономическую и юридическую самостоятельность, несут ответственность в пределах принятых на себя, как на отдельное юридическое лицо, обязательств. Виртуальное предприятие, созданное на таких принципах и в такой форме, также называется консорциумом.

В основе рассматриваемой организации производства лежит идея, что партнеры могут находиться в любом месте, в любой стране, при этом для связи с ними используется всемирная информационная сеть и другие современные связи и поставки материальных ресурсов. Управление консорциумом идет из центра, который занимается поиском партнеров, подготовкой и заключением договоров, поддержанием оперативной связи, контролем за выполнением принятых обязательств, расчетами с ними, ведением бухгалтерии и другими внешними операциями. Местоположение и систему управления таким центром необходимо оговорить в договоре о создании консорциума.

При таком подходе консорциуму не нужна большая территория, а его основу составляет система управления, оснащенная компьютерными средствами и Интернетом. Управляющий центр постоянно изучает новые предложения и ведет поиск потенциальных партнеров, которые могли бы быть задействованы в производстве инновации.

В основе организации консорциума лежат несколько принципов. Первый — отказ от территориальной целостности организации. Нет необходимости разрабатывать и реализо-

вывать технологию, конструкцию самому, если кто-то может сделать их лучше, быстрее и дешевле. Второй — консорциум существуют до тех пор, пока совместная деятельность партнеров приносит совместный доход: выигрываются проекты, сохраняется высокая скорость их реализации, результаты совместной деятельности соответствуют стандартам качества и уровню технологичности. Если идеи, научные, технологические, конструкторские возможности партнеров устарели, следует искать новых. Третий — в глобальной экономике поиск партнеров должен производиться по всему миру. Как показывает история, изобретения и открытия делаются во всех странах и очень часто в маленьких фирмах или отдельными людьми. Четвертый — выгодно, чтобы консорциум имел гибкую структуру, используя с максимальной эффективностью существующие и приобретаемые ресурсы. Пятый — в условиях быстрого развития технологий невыгодно вкладывать большие деньги в закупку оборудования, стационарных помещений, особенно если неизвестно, какой объем продукции будет выпущен. Шестой — желательно сокращение непроизводственных расходов, прежде всего связанных с управлением.

Консорциум следует определять как организацию, ориентированную на выпуск инновационного продукта, создаваемую на временной основе, путем объединения образовательных, научных конструкторских, технологических, организационных возможностей и ресурсов, предоставляемых партнерами на договорных условиях в заранее определенном объеме и на фиксированное время. Это своего рода виртуальное предприятие, объединяющее цели, ресурсы, традиции и опыт нескольких предприятий при разработке сложных инновационных проектов или производстве продукции мирового класса³. В условиях стратегического партнерства виртуальная организация представляет сеть горизонтальных и вертикальных отношений. Создание такого предприятия означает интеграцию уникального опыта, производственных возможностей и передовых технологий ряда предприятий-партнеров вокруг одного либо нескольких проектов, который они не могут выполнить в отдельности. Консорциум компенсирует недостатки партнеров и усиливает преимущества.

Понятно, что построение классического предприятия и консорциума принципиально отличаются. Многие элемен-

ты, которые долгие годы считались обязательными, у консорциума отсутствуют, например, система энергоснабжения предприятия, поддержание которой требует больших затрат. Кроме того, она эффективно работает при полной загрузке производства. Если производство не догружено, то все равно всю систему энергообеспечения необходимо «включать» полностью. Эти высокие затраты ложатся на сокращенные объемы продукции и повышают ее себестоимость. При этом снижается конкурентоспособность предприятия. Постоянно необходимо поддерживать всю логистическую систему производства (снабжение, сбыт и т. д.). При этом может быть так, что продавать нечего, а система требует затрат (зарплата, поддержание транспорта и т. д.). Консорциум не обладает ни системой энергообеспечения, ни логистической системой, у него отсутствует затратная социальная сфера. Строится он на сотрудничестве специализированных высокорентабельных производств, каждое из которых высокоэффективно. Даже если один или несколько партнеров не рентабельны, то это не интересует консорциум в целом. Нерентабельные партнеры получают за свою продукцию реальную рыночную стоимость. Никого не интересует, как они ведут дела. Важно одно: поставка в срок по оговоренным ценам. Консорциум не несет морального и материального груза социальной ответственности, ее заменяет заработная плата. Большая она или маленькая, зависит от рентабельности предприятия партнера. Однако в целом, освободившись от не рентабельных социальных служб, консорциум выигрывает. Конкретный человек организует свою жизнь на свой заработок, так как он может и хочет.

Правовой основой образования консорциума служит договор о стратегическом партнерстве. Главным отличием такого договора от договора простого товарищества является то, что он не предусматривает вкладов для организации совместной деятельности. Договор о стратегическом партнерстве с правовой точки зрения является предварительным договором, который предусматривает, что в будущем в результате совместной деятельности будет заключена система договоров, регламентирующих совместную деятельность. Сроки, объемы и характер договоров при этом не оговариваются. Предусматривается, что если совместная скоординированная деятельность приведет к получению

одним из партнеров проекта, то этот проект будет выполняться совместно. При этом будут заключены договора на оказания услуг, купли-продажи и др., которые и будут регламентировать взаимную ответственность сторон. Так как договор о стратегическом партнерстве не обуславливает объединение вкладов, то он не может содержать взаимных обязательств, неисполнение которых могут повлечь материальную ответственность. В то же время этот договор не является офертой ст. 435 ГК РФ⁴, так как он, хотя и содержит намерения о заключении договоров в перспективе, не содержит существенных условий будущих договоров: о времени, месте их заключения, начале и окончании срока действия. В соответствии с п. 2,3 ст. 421 ГК РФ он имеет собственную силу и является юридическим актом, выражающим добровольное согласие сторон сотрудничать для решения проблем, определяемых в данном договоре.

Существенными признаются условия содержания договора о стратегическом партнерстве, которые необходимы и достаточны для его заключения. Во-первых, к таким условиям относится предмет договора. Это свободно выраженное намерение сторон стать стратегическими партнерами, образовать консорциум, сотрудничать и координировать свою деятельность с целью достижения хозяйственных результатов. Во-вторых, необходимо четко сформулировать цели, область и направления хозяйственной деятельности консорциума, в которой осуществляется сотрудничество. В-третьих, в договоре необходимо указать, что все операции управления имуществом, движения финансовых и материальных средств осуществляется партнерами независимо, учитываются раздельно, материальные отношения между ними регулируются иными, заключаемыми по мере необходимости договорами. В-четвертых, необходимо описать в договоре управляющий орган, структуру и методы управления консорциумом, определить категории должностных лиц, а также меру их ответственности за результаты деятельности консорциума. В-пятых, необходимо определить порядок расторжения договора и выхода из него отдельных партнеров. Так как договор не затрагивает имущественных отношений, то эти положения являются важными (так как выход из партнерства его члена может привести к упущению выгоды оставшимися), но не принципиальными (так как

закключаются другие договора, регламентирующие совместную коммерческую деятельность).

Обычные условия не нуждаются в согласовании сторон. Они предусмотрены в нормативных актах и вступают в силу автоматически в момент заключения договора. Однако в случае договора о стратегическом партнерстве нормативных актов нет. Поэтому нет и обычных условий. В связи с этим типовые положения, которые включаются в договора, в данном случае необходимо рассматривать как случайные и включать в договор, в противном случае они действовать не будут.

Случайными условиями называют такие, которые изменяют либо добавляют обычные условия. Так как в рассматриваемом случае обычных условий нет, то в текст договора необходимо включать типовые положения о конфиденциальности, форсмажорные обстоятельства, пролонгации договора и т. д. Договор о стратегическом партнерстве является рамочным, поэтому необходимо в него включать права и обязанности сторон.

Форма договоров данного типа не установлена. Договор может быть заключен в любой письменной форме, скреплен подписями уполномоченных лиц и печатями.

Структура консорциума весьма условна. Такое предприятие создается под задачу. Она должна содержать все, что необходимо, для того, чтобы успешно работать, но ничего лишнего.

Проблемы управления интегрированными структурами без образования юридического лица практически не разработаны. Данные проблемы новы и в научной литературе практически не обсуждались. Безусловно, наибольшие трудности создает равноправие партнеров, вытекающее из договорных отношений при создании горизонтальной структуры. Партнеру нельзя приказать, его можно только убеждать и заинтересовывать выгодой. Прежде всего необходимо развивать правовые нормы договорных отношений, которые образуют консорциум. Высок риск потери управляемости из-за отказа одним из партнеров выполнить свои обязательства. Тоже самое произойдет в случае если обязательства выполняются не должным качеством, либо далеко не своевременно. Консорциум — цепочка предприятий, и разрыв одного звена грозит целостности всей цепи. Для предотвращения этой

опасности необходимо формировать продуманную систему управления.

Единая система управления должна быть многослойной (рисунок).

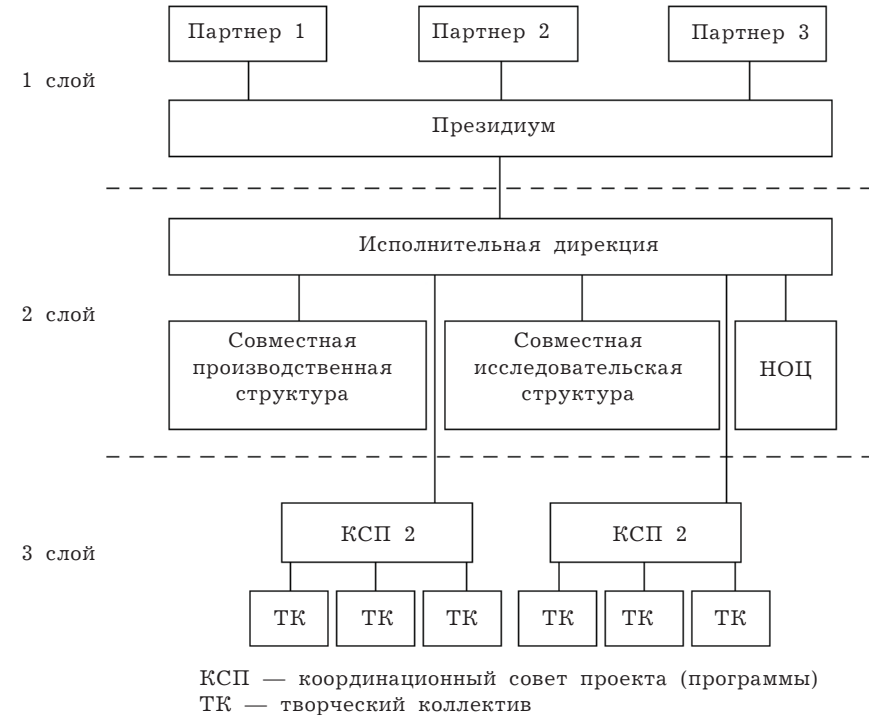

Рисунок. Функциональная схема построения консорциума

Каждый слой основан на горизонтальных связях между предприятиями и выполняет свою определенную функцию. Верхний слой управления представляет руководство предприятий, объединенных в научно-технический совет. Задача этого слоя — согласование программ консорциума, в которых участвует то или иное предприятие, входящее в консорциум, а также согласование и подписание договоров, на которых строится совместная деятельность. Вторым слоем образуют коллективные структуры, которыми пользуются

все партнеры консорциума. Этот слой образуют центры коллективного пользования дорогостоящим оборудованием, научно-образовательные центры, интегрированные производства. Третий слой составляют координационные советы отдельных программ. Именно в результате деятельности творческих коллективов, объединяемых этими советами, образуется основной доход консорциума. Заметим, что в творческие коллективы входят работники разных предприятий и отдельные индивидуальные частные предприниматели. Координационный совет направляет деятельность этого комплексного коллектива на реализацию программы. В каждом слое существуют свои горизонтальные связи. Они могут быть достаточно устойчивыми, если коллектив работает длительное время. Для координации деятельности слоев создается исполнительная дирекция, которая действует на постоянной основе. Она играет роль внутреннего арбитража, аудита, согласительной комиссии.

Таким образом, цели создания консорциумов или их реконструкция могут быть различными: политическими, экономическими, оборонными, региональными и т. п. Критерии оценки их деятельности только экономические: прибыльность и конкурентоспособность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ 07-06-00106-а и РГНФ 07-02-00213а.

² См.: Булярский С. В. // Труды Междунар. конф. «Иноватика—2006». Ульяновск, 2006. С. 3—5; Булярский С. В. Инновационные организации образовательных и научных учреждений. Ульяновск, 2005.

³ См.: Чернова Е. А. Виртуальные корпорации как причина и следствие мировой глобализации. М., 2004.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. // Рос. газ. 1994. 8 дек.

Поступила 18.04.08.

Н. В. ИВАШКИНА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Глубина и сложность происходящих в российском обществе процессов, с одной стороны, выдвигают на первый план задачи его консолидации, сохранения единого образовательного пространства, с другой — требуют особого подхода к содержанию образования, интерпретации ценностей национальных культур, событий национальной истории, что является необходимым условием сохранения и развития дружбы и взаимопонимания между народами. Как отмечает в своем послании Федеральному Собранию Президент РФ Д. А. Медведев, «еще один фактор, способный серьезно упрочить нашу федерацию, — это поддержка национальных традиций и культуры народов России»¹.

Опыт показывает, что образовательная система должна пониматься не узковедомственно, а широко: как иерархия дошкольных, школьных, дополнительных, культурно-образовательных, социально-культурных, культурно-оздоровительных учреждений. Целями модернизации региональных систем образования являются повышение качества образования на основе поддержки инновационного движения, развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики. Эти цели могут быть достигнуты только в процессе постоянного взаимодействия образовательной системы с представителями национальной экономики, науки, культуры, здравоохранения, всех заинтересованных ведомств и общественных организаций, родителями и работодателями.

ИВАШКИНА Наталия Владимировна, заведующая сектором региональных систем образования НИИ регионологии Мордовского государственного университета.

Под государственной этнокультурной образовательной политикой понимается целенаправленная и согласованная деятельность государственных органов управления образованием федерального, регионального и муниципального уровней и общественных организаций по формированию системы взглядов, принципов и приоритетов образовательной политики, которая диктуется полиэтничным характером российского общества, его многоязычием, поликультурностью, полицивилизованностью и поликонфессиональностью, исторической и духовной общностью народов и культур России².

НИИ регионологии Мордовского государственного университета в сентябре 2007 г. был проведен экспертный опрос по теме «Механизмы взаимодействия системы образования и институтов гражданского общества по формированию этнокультурной образовательной политики в регионе». Цель исследования — изучение мнений специалистов о реализации этнокультурной образовательной политики в Мордовии, ее проблемах, способах повышения эффективности, а также методов совершенствования механизмов взаимодействия системы образования и общественных институтов в данном контексте. В качестве экспертов выступили специалисты региональных и муниципальных органов управления образованием, представители общественных организаций, образовательных учреждений, организаций и учреждений культуры.

Этнокультурная направленность обучения и воспитания — одно из актуальных направлений современной образовательной политики. Для успешной ее реализации необходима обоснованная этнокультурная образовательная политика в регионе. Так, большинство экспертов отметило, что такая политика в республике существует. Это отмечают абсолютное большинство экспертов региональных и муниципальных органов управления образованием и большинство работников образовательных учреждений, что свидетельствует о налаженных механизмах взаимодействия между региональными и муниципальными органами управления образования и образовательными учреждениями по выработке приоритетных направлений развития образования в целом и этнокультурного образования как его составляющей.

Однако 50 % экспертов сферы культуры отрицают существование такой политики, 50 % представителей общественных организаций затруднились ответить на этот вопрос. Это, по-

нашему мнению, говорит о несогласованности в формировании этнокультурной образовательной политики, несовершенстве механизмов взаимодействия между образовательной системой и общественными институтами.

Более успешными направлениями этнокультурной образовательной политики эксперты считают развитие сети учреждений по возрождению, сохранению и развитию национальной культуры (32 %), а также возрождение и развитие народных промыслов (30 %). Кроме того, было отмечено, что немаловажным направлением являются преподавание родного языка (24,0 %) и повышение уровня профессиональной подготовки педагогических кадров (12,0 %). Мнения экспертов по этому вопросу в зависимости от сферы деятельности разделились. Так, специалисты региональных и муниципальных органов управления образованием более успешным в реализации этнокультурной политики считают преподавание родного языка; представители общественных организаций — возрождение и развитие народных промыслов; работающие в образовательных учреждениях или в организациях культуры — развитие сети учреждений по возрождению, сохранению и развитию национальной культуры.

Наряду с положительными аспектами реализации этнокультурной образовательной политики эксперты отметили и наиболее острые проблемы. По мнению большинства из них, наиболее насущной являются низкое финансово-экономическое обеспечение (70,0 %), недостатки учебно-методического (42,0 %) и материально-технического обеспечения (38,0 %).

Причину низкого финансово-экономического обеспечения отметили более половины всех экспертов, по другим проблемам мнения, в зависимости от сферы деятельности, разнились. Так, по мнению специалистов региональных и муниципальных органов управления образованием и общественных организаций, второй по остроте является проблема недостатка учебно-методического обеспечения. Эту причину отметили все эксперты, работающие в региональных и муниципальных органах управления образованием (100 %) и больше трети представителей общественных организаций (37,5 %). Немаловажными они считают и недостатки информационно-технического обеспечения (36,4 и 25,0 % соответственно). Более половины преподавателей образовательных учреждений (58,6 %) видят причину плохого материально-технического обеспечения.

Немаловажным фактором для реализации этнокультурной образовательной политики является поддержка со стороны органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций. По мнению экспертов, развитию этнокультурного образования больше всего уделяют внимание органы государственной власти (77,0 %), в меньшей степени — органы самоуправления (50,0 %) и общественные организации (44,0 %). Весьма показательно распределение ответов в зависимости от сферы деятельности. Все эксперты отметили высокую степень внимания к проблемам этнокультурного образования государственных органов власти. В оценке внимания органов местного самоуправления мнения разошлись. Большинство представителей общественных организаций (75,0 %) указало, что со стороны органов местного самоуправления этой проблеме уделяется достаточное внимание. Более половины работников региональных и муниципальных органов управления образованием (63,7 %) говорят о недостаточности такого внимания, их поддержало значительное число работников образовательных учреждений (48,3 %).

Эксперты определили структуры, которые, по их мнению, могли бы наиболее эффективно участвовать в формировании региональной этнокультурной образовательной политики. Это Правительство Республики Мордовия (74,0 %), министерства и ведомства РМ (60,0 %). Кроме того, немаловажная роль отводится образовательным учреждениям (58,0 %) и госкомитетам РМ (36,0 %). Замыкают этот список общественные организации и научные учреждения (28,0 и 10,0 % соответственно). Следует отметить, что и сами общественные организации не считают эффективной свою деятельность по формированию этнокультурной образовательной политики. Так, лишь 12,5 % представителей общественных организаций заявили, что их структура могла бы эффективно участвовать в формировании этой политики. Тем не менее, большинство экспертов (94,0 %) считает необходимым привлекать общественность к формированию и реализации этнокультурной образовательной политики.

Низкий уровень участия общественных организации в формировании этнокультурной образовательной политики подтверждается оценками экспертов этого процесса. По их мнению, такое участие носит формальный характер (50 %).

Причинами этого они считают отсутствие нормативно-правовых, экономических и других основ такого участия (62,0 %), неразвитость общественного сектора (28,0 %) и нежелание образовательных учреждений, государственных и иных структур сотрудничать с общественными организациями по вопросам этнокультурного образования (28,0 %).

Данные, полученные в ходе исследования, говорят о слабом взаимодействии государственных и общественных структур в реализации этнокультурной образовательной политики и необходимости совершенствования механизмов взаимодействия. Наиболее эффективным механизмом взаимодействия, по мнению работников региональных и муниципальных органов управления образованием, является стимулирование участия общественных структур в формировании этнокультурной образовательной политики (45,5 %), по мнению представителей общественных организации и культуры, — создание координационных и консультативных государственно-общественных органов, занимающихся вопросами формирования этнокультурной образовательной политики (87,5 и 100,0 %). Работники образовательных учреждений считают наиболее эффективным совершенствование законодательных и правовых основ государственно-общественного управления (44,8 %).

Региональные и муниципальные программы развития образования — важные документы в процессе формирования образовательной политики, основных целей и направлений развития образования в целом. Существенную роль в этих программах играет этнокультурный аспект. Более половины экспертов (52,0 %) указали на то, что в действующих региональной и муниципальных программах развития образования не обосновываются механизмы развития этнокультурного образования на программируемый период. Лишь 12,0 % отметило, что в программах реализуется комплексный подход к развитию этнокультурного образования, предусмотрены эффективные программные мероприятия.

Отмечая недостатки действующих региональных и муниципальных программ в сфере развития этнокультурного образования, большинство экспертов (88,0 %) считает необходимой разработку и принятие программы развития этнокультурного образования в Республике Мордовия. Причем они считают, что эта программа должна быть целостной, отражающей все направления развития этнокультурного

образования в регионе и находящейся в тесной связи с другими программами.

Несомненный интерес представляют предложения экспертов по формированию эффективной образовательной этнокультурной политики в республике. Они касались различных направлений. Вносились предложения по совершенствованию нормативно-правового, финансово-экономического, кадрового обеспечения, стимулированию участия общественных организаций. На наш взгляд, наиболее значимыми были предложения, касающиеся организации проекта по созданию этнокультурных программ на грант Главы РМ, по системе мер для возрождения и сохранения народных промыслов (предлагалось создать организацию «Союз мастеров», организовать в каждом муниципальном образовании республики центр народного творчества). Были предложения о недопустимости дальнейшего сокращения часов родного языка и литературы как носителей этнокультурных ценностей. Немаловажным было и предложение шире освещать этнокультурную политику в СМИ и Интернете.

Анализ результатов исследования показал, что проблема взаимодействия государственных и общественных институтов особенно актуальна при формировании этнокультурной образовательной политики. Результаты экспертной оценки подтвердили необходимость дальнейшего совершенствования управления образованием на основе государственно-общественных механизмов посредством привлечения общественных институтов на всех этапах этого процесса, в том числе на этапах прогнозирования и программирования.

Таким образом, создание эффективной системы общественных структур позволит не только привлечь широкое общественное мнение к проблемам образования, но оказать ему реальную поддержку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Послание Президента РФ Федеральному собранию от 5 нояб. 2008 г. // Рос. газ. 2008. 6 нояб. № 230, С. 2—7.

² См.: Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации (одобрена приказом Министерства образования и науки РФ от 3 авг. 2006 г. № 201) // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.garant.ru/prime/20061017/90016.htm>].

Поступила 01.10.08.

В. П. САЛЬНИКОВА

ИНТЕГРАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТОВ В СОДЕРЖАНИИ ВУЗОВСКОГО КУРСА «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»

Главной интригой нового тысячелетия называют противостояние глобальных и локальных интенций. Эти интенции сопряжены с культурологической парадигмой, определяющей важные аспекты бытия современного человека, являясь социально-политической идеологией, научным направлением, программой нравственного совершенствования общественных отношений, контекстуальным условием понимания и интерпретации феноменов искусства, основой инновационных педагогических проектов и т. д. Процесс модернизации современной системы образования во многом зависит от претворения в жизнь идеи культурно ориентированного образования. Проблема взаимосвязи глобального как всемирного, всечеловеческого, доведенного до общепринятых стандартов, и локального как регионального, уникального мира «частного человека»¹ становится смысловым ядром учебных дисциплин нового поколения.

В 1992 г. в учебных планах вузов страны как обязательный общеобразовательный предмет вводится «Культурология», которой суждено было сыграть роль теоретико-методологической базы культурно ориентированного образования. Хронология недавнего прошлого свидетельствует: появление культурологических дисциплин в образовательных программах общеобразовательных школ и вузов было вызвано кардинальными изменениями в жизни российского общества. Культурологическое знание стало необходимо как платформа для построения новой постсоветской либерально-гуманистической идеологии.

САЛЬНИКОВА Вера Петровна, доцент кафедры истории и теории мировой культуры Самарского государственного педагогического университета, кандидат искусствоведения.

Стратегически отбор и структурирование предметного поля «Культурологии» обусловлены Государственным образовательным стандартом. В соответствии с Госстандартом за последние 10—15 лет опубликовано огромное количество учебной литературы по культурологии, что демонстрирует многообразие подходов к изложению материала².

Культурологическое знание базируется на опыте классических наук — философии, этики и эстетики, истории, педагогики, а также на достижениях современных наук — психологии, социологии, этнологии, антропологии, информатики, религиоведения, краеведения и т. д. Вместе с тем культурологическое знание — не аналог средневековым суммам или зеркалам, отражающим фрагментарное представление об окружающей действительности, а консолидированное, интегративно-целостное (*culturo-logiya*), восстанавливающее «legato жизни» утраченные современным человеком пространственно-временные связи с Богом (*re-ligio*), обществом, другим Homo, с самим собой. Культурологическое знание — это не столько книжное знание, формализованное, готовое, «упакованное», сколько «сердечное и совестливое»³, «живое»⁴, обусловленное средой обитания, одухотворенное культурным ландшафтом конкретного региона.

В период с 1992 по 2007 г. нами проводился педагогический эксперимент со студентами ряда Самарских вузов (Государственный педагогический университет, филиал Российского государственного торгово-экономического университета, филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов), в котором приняли участие более тысячи студентов различных курсов и специализаций. Целью эксперимента была разработка стратегии и тактики освоения интегративно-целостного культурологического знания, приобщения студентов к пространственно-временному континууму мировой и региональной культуры.

Этот педагогический проект был основан на положении об онтологической сущности культуры как трехкомпонентного феномена — религиозно-нравственно-эстетического⁵. Образ культуры формируется в результате интеграции знания и веры, знания и действия, знания и жизни. Содержательная парадигма учебного курса начинается с работы над базовым понятием «культура» и заканчивается обобщающей темой «Законы культуры»⁶. Между этими крайними точками вы-

страивается педагогическая траектория освоения культурологического тезауруса, который имеет *глобально-региональную* конфигурацию.

Изучение «Культурологии» не может ограничиваться только аудиторными занятиями и чтением соответствующей литературы. Оно должно быть включено в культурный контекст, осмыслено в связи с культурными событиями в городе, стране и мире. Идея расширения образовательного пространства и целенаправленного включения учебных видов деятельности педагогов и студентов в контекст городской культуры была реализована нами в ходе экспериментального культурно-образовательного проекта (1997—2005 гг.) на базе Самарской филармонии, Самарского академического театра оперы и балета⁷, а также Самарского художественного музея.

Важнейшим компонентом учебного процесса является городская экскурсия — культурное путешествие, которое синтезирует теоретические знания о культуре с эмпирическим опытом. С одной стороны, происходит закрепление и расширение универсальных, архетипических представлений о культуре, с другой — в общую концепцию привносится региональный компонент, идея культуры конкретизируется, приближается к миру частной жизни человека.

Генетическая связь с ландшафтом, климатом, этнопсихологическими корнями позволяет человеку самоидентифицироваться, ощутить себя уникальным субъектом мировой культуры, обобщить индивидуальный жизненный опыт, вписать его в общечеловеческий, осмыслить себя как действующее лицо мировой культурной истории. Гуманитарно-философская парадигма и внутренняя динамика культурно ориентированного образования может быть выражена логической цепочкой: «я и мой родной город», «я и моя страна», «я и весь мир».

Нами разработан компендиум «Культурный облик Самары» — базовый текст для проведения городской экскурсии, а также использования на лекционно-семинарских занятиях, при подготовке рефератов и т. д. Идея сбалансированного глобально-регионального изучения «Культурологии» раскрывается в тексте компендиума через последовательность тем, которые выражают специфический характер именно культурологического знания.

Среди приоритетных ценностей в жизни современного человека все чаще выступают здоровье, образование и культурные путешествия. Культура — мир подлинников, уникальных памятников, хранящих энергию поколений; текст, который надо научиться читать, понимать и создавать самому. Можно ли по картинкам и книжным описаниям почувствовать красоту венецианских каналов, ощутить величие Кёльнского собора, фантазмагоричность музея С. Дали в Фигейросе? В современном обществе ценностное отношение к подлиннику сильно девальвировалось: человек получает информацию в основном из косвенных источников — Интернета, печатной продукции и т. д. Компьютерная копия картины выглядит качественнее оригинала. Культурологический подход позволяет противопоставить тотальной виртуальности истинные гуманистические артефакты, составляющие золотой фонд мировой культуры, в их оригинальном виде.

В сознании ученика необходимо сформировать представление о том, что культурные ценности сосредоточены не только в мировых центрах, например, Риме, Париже или Дрездене, но и в том городе, в котором он живет. Надо только внимательно посмотреть, «подключить» свои знания и воображение. В российской ментальности важна дефиниция понятий «провинция» и «периферия». Россия сильна своей провинцией, самые знаменитые люди, которыми гордится Россия, — выходцы из провинции: В. М. Шукшин — с Алтая, О. П. Табаков — из Саратова, С. П. Дягилев — из Перми, В. Э. Мейерхольд — из Пензы, А. Н. Толстой — из самарского Заволжья и т. д. Самосознание жителя провинции не должно быть ущербным, «второсортным» (периферийным), наоборот, оно должно быть самоценным, самодостаточным, и в этом плане «Культурология» обладает большим воспитательным потенциалом.

Культурное краеведение позволяет конкретизировать теоретические положения, изучаемые в курсе «Культурологии», например, этно-пассионарную концепцию Л. Н. Гумилева⁸, в которой он объяснял зависимость культуры и социальной психологии от природных условий. Природный ландшафт способствует формированию определенного культурного микроклимата: Ирак — всегда «горячая точка», Италия — страна-музей, музыкальная столица мира и т. д.

Самарская Лука — территория Среднего Поволжья. Благоприятный климат, красивый пейзаж («русская Швейцария»), неспешно и величаво текущая Волга формируют срединный тип ментальности. Многонациональной самарской диаспоре присущи терпимость, доброжелательность, неагрессивность, миролюбие. В самарской истории не было войн, столкновений на национальной или религиозной почве, даже смена власти в 1917 г. произошла здесь мирным путем. В эпоху обострения межнациональных отношений и конфликтов на религиозной почве проблемы культурной идентичности должны быть в центре внимания педагогической общественности, и «Культурология» может внести в этот процесс свой посильный вклад.

Тематический костяк компендиума составляют культурные универсалии — река, гора, город в их глобальном и региональном значении. Нил, Ганг, Иордан, Амазонка, Рейн и Памир, Гималаи, Синай, Фавор, Кавказ — великие священные реки и горы мира. Самара — город на Волге, великой реке, которую преподаватель должен представить как природное и культурное явление («Волжское дерево», образ Матери — «Волга-матушка, кормилица», «Волга — русский Нил» и др.). Волга и Жигули воспеты в мифопоэтическом творчестве русского и других народов Поволжья (легенда о Молодецком кургане и Девьей горе, легенда о Манчихе).

Концепт «город» в сознании современного человека предстает как амбивалентный культурный феномен: символ враждебной человеку урбанистической цивилизации и задушевной «малой родины», обезличенный «муравейник» и уникальный этнокультурный заповедник, место, персонафицированное именами «культурных героев» — великих писателей, художников, общественных деятелей, мифологических и сказочных персонажей и т. д. Культурологический аспект позволяет осмыслить и пережить основные семантические компоненты концепта «город»: место на земле, ограниченное от остального мира пространство, вертикально-иерархическое понятие — небесный град, Божий и земной, человеческий, который в свою очередь имеет многоэтажную конструкцию: верхний город (акрополь), нижний город, подземный и т. д., вид человеческого сообщества, общечитие, где живут свои, «родные», соотечественники — москвичи, самарчане и т. д., антоним деревне — горожанин как ци-

визированный, просвещенный человек в отличие от «неотесанной деревенщины».

Историко-культурный аспект концепта связан с вопросом «Как рождаются города?». Существуют устойчивые варианты ответа на него: по инициативе харизматической личности (Санкт-Петербург, Александрия — по воле Петра I и Александра Македонского), вокруг промышленных гигантов (Тольятти, Набережные Челны), сакральным актом (рождение Рима, например, описано в мифе о Ромуле и Реме). История возникновения Самары имеет двойственное объяснение: либо крепость (сын Ивана Грозного Федор Иоаннович приказал «города ставить к Астрахани»), либо Богом указанное место для поселения (житие небесного покровителя Самары святого Алексия и его пророческие слова о Самаре). В зависимости от того, какое событие следует считать точкой отсчета, возраст Самары будет составлять 400 или 600 лет.

В постсоветский период стала актуальной проблема топонимики. Многим городам было возвращено исконное имя, в том числе и Самаре. Название города (улицы, организации и т. д.) является памятником культуры. Название связывает данный объект с опытом и традициями мировой культуры. Самара — древнее имя, его возникновение и этимология имеют много гипотез. В древней Палестине была область Самария, через которую пролегал путь Иисуса Христа (Евангельская история о доброй самаритянке). В Арабских эмиратах есть город Самарра, название которого в переводе с арабского означает «радуйся всякий, кто тебя видит». По греческой версии *Samar* — значит «купец», а *Ra* — древнее название Волги, имя египетского бога солнца. На языках тюркских народов, когда-то кочевавших в заволжских степях, Самара — «степная река». С 1935 по 1991 г. город носил имя партийного советского деятеля В. В. Куйбышева. Вопрос «Имеет ли для Вас значение как называется город, в котором Вы живете, — Куйбышев или Самара?» — не праздный, но мировоззренческий, идеологический, а значит, важный для культурной самоидентификации личности.

Единицами измерения городского культурного пространства являются площади, улицы, дворы, здания, парки и т. д., т. е. элементы архитектурного творчества. Архитектура — застывшее время, материализованная политика и идеология.

Архитектура — символ (образ) страны или города, как флаг или гимн: пирамида — Египет, Колизей — Рим, Эйфелева башня — Париж, Великая Китайская стена — Китай, собор Василия Блаженного — Москва, Россия и т. д.

«Я думаю, что не мешало бы иметь в городе одну такую улицу, которая вмещала в себе архитектурную летопись. Чтобы начиналась она тяжелыми мрачными воротами и величественными зданиями первобытного дикого вкуса. Потом постепенное изменение ее в разные виды: преобразование в колоссальную, исполненную простоты египетскую, потом в красавицу греческую, потом в римскую, потом в готическую, и, наконец, улица заканчивалась воротами, заключавшими бы в себе стихии нового искусства. Улица эта сделалась бы тогда в некотором отношении историей развития вкуса, и кто ленив перевертывать толстые тома, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все»⁹. Эта мысль Н. В. Гоголя не потеряла своей актуальности и в наши дни: улицы старой Самары и есть ее архитектурная летопись.

Отечественная система образования вынесла за скобки изучение архитектуры как вида искусства: в школе есть уроки литературы, музыки, изобразительного искусства, но не архитектуры. В гуманитарном блоке вузовских дисциплин архитектурная тематика либо представлена минимально и эпизодически, либо отсутствует вовсе. Вместе с тем жизнь человека вписана в определенный архитектурный контекст, который эстетичен или вульгарен, создает благоприятный микроклимат или угнетает психику, «убивает» душу. В процессе образования человек должен приобрести некий минимум знаний о теории и истории архитектуры, научиться воспринимать художественные стили не только на интеллектуальном, но и на чувственном, эмоциональном уровне, отличать подлинные образцы от «новодела», безвкусицы. Экологией окружающей среды может заниматься только компетентный человек с развитым художественным вкусом.

Предметом гордости самарцев являются памятники архитектурного модерна: купеческие особняки, отели, доходные дома, цирк-театр «Олимп». В то же время здания эти постепенно разрушаются, а некоторые просто сознательно сносятся и на их месте строятся новые, внешне похожие, но уже по своему статусу не являющиеся памятниками

культуры. Такие прецеденты должны стать предметом обсуждения в рамках культурологической проблематики.

Особое место занимает культовая архитектура: собор, храм, церковь как центры духовной религиозной культуры и памятники архитектуры. Самара — многоконфессиональный город, в котором мирно сосуществуют православные и иноверческие конфессии, а городской ландшафт украшают костел и лютеранская кирха, мечеть и синагога, протестантский дом молитвы и православная часовня. Интересный материал для культурологического анализа представляет история Воскресенского собора в Самаре, которая в основном повторяет судьбу храма Христа Спасителя в Москве.

Архитектура тесно связана со скульптурой. Городская скульптура — форма материализации памяти культуры. Кому, для чего и где ставят памятники? Традиции монументальной скульптуры сложились в Древнем Египте, античной Греции и Риме. Девиз «Великим людям от благодарного Отечества» отражает суть знаменитых памятников мира: Давид во Флоренции, статуя Спасителя на холме в Рио-де-Жанейро, Минин и Пожарский в Москве, Медный всадник в Санкт-Петербурге и др. Богатый материал для культурологического анализа дает история сооружений в Самаре памятника Александру II, затем его сноса и установки на том же постаменте памятника В. И. Ленину (противостояние двух эпох, мировоззрений, эстетик). Актуальными для обсуждения в молодежной среде являются вопросы «Как, на Ваш взгляд, надо поступить с памятниками — символами советской власти: демонтировать; заменить другими; оставить все как есть?», «Память о каких людях и событиях Вы хотели бы увековечить в Самаре и каким образом (памятник, мемориальная доска, название улиц, площадей и т. д.)?».

Духовной и архитектурной единицей измерения культурного пространства является площадь. Для чего людям нужны площади? В европейских городах обычно было две площади, два центра — светская (рагуша, торговые ряды) и духовная (домский собор). Площади Самары в их исторической динамике демонстрируют развитие культуры как экономического, идеологического, эстетического феномена. Традиции садово-паркового искусства также дают интересный материал для исследования культуры в ее всеобщем и региональном аспектах.

В тексте компендиума нами рассматриваются такие объекты городской культуры, как театр и музей, их разновидности, осуществление миссии центра светской духовной культуры, особенности архитектуры и т. д.

Таким образом, в культурном облике Самары как в капле воды отражен космос мировой цивилизации, культурные традиции и духовный опыт всего человечества: архитектурные стили, судьбы исторических деятелей, писателей, артистов и т. д.: весной 1942 г. состоялась мировая премьера Седьмой Ленинградской симфонии Д. Д. Шостаковича; Даша и Катя, героини романа-трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам», — дочери самарского врача Булавина; И. Е. Репин в с. Ширяево под Самарой писал свою знаменитую картину «Бурлаки на Волге». Этот перечень можно продолжить.

Какой быть Самаре в XXI в.? Что мы должны сделать, чтобы наш город стал лучше, чище, красивее? Промышленность в кризисе: в бывших корпусах заводов — оптовые рынки и супермаркеты, но все еще делают ракеты и самолеты. Ни один театр и вуз не закрылся — их стало гораздо больше. В филармонии соорудили орган, строятся новые храмы. Самара — это фестиваль бардовской песни им. В. Грушина, метро, новый железнодорожный вокзал, самая красивая на Волге набережная и т. д.

Итак, вузовский курс «Культурология» обладает мощным интегративным ресурсом. Его предназначение, говоря языком священного писания, — «собирать камни», «строить», «насаждать», «искать», «сберегать»¹⁰. «Культурология» дает возможность преподавателю проявить свои креативные способности в широком диапазоне, понимая сверхзадачу образовательной деятельности как формирование *Homo cultus* — «человека культуры». В современном мире даже хорошо обученный и воспитанный человек не будет конкурентоспособен, если он не обладает широтой взглядов, не осознает себя субъектом ноосферного пространства, не дорожит своей этнической идентичностью. В контексте современной городской культуры образование как *genius loci* выступает мощным интегративным фактором, связывающим интеллектуальные, духовные, эмоциональные ресурсы человека и общества с конкретной средой обитания. Диалектика глобального и регионального, теоретического и прикладного, интернационального и национально-патриотического продемонстрирована нами на

примере компендиума «Культурный облик Самары». Модель городской культурологической экскурсии является, на наш взгляд, перспективной формой интеграции образования в культурную среду и может занять достойное место в структуре культурно ориентированного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бродский И. А. Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы: В 2 т. Т. 2. Мн., 1992.

² См.: Введение в культурологию / Под ред. Е. В. Попова, М., 1995; Поликарпов В. С. Лекции по культурологии. М., 1997; Культурология / Под ред. А. Н. Марковой, М., 1995; Силичев Д. А. Культурология. М., 2001; Гуревич П. С. Культурология. М., 1996; Культурология / Под ред. Н. Г. Багдасарьяна, М., 2001; Сальникова В. П. Образ культуры в мире человека. Самара, 2003 и т. д.

³ См.: Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1993.

⁴ См.: Зинченко В. П. Психологическая педагогика // Живое знание. Ч. 1. Самара, 1998.

⁵ См.: Сальникова В. П. Интегративные связи образования, религии, культуры и искусства // Проблемы развития регионального социума: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 19—20 октября 2006 г.: В 2 ч. Ч. 2. Саранск, 2006. С. 312—313; Она же. Культурологические основания модернизации отечественного образования: Моногр. Самара, 2008. Она же. Образ культуры в мире человека: введение в педагогическую культурологию: Учеб. пособие. Самара, 2003.

⁶ Она же. Культурология — наука о законах культуры // Вестн. Самар. гос. пед. ун-та. Теория и история культуры. Самара, 2006. С. 206—211.

⁷ Она же. Просвещение, образование, искусство: культурное взаимодействие. Из опыта работы над студенческими абонеменами в Самарской филармонии и академическом театре оперы и балета // Вестн. Самар. гос. пед. ун-та. Теория и история культуры. Самара, 2006. С. 212—237.

⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2002.

⁹ Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени: Собр. в 6 т. Т. 4. М., 1950. С. 57.

¹⁰ Библия, книга Екклесиаста, или Проповедника: 3, 1—8.

Поступила 23.06.08.

М. И. БЕРКОВИЧ С. В. БОЖЕНКО А. А. БРУТ-БРУЛЯКО

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕР РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принято считать, что показатели экономического развития территории отражают состояние их социальной сферы. Действительно, экономический рост, с одной стороны, представляет необходимое условие, обеспечивающее повышение уровня жизни населения, с другой — увеличение показателей благосостояния стало мощным катализатором экономического роста. Однако данная взаимосвязь, опосредованная множеством факторов, не является очевидной. С целью более обстоятельного изучения этого процесса нами проведено исследование 42-х регионов страны. На первом этапе исследования ставилась задача выделить и проанализировать латентные общие факторы, влияющие на всю совокупность показателей социально-экономического развития регионов РФ, и выявить зависимость уровня развития социальной сферы регионов и характера функционирования их экономической сферы.

БЕРКОВИЧ Маргарита Израилевна, директор Института управления, экономики и финансов Костромского государственного технологического университета, доктор экономических наук.

БОЖЕНКО Светлана Викторовна, докторант кафедры экономики и управления Костромского государственного технологического университета.

БРУТ-БРУЛЯКО Александр Альбертович, старший преподаватель кафедры теоретической физики Костромского государственного университета.

Наш подход основан на первоначальном разделении факторов на две совокупности — факторы социальной и экономической сфер. Связь между этими факторами рассмотрена в качестве последующего этапа исследования после выявления первичных факторов этих сфер. В исследовании использован комплекс методов: экспертной оценки (при выборе репрезентативного начального набора показателей), математические методы факторного, корреляционного, регрессионного и кластерного анализа (при дальнейшей работе с выделенным набором показателей). Изучена социально-экономическая ситуация в 2000—2004 гг., так как этот период отличается значительной стабильностью, отсутствием потрясений и кардинальных изменений во всех сферах жизни.

В качестве исходной информационной базы приняты официальные издания Федеральной службы государственной статистики, которые и определили информационную базу исследования¹. Важнейшим критерием отбора стала информативность показателя. Из всего набора социально-экономических показателей развития регионов методом экспертных оценок было сформировано два репрезентативных набора.

Показатели для социальной сферы: прирост населения на 1 тыс. чел.; среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.; число безработных, тыс. чел.; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, руб.; площадь жилищ, приходящихся в среднем на одного жителя, м²; число учащихся дневных общеобразовательных государственных и муниципальных учреждений, тыс. чел.; число врачей на 10 тыс. чел., чел.; количество больничных коек на 10 тыс. чел., ед.; ввод в действие жилых домов на 1 тыс. чел., м² общей площади; перевозки пассажиров автобусами общего пользования, млн чел.; пассажирооборот автобусов общего пользования, млн пассажиро-км; рождаемость, чел. на 1 тыс. чел.; численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, %; количество дошкольных образовательных учреждений, ед.; ввод в действие амбулаторно-поликлинических учреждений на 100 тыс. чел., посещений в смену.

Набор показателей для экономической сферы: число предприятий и организаций, ед.; объем промышленной продукции и сельского хозяйства, млн руб.; рентабельность активов организаций промышленности, %; грузооборот автомобиль-

ного транспорта отраслей экономики, млн тонно-км; густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км дорог на 1 тыс. км² территории; оборот розничной торговли на душу населения, руб.; объем платных услуг на душу населения, руб.; объем бытовых услуг на душу населения, руб.; расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ, млн руб.; рублевые депозиты физических лиц в Сбергательном банке РФ, млн руб.; удельный вес убыточных организаций, %; инвестиции в основной капитал на душу населения, руб.

В качестве объектов исследования выбраны 42 субъекта РФ: субъекты европейской части РФ, за исключением республик Кавказа и территорий Дальнего Востока и Сибири. Основанием для этого послужили особая социально-экономическая ситуация в этом регионе и специфика дальневосточных и сибирских регионов. Также из анализа исключены города Москва и Санкт-Петербург как имеющие существенные отличия от прочих субъектов (при этом Московская и Ленинградская области рассматривались наряду с другими регионами). Получалась выборка со средним значением 0 и средним отклонением 1. Этот стандартный прием позволил избежать разности в масштабах и размерностях рассматриваемых величин, что позволило более точно и полно учесть влияния колебаний в каждой величине.

В результате исследований выявлены значимые факторы: четыре в социальной сфере и три в экономической. Выявленные факторы устойчивы по всем временным срезам: к каждому фактору относится в основном один и тот же набор переменных со значимыми коэффициентами, значения факторов мало изменяются от среза к срезу, что подтверждает устойчивость внутренней факторной структуры. Об этом свидетельствует и малое количество факторов по сравнению с числом первоначальных переменных (для 15-ти переменных социальной сферы допустимо до 10-ти значимых факторов, для 12-ти переменных экономической сферы — до 7-ми). Это говорит о наличии внутренних связей. В пользу модели говорят также и внутренние критерии методов факторного анализа: построенные факторы обуславливают около 70—80 % изменчивости в выборке, удовлетворяют критериям Кайзера и «каменной осыпи»².

Социальная сфера представительно описывается рядом факторов: размер социума, уровень жизни, обеспеченность социальной инфраструктурой, репродуктивность социума. Выделенные факторы обладают следующими характеристиками: они являются независимыми, не выявлено регрессионных связей между факторами, максимальный уровень корреляции — 0,3—0,4. Иными словами, можно заключить, что на данном этапе развития РФ рождаемость, например, не зависит от уровня жизни населения. Также не выявлено зависимости рождаемости и от обеспеченности общей социальной инфраструктурой.

Для экономической сферы выделились следующие факторы: мощность экономики, рентабельность экономики, оборот услуг внутри региона. Эти факторы тоже можно считать независимыми.

Следующим этапом исследования явилась попытка выяснения связи между факторами социальной и экономической сфер. Для этого применялись методы факторного, корреляционного и регрессионного анализов. Эти методы позволили выявить следующие связи: размера социума с мощностью экономики; оборот услуг внутри региона с уровнем жизни населения. В обоих случаях имеются прямые пропорциональные зависимости. Эти пары факторов были объединены при повторном факторном анализе. Они имеют высокую корреляцию, связи выражаются тесной линейной регрессией.

Другие факторы характеризуются небольшой корреляцией и не имеют общих скрытых факторов, значимой регрессионной связи, что говорит о полной независимости факторов. В пользу этого вывода говорит и тот факт, что факторы не строились изначально независимыми, применялся метод построения косоугольных факторов.

В результате можно привести перечень из пяти независимых факторов, описывающих социальную и экономические сферы: масштаб (социума и экономики), рентабельность экономики, уровень жизни, обеспеченность социальной инфраструктурой, репродуктивность социума (рождаемость).

На основании значений этих факторов был проведен кластерный анализ, целью которого стала попытка объединения регионов в группы «похожих», обладающих близкими значениями факторов и, следовательно, схожих по социально-

экономическому положению. Были рассмотрены возможные кластерные структуры с различным числом кластеров. В результате проведенного анализа выделены кластер «Северных регионов» (Республика Карелия, Республика Коми, Архангельская область, Мурманская область, Вологодская область, Пермская область) и кластер «Регионов-лидеров» (Московская область, Краснодарский край, Республика Башкортостан, Ростовская область, Нижегородская область, Республика Татарстан). Остальные регионы какой-либо оформленной кластерной структурой не обладают и не имеют «типовых сценариев развития», каждый из них находится в своей собственной специфической ситуации.

На втором этапе исследования из рассматриваемых 42-х субъектов РФ были выбраны 82 города с численностью населения свыше 100 тыс. чел. При анализе социально-экономического положения городов была осуществлена попытка выделения общих латентных факторов (гипотеза о детерминации социальной сферы экономической не выдвигалась). Заметим, что при анализе субъектов РФ такие общие факторы также были получены, но уже при повторном анализе, когда «факторизовались» совместно факторы социальной и экономической сфер.

Из всего набора социально-экономических показателей развития городов методом экспертных оценок был сформирован репрезентативный набор показателей, включающий 37 переменных. Этот набор обусловлен публикуемой статистической информацией. К рассмотрению принимались все опубликованные переменные, т. е. исследуемый набор переменных обусловлен несовпадением их номенклатур. Сформированный набор переменных во многом совпадает с набором переменных, используемых при анализе социально-экономической ситуации в субъектах РФ.

Факторный анализ проводился методами факторизации пакета Statistica 6.0 по каждому из временных срезов: 2002, 2003, 2004 и 2005 гг. Наилучшие результаты дал метод «Communalities=multiple R²» с косоугольными факторами при вращении «varimax». В результате факторного анализа выделилось шесть латентных общих факторов.

Факторы имеют следующую содержательную интерпретацию: фактор масштаба (размера) (объясняет 43 % вариативности), благополучия и развития (объясняет 12 %

вариативности), социальной инфраструктуры (8 %), фактор репродуктивности (7 %), размера торговли и услуг (5 %) и фактор рынка труда (3 %). Факторы являются независимыми, так как межфакторные корреляции имеют значения не более 0,3, что статистически отнюдь не значимо.

Выделенными факторами объясняются все статические переменные структуры, кроме «строительство жилых домов» и «удельный вес инвестиций в основной капитал за счет бюджета». Эти переменные имеют низкие факторные нагрузки и их значения не объясняются значениями факторов. Это означает, что строительство жилых домов в данный период «живет по своим законам» и слабо связано с остальными переменными, характеризующими общее развитие экономической и социальной сфер. Аналогичен вывод и для бюджетных инвестиций, произвольных в каждом регионе и определяемых федеральными и региональными программами.

Построенная факторная модель объясняет только качественные структурные отношения, не характеризуя общие и частные закономерности динамики. Действительно, количественно значимыми факторами являются только первые два: фактор масштаба (размера) и фактор благополучия и развития, которые объясняют в совокупности 55 % вариативности.

По результатам факторного анализа нами проводился кластерный анализ. Методом «иерархических деревьев» было оценено количество кластеров — от 4 до 20. Далее строились и анализировались кластерные модели для каждого из количеств кластеров методом «k-средних» по всем временным срезам. Полученные разбиения анализировались на наличие устойчивых крупных групп. Если кластер совпадал по всем временным срезам, то он признавался реально существующим. Наиболее четкую структуру можно найти в разбиении на 4, 5 и 6 кластеров. Более того, некоторые кластеры выделяются во всех этих разбиениях. При попытке увеличить число кластеров, получая более малые и качественно более однородные кластеры, кластерная структура размывается, четко выявляя только два кластера — «Северные города» и «Крупные города-лидеры». В результате проведенного анализа получилась следующая кластерная структура по городам (таблица).

Таблица

Кластерная структура городов РФ

Кластер	Город
Кластер средних городов с разноотраслевой промышленностью	Брянск, Ковров, Муром, Кострома, Елец, Смоленск, Тверь, Тула, Новомосковск, Ярославль, Рыбинск, Калининград, Великие Луки, Армавир, Новочеркасск, Новошахтинск, Таганрог, Арзамас, Дзержинск, Новотроицк, Орск
Кластер городов с градообразующими предприятиями и специализированной экономикой	Старый Оскол, Обнинск, Новороссийск, Сочи, Волжский, Волгодонск, Нефтекамск, Октябрьский, Салават, Стерлитамак, Альметьевск, Набережные Челны, Нижнекамск, Новочебоксарск, Чайковский
Кластер крупных городов-лидеров	Краснодар, Волгоград, Ростов-на-Дону, Уфа, Казань, Нижний Новгород
Кластер северных городов	Петрозаводск, Сыктывкар, Воркута, Ухта, Архангельск
Кластер крупных городов (нечетко выделившийся)	Владимир, Курск, Воронеж, Калуга, Орел, Рязань, Вологда, Мурманск, Новгород, Псков, Пенза, Тамбов, Киров

Оставшиеся 22 города не попадают в кластерную структуру, образуя «дискретное облако», расплывенное вокруг и между кластеров (Белгород, Иваново, Липецк, Северодвинск, Нарьян-Мар, Череповец, Ставрополь, Кисловодск, Невинномысск, Пятигорск, Астрахань, Камышин, Батайск, Шахты, Йошкар-Ола, Саранск, Ижевск, Глазов, Чебоксары, Оренбург, Пермь, Березники). Эти города характеризуются специфическим социально-экономическим положением.

Выявленная кластерная структура анализировалась на наличие возможных общих закономерностей динамики исходных переменных, а также корреляционных и регрессионных зависимостей переменных внутри каждого кластера.

Среди всех переменных были выделен ряд параметров: численность населения, ВВП по обрабатывающим производством, инвестиции в основной капитал — индикаторы первого фактора; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, число мест в дошкольных учреждениях, оборот общепита — индикаторы второго фактора; число больничных коек на 1 тыс. чел. — индикатор третьего фактора; число

родившихся на 1 тыс. чел., число умерших на 10 тыс. чел., среднемесячная номинальная начисленная заработная плата — индикаторы четвертого фактора; оборот розничной торговли на душу населения — индикатор пятого фактора; число безработных — индикатор шестого фактора.

По этим переменным для каждого из выделенных кластеров была построена динамика за 2002—2005 гг. Можно сказать, что даже в рамках одного кластера динамика по многим переменным различается. Особенно значимо это различие по ВВП обрабатывающей промышленности, количеству безработных и инвестициям в основной капитал. По многим переменным внутри кластера имеются в целом схожие положительные, отрицательные или нулевые тенденции:

- в рассматриваемой динамике для первого кластера характерно уменьшение численности проживающего населения, уровень смертности, вдвое превышающий уровень рождаемости, рост оборота общественного питания;

- характеристиками городов второго кластера являются стабильная численность населения, низкий уровень смертности, сопоставимый с уровнем рождаемости, слабый рост оборота общепита;

- среди показателей динамики третьего кластера — стабильная численность населения, рост оборота общепита и рост инвестиций в основной капитал;

- города четвертого кластера характеризуются стабильной численностью населения, незначительным ростом инвестиций в основной капитал. Отличительной особенностью этого кластера являются высокий уровень рождаемости, низкий уровень смертности, рост количества больничных коек и мест в дошкольных учреждениях;

- показатели динамики для городов пятого кластера характеризуются уменьшением численности населения. Уровень смертности вдвое превышает уровень рождаемости, рост инвестиций в основной капитал.

Наряду с анализом динамики проводились корреляционный и регрессионный анализы переменных в каждом из кластеров. Большинство корреляционных и регрессионных связей между переменными верно во всей выборке (на полном наборе из 82-х городов). Таковы, например, линейная зависимость числа таксофонов или числа учащихся дневных общеобразовательных учебных заведений от численности

населения, или объем платных услуг на душу населения от оборота розничной торговли, или число среднего медицинского персонала на 1 тыс. чел. от числа больничных коек на 10 тыс. чел. и т. д.

Наиболее интересными выглядят взаимосвязи переменных, имеющих разный смысл, но отнесенных к одному фактору: численности населения, ВВП и инвестиций в основной капитал; среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, числа мест в дошкольных учреждениях, оборота общепита; числа родившихся на 1 тыс. чел., числа умерших на 1 тыс. чел., среднемесячной начисленной заработной платы.

Результаты анализа показали, что в одних кластерах повышение уровня жизни снижает смертность (для северных городов), в других городах — повышает рождаемость (крупные города-лидеры), в третьих (остальные кластеры) — не влияет ни на смертность, ни на рождаемость, зато увеличивает оборот общепита. Кроме того, в отдельных городах прирост инвестиций в основной капитал приводит к росту ВВП (крупные и средние города, с градообразующими предприятиями, северные города), а в городах-лидерах такая связь отсутствует.

В результате расчетов было выявлено, что общность факторной структуры городов (т. е. принадлежность к одному кластеру) не обеспечивает общей динамики конкретных переменных. То, что, например, два города имеют высокое значение фактора социальной инфраструктуры, не означает, что их социальная сфера будет схожей. Также схожесть полной факторной структуры не обеспечивает схожести динамики — перспектив развития городов.

Факторный и кластерный анализы субъектов РФ и их городов показали, что города характеризуются более разнообразной кластерной структурой (пять кластеров), в то время как для субъектов РФ характерны два. Заметно, что разбиение по кластерам городов подтверждает разбиение на кластеры для регионов: кластер городов-лидеров совпадает с кластером регионов-лидеров (города-лидеры являются столицами регионов-лидеров) и кластер северных городов совпадает с кластером северных регионов («северные города» располагаются в «северных регионах»). Это совпадение кластеров подтверждает их наличие. Остальные

кластеры могут быть оценены как явление «урбанистическое», городское. Для субъектов РФ значимыми являются специализация, климатические, территориальные и географические различия.

Сравнивая выделенную факторную структуру субъектов РФ и городов, можно сказать, что они фактически совпадают. Действительно, в обоих случаях основным (с объясняющей способностью примерно 40 %) оказался фактор размера, а вторым значимым в обоих случаях по вкладу в общую вариативность является фактор социальной инфраструктуры (около 10 %), их наполнение конкретными переменными также совпадают.

Также совпадают по содержанию и факторы «уровня жизни» для субъектов РФ и «благополучия и развития» для городов. В переменные, относящиеся к этим факторам, в обоих случаях входит уровень заработной платы, но в случае городов этот фактор еще «нагружен» переменными социальной сферы, такими как «число детей в дошкольных учреждениях», «число мест в дошкольных учреждениях», «объем работ по строительству», «оборот общепита», «размер пенсий». Это отличие можно объяснить тем, что при рассмотрении ситуации в субъектах РФ эти переменные не рассматривались при анализе из-за отсутствия соответствующих статистических данных.

Учитывая сходство факторных структур, можно предположить, что в субъектах РФ эти переменные являются связанными, формирующими общий фактор «благополучия и развития», а не только текущего «благополучия». Этот фактор можно считать фактором «развития», так как он включает в себя такие переменные, как «число детей в дошкольных учреждениях», «число мест в дошкольных учреждениях», «объем работ по строительству», т. е. переменные, определяющие перспективы развития, связанные с будущей демографической ситуацией, что создает предпосылки для социального развития. Также схожими являются факторы «репродуктивности».

При анализе субъектов РФ выделился «фактор рентабельности экономики», отсутствующий в анализе городов. Это также можно объяснить разностью состава исследуемых переменных, обусловленный существующими статистическими данными. Переменные «объем инвестиций на

душу населения» и «рентабельность активов предприятий» отсутствовали в данных по городам и, как следствие, не учитывались при анализе последних.

Для городов факторами, не совпадающими с факторами субъектов РФ, являются «размер торговли и услуг» и «рынок труда». Фактор «оборота услуг внутри региона» аналогичен «размеру торговли и услуг» в городах. Состав по переменным этих факторов одинаков в обоих случаях, что позволяет их отождествить. В случае субъектов РФ при вторичном анализе связей фактор «оборота услуг внутри региона» был объединен с фактором «уровня жизни» в субъекте РФ. Это говорит о зависимости оборота услуг внутри региона от уровня жизни. Такая зависимость в основном складывается за счет сельской местности, так как в городе факторы оборота «торговли и услуг» и «благополучия» различны.

Также в городах был выделен «фактор рынка труда». Его можно рассматривать как качественное явление, влияние которого на реальное социально-экономическое положение города не так велико. Тем не менее, можно утверждать, что в городах начал формироваться рынок труда, не связанный напрямую с предприятиями и потенциально способный влиять на существующую общую социально-экономическую ситуацию. Это естественно, так как в городах высока концентрация специалистов разных профилей, а также организаций, осуществляющих свою деятельность в различных сферах деятельности. Фактор «рынок труда» в регионах РФ в целом не выделился, так как рынок труда на селе и в мелких городах деформирован: люди готовы трудиться на любом рабочем месте, а наиболее способные и высококлассные специалисты стремятся уехать в города.

Основным выводом проведенного исследования является возможность на данном этапе развития страны теоретического разделения социально-экономической системы крупного объекта (субъекта РФ или города с численностью населения более 100 тыс. чел.) на несколько подсистем (непересекающихся сфер, идентичных выделенным факторам), которые являются качественно различными образованиями и замкнутыми структурами. Следовательно, они должны рассматриваться как самостоятельные объекты управления, что следует учитывать при разработке стратегии регионального

развития. Это позволяет рассматривать общую социально-экономическую ситуацию в исследуемом субъекте РФ как сумму «раздельных» состояний по каждой из выделенных сфер.

В целом используемые методы факторизации переменных, а затем кластеризации объектов (субъектов РФ, городов) по какому либо признаку могут использоваться как экспресс-метод оценки социально-экономического положения региона (например, выделение кластера с низким уровнем репродуктивности или социальной инфраструктуры, выделение кластера с экономикой, ориентированной на торговлю или производство и т. д.). Каждый такой кластер может расцениваться как объект, по отношению к которому можно сформулировать стратегическую цель и разрабатывать соответствующую программу, исходя из значений факторов и связей переменных, относящихся к одному фактору. Реализация стратегии развития будет зависеть от реальной потребности развития региона: какое предприятие строить, как ограничить или стимулировать ту или иную сферу, каким показателям уделить внимание. Все это предполагает учет специфики социально-экономического развития конкретного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2004: Стат. сб. / Росстат. М., 2004; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.

² См.: Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. Пер. с англ. / Дж.-О. Ким, Ч. У. Мьюллер, У. Р. Клекка и др. // Под ред. И. С. Енюкова. М., 1989.

Поступила 27.04.08.

Л. В. ЛОГИНОВА **ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ: СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ МОТИВАЦИИ**

Без учета интересов регионов невозможен эффективный механизм функционирования национальной экономики. Это обусловлено особенностями государственного устройства России. Региональное развитие предполагает оценку эффективности институтов, определяющих развитие региона. В связи с этим, на наш взгляд, актуальной становится теория институционализации региональных интересов, позволяющая выявить взаимосвязь экономических показателей с проблемами социального и политического характера.

Одни авторы при определении регионального интереса делают акцент на органическом включении интересов хозяйствующих субъектов в единый интерес региона. По их мнению, региональный интерес включает в себя взаимодействие всех видов интересов живущих и работающих производителей и потребителей, а также интересы, которые определяют приоритетные направления экономического развития конкретной территории¹.

На наш взгляд, более точной является расширительная трактовка региональных интересов как заинтересованности в стабильном воспроизводстве и приумножении социального, природоресурсного, экологического, демографического и хозяйственного потенциалов региона². Этот подход позволяет выделить государственные региональные и местные региональные интересы.

Государственный региональный интерес состоит в минимизации негативных проявлений территориальной дезинтеграции на уровне субъектов Федерации, в поддержке местных преобразований, создании общероссийских условий для того, чтобы каждый субъект Федерации максимально использовал свой внутренний потенциал и в меньшей степени претендовал на государственную помощь.

ЛОГИНОВА Лариса Викторовна, доцент кафедры экономики, менеджмента и права Вольского высшего военного училища тыла (Военного института), кандидат экономических наук.

Местным региональным интересом являются обеспечение полноценного и сбалансированного существования на конкретной территории человека, общества и природы; гарантирование их согласованного воспроизводства на базе задействования ресурсов и полномочий, государственно признаваемыми местными. Иными словами, местный интерес состоит в том, чтобы все совершаемое на территории, ощущалось человеком и обществом как направленное на их пользу.

Совокупный региональный интерес представляет собой заинтересованность в стабильном воспроизводстве тех условий и предпосылок жизни региона, которые поддерживают и привлекают субъектов региональных интересов и определяют приоритетные направления социально-экономического развития региона. Этот интерес является формой выражения объективных интересов региона в социально-экономической сфере и обусловлен социальной структурой региона, существованием региональных групп интересов и давления. Интересы этих групп не только различны, но и порой существенно отличаются от регионального вектора развития.

Для социально-экономического развития региона необходимо согласование социальных и производственных интересов, что детерминирует институционализацию региональных интересов.

Институционализация региональных интересов — это процесс оформления взаимодействия интересов региональных субъектов в институциональную систему, элементы которой, становясь общепринятой практикой и подтверждаясь в реальных экономических отношениях, способны действовать в направлении реализации региональных интересов.

Региональные интересы охватывают не весь спектр социально-экономических интересов субъектов региона³ и являются частью мотиваций их деятельности, которая обуславливает территориальную организацию общества. Преобладающей ценностью остается понимание того, что люди, живущие в одном месте, должны иметь правомочные органы, через которые могут выражать свои интересы⁴. Поэтому такие интересы и возможность их реализации должны составлять предмет заботы органов государственной власти.

Субъектами институционализации региональных интересов выступают, во-первых, население региона и хозяйствен-

ные агенты, взаимодействие интересов которых выливается в неформальную институционализацию их интересов; во-вторых, правомочные представители региональных интересов, способные представлять, защищать и реализовывать их как субъекты правоотношений (представители региональной законодательной и исполнительной власти; их главная институциональная функция — формальная институционализация местных региональных интересов); в-третьих, государство при проведении региональной политики. Его институциональной функцией является создание институтов, обеспечивающих достижение компромисса между региональными интересами государства и местными интересами регионов.

Оценивать мотивацию региональной администрации можно двояко. С одной стороны, ее можно определить как реакцию на потребности и интересы населения, а также требования государственной региональной политики. С другой стороны, нельзя игнорировать личные интересы региональной бюрократии (чиновничества), которые реализуются через функционирование аппарата управления. Интересы населения региона, формально считаясь первичными, в реальности находятся в подчинении у личных, персонифицированных интересов региональной администрации. Растет коррупция. Это приводит к обострению конфликтности интересов местной власти и общества. Так, согласно социологическим исследованиям, 39,4 % населения характеризуют существующую конфликтность между населением и властью как очень острую⁵. Поэтому процесс институционализации региональных интересов находится под воздействием субъективных и объективных мотивационных факторов.

Любая общественная деятельность совершается людьми, которые часто руководствуются своим персонифицированным интересом. Поэтому региональная власть имеет собственный вектор *субъективной мотивации*.

Чтобы обеспечить реализацию своего интереса в поддержке избирателей, региональная власть обращает пристальное внимание на социальную сферу. В большинстве случаев люди считают эффективной не ту власть, которая взяла на себя множество обязательств, а ту, которая выполняет взятые обязательства. Так происходит трансформация фактора поддержки избирателей в задачу поддержания социально-экономической стабильности в регионе.

На позицию администрации региона способны оказывать влияние исходя из своих интересов и хозяйственные агенты, которые формируют группы давления на центральные и местные институты власти. При этом следует различать индивидуальную и коллективную нацеленность лоббирования.

В России в институционализации интересов бизнеса существенную роль играют региональные органы государственной власти. Для реализации своего влияния они используют различные методы: влияние на принятие решений через систему законодательного и административного регулирования, через госзаказы, разовые просьбы; лоббирование интересов крупных предприятий в федеральных структурах, оказание помощи в получении федерального заказа, содействие выходу на внешние рынки; участие в организации инвестиционных конкурсов и аукционов, вмешательство в процедуру банкротства, которое могут сами инициировать через налоговые органы; прямое и скрытое субсидирование деятельности предприятий путем налоговых льгот, прямой поддержки проектов; введение экологических требований и условий землепользования, в том числе и экономических, используя при этом неурегулированность прав собственности на земельные участки.

В обмен на решение в свою пользу бизнес берет на себя обязательства по повышению заработной платы, сохранению занятости, финансированию региональных социально-экономических проектов, участие в благотворительных акциях, поддержанию объектов социальной инфраструктуры. Так заключается неявный контракт бизнеса и местной власти. По этому контракту чрезвычайно сложно определить, какую часть социальных затрат финансирует бизнес исходя из собственных интересов, а какую по принуждению местной власти. Неявный контракт способствует выработке оппортунистических стратегий поведения: бизнеса, скрывающего свои истинные интересы; региональной власти, сокращающей социальные обязательства в расчете на «социальную ответственность» бизнеса. Это снижает эффективность решения проблемы социально-экономического развития в регионах.

Интересы региональных администраций (не отдельных чиновников) сводятся в основном к недопущению серьезных социальных конфликтов и поддержанию доходов бюджета. Для этого минимизируются риски перехода значимых для бюджета корпораций в руки новых, плохо контролируе-

мых собственников. Например, в большинстве субъектов Приволжского федерального округа проходили процессы передела собственности с участием региональных властей. Так, администрация Оренбургской области оказала сопротивление приватизации «Онако», на которую претендовали «ЛУКОЙЛ» и «ЮКОС»; комитет по управлению государственной собственностью Нижегородской области выступил против включения завода «Красное Сормово» в группу К. Бендукидзе «Уралмаш-завод». Как правило, «войны за собственность» региональные власти проигрывают. Например, в Саратовской области московским компаниям перешли ОАО «Химволокно», ОАО «Нейтрон», «Балаковские волокна», ОАО «Вольскцемент».

Не в интересах региональной власти банкротства предприятий, приводящие к масштабным сокращениям занятости. Интересы региональных администраций подталкивают их чаще к сотрудничеству со сложившимся менеджментом, где заведомо меньше издержки контроля, хотя в последние годы складываются предпосылки для сотрудничества с внешними собственниками, которые работают на данной территории и готовы учесть интересы местных органов государственной власти.

Категория эффективности институционализации региональных интересов призвана отражать степень соответствия региональной власти ее институциональной роли в социально-экономической структуре общества. Можно выделить критерии эффективности институционализации региональных экономических интересов, соответствующие функциональным задачам региональной власти. Анализ статистических данных по Саратовской области свидетельствует о низкой эффективности институционализации ее региональных интересов.

Модель институционализации интересов в Саратовской области предполагает сохранение традиционной структуры производства путем поддержки предприятий неэффективного сектора за счет перекачки ресурсов от эффективных производителей через региональную бюджетную систему или за счет выделяемых региону ассигнований из федерального бюджета. Это обусловлено условиями хозяйствования: доминированием военно-промышленного комплекса в регионе и низкой эффективностью сельского хозяйства. Такой вектор движения области, на наш взгляд, бесперспективен. Он не

отвечает общему региональному интересу социально-экономического развития, так как, во-первых, не позволяет Саратовской области войти в число наиболее развитых субъектов РФ, область остается дотационной; во-вторых, способствует росту социальной напряженности, ухудшению социальной ситуации.

В рейтингах «200 крупнейших компаний России» и «200 крупнейших компаний Поволжья» предприятия Саратовской области занимают скромное положение. Хотя ее ВРП в текущих ценах растет, но темпы его прироста в сопоставимых ценах несколько замедляются⁶.

Не получают реализации *социальные интересы* населения Саратовской области, так как почти четверть населения губернии до сих пор живет ниже прожиточного минимума, смертность превышает рождаемость. Среднемесячная зарплата в Саратовской области на конец 2007 г. составила 9 тыс. руб. при 14 тыс. по стране.

Ситуация усугубляется тем, что изменения бюджетного законодательства РФ в 2001 г. привели к сокращению региональных бюджетов. Так, Саратовская область лишилась части доходов от Саратовской табачной фабрики, Приволжской железной дороги, «Саратовэнерго» и других бюджетобразующих предприятий. Бюджет Саратовской области является устойчиво дефицитным. По итогам 2007 г. размер дефицита составил 7,3 % объема доходов без учета финансовой помощи из федеральной казны. На 2008 г. бюджет был запланирован уже с дефицитом 15 %. Надеяться на то, что дефицитный бюджет, перегруженный социальными обязательствами, станет точкой опоры для инновационного развития экономики области, не приходится.

Все это дает основание говорить о том, что основная цель социально-экономического развития Саратовской области — *улучшение качества жизни населения*. Повышение его благосостояния и улучшение демографических характеристик остается нерешенными. Инвестиционные, производственные, социальные интересы региона не находят эффективных институциональных форм реализации.

Основы новой региональной политики российского правительства изложены в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации⁷. На наш взгляд, предложенная региональная программа не обладает

принципиальной новизной, так как в ней по-прежнему используется механизм распределения бюджетных средств по заявочному принципу. Поэтому больше финансовых вливаний получают те регионы, в которых более сильны их лоббистские возможности. Так, в 2007 г. при реализации восьми федеральных целевых программ с общим объемом финансирования 44,2 млрд руб. на долю Дальнего Востока пришлось около 88 % всех бюджетных средств, выделяемых по программе «Региональный приоритет»⁸.

Из правительственного прогноза социально-экономического развития российской экономики на 2007—2009 гг. следует, что в течение ближайших трех лет добавленная стоимость в российской экономике, как и раньше, будет формироваться за счет регионов с высоким уровнем развития⁹. Всем остальным субъектам РФ из федерального бюджета по-прежнему предусмотрено выделение финансовой помощи с целью выравнивания уровня их бюджетной обеспеченности. На наш взгляд, для разрешения бюджетного противоречия между интересами региона и центра необходимо при формировании доходной части федерального бюджета решающее место отвести рентным платежам, а налоги на имущество физических и юридических лиц должны стать источником региональных и местных бюджетов.

В существующих условиях нужна переориентация социально-экономического курса Саратовской области, концентрация его на перспективных направлениях развития при масштабной реструктуризации хозяйства области, учитывая конкурентные преимущества. Таковыми выступают высокая обеспеченность региона электроэнергией (его собственное потребление составляет 50 % от объема производства); наличие свободных земель сельскохозяйственного и производственного назначения; низкая стоимость земли; собственная газодобыча, нефтедобыча и нефтепереработка; значительные запасы углеводородов и минерально-сырьевых ресурсов; наличие квалифицированных трудовых ресурсов и их низкая стоимость; низкая себестоимость строительства; развитая транспортная инфраструктура; высокий научный и технический потенциал (6 институтов РАН, 21 НИИ, 19 проектных институтов, 14 вузов, множество техникумов, колледжей, профтехучилищ).

Успех институционализации региональных экономических интересов во многом зависит и от *структуры законодатель-*

ной и исполнительной власти в регионе. Статистика показывает, что прямые инвестиции идут в те регионы, где меньше чиновников, а значит, ниже степень бюрократизации.

Положение региональной власти в Саратовской области как субъекта институционализации экономических интересов характеризуется высокой степенью бюрократизации. Только за 10 последних лет аппарат управления Саратовской области увеличился на 40 %. В 28 муниципальных образованиях численность работников в органах местного самоуправления превышает допустимый уровень, из них в двух — более чем в 1,5 раза. Неоднократные попытки сокращения численности аппарата управления, слияния и разделения ведомств не сделали региональное правительство и его органы ни более компактными, ни более эффективными. Нет полной ясности в том, кто, за что и как несет ответственность в решении ключевых проблем социально-экономического развития. Подобная традиция привела к тому, что региональная власть, ориентируясь на интересы малочисленной региональной правящей элиты, не борется с коррупцией, препятствует выявлению общественных предпочтений и заботится о сохранении сфер своего влияния. Следовательно, требуется оптимизация структуры региональной власти, что позволит обеспечить повышение эффективности институционализации региональных экономических интересов.

Кроме того, имеются ловушки неэффективности соблюдения правил самой региональной властью. Существует риск злоупотребления потенциалом «насилия», который может использоваться в отношении региональных хозяйствующих субъектов вне зависимости от того, соблюдают ли они условия игры. Введение различных платежей за прохождение бюрократических процедур вынуждает хозяйствующих субъектов уходить в зону оппортунистического поведения.

Эта проблема должна решаться для того, чтобы «ни одна значительная группа субъектов, стремящихся к получению преимуществ, не смогла нанести ущерб позициям того или иного института своими произвольными действиями или стремлением к краткосрочной выгоде, грозящей значительно более существенными потерями долгосрочного характера»¹⁰. Для этого необходимо ограничение властного эгоизма. Это станет возможным при введении институтов действенного общественного контроля.

Предлагаемые меры, на наш взгляд, позволят изменить институциональную роль региональной власти в направлении повышения эффективности институционализации региональных интересов и обеспечить социально-экономическое развитие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бильчак В. С., Захаров В. Ф. Региональная экономика / Под ред. В. С. Бильчака. Калининград, 1998. С. 21—22.

² См.: Лексин В., Андреева Е., Ситников А., Швецов А. Региональная политика России: концепции, проблемы, решения // Рос. экон. журн. 1993. № 9. С. 50—63.

³ См.: Лексин В., Швецов А. Приоритеты региональной политики. Вопросы методологии анализа и оценок // Рос. экон. журн. 1995. № 2. С. 25.

⁴ См.: Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т. Основы развития местного хозяйства. М., 2000. С. 18—19.

⁵ Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.rags.ru/?q=node/1030>].

⁶ См.: Сахаров Ю. Инновационный разворот // Эксперт Волга. 2007. № 26. С. 30.

⁷ Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.akdi.ru/econom/program/76_2.НТМ].

⁸ См.: Экспертное заключение на проект федерального бюджета на 2007 год и прогноз социально-экономического развития Российской Федерации / Под ред. проф. В. К. Сенчагова. М., 2006. С. 111.

⁹ Электрон. ресурс [режим доступа: http://www.akdi.ru/econom/program/76_2.НТМ].

¹⁰ Оффе К. Политэкономика: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С. 667.

Поступила 13.05.08.

А. Н. ПЕСКОВА **ИЗМЕНЕНИЕ
СТАТУСНЫХ ПОЗИЦИЙ
В СФЕРЕ ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА**

Проблемы труда и трудовой деятельности являются ключевыми в социально-экономическом развитии любого общества. Комплексный характер общественного развития обуславливает междисциплинарный характер исследования трудовой сферы на стыке различных отраслей знания о труде: философии, политэкономии, социологии, акмеологии, психологии, менеджмента и др. При этом труд представляет собой самый важный фактор производства, для анализа которого требуется использование особых методологических подходов. Это объясняется тем, что человеческие ресурсы, понимаемые не только как фактор экономического развития (трудовые ресурсы), но и как его цель, занимают центральное место в структуре производительных сил общества во всех высокоразвитых странах мира.

Человек как существо биосоциальное в процессе труда неизбежно вступает во взаимодействие не только с природой, но и с другими людьми. Его поведение носит социальный характер. Социальное поведение — производный компонент социальной среды, который преломляется в субъективных характеристиках и поведении лиц, а также результат субъективной детерминации человеческой активности. В этом смысле социальное поведение можно понимать как процесс целенаправленной активности в соответствии со значимыми интересами и потребностями человека. Оно, с одной стороны, есть сложная система адаптации личности к разнообразным условиям, способ функционирования в системе конкретного социума, с другой — активная форма преобразования и изменения социальной среды в соответствии с объективными возможностями, которые человек проектирует и открывает для себя, соотносясь с собственными представлениями, ценностями и идеалами.

ПЕСКОВА Анастасия Николаевна, заместитель директора по научной работе Саранского колледжа электроники, экономики и права.

В теоретическом и практическом аспектах весьма важно различать, с одной стороны, труд и досуг (деятельность в рамках увлечения, хобби), с другой — труд и работу по самообеспечению; труд, связанный с материальным и нематериальным (духовным) производством. В целом понимание труда как важнейшей общенаучной категории в социальной философии, общей социологической теории, социологии труда и экономической социологии, экономической теории и экономике труда не только не противоречит друг другу, но и способствует обогащению этих наук.

Стремительное развитие и распространение новых информационно-телекоммуникационных технологий несет с собой кардинальные изменения не только в информационной, но и в трудовой сфере на глобальном уровне. Их революционное воздействие касается государственных структур и институтов гражданского общества, экономической и социальной сфер, науки и образования, культуры и образа жизни людей. Как подчеркивается в Окинавской Хартии глобального информационного общества¹, информационно-телекоммуникационные технологии становятся важным стимулом развития мировой экономики. Они являются одним из наиболее значимых факторов, обеспечивающих функционирование мировых рынков информации и знаний, капитала и труда.

В условиях глобализации и становления нового международного информационного порядка слова «кто владеет информацией — тот владеет миром», произнесенные почти четверть столетия назад Ф. Бэконом, приобретают качественно новый смысл. Сегодня мы являемся не только пассивными свидетелями, но и зачастую активными участниками процесса формирования и развития рынка информации и знаний как факторов производства в дополнение к традиционным рынкам природных ресурсов. Можно с полной уверенностью говорить о том, что «знание и информация становятся на сегодняшний день одним из стратегических ресурсов государства и общества, ресурсом социально-экономического, технологического и культурного развития. Масштабы этого ресурса стали сопоставимы с использованием традиционных ресурсов, а величина суммарных затрат на него уже имеет макроэкономическую значимость»².

Исторический процесс формирования и накопления знаний, составляющих информационную культуру, получил невидан-

ное ускорение на рубеже XX—XXI вв., когда удвоение объема информации происходит каждые пять лет. Это несоизмеримо с ситуацией доиндустриальной и индустриальной эпох.

В соответствии с концепцией З. Бжезинского, Д. Белла, Э. Тоффлера и других ученых, информационное общество представляет собой разновидность постиндустриального общества. Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники этой концепции связывают становление информационного общества с доминированием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. При этом они утверждают, что капитал и труд как основы индустриального общества уступают место информации и знаниям в информационном обществе.

Т. Стоуньер утверждал, что информацию, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы — самый большой потенциальный источник богатства. В связи с этим необходимо развивать новую отрасль экономики — информационную экономику. Постиндустриальная экономика — это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации³.

Д. Белл писал, что роль сельского хозяйства и промышленности будет неуклонно падать при возрастании значения и расширения сферы информационной индустрии. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением индустриального общества. Три аспекта постиндустриального общества особенно важны для понимания телекоммуникационной революции: переход от индустриального к сервисному обществу; решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций; превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений⁴.

Трудовая деятельность и трудовое поведение людей обусловлены взаимодействием различных внутренних и внешних побудительных сил. Внутренними силами выступают потребности и интересы, идеалы и мотивы, ценности и ценностные

ориентации. Они являются структурными элементами процесса мотивации трудовой деятельности. Под ценностями обычно понимают представления субъекта, общества, класса, социальной группы о главных и важных целях жизни и работы, а также об основных средствах достижения этих целей⁵. Мир ценностей неисчерпаем и многообразен, ибо неисчерпаемы и многообразны потребности и интересы людей. Для различных социальных групп, отличающихся условиями и содержанием труда, профессией, уровнем образования, квалификацией и другими социальными признаками, одни и те же объекты и явления могут иметь разную ценность. Соответственно, и место труда, трудовой деятельности в системе социальных ценностей для различных людей и социальных групп будет различным.

Так, в 2005 г. любимую работу в рейтинге наиболее значимых ценностей респонденты с образованием 8—9 классов поставили на одиннадцатое место (3,6 %), 10—11 классов — восьмое (9,5 %), начальным профессиональным (училище) — девятое (9,2 %), средним профессиональным — седьмое (11,8 %), незаконченным высшим — шестое (14,8 %), высшим — пятое (17,9 %). Таким образом, мы имеем устойчивую взаимосвязь отношения к труду (любимой работе) как ценности и уровня образования. Чем выше этот уровень, тем выше оценивается труд как социальная ценность. Чуть выше значимость любимой работы оценивается людьми, чей среднедушевой семейный доход ниже прожиточного минимума, — шестое место (11,9 %), чем те, чей среднедушевой семейный доход равен или превышает этот минимум, — седьмое место (12,4 %).

Не выявлено существенных (за некоторым исключением) различий в оценке значимости любимой работы по возрастным группам. Респонденты в возрасте от 16 до 24 лет поставили любимую работу на пятое место (14,0 %), от 25 до 34 лет — шестое (15,9 %), от 35 до 49 лет — четвертое (14,0 %), от 50 до 59 лет — пятое (17,7 %), 60 лет и старше — пятнадцатое (3,3 %). Столь низкий показатель значимости труда в возрасте 60 лет и старше вполне объясним. Эта категория лиц относится к экономически неактивному населению и их трудовая деятельность уже в прошлом. В этом возрасте существенно возрастает роль других ценностей — уважение окружающих, спокойная размеренная

жизнь (значимость этих ценностей оценивается гораздо выше по сравнению с другими возрастными группами). Что касается ценности здоровья, семьи и материального достатка, то они (с незначительными вариациями) оцениваются наиболее высоко всеми социально-демографическими группами⁶.

Содержание ценностей зависит от культуры общества, развития его духовности, нравственности и общественного сознания. Формой ценностей являются общественные идеалы — представления о том, какими должны быть общественные отношения и работник. Выполняя связующую роль между настоящим и будущим, идеалы выражают цель деятельности людей, а социально признанные идеалы и ценности определяют индивидуальность личности.

Поведение людей, мотивация их деятельности обуславливаются не только системой ценностей, но и социальными нормами. Они складываются стихийно или устанавливаются сознательно. Ценности задают то или иное направление поведения человека, группы, их мотивацию, а нормы регулируют конкретные поступки, их осмысливают.

Практика преобразований российского общества свидетельствует о том, что рыночная экономика является весьма динамично развивающейся системой экономических отношений. На ход развития передовых стран рыночной экономики сегодня доминирующее влияние оказывают социальные факторы. Их воздействие распространяется на различные сферы общественного развития, изменяет структуру общественных потребностей, видов экономической деятельности, ценностей. Это позволяет говорить об объективной потребности трансформации рыночной в социально ориентированную рыночную экономику⁷. Однако объективная потребность не всегда есть неизбежная практическая реализация. Началу рыночных преобразований всегда характерен спад производства, снижение жизненного уровня и переоценка ценностей. Ранее казавшиеся неизменными представления, ценности и ценностные ориентации уходят в прошлое, начинает формироваться новая система ценностей.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась в начале рыночных преобразований. Так, к началу 90-х гг. были весьма четко зафиксированы более слабые, по сравнению с Западом, достигательные ценности в сфере труда у занятого населения (таблица).

Таблица

Трудовые ценности работающего населения России и стран «Большой семерки», частота выбора, %⁸

Ценность	Частота выбора		
	Россия		Страны «Большой семерки» 1990—1995 гг.
	1991 г.	1995 г.	
Хороший заработок	85	92	75
Интересная работа	68	73	69
Соответствие работы способностям	57	56	61
Удобное время работы	46	47	47
Продолжительный отпуск	45	34	31
Надежное место работы	42	67	63
Работа, уважаемая широким кругом людей	40	48	31
Возможность инициативы	29	29	57
Возможность чего-то достичь	26	40	65
Ответственная работа	20	25	52
Отсутствие чрезмерного давления	20	18	32

Российских работников отличало стремление к хорошему заработку при минимизации трудовых усилий, что принято у нас называть «получать на халяву». Однако к середине 90-х гг. ситуация изменилась. В условиях изменения жизненного пространства региональных социумов и их коммуникационной системы происходящая трансформация охватывает и интегрирует все формы выражения, и в первую очередь статусных позиций различных категорий работников, видов деятельности, локализованных не только территориально, но и профессионально-квалификационно. Если ранее идеальным работником считался «квалифицированный работник — исполнитель», то современная ситуация требует «работника — инициатора, обладающего знаниями». Классическую схему «доставку нужных людей на нужное место и в нужное время» сменяет новая целевая установка: организация эффективного взаимодействия человека и организации⁹.

Таким образом, в условиях глобализации мирового развития и беспрецедентной информационной открытости национальных границ информация становится главным стратегическим фактором в международном соревновании

за использование ее позитивных сторон и минимизацию отрицательных последствий. Естественно, что в этих условиях происходят изменения в статусных позициях различных видов трудовой деятельности. В более востребованном положении оказывается деятельность в сфере информатизации. Активизация международного терроризма, а также рост международной конкуренции обостряют вопросы, связанные с защитой интересов нашей страны, благополучия ее граждан и их конкурентоспособности на различных (региональном, российском, международном) рынке труда. Однако даже первый из названных факторов пока, к сожалению, не стал предметом систематического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Окинавская Хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестн. 2000. № 8. С. 51—56.

² Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 13.

³ Стоунер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 394.

⁴ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 335.

⁵ См.: Козин В. В. Труд в системе ценностей // Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии: Вып. V. Итоги анкет. опроса в 2005 г. / НИИ регионологии; науч. ред. А. И. Сухарев; сост. С. В. Полутин, Е. А. Абрамова, Н. Н. Азисова. Саранск, 2006. С. 156—162.

⁶ Там же.

⁷ См.: Юрьева Т. В. Социальная экономика. М., 2001.

⁸ Магун В. С. Структура и динамика трудовых ценностей российского населения // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М., 2001. С. 432.

⁹ См.: Клопова О. К. Человеческий ресурс как фактор экономического роста // Регионология. 2006. № 4. С. 224—229.

Поступила 16.06.08.

М. В. СИМОНОВА

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Технико-технологическое состояние региональных производственных предприятий формирует определенный уровень требований к качеству основного контингента рабочей силы, который может иметь удовлетворенный спрос и вакантное предложение. Без наличия рабочей силы определенного качества современное производство не может функционировать в заданных параметрах, т. е. необходим некий количественный минимум качественной рабочей силы, способной к осуществлению текущих оперативных планов производства. Этот количественный минимум составляет основное кадровое ядро предприятия, которое выполняет производственную программу по существующим технологиям и с использованием имеющейся в наличии техники. Дальнейший процесс формирования квалифицированной рабочей силы зависит от диверсификации параметров внешней и внутренней среды, определяющих неравномерность распределения качества рабочей силы.

Непрерывное развитие общества ведет к сокращению жизненного цикла товаров и услуг, происходит постепенный переход от ценовой конкуренции к динамичному инновационному производству и технологической конкуренции, когда завоевание потребительских рынков ведется через улучшение эксплуатационных характеристик, дополнительного набора функций, современного дизайна. Совершенствование товаров и услуг ведет к изменению качества жизни, которое невозможно достичь на изношенном оборудовании и с использованием морально устаревшей технологии.

СИМОНОВА Марина Викторовна, доцент кафедры экономики, менеджмента в строительстве Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат технических наук.

Период морального износа техники постоянно сокращается и в последние 15—20 лет наступает через 4—5 лет использования. Если в течение этого периода качество рабочей силы соответствует заданным требованиям, то для организации имеется возможность сохранять конкурентоспособность. По мере морального и физического износа техники и технологий возникает проблема замены устаревшей техники на более прогрессивную, позволяющую выпускать востребованную продукцию. Принятие таких решений возможно только при наличии в высшем управленческом звене предприятия рабочей силы более высокого качества, способной инициировать и реализовать подобную реорганизацию.

Изменившаяся производственная ситуация после внедрения новой техники и технологий требует приведения в соответствие качественного уровня основного кадрового ядра организации и технического уровня оборудования. Такое соответствие может быть достигнуто двумя путями. Во-первых, это обучение имеющегося персонала предприятия новым технологиям, приобретение навыков и компетенций, позволяющих эффективно работать на новом оборудовании; во-вторых, это наем рабочей силы более высокого качества, которая уже имеет опыт работы с подобными технологиями и обладает необходимой квалификацией. Наиболее продуктивен этот процесс будет при условии опережающей подготовки персонала предприятия к предстоящим технологическим изменениям, позволяющим максимально эффективно использовать новые технологические линии и сократить период совместной адаптации технического и человеческого потенциала. На этом этапе качество рабочей силы является следствием научно-технического и инновационного процесса, необходимым условием функционирования производства в новых технологических условиях. Таким образом, качество рабочей силы — движущий момент в процессе развития организации. Можно утверждать, что способность стратегически мыслить, принимать решения и их реализовывать оказывается важной качественной характеристикой рабочей силы, определяющей поступательное развитие трудовой организации и общества в целом.

Высококвалифицированная рабочая сила выделяется из основного ядра квалифицированного персонала на основании имеющегося производственного и личного опыта, под влия-

нием внешних обстоятельств, сложности решаемых задач, уровня ответственности, психофизических и личных качеств. В российских условиях процесс формирования высококвалифицированной рабочей силы в большей степени зависит от личных характеристик индивидуума, когда реализация имеющегося человеческого и трудового потенциала происходит вопреки сложившимся обстоятельствам. В задачу руководства региона, заинтересованного в развитии и увеличении количества высококвалифицированной рабочей силы, должно входить создание условий для развития именно высококвалифицированной рабочей силы.

Большое значение для обеспечения конкурентоспособности предприятия имеет соотношение высококвалифицированной, квалифицированной и профессионально-ориентированной (низкоквалифицированной) рабочей силы. Указанные уровни качества рабочей силы можно условно назвать первой, второй и третьей группой профессиональной квалификации.

Присутствие на рынке рабочей силы различных уровней качества позволяет оптимизировать производство, сочетая различные технологические операции, а также функционировать в инфраструктуре производства. Особенно существенный разрыв в уровнях качества рабочей силы наблюдается в периоды реконструкции и модернизации производства, когда необходимо доводить низший и средний уровень качества рабочей силы до уровня новых технологий и оборудования путем дополнительного образования, профессиональной подготовки и переподготовки.

С высокой долей уверенности можно утверждать, что в настоящее время в России наблюдается преобладание второй и третьей групп, между которыми сохраняется примерное динамическое равновесие и незначительная величина первой группы. Необходимо отметить, что имеются в виду именно качественные характеристики рабочей силы, а не принадлежность к определенной должностной группе. В то же время в развитых странах во второй половине XX в. произошло перераспределение между группами в сторону серьезного увеличения первой и второй групп. Компьютеризация производственной техники привела к созданию гигантских информационных сетей и банков данных, пронизывающих всю экономическую систему, что привело к существенному изменению трудовых функций большинства

работников в сторону высокой интеллектуализации и снижения ручного неквалифицированного труда. К концу 90-х гг. XX в. в экономике США число занятых преимущественно умственным трудом составило почти 60 %, более половины которых — творческие работники. В несколько раз выросло число инженеров, ученых, работников, занятых в области информационных систем и компьютерных технологий¹. Доля работников умственного труда возрастает благодаря увеличению группы работников высшей квалификации, уровню образования и роли в технологическом и общеэкономическом развитии, конторских служащих и управляющих.

Общий тренд в изменении профессиональной структуры в ФРГ также направлен в сторону высокоспециализированных профессий — техников-инженеров, учителей, врачей. Изменение требований к квалифицированной рабочей силе ведет к тому, что почти половина высококвалифицированной рабочей силы используется в соответствии с ее подготовкой. Все больше специалистов вынуждены переучиваться, следовательно, мобильность трудовых ресурсов предполагает наличие наряду с профессиональными знаниями достаточно широкого общего образования, которое делает возможным переобучение².

В России ситуация существенно отличается. Число рабочих промышленно-производственного персонала более чем в три раза превышает число служащих, и это соотношение с 1995 г. изменилось очень незначительно. Данные статистики по Самарской области, занимающей одну из лидирующих позиций в РФ, показывают незначительную тенденцию к сокращению рабочего персонала и увеличению служащих, в том числе инженерно-технического персонала³. Судя по возрастающей численности населения, стремящегося к получению высшего образования, следует ожидать в ближайшие годы существенного увеличения доли лиц с высшим образованием. Сокращается число занятых в экономике со средним профессиональным образованием, что связано с сокращением количества учебных образовательных учреждений среднего профессионального образования и низкой привлекательностью работы после окончания учебного заведения такого уровня. Настораживает тенденция последних лет к увеличению доли лиц без профессионального образования, т. е. имеющих только среднее полное общее образование.

Суммарная доля лиц, занятых в экономике и не имеющих какого-либо специального образования составляет около 30 %, что говорит о низкой потенциальной способности экономики к прогрессу. Здесь необходима более активная работа по профессиональной ориентации молодежи, изменению системы среднего образования на более профессионально-ориентированную. В этой связи необходимо обратить внимание на существенный фактор соответствия полученного образования и сферы деятельности.

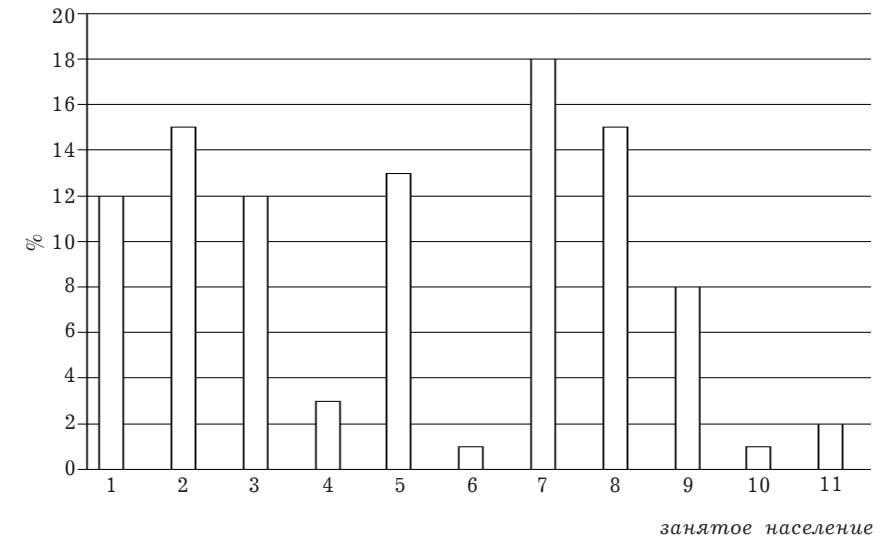
Работник с высшим образованием, выполняющий неквалифицированный труд, не может считаться квалифицированной рабочей силой в силу недоиспользования его человеческого и трудового потенциала. Подобная ситуация наблюдалась практически повсеместно в России в течение 90-х гг. XX в., в переломный период отечественной истории, когда перестройка экономической системы велась непродуманными методами, последствия в разных сферах экономической системы оказались катастрофическими, в том числе и в отношении трудового потенциала.

Похожие тенденции прослеживаются на большинстве предприятий промышленности не только Самарской области, но и других регионов. По нашему прогнозу, численность персонала с высшим и средним специальным образованием будет увеличиваться в силу модернизации оборудования и усложнения технологических операций, когда даже на рабочие места требуются специалисты, владеющие более высокой квалификацией, чем может предложить система начального профессионального образования. Число рабочих с начальным профессиональным образованием, скорее всего, будет уменьшаться, так как сокращаются объемы подготовки в учреждениях начального профессионального образования и уменьшается спрос населения на рабочие специальности. Необходима стратегическая работа государства по коррекции имеющихся тенденций в сторону повышения большей привлекательности рабочих профессий в силу возникновения объективных причин изменения содержания и сущности рабочих мест на современных предприятиях. Серьезные проблемы в промышленности начались задолго до рыночных преобразований, вопросы обеспечения качества продукции строительной индустрии упираются в проблемы, копившиеся десятилетиями, и одной из основополагающих причин является крайне низкая

наукоемкость производств, т. е. качество рабочей силы необходимо повышать именно в этом направлении.

Динамические характеристики качества рабочей силы проявляются при изменении технологического уровня производства. Необходимо иметь в виду, что следует по-разному оценивать динамику качества рабочей силы в различных качественных уровнях. Рабочая сила высшего качества должна оцениваться по способности создавать новое, в то время как на среднем уровне качества рабочей силы, в основном занятой на серийном производстве товаров и услуг, качественные характеристики необходимо оценивать как способность соответствовать данной технике, технологии и оборудованию, производить на нем качественные товары и услуги. В этой категории рабочей силы может наблюдаться тенденция к некоторой переоценке собственной квалификации вследствие достаточно высокого уровня освоения действующей техники, технологий и оборудования, не учитывающая возможную отсталость производства в целом. Это подтверждается социологическими опросами работодателей промышленных предприятий, проводимого ВЦИОМ по заказу Министерства труда РФ⁴. Данные, приведенные в исследовании, показывают, что около 70 % респондентов оценивают уровень работников своего предприятия как высокий и очень высокий. Динамика таких оценок сохраняется и даже возрастает с течением времени. Подобные результаты позволяют усомниться в объективности оценок респондентов, которые являются руководителями предприятий. Имеет место психологическая приверженность к персоналу своего предприятия, оценка собственного вложенного труда и средств в развитие предприятия. Структура занятого населения по положению в профессиональной среде позволяет объективно сопоставить данные опросов и статистические данные. К примеру, распределение по квалификационным группам на территории Самарской области по итогам Всероссийской переписи населения в 2002 г.⁵ подтверждает достаточно высокий уровень общей квалификации занятого населения (рисунок). В приведенной структуре показательно низкое значение доли работников, занятых подготовкой информации и оформлением документации, что говорит о незначительном развитии информационных технологий и использовании их в деятельности предприятий и организаций. Доля работников с высшим уровнем квалификации сопоставима с долей

квалифицированных рабочих, но несколько ниже. Это говорит о слабом потенциале развития и низкой динамичности научно-технического прогресса, который обеспечивается работниками высшей квалификации.

- 1 — руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий;
- 2 — специалисты высшего уровня квалификации;
- 3 — специалисты среднего уровня квалификации;
- 4 — работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием;
- 5 — работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности;
- 6 — квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства;
- 7 — квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр;
- 8 — операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин;
- 9 — неквалифицированные рабочие;
- 10 — занятые на военной службе;
- 11 — лица, неточно указавшие или не указавшие занятия.

Рисунок. Распределение занятого населения Самарской области по положению в занятии (все население, занятое в экономике, принято за 100 %)

Средний возраст в указанных группах колеблется от 35 лет в сфере обслуживания и 37 лет у работников, занятых подготовкой информации, до 40 лет у неквалифицированных рабочих и квалифицированных работников сельского хозяйства, до 41,6 лет у руководящей группы работников. Показательны самые низкие значения среднего возраста по группам обслуживающего персонала и работников, занятых подготовкой информации, т. е. молодежь выбирает именно эти направления сферы профессионального приложения вследствие возможности более высоких заработков, интересной работы. Самые высокие значения среднего возраста у руководящих работников объясняются наличием необходимого опыта для эффективной работы в указанной должностной группе. В целом необходимо отметить достаточно высокие средние показатели по всем профессиональным группам, указывающие на общее старение населения. В обрабатывающих производствах, куда относится и промышленность строительных материалов, самая многочисленная возрастная группа находится в пределах от 40 до 55 лет. Обращает на себя внимание некоторое увеличение состава возрастной группы от 20 до 30 лет, но в пределах от 30 до 40 лет наблюдается существенный провал, показывающий отток молодежи из отрасли в 90-е гг. XX в.

В той экономической ситуации, которая сложилась в Самарской области в начале 90-х гг. XX в., более конкурентоспособными оказывались вновь создаваемые мелкие организации. В стране практически не строились крупные и технически сложные объекты, требующие соответствующей оснащенности производства и наличия квалифицированного персонала. Эта ситуация привела к ограничению возможностей для профессионального роста. Грамотные специалисты или были не востребованы, или оплата их труда не соответствовала уровню квалификации, что вынуждало искать другие возможности для заработка.

В результате к концу 90-х гг. рынок труда стал ориентироваться в основном на строительство и производство строительных материалов и конструкций. При большом количестве фирм, занимающихся строительством и проектированием, а также выпускников строительных вузов, возник дефицит квалифицированных кадров, имеющих достаточный профессиональный и управленческий опыт. На-

копленный в производственной сфере человеческий капитал стал активно изыматься из нее и перераспределяться в непроизводственную — торговлю, посредническую деятельность и т. п. В условиях инфляции подобные сдвиги были связаны с резким сокращением спроса на высокотехнологичную продукцию: со стороны государства он существенно упал, а в частном секторе и сейчас невелик. Пытаясь найти выход из создавшейся ситуации, промышленность и строительство переориентировались на изготовление более дешевой, технически менее сложной продукции, что привело к уменьшению потребности в высококвалифицированной рабочей силе.

Уровень квалификации персонала необходимо оценивать прежде всего по уровню качества выпускаемой продукции. Именно здесь кроются самые большие проблемы. Если в промышленном производстве и научной сфере России производится некоторая часть продукции с высоким уровнем качества, то в сфере услуг качество конечного продукта не соответствует ожиданиям потребителей, что в первую очередь зависит от качества рабочей силы, а не от механизмов, оборудования и технологий.

В экономически развитых регионах страны настораживает ситуация, спровоцированная дефицитом и дороговизной персонала. Рост зарплат опережает производительность труда, способствует необоснованному завышению качества рабочей силы, не соответствующему реальности. Отчасти процесс постоянного повышения уровня оплаты труда связан с восстановлением уровня жизни людей. Однако рост зарплат, не подкрепленный повышением производительности труда, оказывается сдерживающим фактором развития экономики. При наличии темпов роста ВВП России в 5—7 % рост производительности труда должен опережать эти цифры примерно в два раза, чего не происходит. Экстенсивное развитие многих предприятий, наращивающих объемы продукции за счет насыщения и расширения рынков сбыта, сталкивается с трудностями, связанными с ростом стоимости рабочей силы. Неэффективное использование рабочей силы становится все более затратным для промышленности. Изменение структурного спроса на квалифицированную рабочую силу показывает тенденцию к переходу от экстенсивного пути развития к интенсивному.

Разработка программы развития регионального строительного комплекса предполагает научно обоснованную систему прогнозных показателей, которые могли бы быть использованы для долгосрочной прогнозной оценки результатов и затрат. Здесь преимущество следует отдать натуральным или условно-натуральным измерителям, позволяющим дать наиболее объективную оценку структурно-динамическим процессам на длительный период. Такими показателями прежде всего должны быть технико-экономические, в числе которых энергоёмкость, энерговооружённость, энергооснащённость; трудоёмкость; материалоемкость; фондоемкость, машиноёмкость, станкоемкость; наукоёмкость, инвестиционная ёмкость, водоемкость, плошадоемкость, транспортноемкость и др. В числе результирующих показателей могли бы стать «чисто» экономические показатели — удельные экономические показатели на одного работающего или на единицу ресурса. Применение только стоимостных показателей может привести к принятию ошибочных решений и во многом исказить ожидаемый результат.

В промышленности строительных материалов по многим видам строительных материалов не полностью используются производственные мощности предприятий. Наиболее важной характеристикой потенциала технологического развития предприятия (организации) является динамика коэффициента качества технологии строительства ($K_{стр.техн.}$), который может определяться по формуле:

$$K_{стр.техн.} = \sqrt[8]{K_{инф.рес.} \times K_{мат.} \times K_{обор.} \times K_{НИОКР} \times K_{р.с.} \times K_{эн.} \times K_{т.п.} \times K_{м.д.}}$$

где $K_{инф.рес.}$ — качество информационных ресурсов;

$K_{мат.}$ — качество материалов;

$K_{обор.}$ — качество оборудования;

$K_{НИОКР}$ — качество научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;

$K_{р.с.}$ — качество рабочей силы;

$K_{эн.}$ — качество энергоносителей;

$K_{т.п.}$ — качество технологической подготовки;

$K_{м.д.}$ — качество маркетинговой деятельности.

В связи с этим требуется высокий профессиональный уровень ученых-экспертов при выборе показателя для проведения прогнозных оценок стратегических программ. Ор-

ганизация экспертизы программ стратегического значения предполагает привлечение не только отечественных ученых, но и зарубежных, интеллектуальный потенциал которых может существенно сократить многочисленные хозяйственные риски в масштабе отечественной экономики. В странах Запада, США и Японии широко используются результаты научных исследований, полученных на основе информации о космическом пространстве, когда есть данные, относящиеся к глобальным изменениям температурных и других важных параметров. В России также имеются научные разработки такого рода, но масштабы их применения пока незначительны. Во многом этому мешают негативные последствия ведомственного происхождения, когда информационные ресурсы не могут быть объектом использования государственных структур в интересах всего населения страны. Ситуация постепенно положительно меняется, но в строительном комплексе мало внимания уделяют вопросам повышения информационного потенциала, масштабы которого в целом достаточно значительны.

Изложенные предложения могут способствовать улучшению использования трудовых ресурсов в такой важной отрасли экономики региона, как строительный комплекс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Платонов О. А. Повышение качества трудовой жизни. Опыт США. М., 1992.

² Крупчатникова В. В., Тесля П. Н. Некоторые аспекты использования рабочей силы в условиях НТП (США, Японии, ФРГ). Технологический прогресс и экономическое развитие: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1991. С. 228—246.

³ Самарский стат. ежегодник — Самара, 2007.

⁴ Петрова И. Потребность в рабочей силе и профессионально-квалификационный уровень работников на предприятиях промышленности // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 21—25.

⁵ Самарский стат. ежегодник...

Поступила 05.02.08.

Е. В. МОЗЕРОВ

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЖИЛИЩНО-ИПОТЕЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНЕ

Роль ипотеки как локомотива развития экономики подтверждается опытом стран с развитыми рыночными механизмами. Ее главное достоинство состоит в исключительной способности мобилизовать ресурсы населения в инвестиционных целях. Мировая практика показывает, что недвижимость и сбережения населения являются наиболее устойчивыми инвестиционными ресурсами. В результате постсоветских реформ граждане России стали собственниками жилья и другого недвижимого имущества, которое в своей основной массе пока еще остается в состоянии омертвленного капитала. Даже в экономически активных регионах доля долгосрочных вложений инвестиционных ресурсов в жилищное кредитование остается весьма скромной, составляя 2—3 % в общем объеме кредитных вложений¹. В связи с этим важнейшей задачей государства стало выведение недвижимости из этого состояния, создание необходимых условий для ее вовлечения в оборот. Формирование устойчивой и привлекательной для граждан системы ипотечного жилищного кредитования — одно из приоритетных направлений социально-экономической политики государства. Между тем залог недвижимости пока не получил широкого признания в российском обществе, зачастую воспринимается как признак неблагополучия, вынужденная мера, самоограничение с непредвиденными последствиями. К сожалению, подобные настроения подкрепились в настоящее время мировым финансово-экономическим кризисом, поразившим и Россию.

Поскольку собственно российский опыт ипотечных отношений за советские годы был утрачен, апробированным

МОЗЕРОВ Евгений Валентинович, аспирант отдела общественно-политических исследований НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

материалом становления нормативно-правовой основы ипотеки, несмотря на отсутствие в стране благоприятных условий в 90-е гг. XX в., явилась зарубежная практика. В перестроечное время, когда государственный бюджет перестал быть главным источником жилищного строительства, а его доля во вновь вводимом жилье сократилась к концу 90-х гг. до 9 %, при общем сокращении вновь вводимого жилья в 2 раза², ипотека приобрела значение наиболее перспективной в решении жилищной проблемы.

Основополагающими источниками формирования государственной региональной ипотечной системы стали Гражданский кодекс РФ, закон от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге имущества)», а также «Концепция развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации», утвержденная Постановлением Правительства РФ № 28 от 11 января 2000 г. «О мерах по дальнейшему развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации», в соответствии и во исполнение которого был издан Указ Главы Республики Мордовия от 23 марта 2000 г. № 30 «О мерах по дальнейшему развитию жилищного строительства в Республике Мордовия». Постановлением Правительства РФ от 28 августа 2002 г. № 638 была утверждена программа «Жилище на 2002—2010 гг.» с подпрограммой «Обеспечение жильем молодых семей». В качестве долгосрочной перспективы и государственной стратегии в названных документах определяется развитие рыночных механизмов обеспечения жильем; предусмотрено также расширение масштабов строительства жилья с использованием механизма ипотечного кредитования, нацеленного на повышение доступности жилья для широких слоев населения, предполагается создание условий для комплексного использования собственных средств граждан, государственных безвозмездных субсидий и кредитных ресурсов коммерческих банков. Для этого требовалось гармоничное сочетание рыночных и социальных инструментов решения жилищных проблем с тем, чтобы в итоге довести режим ипотечной системы до уровня самофинансирования.

Особенностью ипотечной политики в Мордовии является то, что она изначально приобрела социальную направленность. Поэтому особое внимание в Мордовии в силу остроты жилищной проблемы и низкой платежеспособности основной массы населения, уделено созданию условий для удовлетворения

потребностей в жилье малообеспеченных слоев населения. Во исполнение Указа Главы РМ от 23 марта 2000 г. № 30 Постановлением Правительства РМ от 21 февраля 2002 г. № 87 было утверждено Положение о государственной поддержке граждан — участников льготного ипотечного жилищного кредитования. Постановлением устанавливались категории лиц, имеющих право на государственную поддержку в жилищном строительстве и льготное ипотечное кредитование для приобретения жилья. Это специалисты остродефицитных профессий, молодые специалисты, молодые семьи, работники бюджетной сферы, жители села, многодетные семьи, члены жилищно-строительных кооперативов, образованных в 1991—1992 гг., неполные семьи, имеющие несовершеннолетних детей; семьи, проживающие в общежитиях не менее 5 лет, одинокие женщины старше 35 лет, иные граждане, имеющие по действующему законодательству право на льготы, но не использовавшие это право. При этом названные категории граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, должны иметь ежемесячный доход на одного члена семьи не превышающий более, чем в полтора раза прожиточный минимум, установленный в Мордовии, и иметь ежемесячный совокупный доход, позволяющий осуществлять ежемесячные платежи по льготному ипотечному жилищному кредиту. Обязательными условиями предоставления субсидии устанавливались целевое использование ипотечного жилищного кредита и самостоятельная выплата первоначального взноса на строительство и приобретение жилья.

В последующие годы условия государственной поддержки существенно менялись по мере накопления правоприменительного опыта. Так, в Постановление Правительства РМ от 21 февраля 2002 г. за 2002 г. были трижды внесены изменения (от 5 июня, 12 августа, 4 ноября), за 2003 г. изменения вносились дважды (от 6 августа и 20 октября), дважды (от 17 марта и 25 июля) в 2006 г. Постановлением администрации городского округа Саранск от 13 августа 2003 г. № 442 установлен 5 % предел ставки годовых на товарные кредиты и займы, выделяемые из республиканского бюджета сроком погашения до 20 лет. В отношении членов жилищно-строительных кооперативов, образованных в 1991—1992 гг., вводилось уточнение: имеют право на получение безвозмездной субсидии в размере 15 % стоимо-

сти приобретаемого жилья в пределах социальной нормы площади жилья, причем только те члены, которые внесли и сохранили на расчетных счетах указанных кооперативов собственные средства в сумме не менее 30 % стоимости приобретаемого жилья. Ряд нормативных документов оказался неудачным из-за невозможности их применения (например, Закон РМ от 2 октября 2000 г. № 38-3 «Об ипотечном жилищном кредитовании в Республике Мордовия», Закон РМ от 25 декабря 2001 г. № 57-3 и от 17 октября 2002 г. «О внесении изменений в данный закон»)³.

В соответствии с новым Жилищным кодексом РФ Законом РМ от 1 июля 2005 г. № 57-3 «О правовом регулировании жилищных отношений в Республике Мордовия» устанавливался порядок признания граждан малоимущими, как условия постановки их на учет и предоставления на этом основании им жилых помещений муниципального жилищного фонда по договорам социального найма. Государственными полномочиями по ведению учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, наделялись по этому закону органы местного самоуправления. Порядок учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и имеющих право на государственную поддержку в строительстве и приобретении жилья, определялся Правилами, утвержденными Постановлением правительства РМ от 25 августа 2005 г. № 335. Постановка на учет дает гражданину, нуждающемуся в улучшении жилищных условий, право на государственную поддержку в строительстве или приобретении жилья. Финансовое обеспечение этих полномочий осуществляется за счет субвенций органам местного самоуправления из республиканского бюджета и обеспечения муниципалитетов необходимыми для осуществления государственных полномочий материальными ресурсами.

Несмотря на достаточно конкретизированный порядок определения доходов граждан заинтересованных в улучшении жилищных условий и социальной поддержке, не исключена возможность ошибок, если учесть, что значительной остается доля нелегализованных доходов, не поддающихся учету, а стоимость имущества у заинтересованных граждан определяется на основании данных налоговых органов, органов по регистрации имущественных прав, органов технической инвентаризации, Управления Федерального агентства кадастра

объектов недвижимости по РМ (ст. 44 п. 4. Закона РМ от 1 июля 2005 г. № 57-3). Правоприменительная значимость нормативных документов снижалась чрезмерным увлечением законодателей формулировками рекомендательного и виртуального толка.

В соответствии с Постановлением Правительства РМ от 25 июля 2006 г. № 321 средняя рыночная стоимость одного квадратного метра общей площади жилья по республике для расчета размеров безвозмездной субсидии определяется Правительством РМ. В процентном выражении предусмотрены суммы погашения льготного ипотечного кредита за первого и каждого последующего ребенка. Рождение первого ребенка дает право молодым семьям на льготный ипотечный кредит. При рождении второго ребенка общая сумма льготного ипотечного кредита погашается на 10 %. При рождении третьего, четвертого и пятого погашение составляет 20 % на каждого из них. При рождении седьмого ребенка общая сумма кредита погашается полностью. Аналогичный порядок погашения ипотечного кредита распространяется на семьи, имеющие на иждивении двух и более детей до 18-летнего возраста. Ставка процента по ипотечному жилищному кредиту социально дифференцирована (она вдвое повышается на жилплощадь сверх установленной нормы).

Хозяевам ссуд разрешалось предоставлять ссуду или безвозмездную субсидию за счет собственных средств своим работникам, подпадающим под режим льготного кредитования, для внесения первоначального взноса на строительство или приобретение жилья, в размере до 30 % стоимости приобретаемого жилья. Для жителей села, работников сельскохозяйственных организаций доля субсидии и ссуд устанавливалась в размере 50 % стоимости приобретаемого жилья. На оставшуюся часть стоимости приобретаемого жилья сельским жителям может предоставляться открытым акционерным обществом «Мордовская ипотечная корпорация» льготный ипотечный жилищный кредит.

Стимулирующую роль играет для заемщиков право досрочного погашения кредита, означающее, что риск досрочного погашения возлагается на банки (в западных странах — только на заемщика). Следует также отметить, что в случае изменения процентной ставки по кредитному договору в сторону увеличения, перерасчету подлежит сумма

процентов, подлежащих уплате гражданином самостоятельно, в то время как сумма субсидии, предоставляемая из республиканского бюджета РМ, остается неизменной (Положение «О порядке предоставления из республиканского бюджета Республики Мордовия гражданам — заемщикам ипотечных жилищных кредитов, субсидий на уплату части аннуитетного платежа», утвержденного Постановлением правительства РМ от 21 декабря 2004 г. № 468).

Субсидии предоставляются в пределах социальной нормы общей площади жилья, определенной для семей разной численности Постановлением Правительства РМ от 19 июня 2006 г. № 250 следующим образом: для одиноко проживающих граждан — 33 м² общей площади жилого помещения, для семьи из двух человек — 42 м², от трех до пяти человек — 100 м², от шести и более человек — по 18 м² общей площади жилого помещения на каждого члена семьи.

Государственная политика реформирования жилищной сферы, направленная на разработку механизмов повышения доступности жилья, касается прежде всего молодого населения республики. Поддержка молодых семей в улучшении жилищных условий является важнейшим направлением региональной жилищной политики. Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» республиканской целевой программы „Жилище на 2002—2010 гг.“ предусматривает субсидии в объеме 40 % стоимости жилья (30 % из федерального и 10 % из республиканского бюджетов) без уплаты первоначального взноса, с предоставлением 5 % кредита со сроком погашения, равным 27 годам. В действительности выделяемые субсидии в совокупности, по данным Государственного комитета по делам молодежи при Правительстве РМ, являющегося исполнителем подпрограммы, составляют 60 % стоимости приобретаемого жилья⁴. О выгоде льготной ипотеки свидетельствует и тот факт, что плата за снимаемое в частном порядке жилье и выплаты за ипотечное жилье примерно одинаковы.

Разумеется, государственную поддержку малообеспеченным слоям населения нельзя рассматривать только в сугубо благотворительном аспекте. Строгими являются правовые установки в ряде законов о выселении несостоятельного должника в случае обращения взыскания на заложенное жилое помещение. Это наиболее болезненный для заемщиков вопрос,

который до настоящего времени до конца не отрегулирован. Закон РМ от 26 ноября 2003 г. «О государственной поддержке жилищной ипотеки в Республике Мордовии» устанавливал максимальный срок проживания в жилых помещениях из резервного фонда жилья равным одному году. Каким образом будет защищено конституционное право незадачливого заемщика по истечении срока временного проживания в жилье из резервного фонда, остается без ответа. Кроме того, хотя о необходимости создания Резервного фонда жилья было заявлено еще в указе Главы РМ от 23 марта 2000 г. № 68-З, до сих пор такой фонд в республике, равно как и в большинстве регионов России, не создан. В результате получается, что обращение взыскания на заложенное жилое помещение может быть реализовано только в случае наличия у несостоятельного задолжника альтернативного жилья.

За последние годы интерес граждан к ипотеке заметно возрос. Об этом свидетельствуют данные Мордовской ипотечной корпорации. За 2002—2005 гг. средства населения, вложенные в жилищное строительство, увеличились с 23 до 57 млн руб., правда, снизившись в 2006 г. до 47 млн.⁵ Наряду с этим по России отмечается тенденция к сокращению вводимой жилплощади. В 2005 г. снижение объемов жилищного строительства произошло в 25 регионах России. В Москве он был нулевым, в ПФО составил 8,5 %⁶. По некоторым прогнозам, при таких темпах жилищного строительства на достижение европейского уровня потребуется 161 год⁷. Маломощность строительной индустрии является главной причиной роста цен на жилье, что еще больше затрудняет решение проблемы обеспечения нуждающихся граждан доступным жильем. В условиях нарастания разрыва между спросом на жилье и его предложением, проводимое в последние годы снижение процентных ставок на кредит, как это ни парадоксально, иницируя спрос, подтолкнуло рост цен. Если в российской экономике, по данным на 2006 г., рост цен составил 11 %, в строительстве он достиг 40 %⁸, что значительно превысило рост номинальной зарплаты⁹. Дорожает жилье и в связи с высоким удельным весом импортных строительных материалов. Кроме того, следует учитывать, что далеко не каждая семья способна выдержать обязательства по ипотеке даже на льготных условиях, что требует активных действий по развитию строительства социального жилья.

Однако показатели ввода жилья по Республике Мордовия достаточно оптимистичны. В 2002 г. они составили 9 517 кв. м, 2003 г. — 15 731 кв. м., 2004 г. — 36 614 кв. м, 2005 г. — 40 000 кв. м, 2006 г. — 80 544 кв. м.¹⁰ За указанный период количество введенных в эксплуатацию квартир увеличилось в 9 раз, объем средств, направленных на жилищное строительство, возрос в 11 раз¹¹. Опыт Республики Мордовии — одно из подтверждений того, что рынок ипотеки перестает быть только столичным явлением; он становится все более региональным. Однако главным источником инвестиций в строительную индустрию в Мордовии по-прежнему остается госбюджет. Инициатива частного сектора в этой сфере явно недостаточна. Создание благоприятного инвестиционного климата в строительной индустрии — важнейшая задача государственной политики по насыщению жилищного рынка и решению проблемы доступного жилья. Есть основания полагать, что трудности, возникшие ныне в системе банковского кредитования, носят временный характер и при мощной поддержке государства будут успешно преодолены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Продолятченко П. А.* Трансформация сбережений населения в инвестиции // *Деньги и кредит.* 2007. № 2. С. 66.

² См.: Концепция развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации. Приложение к Постановлению Правительства РФ от 11 января 2000 г. № 28 // *Ипотечное кредитование жилья.* Новейшие законодательные нормативные акты. Вып. № 8. 2000 г. М., 2000. С. 73.

³ См.: Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия. 2001. № 5—7; 2002. № 15—17; *Изв. Мордовии.* 2002. 22 окт.

⁴ Текущий архив Государственного комитета по делам молодежи при Правительстве РМ (ТАМЭ РМ).

⁵ ТАМЭ РМ.

⁶ *Куц А.* Особенности ипотеки переходного периода // *Банковское дело.* М., 2006. № 9. С. 24.

⁷ *Лазарева Л. Б.* Что влияет на развитие ипотечного жилищного рынка // *Банковское дело.* 2006. № 11. С. 39.

⁸ *Сокол П. В.* Ипотечное кредитование жилья: некоторые проблемы правового регулирования // *Адвокат.* 2007. № 3. С. 32.

⁹ См.: *Труд и занятость в Мордовии в 2000—2004 гг.* Бюлл. № 700. Саранск, 2005. С. 25.

¹⁰ ТАМЭ РМ.

¹¹ Там же.

Поступила 07.12.07.

И. Г. ЮЛЕНКОВА

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Феномен социальной идентичности сегодня — предмет многих дискуссий и обсуждений¹. Социальная идентичность личности определяется как соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как «свой», по отношению к которым он тяготеет по ряду признаков. Это гендер, семья, религия, этнос, профессия и т. п. Каждый индивид, обладая несколькими социальными идентичностями, выстраивает их иерархию. Это создает в сложных обществах проблему индивидуальной идентичности или «самости», т. е. интеграции и иерархизации разных социальных ролей индивида в его самосознании.

При анализе идентификационного процесса многие авторы отдают предпочтение термину «идентификация», критикуя статичность термина «идентичность»². Соглашаясь с мнением, что идентификация охватывает динамические, процессуальные аспекты формирования идентичности, считаем, что идентичность также является изменяющимся и динамичным явлением, формируемым в процессе социализации личности. Отличительная черта этих феноменов состоит в том, что идентификация является процессом, а идентичность — его результатом, причем не являющимся зафиксированным и неизменным в течение жизни человека.

Концепция социальной идентичности в современной социальной науке постоянно подвергается пересмотру, одновременно становясь все более значимой для описания социальных процессов, происходящих в современных трансформирующихся обществах. Процессы глобализации социального, культурного, политического и экономического пространства

ЮЛЕНКОВА Ирина Геннадьевна, соискатель кафедры социологии Мордовского государственного университета.

ведут к росту неопределенности в процессе приспособления отдельных индивидов и групп к меняющейся социальной действительности. Глобализация и связанное с ней распространение информационных технологий заметно интенсифицирует общение между людьми, навязывает им новые социальные роли. В результате индивиды в той иной мере включаются в новые отношения и новые общности, присваивая себе новые статусы, что приводит к переоценке ценностей и, как следствие, изменениям прежней идентичности.

Процесс социально-экономических преобразований в стране также породил новые условия жизни населения и вместе с тем значительную его дифференциацию. Наиболее явными стали проблема резкого усиления дифференциации в доходах, а также стремительное имущественное расслоение. На первый план выдвинулся комплекс проблем, связанных с трансформацией социальной структуры, изменением положения всех социальных групп и слоев населения.

Проблема идентичности актуализируется и в региональном контексте. Современные концепции региона рассматривают его как особую социальную реальность, устойчиво закрепляя научные представления о региональном социуме как системе среднего уровня³. Каждый регион можно представить как некоторую общность, имеющую свою специфику. Регион характеризуется своеобразием природных условий, этнорелигиозным составом населения, его традициями, социальной инфраструктурой, количеством и структурой рабочих мест, уровнем и качеством жизни различных слоев населения.

Одна из определяющих закономерностей развития российского общества — тенденция региональной дифференциации, которая имеет глубокие объективные основания. Расположенная в девяти часовых поясах практически во всех природно-климатических зонах, с огромным различием наборов природно-сырьевых ресурсов и их освоенности, населенная множеством этносов, достаточно типичных и уникальных конфигураций поселенческо-расселенческих структур, различающихся не только по уровню социальной освоенности, но и по показателям плотности, Россия объединяет множество региональных сообществ в особых условиях жизнедеятельности каждого из них. Региональная дифференциация страны значительно усилилась в процессе социетальной трансформации. Распад СССР, «суверенизация» отдельных

субъектов РФ, разрушение межрегиональных социально-экономических связей, усиление националистических тенденций явились существенными факторами углубления диспропорций в положении регионов, дезинтеграции их в общероссийском пространстве. Лишь в последнее время удалось несколько стабилизировать социально-экономическую и политическую ситуации в стране и приостановить процесс дезинтеграции регионов⁴.

В обыденном представлении региональная идентичность проявляется в формировании определенной системы ценностей и норм поведения его жителей. Внимание исследователей, как правило, сфокусировано на вопросах идентичности относительно геополитических факторов, при этом не затрагивается проблема влияния региональных условий на идентичность индивидов или групп. Факторами влияния могут выступать, например, социально-экономический, культурный, этнический и др.

В условиях трансформации российского общества различные социально-профессиональные группы вынуждены адаптироваться к новым условиям. Сегодня наемный работник, ориентируясь на требования новой среды, придерживается тех социальных норм, правил и образцов поведения, которые позволяют ему выжить, добиться благополучия в изменившемся обществе. В современных условиях профессия предъявляет высокие требования к личности, предполагает наличие таких качеств, как коммуникабельность, креативность, амбициозность, энергичность и т. д. Кроме того, профессионал должен обладать такими навыками и умениями, как высокий уровень информационной культуры, активно проявлять творческий потенциал личности, стремиться к инновациям и др.

Необходимо отметить, что произошедшие в стране изменения существенно повлияли на деятельность профессионалов, занятых умственным трудом. Изменились требования и к профессиональной деятельности преподавателя высшей школы. Глубинные изменения в современном обществе предполагают реализацию в образовательной сфере таких базисных ценностей личности, как самореализация, жизнетворчество, культурная идентификация, индивидуализация и т. д. При этом одной из важнейших ценностей становится самоидентификация личности⁵.

Идентичность преподавателя вуза в современных условиях связывается с определенным состоянием личности, уровнем ее развития, который задает профессия и к которому стремится вся профессиональная группа. Современный преподаватель, являясь носителем новых знаний, полученных в процессе научно-исследовательской деятельности, должен не только уметь их передавать, но и научить их применять. Это одна из существенных проблем, с которой сталкиваются современные вузы.

Социальные изменения вызвали преобразования в идентификационных механизмах и иерархиях формирования идентичностей отдельных профессиональных групп. Таким образом, можно говорить об уровнях идентификации личности которые выступают основанием для идентификационной иерархии: гражданской, региональной, профессиональной, социально-групповой и т. д.

В 2008 г. нами проведен анкетный опрос преподавателей вузов Республики Мордовии. Основной целью исследования было определение составляющих социальной идентичности преподавателей вузов региона и проблем ее формирования. В опросе принимали участие преподаватели Мордовского государственного университета (N = 300), Мордовского государственного педагогического института (N = 150), Саранского кооперативного института Российского университета кооперации (N = 65) и филиалов других вузов (N = 23). Объем выборочной совокупности был распределен пропорционально выбранным объектам и составил 538 чел. основного штатного профессорско-преподавательского состава.

Основными социально-демографическими характеристиками являлись пол, возраст, образование, семейное положение. В выборке представлены: 36,6 % мужчин и 63,4 % женщин; 24,6 % в возрасте до 30 лет, 35,1 % — от 31 до 40 лет, 19,7 % — от 41 до 50 лет, 20,6 % — от 51 и старше; имеют степень кандидата наук — 69,1 %, доктора наук — 8,9 %; имеют ученое звание доцента — 42,2 %, профессора — 8,1 %; состоят в браке — 65,9 %, не состоят в браке — 23,0 %. Были выявлены показатели профессиональной, региональной, этнической и религиозной идентичности опрашиваемых.

Данные опроса показывают, что профессиональное общество на уровне Республики Мордовия достаточно однородно. Значения полученных показателей в целом схожи по

вузам, а порядок приоритетов во всех вузах практически совпадает.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос об их принадлежности к различным социальным общностям. Каждый мог выбрать несколько вариантов (не более 3) социальной самоидентификации из 9 возможных. Распределение полученных ответов свидетельствует о том, что большинство опрошенных объединяет «сильная» идентичность со страной, но в то же время присутствует и локальная идентичность. Преподаватели идентифицируют себя в первую очередь с гражданами России, во вторую — с представителями определенной профессии, в третью — с жителями Республики Мордовия. Таким образом, можно говорить о ярко выраженной гражданской, профессиональной и региональной идентичности у преподавателей вузов.

Важным фактором самоидентификации преподавателей, которая не зависит от пола и возраста, выступает их гражданская идентичность. Основным ее смысл — единение со страной и обществом. По данным общероссийского исследования, проведенного ИКСИ РАН в 2004 г., значительная часть россиян (как в мегаполисах (45,4 %), так и в провинциальных городах (51,4 %)) идентифицируют себя в первую очередь с гражданами России⁶. Поэтому отнесение преподавателями себя в первую очередь к гражданам России отражает общероссийскую тенденцию.

Данные нашего исследования свидетельствуют, что профессиональная идентичность занимает также одно из лидирующих позиций (2-е место). Эта тенденция прослеживается независимо от пола респондентов. Следует отметить, что в настоящее время профессия стала универсальным социальным институтом, а принадлежность к профессиональной группе — главным средством социальной идентификации. Показателями профессиональной идентичности выступают значимость для человека профессии и профессиональной деятельности как средства удовлетворения своих потребностей, развитие своего индивидуального потенциала, творческая самореализация. Следует отметить, что большинство опрошенных (68,9 %) указало, что интерес к преподавательской деятельности повлиял на выбор ими этой профессии; 59,2 % выбрали преподавательскую деятельность из-за ее творческого характера; на 20,1 % повлияло призвание к этой деятельно-

сти; 19,2 % указали на социальную значимость деятельности преподавателя.

Основой для мотивированной трудовой деятельности является призвание к тому или иному роду занятий, т. е. наличие соответствующих склонностей, способностей. Такая самооценка особенно важна, когда речь идет о научно-педагогической сфере. По данным опроса, 95,5 % преподавателей уверены в том, что у них есть призвание к научно-педагогической деятельности. Только 2,3 % указывают на их отсутствие (2,2 % затруднились ответить на вопрос). Более трети (36,5 %) опрошенных в полной мере осознали себя преподавателем вуза в течение первых 3 лет профессиональной деятельности. Эти оценки свидетельствуют о высокой степени осознанности преподавателями своего призвания к научно-педагогической деятельности, что явилось фактором идентификации со своей профессией. Эта тенденция подтверждается и тем, что более половины из них (79,4 %) отметили, что если бы они снова начали свою трудовую деятельность, то выбрали бы профессию преподавателя вуза.

Анализ показателей позволил выявить изменения в зависимости от возраста и ответить на вопрос «Становится ли идентификация с той или иной группой более привлекательной по мере созревания-старения или же теряет свою привлекательность?». Оказалось, что чем моложе опрашиваемые, тем более чаще отмечается идентификация с представителями определенной профессии. Высок процент этого показателя в группе от 31 до 40 лет (58,3 %) и до 30 лет (55,5 %). Несколько он ослабевает в старших группах от 41 до 50 лет (47,1 %), от 51 и старше (47,7 %).

В качестве идентификационного индикатора был выбран показатель принадлежности преподавателей к классу интеллигенции, к которой традиционно в России относили себя люди умственного труда, имеющие, как правило, высокий уровень культурного развития. Следует отметить, что в старшей возрастной когорте (от 51 и старше) принадлежность к группе интеллигентов наиболее высока (50,5 %), тогда как в более молодых группах эта идентификация менее выражена (от 41 до 50 лет — 41,2 %, от 31 до 40 лет — 33,2 %, до 30 лет — 23,4 %). Таким образом, можно утверждать, что в современном обществе принадлежность к интеллигенции

теряет свою привлекательность для молодежи. В новых поколениях россиян, жизненные ориентиры которых формируются в постсоветский период, ослабевают ценности, присущие интеллигенции. Поэтому образ жизни интеллигентов не является привлекательным как раньше.

Социальные идентичности как и личностные самоидентификации существенно зависят от социального статуса. Экономическое положение в стране за последнее десятилетие существенно повлияло на изменение социального статуса преподавателей вузов. Он значительно изменился и с точки зрения их позиции в рамках социальной системы общества. Существует мнение о том, что за последние десятилетия произошло падение престижа научно-педагогической деятельности. Говоря о престижности работы преподавателя, часто упоминают его относительно низкую зарплату. Однако, по мнению большинства преподавателей, их деятельность характеризуется нематериальными параметрами, а творческим характером работы, общением с интересными людьми и др. Так, 60,2 % преподавателей считают, что их профессия в настоящее время престижна. Большая часть преподавателей (67,3 %) удовлетворена своим социальным статусом (вполне удовлетворены 16,9 % опрошенных, скорее удовлетворены своим положением 50,4 %).

Показателем социального статуса преподавателя как и любой профессиональной группы является его положение в социальной структуре общества. В настоящее время преподаватели вузов не относятся к числу высокооплачиваемых работников. Тем не менее, более половины опрошенных преподавателей (51,4 %) заявили, что относят себя к среднему слою, 16,3 % — находятся между высшим и средним, 18,8 % — между средним и низшим (2,8 % относят себя к высшему слою, элите). К низшему слою отнесли себя 3,4 % респондентов. Таким образом, данные отражают преимущественную идентификацию преподавателей со средним слоем. Причем этот показатель мало зависит от возраста.

Заметная разница фиксируется только в двух возрастных когортах: среди преподавателей в возрасте до 30 лет, больше идентифицирующих себя со средним слоем (57,7 %), чем среди поколения от 31 и старше (42,1 %). Высокая позиция в стратификационной самоидентификации молодого поколения свидетельствует о том, что идентичность фикси-

рует не столько место человека в социальном пространстве, сколько ресурс его перемещения в нем, оценить который можно лишь сопоставляя свои возможности с возможностями других. Отождествление с социальным слоем — это определение возможных перспектив продвижения в новом социальном пространстве. В данном случае молодежь имеет больше шансов и перспектив, чем старшее поколение. Молодые преподаватели адекватно характеризуют средний класс и желают себя видеть представителями этого класса, что является показателем активности их жизненной позиции.

Как показывают общероссийские исследования, именно в профессионально-трудовой сфере наблюдаются самые существенные отличия среднего класса от остальных слоев⁷. Представители среднего класса чаще всего выделяют своих коллег и свои «профессиональные сообщества» в качестве близких групп, чаще называют себя представителем определенной профессии (в среднем классе выбрали самохарактеристику «Я — представитель своей профессии» 37 %, в массовых слоях — 27 %). В данном случае самоидентификация с профессией указывает на важность для среднего класса его профессионального ресурса. По данным нашего исследования, более половины опрошенных (55,1 %), идентифицирующих себя со средним слоем, также относят себя к представителям определенной профессии.

Таким образом, идентификация преподавателя вуза в современных условиях отражает его принадлежность к социальной группе. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что одно из лидирующих позиций принадлежности к социальной группе занимает профессия. Интерес к своей работе, творческий характер деятельности настолько значимы, что служат основными причинами, по которым преподаватели продолжают оставаться в своей профессии, несмотря на трудности периода социальных изменений. Важным является и мнение о том, что преподаватель вуза, имея соответствующее образование и высокий интеллектуальный потенциал, может идентифицировать себя со средним классом.

В целом представляется достаточно обоснованной для отечественной социологии значимость изучения проблемы идентификации преподавателя вуза в региональном социуме, открывающей интересные исследовательские перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Волков Ю. Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // Социол. исслед. 2006. № 7. С. 13—22; Гришшина Е. А. Научная интеллигенция: противоречия социальной идентификации // Социол. исслед. 2008. № 3. С. 60—70; Adarves-Yorno I., Postmes T., Haslam S. A. Social identity and the recognition of creativity in groups // British of social psychol. Leicester, 2006. Vol. 45. № 3. P. 479—497.

² См.: Арутюнова Е. М. Российская идентичность в представлениях московских студентов // Социол. исслед. 2007. № 8. С. 77—85; Козырева П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социол. исслед. 2008. № 8. С. 29—39.

³ См.: Берендеев М. В. Постсоветская региональная идентичность социума Калининградской области: проблема формирования и измерения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2007. № 3. С. 29.

⁴ См.: Маркин В. В. Диалог с регионами: опыт анализа // Социол. исслед. 2008. № 7. С. 129.

⁵ См.: Гомза Т. Преподаватель: проблемы самоидентификации // Высш. образование в России. 2005. № 1. С. 130.

⁶ См.: Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С. 247.

⁷ См.: Данилова Е. Н., Оберемко О. А. Специфика самоидентификаций и социального самочувствия городского среднего класса России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3. С. 28—29.

Поступила 15.09.08.

В. П. БУКИН МОЛОДЕЖЬ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Как социально-возрастная группа молодежь обладает рядом особенностей, отличающих ее от старших поколений. Ей присуще не полное включение в социально-экономические отношения, она в наибольшей степени мобильна и инициативна. Молодежь России — это более 39 млн граждан, т. е. почти треть населения страны¹.

Эффективная политика государства по отношению к молодежи должна обеспечивать возможности ее активного участия в жизни страны, предоставлять права и возможности самостоятельного решения своих проблем, возлагая на молодых реальную ответственность и вовлекая их в созидательные процессы. Иными словами, перемены в политической, социальной и экономической жизни страны, требуют новых подходов в решении вопросов интеграции молодежи в общество.

Молодежная проблематика имеет особые измерения и различные подходы к ее решению в центре (столицах) и провинции. Особо важно исследовать эти особенности в регионах, где нет больших энергетических и других природных ресурсов, промышленных гигантов, крупных финансовых групп, на которых основывается в настоящее время благосостояние региональных социумов и имеющих немалые возможности для решения проблем молодежи.

Учитывая это, по инициативе Института социологии РАН и представительства фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в Республике Мордовия, Пензенской и Ульяновской областях проведено социологическое исследование «Молодежь в регионах „скромного достатка“. Каковы жизненные перспективы?». В исследовательскую группу вошли ученые и специалисты Приволжского дома знаний, Пензенского государственного университета, НИИ регионологии (г. Саранск), Ульяновского государственного университета.

БУКИН Василий Петрович, декан факультета инновационных технологий обучения Пензенского государственного университета, кандидат социологических наук, профессор.

В состав рабочей группы вошли В. П. Букин, И. Н. Жуковская, О. В. Стульникова, Т. В. Пономарева, Е. А. Данилова (Пензенский государственный университет); С. В. Полутин (г. Саранск); Н. В. Дергунова, В. А. Кижеватова (г. Ульяновск). Научно-методическое руководство осуществляли М. К. Горшкова, Н. Е. Тихонова (ИС РАН). Руководителем исследования был В. В. Маркин. По квотной выборке (учащиеся и работающие, городские и сельские жители) были опрошены 1 500 респондентов (по 500 в каждом регионе) в возрасте от 16 до 30 лет. Результаты сгруппированы по трем возрастным группам: 16—21 год, 22—26 лет, 27—30 лет.

Для обобщения материалов исследования и сравнения его результатов с общероссийскими показателями особую значимость представляют данные, приведенные в аналитическом докладе «Положение молодежи в России»². Доклад подготовлен по заказу ЮНЕСКО при содействии Немецкого общества по техническому сотрудничеству и посвящен проблеме молодежи в современной России. Представленные в докладе данные свидетельствуют, что по индексу развития молодежи Республика Мордовия находится в России на 12 месте, Пензенская область — на 45 месте из 57 регионов, в которых этот индекс рассчитывался. По Ульяновской области данных в докладе не приведено. Наиболее полные данные имеются только в Мордовии. По индексу развития образования она находится на первом месте в РФ, по индексу здоровья — на 16, дохода — на 44 месте. Данных по индексу здоровья и развития образования по Пензенской области в докладе не приведено, по индексу доходов она находится на 50 месте из 57 регионов.

В Мордовии индекс развития молодежи, равный 0,65, превышает среднероссийский (0,63) на 3,2 %, Пензенская область отстает от него на 1,6 %. Разница между индексом развития молодежи в Мордовии и Пензенской области в 4,8 % является следствием разных показателей индексов развития образования и состояния здоровья молодежи. По индексу доходов эти регионы практически не отличаются: Мордовия находится на 44 месте, Пензенская область — на 50.

В докладе приводятся сравнительные данные рейтингов регионов по индексу развития человеческого потенциала и индексу развития молодежи. В Мордовии уровень развития молодежи (12 место в РФ) существенно превышает уро-

вень развития населения (28 место в РФ). По Пензенской и Ульяновской областям эти рейтинги не приведены.

В рамках нашего исследования выявлены особенности регионального молодежного субсоциума, которые во многом проявляются в социальной идентификации и мобильности. При этом надо учитывать, что территориальные (региональные) социальные общности субъектов РФ при многих общих чертах отличаются существенными признаками национального и классового состава населения, по уровню и качеству жизни, традициям культуры, быта и т. п. Как отмечает А. И. Сухарев, территориальные общности исторически сложились непросто, а народы регионов (республик, краев, областей и других субъектов федерации), которые имеют внутренние структурные связи, имеют системный облик и динамику³.

Народ региона, представляющий собой устойчивую социальную общность и характеризующийся единством условий жизнедеятельности, общностью культуры, правомерно рассматривать в качестве социума. Региональный социум любого уровня (район, город, область, республика) воспроизводит в себе общие элементы и структуру социума в целом. С. В. Полутин полагает, что региональный социум — это народ региона, представляющий собой устойчивую социальную общность и характеризующийся единством условий жизнедеятельности, общностью культуры. По его мнению, есть шесть характеристик регионального социума. Это социально-демографическая структура; ситуация на рынке труда; уровень доходов населения; распределение населения по уровню образования; распределение населения по видам деятельности; социальный капитал, присущий социуму, его составные части⁴.

Особо это проявляется в регионах среднего социально-экономического уровня, так называемых регионах «скромного достатка», на типичных примерах которых было выполнено наше исследование.

Мы исходили из того, что молодежь региона, являясь частью регионального социума, вместе с тем отражает в своем развитии объективные характеристики, присущие всей молодежи. В данном случае, ее правомерно рассматривать в качестве молодежного субсоциума. В предметном поле социологической науки понятие «региональный молодежный субсоциум» может интерпретироваться как устойчивая социально-территориальная общность, выделяемая на основе

возрастных признаков, объединяемая сходством условий жизнедеятельности в едином экономическом, политическом, правовом, экологическом и этнокультурном пространстве.

Объективными предпосылками институционализации понятия «региональный молодежный субсоциум» (РМС) выступают социальные процессы, интенсивно развивающиеся в различных пространственно-временных плоскостях (полях) социума. Во-первых, глобальные тенденции модернизации и детализации, проявившиеся на национальном и региональном уровнях, качественным образом изменяют социальную структуру, расщепляя ее на множество относительно автономных подструктур, а также изменяют характер отношений между субъектами социальной жизнедеятельности, в том числе между «молодыми» и «взрослыми». Во-вторых, содержательную сторону понятия «региональный молодежный субсоциум» во многом определяют качественные изменения, происходящие в молодежной среде. В современном обществе возрастные рамки достаточно условны, молодежь выступает как основной носитель инновационного потенциала и значит в большей степени является активным субъектом социальной деятельности, нежели объектом воздействия и управления со стороны государственных институтов. Естественно, это усиливает процессы дифференциации в молодежной среде, определяет многообразие интересов и форм жизнедеятельности молодого поколения.

Итоги нашего исследования можно сопоставить с результатами социологического исследования «Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа», проведенного в 2005 г. институтом комплексных социальных исследований РАН (ныне Института социологии РАН) под руководством М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой⁵. Исследование выявило, что молодежь, проживающая в мегаполисах, в меньшей степени склонна видеть Москву в качестве «сердца» России и считать, что она «дорога и близка каждому россиянину». Скорее этот образ характерен для старших возрастных групп жителей мегаполисов. Для столичной и провинциальной молодежи Москва — это определенная «стартовая площадка» в успешную жизнь, город с большими возможностями.

В целом в сознании россиян, Москва — это прежде всего богатый и жестокий город с большими возможностями для

целеустремленных людей и таким же, если не большим, социальным расслоением, как и по всей России.

В сложившемся образе провинции также существует определенная возрастная дифференциация. Так, среди молодежи мегаполисов и провинции российская провинция реже воспринимается как настоящая, сохранившаяся Россия (13,5 и 19,8 % соответственно), место, где существуют более теплые человеческие отношения (32,3 и 41,4 %). Почти половина респондентов считает, что будучи в «глубинке», видно, какой отсталой остается Россия (45,8 и 42,3 %). Каждый четвертый молодой житель провинции (24,9 %) считает, что Российская провинция живет так плохо потому, что «центр» вытягивает из него все силы. В то же время 26,0 % молодых жителей мегаполисов и 36,3 % провинциальной молодежи считают, что жизнь в российской провинции совсем не такая плохая, как ее пытаются представить, и в «глубинке» люди могут жить хорошо.

Была также выяснена самооценка молодежью до 30 лет мегаполисов и провинций степени своей адаптированности к жизни в условиях рынка в процентах. Доля адаптированной молодежи мегаполисов, выросшей в новых условиях, в отличие от провинции, куда реальные экономические реформы пришли позже, преобладает над долей адаптированных «провинциалов». В мегаполисах доля молодых людей, считающих себя адаптированными к новым условиям, составляет 55,5 %, в то время как в провинциях — 44,3 %. Однако, по мнению ученых, проводивших исследование, можно надеяться, что этот разрыв вскоре будет преодолен.

Исследование современных проблем провинциальной молодежи, выяснение специфики формирования ее социального статуса в регионах среднего достатка показали, что социальное расслоение молодых россиян становится более значимым фактором, чем сходство возрастных признаков. Как показало наше исследование, следует вести речь не просто о молодежи как однородной демографической группе, а о различных типах современной российской молодежи внутри одного поколения. Это расслоение есть результат различий: в уровне экономического, социального, культурного развития отдельных регионов; жизненных условиях и ценностно-нормативной среде села, малых городов, крупных промышленных, культурных и научных центров, агломераций; в образе

жизни молодых людей, вследствие роста дифференциации, особенно социально-экономических ресурсов.

Отличительные особенности провинциальной молодежи касаются в основном ее качеств как работников, ее востребованности на региональном рынке труда, связанного с этим материального положения, ее миграционных настроений, а также роли политики в ее жизни.

Объективным фактором формирования социального настроения выступает социально-экономическое положение. Особенности социально-экономического положения подавляющей части провинциальной молодежи таковы, что стремление к удовлетворению материальных потребностей заставляет людей менять свои жизненные ориентации, приспособлять их к реальной действительности, что во многом и предопределяет социальное настроение.

Социально-экономическая дифференциация прямо и непосредственно связана с социально-статусной классификацией молодежи, в частности, с принадлежностью к определенным слоям социально-иерархизированной структуры регионального социума. В ходе нашего исследования предлагалась процедура идентификации принадлежности респондентов к одной из 10 (в порядке возрастания) групп социальной иерархии.

На вопрос «В нашем обществе есть люди, которых можно отнести к верхушке общества, и люди, которых можно отнести к низам общества. Куда Вы поместили бы себя на этой шкале в настоящее время?» были получены следующие данные, представленные в табл. 1. Заметим, что большинство групп достаточно значимо, хотя статистически и незначительны, имеют некоторую специфику.

Полученная группировка выглядит чрезвычайно интересно через призму социальной мобильности, «притязаний» молодежи на перемещения в социальной структуре.

На вопрос «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества, и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Где Вы хотели бы находиться?» были получены следующие ответы, представленные в табл. 2.

Здесь не просто видна тенденция желания к вертикальному социальному перемещению провинциальной молодежи, но отражены претензии почти двух их третей на «высокое положение» и четверти на «высшее положение».

Таблица 1

Ответы на вопрос «В нашем обществе есть люди, которых можно отнести к верхушке общества, и люди, которых можно отнести к низам общества. Куда Вы поместили бы себя на этой шкале в настоящее время?»

		Кол-во	%	% от ответивших респондентов
Значения	1	19	1,3	1,3
	2	42	2,8	2,9
	3	219	14,6	15,1
	4	291	19,4	20,1
	5	422	28,2	29,2
	6	214	14,3	14,8
	7	147	9,8	10,2
	8	68	4,5	4,7
	9	11	0,7	0,8
	10	12	0,8	0,9
Всего		1 445	96,5	100,0
Число ответивших		52	3,5	
Всего респондентов		1 497	100,0	

Таблица 2

Ответ на вопрос «В нашем обществе есть люди, которых скорее можно отнести к верхушке общества, и люди, которых скорее можно отнести к низам общества. Где Вы хотели бы находиться?»

		Кол-во	%	% от ответивших респондентов
Значения	1	6	0,4	0,4
	2	6	0,4	0,4
	3	6	0,4	0,4
	4	14	0,9	0,9
	5	75	5,0	5,2
	6	86	5,7	6,0
	7	219	14,7	15,3
	8	393	27,3	28,4
	9	299	20,0	20,8
	10	334	22,3	23,2
Всего		1 437	96,0	100,0
Число неотвечивших		60	4,0	
Всего респондентов		1 497	100,0	

Вышеуказанная 10-членная шкала была преобразована по 9 позициям в равно интервальную (3x3), где (1—3 интерпретируются как «низкое положение», (4—6 — «среднее положение», 7—9 — «высокое положение», 10 — «высшее положение». Большинство молодежи (64,2 %) относится к

группе «среднее положение». В «низком положении» оказалось 19,3 % (почти каждый пятый), в «высоком» — 15,6 %, в «высшем» — менее 1 %. В то же время жизненные устремления молодого поколения значительно выше: в «низком положении» хотели бы оказаться только 0,9 %, в «среднем» — 12,1 %, в «высоком» — 69,8 %, в «высшем» — 23,2 %.

Социальная дифференциация молодежи в определенной степени обусловлена спецификой ее социальной адаптации к сложившимся условиям. Молодежь в силу объективных причин представляет собой не жестко структурированную группу с устоявшейся нормативно-ценностной структурой, а «мягкую», обусловленную неполнотой социального статуса входящих в нее индивидов и в целом переходным характером возрастной фазы молодости. Эта структура более динамична и восприимчива к внешним социальным влияниям, может пластично изменяться в зависимости от изменений условий внешней среды. Это проявляется на различных этапах социализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мутко В. Л. «Государственная молодежная политика и гражданское становление молодежи // Молодежь в российских регионах: перспективы гражданского и профессионального становлений. М., 2006. С. 42.

² Положение молодежи в России: Аналит. доклад. М., 2005.

³ См.: Сухарев А. И. Проблемы регионологии / НИИ регионологии. Саранск, 2001.

⁴ Полутин С. В. Региональный молодежный субсоциум как категория социологического анализа // Регионология. 2000. № 2. С. 285.

⁵ См.: Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. М., 2005. С. 150—213.

Поступила 18.09.08.

Ю. П. ШАБАЕВ, ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ
Н. П. МИРОНОВА, И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ
А. В. ДЕМИНА МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

В трансформирующихся обществах особое значение приобретает проблема трансляции культурных ценностей от поколения к поколению, ибо социальная стабильность и социальное здоровье социума в переходную эпоху во многом зависит от того, насколько ценности, идеалы и ориентации разных поколений согласуются друг с другом. Именно поэтому внимание к социальным проблемам молодежи и ее культурным позициям у исследователей различных отраслей знаний является значительным и устойчивым.

Между тем в Республике Коми, на наш взгляд, молодежная проблематика в обществоведческих исследованиях не занимает того места, которого она заслуживает. Особенно это касается изучения этнокультурных и этнополитических воззрений молодежи, анализировавшихся в рамках крайне ограниченных по масштабам исследовательских проектов.

По данным текущей статистики, общая численность населения Республики Коми к началу 2007 г. составила 976 тыс. чел., молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет насчитывалось 252 тыс. (25,8 %)¹. Но статистические данные, характеризующие демографический потенциал молодежи, не дают возможности оценить культурные позиции и значение молодежи.

В частности, среди этнонациональных организаций и движений интерес к проблеме «этничность и молодежь» в последние годы стремительно возрастает. Свидетельством тому могут служить тема последнего Всемирного конгресса

ШАБАЕВ Юрий Петрович, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук.

МИРОНОВА Наталья Петровна, аспирант сектора этнографии Института языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

ДЕМИНА Александра Владимировна, аспирант сектора этнографии Института языка литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

финно-угорских народов «Молодежь — наше будущее», а также содержание основных докладов и резолюций форума². На предстоящем конгрессе в Ханты-Мансийске молодежная проблематика также значится в повестке дня. На уровне региональных этнических организаций эта проблематика дискутируется весьма активно. На сыктывкарских городских конференциях коми народа в 2004 г. обсуждалась тема «Молодежь — наше будущее», в 2005 г. — «Молодежь города Сыктывкара: проблемы, ожидания, перспективы»³.

Лидеры этнонациональных организаций, основывая свою идеологию на примордиалистских концептах⁴, тем не менее, осознают, что этническое самосознание весьма подвижно, ситуативно, а в условиях конкуренции культур, характерной для полиэтничных сообществ, этничность меньшинств требует государственной поддержки. Поэтому они, с одной стороны, заявляют, что этничность есть органически присущее социальным сообществам качество, природно обусловленное свойство личности, с другой — как бы опровергают концепт этничности как своего рода коллективного тела и поэтому выступают против идеи культурной свободы⁵. В связи с этим стремление отдельных представителей этнических сообществ самостоятельно определять свою принадлежность к конкретной этнической группе или идентифицировать себя с иным сообществом они рассматривают как очевидную девиацию, называя подобное поведение «национальным нигилизмом».

Культурные ориентации молодежи плюралистичны и не укладываются в жесткую однолинейную схему. Молодежи свойственно стремление к поиску новых ценностей и идеалов, критическое восприятие укоренившихся традиций и культурных стандартов. Особенно очевидна такая позиция для молодых людей, повышающих свой образовательный и профессиональный уровень.

Формирование духовного мира студенчества тесно связано с профессиональными и жизненными ожиданиями, путями и возможностями их реализации. В свою очередь профессиональные и жизненные ожидания студенческой молодежи имеют особое значение в политической сфере. В состоянии неопределенности перестают действовать прежние стандарты поведения, а новые ценности, еще формирующиеся, становятся угрозой старым моделям. Механизм формирования

духовных ценностей студенческой молодежи подвергается существенным изменениям⁶.

Характер этнополитических ориентаций современной молодежи связан с особенностями этнической и гражданской самоидентификации этой социальной группы. Этническая идентичность — это результат осознания себя представителем этнической группы, определенная степень отождествления себя с ней и обособления от других групп⁷. Под гражданской идентичностью понимается идентификация с институтами государства и общества. Этнополитическое самосознание включает совокупность идей и представлений о политических интересах той или иной этнической группы с идеологическими и политическими ориентациями в отношении проблем этнотерриториального развития, этнических аспектов государственности, правовых норм и форм реализации последних.

Для постсоветской этнополитической ситуации, по мнению М. Н. Губогло, характерно укрепление тесной связи между этнической и гражданской идентичностями⁸. Так, опрос молодежи весной 1997 г. в 16 столицах республик РФ показал, что особые трудности возникают у современной молодежи в связи с их гражданской идентификацией. Полностью и в значительной степени считают себя гражданами своей республики 91,3 % молодежи, относящей себя к титульной национальности этой республики. В отличие от титульной для русской молодежи более приоритетным является быть гражданином России. Общероссийское гражданство полностью и в значительной мере значимо для 87,6 % представителей русской молодежи. Вместе с тем одинаково важными были признаны обе гражданские идентичности: и республиканская, и общероссийская (об этом заявили 71,1 % респондентов коми и 64 % русских)⁹. При этом для финно-угорских народов характерна полярность наименьшего риска, когда интенсивность проявления этнического самосознания титульной и русской молодежи примерно одинакова и типологически сходна.

Для коми молодежи в целом не является характерным проявление деструктивной идентичности (под деструктивной идентичностью понимается комплекс обид за историческое прошлое с его репрессиями, дискриминацией, волюнтаризмом. Это касается не только оценки прошлого, но распространяется на настоящее). В результате не происходит

консолидации групп молодежи, основанной на оппозиции «мы» — «они».

Последние данные, связанные с особенностями этнической самоидентификации молодежи Республики Коми, получены в ходе анкетного опроса (2007 г.) студентов вузов и средних специальных учебных заведений г. Сыктывкара. Поскольку в Сыктывкаре сосредоточена основная часть вузов республики и почти все филиалы центральных вузов, постольку опросом студентов в других городах республики (Ухте и Воркуте) решено было пренебречь. Выборка составила 500 чел., что равно 4 % объема генеральной совокупности.

Поскольку этнополитические ориентации тесно коррелируют с этнической самоидентификацией, то необходимо в первую очередь обратить внимание на характер ответов на вопросы «Что значит быть представителем своей национальности?» и «Что Вас роднит с людьми Вашей национальности?».

При оценке содержания этничности современной молодежи оказалось, что ни в одной из групп лингвистических и территориальных признаки, которые лежат в основе определения этноса, укоренившегося в советской этнографии¹⁰ не являются доминирующими — только у русской молодежи, большую часть жизни прожившей как в городе, так и в селе, признак языка оказался значимым для этнического самоопределения и составил 25 %, у остальных групп он не превысил 13 %. Основной компонентой этнической идентичности является когнитивно-эмоциональный признак (чувствовать себя представителем своего народа), на который указывают 30—40 % в каждой из групп респондентов (русские и коми), и только у представителей других национальностей, которые большую часть жизни прожили как в городе, так и в селе, этот признак оказался наиболее значимым — 67 %.

Хотя язык считается одним из основных признаков этнической идентичности, данные массового опроса населения, проведенного в 2004 г. в рамках реализации исследовательского проекта «Я и мой народ» этнографами Института языка, литературы и истории Коми Уральского отделения РАН, показали, что языковая компетенция коми и особенно городских коми, продолжает снижаться. Русский язык — основное средство общения для представителей коми этноса, и с учетом его полного доминирования во всех

СМИ практически нет возможности, кроме как оставаться языком межличностного общения в сугубо моноэтнической среде. Однако не стоит преувеличивать роль языковой ассимиляции при определении этнической идентичности. Один тот факт, что люди, совершенно не владеющие языком (в городе таких — 29,3 %, на селе — 2,3 %), называют себя коми, доказывает, что не язык, а самосознание оказывает решающее воздействие на этническую идентификацию.

В целом наблюдается сложный характер этнической идентичности у большинства рассматриваемых групп молодежи. При этом особенно показательно то, что происходит замещение этнической идентичности гражданской. Вариант ответа «Вообще не отношу себя ни к какому народу. Считаю себя просто россиянином» в разном объеме присутствует у всех респондентов: выбрали этот вариант ответа 25—35 % русской молодежи, 8—14 % коми молодежи.

В целом категория этничности коми молодежи более выражена, тогда как в русской молодежной среде этническая идентичность имеет более сложный характер. Такая ситуация во многом объясняется тем, что в коми среде этническая идентичность более актуализирована, поскольку титульная группа находится в меньшинстве и ни культурно, ни политически, ни экономически не доминирует. Русское большинство в Республике Коми идентифицирует себя не столько с русским народом как с этнической группой, сколько с российским государством.

Из признаков, которые роднят с представителями своей национальности, опрошенные в равной степени (20—30 %) выделили язык, обычаи и традиции, общность места жительства. Именно эти признаки являются своеобразным «базисом» национального самосознания современной молодежи Республики Коми.

Подчеркнем, что между коми и русским населением (и населением республики других национальностей) существует определенная степень согласия, что подтверждают данные опросов 1993, 1996 гг.: 40,7 % русских и 46,8 % коми признают равную степень участия русских в развитии республики, а также то, что они вместе с коми составляют основное население республики и составляют общность, у которой свои интересы, отличные от интересов жителей других регионов России¹¹.

На вопрос анкеты 2007 г. о том, составляют ли жители республики единое сообщество, ответы в зависимости от национальности и места жительства (город / село) распределились следующим образом: сельская молодежь коми и русской национальности отвечает в равной степени положительно, а ответ «нет» представители русской национальности выбрали в три раза чаще, чем коми; у городской молодежи ответы значительно различаются. Например, у русских варианты ответов «да» и «нет» распределились поровну, тогда как у коми выбор варианта «да» в два раза превосходит «нет»; позиция представителей других национальностей по этому вопросу в селе и городе распределилась также как и у русской молодежи; у русской молодежи в селе и у коми в городе распределение ответов совпадает, также одинаковый характер ответов наблюдается у городских русских и коми, которые большую часть жизни прожили в городе и сельской местности.

Перечень признаков, которые объединяют жителей республики в единое гражданское сообщество, по мнению опрошенных, у коми и русской молодежи в целом однороден и включает общность территории, культуры и исторической судьбы.

Полученное распределение признаков может свидетельствовать о том, что этнокультурная граница между коми и русскими жителями республики не столь велика, хотя более глубокий анализ этнопсихологических стереотипов показывает, что культурная дистанция между основными этническими общинами населения республики существует, она довольно заметна и определенно осознается представителями этих общин¹². При этом важно иметь в виду, что коми и русские, а также значительная часть остального нетитульного населения Республики Коми принадлежат к типу восточно-православной культуры, что культурные различия между группами минимальны, а этнические контакты весьма интенсивны¹³. Все это создает условия не только для бесконфликтного существования общин, но и для культурной интеграции групп и ассимиляции миноритарных групп доминантным большинством, в качестве которого в республике выступают русские. Они являются доминирующей группой не только из-за численного преобладания, но и потому, что воспринимаются как референтная группа представителями

меньшинств. При этом молодежь наиболее очевидно склонна к интеграции в доминантное большинство. Этот факт отмечается не только местными исследователями, но и видными зарубежными специалистами, занимающимися изучением культурных процессов у финно-угорских народов России¹⁴.

Что касается отношения к мигрантам из стран ближнего зарубежья, то отмечается в целом нейтральная позиция молодежи, что признается обнадеживающим уровнем толерантности. Но отношение к мигрантам есть только один из аспектов, характеризующих толерантность. Опрос по программе «Я и мой народ» (2004 г.) показал, что молодые люди в возрасте до 29 лет менее терпимы по отношению к представителям других этнических групп, особенно выходцев с Кавказа, нежели люди старшего поколения. Об этом свидетельствует то, что 51 % молодых респондентов ответил, что с недоверием относятся к «кавказцам». Такая ситуация вполне объяснима, ибо представители старшего поколения выросли в условиях, когда в общественном сознании была укорена идея интернационального единства советских людей, а сознание молодежи формировалось в эпоху, когда общегражданское единство как идея не акцентировалась, наоборот, происходило активное навязывание этничности, разделение территориальных сообществ на этнические сегменты, конструирование новых культурных барьеров за счет внедрения в массовое сознание этнических групп образа «Другого»¹⁵. Культурная дезинтеграция не только усилила настроения интолерантности в сознании молодежи, но и привела к возникновению дефицита гражданской солидарности, проявляющегося как на уровне региональных сообществ, так и на общегосударственном¹⁶.

Доказательством этого может служить, что на вопрос о равном доступе к рабочим местам положительно ответили 43 % русской молодежи. Однако почти столько же (40,8 %) указали, что рабочие места нужно предоставлять в первую очередь местным жителям. В основном так отвечали молодые люди коми национальности (18,7 %). На вопрос «Чем для Вас является Россия?» 48,6 % молодых респондентов ответили, что Россия — общий дом для всех населяющих ее народов, которые должны иметь равные права; 37,3 % ответили, что Россия — прежде всего государство русского народа и русские здесь должны иметь преимущество или

исключительное преимущество (причем так считают почти равные доли коми и русских молодых людей).

Анализ соотношения государственной и этнической форм идентичности у современной молодежи Республики Коми показал: уровень актуализации этнической идентичности ниже показателей государственной у представителей русской молодежи примерно в 10 раз, у коми — в 5 раз; одинаково значимо ощущают этническую и гражданскую принадлежность 43,3 % русских молодых людей и 66,7 % коми молодежи.

При рассмотрении иерархии этнической и государственной форм идентичностей у групп молодежи разной национальности респондентам было предложено определить, кем они ощущают себя в первую, а кем во вторую очередь: представителем своего народа (русский, коми, украинец и т. п.) или россиянином.

Полученные данные позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, этничность среди коми молодежи более актуализирована по сравнению с русской молодежью и занимает второе место в рейтинге идентичностей. Во-вторых, характер распределения по признаку этнической принадлежности среди русской молодежи близок к нормальному, под которым понимается распределение, в котором большинство наблюдаемых значений группируется вокруг среднего¹⁷, что указывает на спокойное отношение к этничности, не вынесение ее на особые позиции. В-третьих, мнение представителей других национальностей совпадает с группой русских респондентов, для них этничность также не играет важной роли в структуре идентичности.

Более выраженная этничность у коми молодежи также подтверждается распределением ответов на вопрос «Интересуетесь ли вы историей, обычаями и традициями своего народа?». Так, среди коми молодежи интерес к истории, традициям и обычаям в три раза выше, чем у русской молодежи и примерно в два раза выше, чем среди представителей других этнических групп республики. Это весьма показательно и является свидетельством того, что в условиях конкуренции культур и необходимости культурного самоопределения, молодежь делает свой выбор сознательно, ибо в основе этого выбора стоят ответы на вопросы «Кто мы?», «Кто Я?». Сравнивая и сопоставляя культурные цен-

ности, определяя свою позицию в культурном пространстве современного глобализирующегося мира, молодые люди выбирают тот культурный статус, который, на их взгляд, более соответствует современной эпохе с ее стремлением к культурной унификации, стиранием границ между этническими общинами¹⁸.

Среди русской молодежи варианты ответов «Да» и «Нет» на вышеуказанный вопрос распределились практически поровну, а среди представителей других национальностей интерес к истории своего народа в два раза превышает интерес к традициям и обычаям.

Иная ситуация наблюдается при рассмотрении государственной идентичности. Среди русской молодежи осознание себя «россиянином» находится на второй позиции в предложенной системе идентификации. Соотношение гражданской (государственной) и этнической идентичности показывает равнозначность обеих форм идентичностей у коми молодежи.

В данном случае нельзя говорить о первичности одной из двух рассматриваемых форм идентификации. Намечается тенденция к совмещению государственной и этнической идентичности у русской молодежи как некоего комплекса чувств и ощущений, связанных с проявлением принадлежности к русской культурной общности и российскому государству. Одна из причин подобного положения дел заключается в том, что, по мнению некоторых исследователей, «русский этнос складывался и развивался как державный этнос, объединяющий другие народы, — как этнос „русско-российский”»¹⁹. Вместе с тем очевидно, что процесс дальнейшего государственного строительства, формирования и укрепления идеи российской нации и утверждения в массовом сознании российской идентичности будет приводить к вытеснению этнической идентичности гражданской, выстраиванию иной иерархии идентичностей, нежели та, которая имеет место сегодня.

Сложный и противоречивый характер этнокультурных и этнополитических ориентаций молодежи Республики Коми свидетельствует, на наш взгляд, о том, что процесс переосмысления прежних идентичностей и выстраивания новой системы культурных и гражданских приоритетов идет весьма активно. Безусловно, социальные и культурные процессы последних лет оставили отпечаток в массовом сознании

молодежи. Можно утверждать, что формирование этого сознания идет во многом стихийно, без целенаправленного воздействия на него государственных институтов. При этом позиции молодежи, принадлежащей к разным этническим группам, весьма близки. Это подтверждает мнение этнопсихологов, что длительное проживание в общей этнокультурной среде со временем откладывает отпечаток на манеру, нормы поведения в повседневной жизни²⁰. Важно также отметить, что молодежь, принадлежащая к этническим меньшинствам (в данном случае к коми) не является деэтнизированной. Ориентации на родной язык и этническую культуру у нее выражены заметнее, чем у доминирующей по численности группы. Половина респондентов интересуется традициями и обычаями своего народа. Большинству знакомы образцы коми фольклора, есть представление о коми кухне и костюме и т. д., не менее показательны и языковые ориентации.

В этой связи встает вопрос о том, почему тогда именно молодежь наименее привержена традициям своего народа и наиболее склонна к смене этнической принадлежности. Так, опрос учащейся молодежи в возрасте 16—17 лет, проведенный в 1997 г. в рамках реализации общероссийского исследовательского проекта «Этнокультурные и этнополитические воззрения молодежи. Формирование и функционирование», показал, что пятая часть школьников г. Сыктывкара, у которых оба родителя коми, называют себя русскими. Здесь, на наш взгляд, сказывается влияние нескольких процессов. Во-первых, конкуренция культур, о которой мы говорили выше. Во-вторых, влияние общих процессов унификации, характерных для современного мира. В-третьих, процесс общегражданской интеграции, который с большими трудностями, но все же продолжается в России. Наконец, сказывается то, что молодежь более прагматична и свободна в своем выборе, нежели представители старшего поколения, она сознательно делает выбор в пользу тех культурных стандартов, которые кажутся ей более приемлемыми и конкурентноспособными. При этом переход на русский язык (как основной язык общения) и осознание себя русскими не всегда означает, что молодежь осознает свою принадлежность именно к русской этнической общности. Часто молодой человек, называя себя русским, подразумевает, что он прежде всего россиянин, т. е. для него этническая

идентичность перестает быть актуальной, полностью или в значительной степени замещается гражданской.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стат. ежегодник Республики Коми. Сыктывкар, 2007.

² Информационный центр финно-угорских народов. Архив // Электрон. ресурс [режим доступа: www.finugor.ru].

³ Отчет сыктывкарского представительства МОД «Коми войтыр» по реализации конференций коми народа в г. Сыктывкаре // Электрон. ресурс [режим доступа: www/finugor.ru].

⁴ См.: Шабаев Ю. П. Конструирование нового национализма финно-угров: конкуренция глобального и локального // Мир России. 2004. № 3. С. 48—70.

⁵ См.: Тишков В. А. О культурном многообразии // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

⁶ Лясников Н., Ляникова Ю. Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи // Электрон. ресурс [режим доступа: www.gumer.info].

⁷ Стефаненко Т. Г. Социальная и этническая идентичность // Идентичность: Хрестоматия. М., 2003. С. 21.

⁸ «Новая этничность» в России (1990-е гг.): Проблемно-тематический сб. / РАН. ИНИОН. М., 1999. С. 196.

⁹ Губогло М. Н. Идентификация идентичностей. М., 2005. С. 225.

¹⁰ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

¹¹ Пешкова В. М. Городское русское население Республики Коми: самосознание, этнические контакты и социокультурные ориентации: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 74.

¹² См.: Шабаев Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 39—53.

¹³ См.: Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаев Ю. П. Современные коми. Екатеринбург, 1996; Шабаев Ю. П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.

¹⁴ См.: Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.

¹⁵ См.: Шабаев Ю. П. Гендер как элемент конструирования этнических мифов // Бюлл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 71 янв.-февр. 2007. С. 28—30.

¹⁶ См.: Шабаев Ю. П., Демина А. В. Последний дефицит — дефицит российскости // Без темь. 2007. № 1. С. 43—51.

¹⁷ Гмурман В. Е. Теория вероятностей и математическая статистика. М., 2003. С. 130.

¹⁸ См.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004.

¹⁹ Чешко С. В. Распад Советского Союза. М., 1996. С. 105.

²⁰ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 271—272.

Поступила 29.01.08.

**В. Г. НОВИКОВ САМОУПРАВЛЕНИЕ И СОУПРАВЛЕНИЕ
КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ
СТУДЕНТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
УЧРЕЖДЕНИИ**

Предоставление современному студенчеству роли субъекта управления в традиционном понимании соотносится с такой формой организационно-управленческих отношений как самоуправление. Однако говорить сегодня о студенческом самоуправлении в собственном смысле слова не представляется возможным в силу объективных и субъективных причин. Среди них можно отметить значительную социальную инертность обучающейся молодежи, достаточно устойчивые патерналистские ориентации студенчества, отсутствие должной мотивации социальной ответственности за качество своего обучения.

Содержание этого понятия в научной литературе пока еще не раскрыто в достаточной степени. «Самоуправление — институт государственного права. Как указывает само словообразование, оно обозначает управление каким-либо кругом дел самими заинтересованными гражданами...»¹. Необходимость введения самоуправления в образовательный процесс была осознана в XIX в. Но если говорить об университетской автономии вообще, то идеи самоуправления появились практически с момента основания первых европейских высших учебных заведений. Самоуправление характеризуется как способ организации жизнедеятельности членов воспитательного коллектива; метод самоорганизации коллектива, способа включения в управленческую деятельность²; средство воспитания личности, фактор ее всестороннего развития; принципы организации коллектива; средство достижения каких-либо целей (повышения качества обучения, поддержка становления ученического самоуправления и т. д.)³.

НОВИКОВ Владимир Геннадиевич, проректор по научной работе, общественным связям и международному сотрудничеству Российского государственного аграрного заочного университета, кандидат экономических наук, профессор.

Предпринимались попытки зафиксировать связь между самоуправлением и управлением, поскольку, как правило, их оценивали как не взаимосвязанные процессы. В частности, еще Н. К. Крупская считала, что нельзя школьное самоуправление смешивать с управлением школой. Это две совершенно разные вещи, так как «управление учебным заведением является компонентом общей системы государственного управления, а ученическое самоуправление — разновидность общественного»⁴.

Можно согласиться с исследователями, считающими самоуправление составной частью управления, развивающегося в рамках управления образовательным учреждением⁵. Самоуправление таким образом выступает как результат специально организуемого педагогического руководства. Но в таком случае получается, что организация, координация студенческого самоуправления во многом зависят от администрации учебного заведения.

Основная идея самоуправления заключается в передаче определенных управленческих функций студенчеству. Однако отсутствие должного уровня управленческой компетенции, необходимой социальной ответственности, несоблюдение принципов руководства, гармонизации целей и т. п. позволяют сделать предположение о не высокой степени эффективности самоуправления в студенческой среде в собственном смысле слова.

Соуправление как форма организационно-управленческих отношений позволяет сгладить обозначенные противоречия. Это понятие отражает необходимую, желательную и востребованную сегодня форму взаимодействия всех участников образовательного процесса. В этом случае студенческое соуправление можно рассматривать как тип организационно-управленческих отношений, основанный на включении всех участников системы образования в управленческий процесс, путем делегирования полномочий в соответствии с уровнем компетентности. Такой способ организации деятельности будет выступать фактором развития системы социальных отношений на принципах социального партнерства. При этом важно отметить, что студенческое соуправление, выступающее как механизм достижения гармоничного взаимодействия административного управления и самоуправления (индивидуального и коллективного уровня) обеспечивает поддержание

баланса в образовательной системе между стимулированием обучения, с одной стороны, и противодействием учащимся к своему обучению и личностному развитию — с другой.

Представляется, что соуправление следует рассматривать как фактор социального становления человека. Возможность участия в соуправлении учебным заведением на различных его уровнях позволяет более эффективно интегрироваться личности с малой группой и коллективом в целом. Это стимулирует ее социальную активность.

Понятие «соуправление» применительно к сфере образования можно определить как процесс организационно-управленческих отношений, обеспечивающих развитие образовательной деятельности, путем соединения субъекта и объекта управления на основе добровольного делегирования полномочий. Из этого следует, что соуправление соединяет взаимосогласованные и дополняющие друг друга функции формального и неформального управления.

Таким образом, суть студенческого соуправления состоит в добровольной передаче администрацией учебного заведения субъектных, управленческих функций объекту управления, т. е. студентам, а также в способности объекта к самодвижению, саморазвитию, самодеятельности и трансформации его, тем самым в субъект управления социальной системой за счет включения в совместную деятельность. Иными словами, это процесс развития социальных отношений, основанный на принципах добровольности и партнерства, так как часть управленческих полномочий делегируется студенчеству. За обсуждаемые, принимаемые и реализуемые задания студенчество должно нести свою долю ответственности. Социальные отношения в вузе в таких условиях будут стимулировать прозрачность и открытость принятия решений.

В этом случае цель соуправления — развитие социальных навыков управления, создание оптимальных условий для творческой самоактуализации и роста профессионального, организаторского мастерства, реализация академических прав студентов.

Соуправление выполняет ряд традиционных (информационно-аналитическую, мотивационно-целевую, планово-прогностическую, организационно-исполнительскую, контрольно-диагностическую, регулятивно-коррекционную, мобилизационную), а также дополнительных (социализирующую,

организационно-практическую, восполнения или компенсации, инновационную) функций. Таким образом, соуправление носит многофункциональный характер и служит целью оптимизации образовательных взаимодействий в учебном заведении.

В процессе соуправления (в отличие от самоуправления) происходит реализация таких принципов управления, которые влияют как на эффективность процесса управления, так и деятельности организации в целом.

Реализация принципов руководства по целям, гармонизации целей, единства руководства и делегирования полномочий выступает гарантией эффективного соуправления как формы организационно-управленческих отношений, как совместной деятельности по управлению образовательным учреждением. Особенностью этой деятельности являются наличие для участников единой цели и общей мотивации; разделение деятельности на функционально связанные составляющие и распределение их между участниками; объединение индивидов, индивидуальной деятельности и согласованное их выполнение; общие конечные результаты; единое социальное пространство.

В совместной деятельности, в зависимости от реализуемой организационно-управленческой формы, можно выделить несколько стратегий поведения ее участников по отношению к партнерам: содействие, противодействие, уклонение. Выбор стратегии поведения студенческой общностью во многом зависит от особенностей организационной структуры, сложившейся в учебном заведении. В значительной мере этот выбор обусловлен и руководителями. Факторами, влияющими на выбор стратегии поведения, выступают стиль руководства, качество налаженных руководством связей, уважение, которым пользуются руководители, их личностные качества, степень доверия, которыми они пользуются⁶. Все это влияет на морально-психологическое состояние студенчества и профессорско-преподавательского состава.

Рассматривая соуправление как процесс, можно выделить в нем четыре этапа по степени вовлеченности студенчества в управленческие отношения: предварительный (первичный) этап, начальный, средний и высший. Переход от предварительного этапа развития соуправления к высшему связано с качественными изменениями мотивационной сферы студентов, характером выполняемой деятельности, структурой

коллектива, улучшением взаимных отношений, обогащением соуправленческого опыта, совершенствованием системы ответственности студенчества за результаты своего труда.

Социальная ответственность предполагает свободу выбора и готовность давать отчет за свои действия. Ведущие условия формирования и развития социальной ответственности — свобода личности, возможность выбора линии поведения и образа мыслей. Социальную ответственность как качество личности необходимо рассматривать во взаимосвязи с социальной активностью. Следовательно, соуправление как форма развития организационно-управленческих отношений предоставляет возможность для развития социальной ответственности.

Соуправление выступает консолидирующим звеном общей цепи управленческих взаимодействий в учебном заведении как групповых, так и индивидуальных. Определяющими условиями эффективности, как считает Р. Кантер, выступают поддержание или стимулирование хорошего исполнения, когда необходимо позволить участвовать всем, кто чувствует себя компетентным; избегание поспешных действий и изучение множества вариантов; глубокий анализ проблем; сбалансированность или противопоставление чьих-либо интересов перед лицом необходимых изменений⁷. Наиболее важными условиями эффективности соуправления Э. Локе считает сопоставимые уровни компетентности участников, которые являются производной от оценки и опытности руководителя и подчиненного по отношению к задаче⁸. Т. Уолл выделяет функциональную взаимосвязанность отдельных работников и разнообразие индивидуальных навыков таким образом, чтобы каждый мог выполнять все или большую часть групповых задач, а также осуществлять обратную связь и оценку деятельности в терминах деятельности группы — это основное условие эффективности «соучастия в управлении»⁹. Причинами успешности «соучастия в управлении» Д. Денисон считает высокую степень включенности человека в рабочее окружение; акцент на координацию, как основной механизм планирования, решения проблем и принятия решений; способность группы людей в отличие от отдельного индивида лучше решать сложные многоступенчатые проблемы¹⁰.

По нашему мнению, условиями, обеспечивающими эффективность соуправления как организационно-управленческой

формы управленческих отношений в вузе можно считать психологический климат, направляемый самими студентами; вовлечение студентов в совершенствование содержания и оптимизации учебного процесса; нейтрализация противоречий между формальными и неформальными структурами управления; поддержание атмосферы доброжелательности и уважения студента, стимулирующих развитие индивидуальности, творческой самоактуализации; функционирование обратной связи между участниками образовательного процесса; учет уровня компетентности студенчества, их «зрелости» по отношению к поставленной задаче; преобладание координации как вида социального управления над субординацией.

Вместе с тем на пути развития соуправления могут возникнуть препятствия: недостаточный уровень навыков студентов; нежелание руководителя делиться властью с подчиненными; отсутствие достаточного количества времени, так как процедуры совместного принятия решений требуют времени, которое не всегда имеется в наличии; сложность задач; страх подчиненных сделать ошибку, неуверенность в своих силах; недостаток информации для правильного принятия решения; недостаток организационных стимулов для включения в систему участия и т. д.

Таким образом, самоуправление и соуправление — это процесс совместного формирования организационно-управленческих отношений в учебном заведении, обеспечивающих эффективную реализацию образовательной деятельности, путем соединения субъекта и объекта управления, стимулирующих исполнение управленческих функций всеми участниками образовательного процесса на основе добровольного делегирования полномочий. В образовательном учреждении они определяют не только участие студента в управлении организацией, но и выступают в качестве механизмов социализации: способствуют формированию политической культуры и социальных качеств студенчества.

Поэтому образовательные системы, где имеют место самоуправление и соуправление следует рассматривать как систему социального взаимодействия, где объекты наделяются субъектными функциями. Это позволяет рассматривать и фактор развития системы социальных отношений и социальной активности студентов в учреждениях образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энцикл. словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. Т. 27. СПб., 1900. С. 239—242.

² См.: *Коротов В. М.* Общая методика учебно-воспитательного процесса. М., 1983; *Он же.* Самоуправление школьников. М., 1983.

³ См.: *Гордин Л. О.* Школа инициативы и самостоятельности: из опыта работы школ г. Таганрога. М., 1974.

⁴ *Крупская Н. К.* Детское самоуправление в школе: Пед. соч. в 10 т. Т. 8. М., 1959. С. 31.

⁵ См.: *Опалихин В. М.* Развитие ученического самоуправления в школе (актуальные проблемы). М., 1987; *Управление качеством образования: Практико-ориентированная моногр. и метод. пособие / Под ред. М. М. Поташника.* М., 2000.

⁶ *Кунц Г., О'Доннел С.* Управление: системный и ситуационный анализ: В 2 т. Т. 2. М., 1981. С. 288.

⁷ *Kanter R. M.* Dilemmas of managing participation // *Organizational dynamics.* N. Y., 1982. Vol. 11. № 1. P. 5—27.

⁸ *Locke E. A., Schweiger D. M., Latham C. P.* Participation in decision making: when should it be used? // *Organizational dynamics.* N. Y., 1986. Vol. 14. № 3. P. 65—79.

⁹ *Wall T. D., Kemp N. J., Jackson P. R.* Outcomes of autonomous work-groups: a long-term field experiment // *Acad. of management j. Madison,* 1986. Vol. 29. № 2. P. 280—304.

¹⁰ *Denison D.* Bringing corporate culture to the bottom line // *Organizational dynamics.* N. Y., 1984. Vol. 13. № 2. P. 6—16.

Поступила 12.09.08.

М. А. ЛЕЩИНСКИЙ МОДЕЛЬ МИРОВИДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Социально-философские размышления часто направлены на изучение личности и ее связи с Богом. В этом аспекте необходимо выделить особенности русского человека, в частности, современного православного человека как цельное, принимающее высшее обращенное к нему начало в мироздании, с опорой на особенность угро-финского космо-психо-логоса.

А. А. и П. А. Гагаевы рассматривают понятие Бога, исходя из ментальности: «Бог для русского человека есть... его предел — абсолют, понуждающий его нести бремя личной ответственности перед абсолютным (идеалом) и дающее в избрании этого бремени ощущение правоты, человечности своего бытия. Бог для русского человека есть то, в чем действительно роднятся все люди, и в этом единении... содержится их человеческое счастье. Бог для русского человека — не знак его избранности... среди других народов, но его мечта и образ жизни по абсолютному идеалу. Бог для русского человека есть призыв деянием, подвигом духовным восстановить, собрать себя самое в светлую духовность и в том явить собой пример другим существам. Бог для человека есть призыв сражаться со злом — тем, что унижает нравственное в мире и душе человеческой. Бог для человеческой души есть то, от чего ни при каких обстоятельствах не может быть она окончательно отторгнута, ибо и Бог в ней, и она с Богом»¹.

Такое восприятие Бога человеком рождает характерные черты мировидения личности православного христианина на современном этапе развития общества: стремление к становлению и реализации себя в мире через любовь; полифоничность сознания человека, где истинный голос — голос Христа, идущий через любовь; возможность приятия человеком Бога в любви и т. д.

ЛЕЩИНСКИЙ Михаил Александрович, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института.

Одним из ключевых является вопрос о восприятии мира и человека не как завершивших становление, познавших свой предел и не способных восстановиться, а как становящихся, живых образований. В этом намечается близость к святоотеческой православной традиции. Человек — изменяющееся существо, ибо своим духовным усилием стремится творить, делать невозможное, не принимает неизбежно мертвого, сражаясь с которым становится чутким к другим существам и миру в целом.

Человек всегда несет в душе Абсолютное вне зависимости от происхождения, взглядов, убеждений. Любовь есть та сила, которая сближает людей в Боге. Это и помогает воскресить в человеке самое прекрасное и светлое. Любить — значит принимать как боговдохновенное существо. Для достижения подобной высоты (принять другого) нужны время и усилия, осуществляемые человеком на пути постоянного самосовершенствования. Подавление своей омертвленности есть процесс сложный и долгий, но только он один дает возможность быть чутким к другим существам и ко всему миру.

Воля, желания делают человека человеком, выделяют его в этом мире. Личность индивидуальна настолько, что ее трудно предугадать, всеми законами и формулами психологии нельзя описать многогранность, многоплановость человека. Однако «сузить» его тоже нельзя. Уместив в математические формулы особенности человеческой психики (такая попытка была предпринята в XX в. бихевиористами, которые реакции человека прогнозировали через стимул), изучая личность вне любви, веры, надежды, творчества, разума, мы лишимся свободы, перестанем быть людьми. Это подтверждает действительность XXI в.

Реализация себя на земле и преобразование окружающего мира — единственная и высшая миссия разумного существа. Но реализация и преобразование невозможны без полифонического восприятия мира и человека. Подобное восприятие заложено святоотеческой традицией, согласно которой душа человека есть множественное образование, воспринимающее мир во всех его проявлениях.

Такой подход органически представлен в работах М. М. Бахтина, который исследуя творчество Ф. М. Достоевского, обнаружил корни полифонии в греческой литературе. Осо-

бенности православного мировоззрения Ф. М. Достоевский отразил, опираясь на святоотеческую традицию. Основываясь на философских взглядах Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин нашел тот образ, «к которому как бы тяготеет весь этот мир Достоевского, образ в духе мировоззрения самого Достоевского. Таким образом является Церковь, как обращение неслиянных душ, где сойдутся и грешники и праведники; или, может быть, образ дантовского мира, где многоплановость переносится в вечность, где есть нераскаившиеся и раскаявшиеся, осужденные и спасенные»².

Говоря о полифонии, М. М. Бахтин опирался на следующую идею: «Мы видим героя в идее и через идею, а идею видим в нем и через него. Если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен»³. Все идеи в произведениях Ф. М. Достоевского так или иначе связаны с христианством. В образе идеального человека или в образе Христа представляется ему разрешение идеологических исканий. Этот образ или этот высший голос должен увенчать мир голосов, организовать и подчинить его. Именно образ человека и его чужой для автора голос является последующим идеологическим критерием для Ф. М. Достоевского: «не верность своих убеждений, отвлеченно взятых, а именно верность авторитетному образу человека»⁴. Христос становится критерием всех убеждений Ф. М. Достоевского. Таковы же параметры для определения истинности голосов героев в его романах. Но и здесь автор вступает в диалог: «Чрезвычайно характерно вопрошание идеального образа (как поступил бы Христос), то есть внутренне-диалогическая установка по отношению к нему, не слияние с ним, а следование за ним»⁵.

Между миром Библии и художественным миром Ф. М. Достоевского существует определенное сходство, которое проявляет себя не только на уровне идейного влияния на полифонию, но и на жанровом уровне, так как основу полифонического романа, возможно, следует искать в Библии.

Диалогизм, проистекающий из полифонии, рождается из диалогового подхода к жизни, особенно тесно связанной с природой, что характерно для угро-финского космо-психолога.

Угро-финское мышление оказалось далеко не системно в силу своей образности и конкретности, локально-общности.

В мышлении фиксируются не системы, а множества неоднородных объектов, объединяемых субъективной точкой зрения наблюдателя. Фиксируются локально-общие целостности, в которых человек — не часть, а субстанция, равномогущая нефункциональному целому (отсюда свободолюбие, непокорность, анархизм при внешней покорности). Несистемность мышления есть не недостаток, а достоинство.

Бог необходим православному человеку, так как он дает возможность жить во взаимопонимании по нравственным законам бытия. Если Бога нет, то все позволено. Но человек не может жить по принципу вседозволенности. Православный человек изначально настроен позитивно к миру. Он привык жить в любви. Разрушение этого чувства в русском суперэтносе ведет к гибели, отсюда трагедия социалистов.

Таким образом, приятие Бога ведет к приятию человека. Отсюда идея соборного видения мира, человека при признании неотъемлемой ценности отдельной личности, принятая русскими.

Впервые к идее соборности обратились славянофилы. Главным качеством личности они считали соборное сознание, потому что человек только тогда обретает самого себя, когда ощущает общее светлое всех людей, что возможно лишь в церкви. Следовательно, церковь и есть тот идеал, который формирует соборное сознание. Поэтому каждый приход становится семьей, где есть и трудности и проблемы. Но дух единения, присутствующий в семье, дает возможность людям жить в любви и братстве. Человек становится совершенным, если не пожалеет ничего во исполнение своего долга.

Соборное мирозерцание... укрепляет человека в чувстве правоты его перед самим собой как «различающим добро и зло» в себе существе⁶. Этот идеал соборности восходит к Библии, где сказано: «Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви» [Деян. 2, 44—47].

Об идеале соборности В. С. Соловьев пишет: «Его идеал требует не только единения всех людей и всех дел чело-

веческих, но главное — человеческого их единения. Дело не в единстве, а в свободном согласии за единство. Дело не в великости и важности общей задачи, а в добровольном ее признании»⁷. Этого идеала нет в буржуазном обществе. Действительность, заставляющая страдать хотя бы малую часть общества, не привлекает. Гармония в обществе, построенном на противостоянии личности и социума, невозможна, так как неизбежно возникает потребность в насилие. Гармония достигается лишь при реализации стремления личности слиться с обществом.

Высокое развитие личности в обществе — цель существования общества. Однако из сказанного не следует стремление обезличить личность. Наоборот, речь идет о высокой развитости. Такая личность способна к самопожертвованию. В идеале самоотдача должна быть бескорыстной, так как желание личной выгоды разрушает смысл братства, т. е. малейшее эгоистическое побуждение разрушает идеал общества. Значит, осуществление идеала требует в качестве основы любви живой и деятельной личности. Умение жертвовать собой ради других и поступать не по желанию, а во имя людей — вот подвиг Христа, к которому стремится человек.

В чем истинный идеал православного? Что становится высшей ценностью жизни?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо заглянуть в глубину человеческого сознания и определять идеал как всечеловечность, такт, светло-радостный взгляд на мир, самостояние. Все это изначально присуще русскому человеку. Именно к восприимчивости его обращается Ф. М. Достоевский, говоря о русской душе, нашедшей воплощение в личности А. С. Пушкина, что особо подчеркнуто в речи, посвященной его памяти: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспир, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем... он и народный поэт»⁸. Далее он формулирует миссию русского народа: «Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех

людей, всечеловеком, если хотите»⁹, т. е. объединить, сроднить, примирить враждующее человечество.

Светло-радостное восприятие мира, как часть русского характера в его боговдохновенности неразрывно связано с детскостью. Христос приблизил к себе детей, так как это самое чистое и прекрасное, что есть у человечества. Именно дети способны приблизиться к Богу: «„Сих есть Царство Божие”. Быть как дети, сохранить это состояние — вот задача жизни человека...»¹⁰.

В постижении мира, человека и Бога определяющей становится вера. К этой мысли приходят отечественные философы И. В. Киреевский, В. С. Соловьев и др. Таким образом, вера в Бога становится ключевой в познании себя и мира. Потеря веры ведет к доминированию в сознании рассудочной сферы, которая определяет иной тип мышления. Противостояние рассудка и веры не раз встречается в человеке. Рассудочная западная теория социализма рушится потому, что она лишена веры. Для того чтобы восстановить расколотое сознание, следует вернуться к вере.

Вера для православного человека — один из основополагающих аспектов его мировоззрения. Религиозные колебания далеко не выносимы, отсюда стремление к обоснованию веры в Бога. Это дает возможность целостно созерцать мир. Православный человек, приближаясь к вере, стремится к духовному подвигу и способен преодолеть непреодолимое, но лишь в том случае, когда это богоугодно и во славу Бога. На формирование этого стремления большое влияние оказало принятие христианства мордвой, так как в нем заложена мысль о том, что путем духовного подвига можно возвыситься до Бога.

Подвиг совершается во внутреннем мире человека. Основа его состоит в противоборстве добра и зла. Преодолеть зло не так просто, ибо жизнь наполнена им. Для такого подвига нужна колоссальная сила духа. Но другого выхода у православного человека нет. Преодолеть зло необходимо, потому что в этом спасение человека. В мире, наполненном злом, добро следует искать именно в человеке. Поэтому предназначение России, ее великий подвиг состоит в выработке идеального духовного типа, могущего изменить мир.

Такой подход рождает понимание человеком бытия в единстве с собой, мирозданием и при этом в единстве с

Богом. Осуществляя поиск единства в этом мире, человек приближается к различению добра и зла. Отсюда и постоянный поиск истины, характерный для каждого из нас, чей взгляд — новое мировидение, иное мироощущение. Однако все они объединены представлением о боговдохновенности русской души.

Православный человек — боговдохновенное существо, которому следующие особенности русского мировидения: стремление к становлению и реализации человека в мире, через любовь; полифоничность сознания, в которой истинный голос — голос Христа, идущий через любовь; возможность приятия человеком Бога лишь в любви; соборное мировидение, рождающее в человеке чувство братства, принять которое можно только любя; всечеловечность, светло-радостный взгляд на мир, исходящие в православном человеке при приятии Божественной любви, реализация которой в мир и есть задача русского человека; в постижении мира, человека и Бога определяющим началом является вера; стремление к духовному подвигу как к исканию добра и преодолению зла.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гагаев А. А., Гагаев П. А. Художественный текст как культурно-исторический феномен. М., 2002. С. 19.

² Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 31.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 151.

⁶ Гагаев А. А., Гагаев П. А. Указ. соч. С. 27.

⁷ Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // О Достоевском: Сб. ст. М., 1990. С. 45.

⁸ Достоевский Ф. М. Речь на открытие памятника А. С. Пушкину // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1971—1989. С. 79.

⁹ Там же.

¹⁰ Карякин Ю. Достоевский и канун XXI века. М., 1998. С. 351.

Поступила 29.09.08.

В. И. ТВЕРДОХЛЕБ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В РЕГИОНЕ¹

В современной России религиозные организации начинают играть все более существенную роль. В этой связи особенно важной задачей становится адекватная оценка религиозной ситуации в регионах Российской Федерации.

Нормировать и отслеживать процессы, происходящие в религиозной сфере, позволяет региональное законодательство: ряд законов, нормативно-правовых актов и целевых программ, принятые органами государственной власти Курской области в сфере взаимодействия с религиозными объединениями, в частности, Закон Курской области «О миссионерской деятельности на территории Курской области», Постановление губернатора Курской области «Об экспертно-религиоведческом Совете», Постановление Курской областной думы «Об областной программе „Изучение православной культуры в Курской области на 2006—2010 годы”», Постановление Курской областной думы «Об областной программе „Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи Курской области на 2006—2010 годы”», Постановление губернатора Курской области «О Региональной антитеррористической комиссии». Так, Постановлением губернатора Курской области от 6 августа 1998 г. № 432 (ред. 8 сент. 1998 г. № 485, изм. 6 дек. 2001 г. № 900, 3 нояб. 2005 г. № 751) создан Экспертно-религиоведческий Совет при администрации Курской области.

Этот Совет является экспертно-консультативным органом по вопросам свободы совести и вероисповедания и состоит из представителей органов государственной власти области, специалистов-религиоведов. В качестве консультантов к работе Совета по необходимости привлекаются специалисты, не

¹ ТВЕРДОХЛЕБ Вероника Ильинична, аспирант кафедры социологии и политологии Курского государственного университета.

являющиеся его членами, а также участники религиозных объединений. Благодаря Совету Отдел по делам религий и национальностей администрации области располагает данными о конфессиональном составе населения Курской области. В процентном соотношении к общей его численности православные составляют 90 %, мусульмане — 0,6 %, евангельские христиане-баптисты — 0,4 %, старообрядцы — 0,3 %, пятидесятники — 0,2 %, свидетели Иеговы — 0,16 %, адвентисты седьмого дня — 0,12 %, иудеи — 0,07 %, католики — 0,03 %, остальные конфессии насчитывают не более 100 последователей².

В мае-июне 2007 г. проведено социологическое исследование «Социокультурный потенциал развития Курской области», которое было осуществлено сотрудниками научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета. Опрос проводился в 40 населенных пунктах Курской области. Выборочная совокупность составила 1 128 чел., проживающих в различных населенных пунктах и районах области.

На этапе сбора первичной социологической информации использовался метод формализованного интервью, основанного на типовой методике «Социокультурный портрет региона», авторами которой являются Н. И. Лапин, Л. А. Беляева.

В ходе исследования 95,7 % опрошенных назвали себя православными, 1 % — мусульманами, 0,3 % — католиками, по 0,1 % — иудеями, буддистами, старообрядцами. При этом на вопрос «Что Вы можете сказать о своей религиозности?» лишь 50,8 % респондентов ответили, что они являются верующими людьми, 37,1 % — скорее верующими, чем неверующими, 5,8 % — скорее неверующими, чем верующими, 3,5 % — неверующими, 2,1 % — атеистами.

Таким образом, существует категория людей, позиционирующих себя как «православные, но не верующие». Кроме того, среди жителей Курской области выделяется категория «крещенных, но не просвещенных». Такая ситуация характерна не только для Курского региона, но и для страны в целом. Так, согласно результатам исследования «Стратификация российского общества», православными себя сегодня (среди людей от 18 лет и старше) считают 62 % населения. Однако следует понимать, что это самоопределение лежит, скорее в области исторической и этнокультурной, нежели

религиозной. В то же время, говоря о самоопределении «я верующий», человек не отождествляет свою веру с определенной религией, полагая, что «просто» верит в Бога. Таких в стране сегодня примерно 14 %³. Эти факты указывают на то, что в сознании большинства людей православие не связано с догматическим вероучением, которое предполагает в человеке активное церковное поведение.

Социологи отнюдь не безосновательно приходят к выводу о том, что сегодня мы имеем дело с культурной религиозностью: человек объявляет себя принадлежащим к определенной религиозной традиции, хотя, возможно, и не разделяет ее вероучения, не участвует в обрядах и не входит в религиозную общину⁴.

В связи с этим Православная Церковь ставит перед собой задачу разработки и реализации миссионерской стратегии, которая позволила бы учесть различные значимые характеристики просвещаемых людей. Попытки решения этой задачи реализуются в настоящее время в России и Курском регионе. Так, в ходе проведенного в августе-сентябре 2007 г. неформализованного интервью с представителями Экспертно-религиоведческого совета Курской области, а также представителей духовенства и других специалистов в этой сфере, выяснилось, что в большинстве случаев верующий человек считает излишним подвергать себя и свою религиозность подробному изучению и анализу, без чего, однако, невозможно составить полное представление о культурном и социально-психологическом фоне, который, как известно, определяет многое, в том числе и в наших представлениях о благочестии. Эксперты и специалисты в этой сфере дают разные объяснения тому, почему тот или иной человек «увлекся религией»: с одной стороны, к этому его подтолкнули жизненные неудачи или природная замкнутость, погруженность в себя, с другой — толчком послужила пассивность, нежелание заниматься практическими делами. Кроме того, есть мнение, что человека заставляет обратиться к религии желание поддержать высокое мнение о себе как о человеке, имеющем высокие духовные интересы.

В связи с тем, что эти наблюдения бывают не так далеки от истины, наиболее актуальными сейчас для Церкви являются культурно-мировоззренческие проблемы. Например, необходимым видится прежде всего сокращение разрыва

между внутренним убеждением человека и его внешним постулированием своей конфессиональной принадлежности и, как следствие, преодоление секулярного образа сознания людей. Сегодня образом того, что обычно называется «воцерковленностью», создается посредством ряда бытовых атрибутов: иконочки в доме, освященный автомобиль, литургия по воскресеньям, увесистые тома святых отцов в книжном шкафу, церковные друзья и подруги, «православные разговоры», а также ряд отдельных идей (что Христос действительно был, что наступит конец света, что есть Святая Гора Афон, что Господь иногда помогает, а может и наказать и т. д.). Такая воцерковленность не касается значительного поля желаний, поступков, решений, мотивов и мыслей, где царствуют «житейская мудрость» и «свой интерес», потому как «сегодня иначе не проживешь». Это и определяет тот секулярный, расчлененный, разорванный на противоречащие друг другу составляющие образ сознания.

Российское общество, как показывают социологические исследования, не утратило своих устоев. Практика фиксирует весомое влияние традиционных ценностей, которые выросли из христианства. В массовое сознание возвращаются установки, утверждающие превосходство духовных начал над внешним устройством жизни и неограниченным стремлением к благам материальным.

В настоящее время в Курской области увеличилось число верующих, возросло количество религиозных объединений. Значительно расширилась сфера деятельности религиозных организаций: помимо культовой практики, они занимаются благотворительностью, религиозным просвещением и образованием, сотрудничают с армией и органами охраны правопорядка. Религиозные организации в Курской области в основном представлены Русской Православной Церковью (зарегистрированы 327 религиозных организаций, принадлежащих к 14 конфессиям, из них 284 религиозные организации принадлежат Русской Православной Церкви Московского Патриархата, в том числе 2 образовательных учреждения и 7 монастырей), которая является самым активным участником различных мероприятий, проводимых совместно с органами государственной власти. И это не является удивительным, Курская область — регион, где православие занимает главенствующее положение и ока-

зывает влияние на культурную жизнь и развитие региона в целом⁵.

В основе работы религиозных объединений лежит миссионерская, проповедническая деятельность, являющаяся идеологической платформой единства религиозного объединения граждан и главным способом приобщения новых adeptов к своему вероучению.

Следует отметить, что в деле современного миссионерского служения эксперты и специалисты придают особое значение «миссии после миссии», т. е. «воцерковлению и научению миссионерскому деланию мирян». Среди задач «миссии после миссии» особенно отмечается реализация процесса приобщения человека к «соборному бытию Церкви», что означает, во-первых, вхождение человека в полноту приходской жизни, центром которой является Божественная литургия (как «общее дело»), во-вторых, содействие человеку в «созидании малой Церкви», т. е. семьи⁶. Процесс воцерковления способствует также личностному росту человека на всех уровнях его бытия. Сегодня накоплен значительный положительный опыт активности мирян в деле миссии через участие в работе братств и сестричества на поприще духовного просвещения и социальной diakонии.

Кроме того, важной задачей Церкви является нахождение современных форм обучения основам православной веры «прохожан» и «захожан». Язык миссии приобретает особое значение в миссионерской работе с молодежью. Продолжая кирилло-мефодиевскую традицию, современные православные миссионеры стремятся быть понятыми в своем обращении к людям, для чего считают необходимым использовать все новейшие достижения средств коммуникаций, совершая так называемую «инкультурацию» (погружение в культуру, «просвещая ее светом Христовой Истины») и сохраняя при этом «верность святоотеческой традиции».

Важно отметить, что многие задачи, которые Церковь перед собой ставит, активно реализуются. Заключены договоры о совместной деятельности между епархией, управлением исполнения наказания Минюста РФ, управлением по Госнарконтролю Курской области, комитетом социального обеспечения Правительства Курской области, комитетом образования Правительства Курской области. Во всех исправительных учреждениях области действуют православные

храмы и молитвенные комнаты, священники проводят с заключенными беседы на нравственные темы. Курская епархия оказывает благотворительную помощь домам ребенка и домам престарелых. При УВД области действует военно-походный храм во имя благоверного князя Дмитрия Донского. Церковь напугана сотрудников правоохранительных органов в их боевых командировках.

Таким образом, в настоящее время отношения между государством и религиозными объединениями характеризуются предоставлением последним благоприятных условий для осуществления своей деятельности. Влияние церкви, религиозности, религиозных норм и ценностей на жизнь общества заметно увеличилось. Это объясняется в известной мере существенным изменением условий жизнедеятельности и подходом к религии как важнейшей интегрирующей силе и фактору духовно-нравственного возрождения народа.

Для самой Церкви миссионерской задачей стало восстановление прежнего влияния и значения Православия в современном обществе, которое даже в традиционно православном Курском регионе является, согласно статистическим данным, православным, но не всегда верующим. Этот парадоксальный факт требует, с одной стороны, богословского осмысления, с другой — социологического измерения состояния быстро меняющегося мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке индивидуального гранта Курского государственного университета.

² Данные о конфессиональном составе населения представлены по состоянию на 2007 г.

³ Тарусин М. Реальная Россия. Неверующие // Фома. 2007. № 3. С. 10—13.

⁴ Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социол. исслед. 2005. № 6. С. 35—45.

⁵ Сведения получены в ходе неформализованного интервью с представителями Экспертно-религиоведческого совета Курской области и другими специалистами в данной сфере.

⁶ Там же.

Поступила 06.12.07.

Ж. Ю. БАКАЕВА

КОЛИЧЕСТВЕННО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ НАУЧНЫХ ШКОЛ: ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Любой цивилизационный процесс включает в себя определенные культурологические константы, формирующиеся на противопоставлении ограниченных (национальных) и всеобщих (общечеловеческих) составляющих психологии и менталитета народа. Общечеловеческая цивилизация представляется последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразие деятельности которой проявляется в исторической жизни человечества в прошедшем, настоящем и будущем. Истоки этих составляющих формируются, во-первых, по типу отношения человека к миру (самотрансцендентности или типу рациональности), во-вторых, под влиянием культурно-типических (самотождественности) факторов. Выявление этих взаимосвязей необходимо для понимания того, по каким каналам и каким способом формируется информационное пространство, т. е. как пополняется информационный объем — количественная характеристика информационных процессов¹.

Информационный объем определен количеством информации, который представляет собой обобщенную характеристику свойств объекта в структуре информационного процесса и наиболее ярко определяет представления научных школ на природу. Возможность существования объектов в рамках численно-количественных методов создает определенное пространство, которое характеризуется информационным содержанием. Следовательно, получать информацию можно только по каким-либо каналам без учета пространства, в котором находится ее получатель. Рассматривать такие пространства необходимо в рамках проявления их свойств

¹ БАКАЕВА Жанна Юрьевна, доцент кафедры философии Мордовского государственного педагогического института, кандидат философских наук.

и во взаимосвязи с объектами макро-, микро- и мегамира. Реальные пространства имеют более трех измерений. Это означает, что к размерности реального пространства добавляется размерность и других количественных характеристик реальных процессов, например, скоростей, ускорений, импульсов, временные и другие различия².

Начало XX в. ознаменовало изменение субъект-объектных отношений, соответственно и информационного пространства с определенной степенью порядка. Информационное содержание, которым оно наполнено, не только просто существует, но и изменяется под влиянием внешней среды и активной деятельности субъекта. Идеал ценностно-нейтрального исследования оказывается неприемлемым, соотносятся характеристики получаемых знаний об объекте и информационная деятельность (например, научные школы).

Под информационной структурой пространственных представлений можно рассматривать знание, в котором фигурируют отношения различной степени порядка: содержательно-аксиоматический Евклида, формально-аксиоматический Н. И. Лобачевского, координатный Р. Декарта, условно-аксиоматический Б. Римана.

Проводя параллель между множеством натуральных чисел и аксиоматической геометрией Евклида, можно отметить, что натуральные числа привязаны к дискретному пространству и представляют собой оформленные единства или смешение предела и беспредельного (меры). Рациональные числа в геометрии Евклида заменены понятием отношения. Они определяются через аксиомы соединений-принадлежности, порядка, конгруэнтности, симметрии, транзитивности, параллельности и непрерывности. Дальнейшая трансформация числа приводит к выделению рациональности, а числовой ряд рассматривается как порождаемый процессом счета, протекающим не только в априорной, временной форме, но и рассудочной. Н. И. Лобачевский ввел аксиомы о параллельных и способствовал созданию действительных чисел-объектов с определенным пространственным коэффициентом («седлищного пространства»). Он определил числа как переход от математических величин к математическим переменным отношениям (показатель — кривизна пространства). Аксиоматика Б. Римана, Г. Вейля, Ф. Клейна добавляет метрические свойства (искривление пространства, замедление времени,

сокращение длины) и систему инвариантов n -мерного пространства. Это отчасти связано с тем, что объектом изучения становится человек (требуется построение идеальных моделей с огромным числом параметров и переменных). Мир устроен таким образом, что допускает возможность существования человека (антропный принцип).

Анализ информационных процессов в рамках естественно-научного знания приводит к изучению психологии народов, отмеченное А. Герценом: «...Английская история — это история драм, кровавых событий. Поэтому основная характерная черта англичанина — это внутренняя суровость, переходящая в строгое, лаконичное, консервативное восприятие жизни, установление фундаментальных связей. Французы же, напротив, представляются слишком демократичными, свободными от различных условностей. Вся история Франции отличается тем, что она достаточно лояльна к своим гражданам, исключая период Французской буржуазной революции. Следовательно, и французы не отличаются особым желанием быть независимыми, свободными как непреклонные англичане и выбирают возможность приспособиться к окружающей обстановке»³. Русская история по Д. Лихачеву очень схожа с английской. Информационные процессы не только объективны, в них в значительной степени привносится элемент индивидуально-национального⁴.

На Востоке поступление информации к субъекту осуществляется без приоритетов в информационном процессе, нет иерархичности при выборе информационных данных, имеет место отсутствие жесткой причинно-следственной связи в процессах получения и хранения информации.

Анализируя национальный информационный код, можно найти ряд сходств с западноевропейской и восточной культурой. Определенность выбора элементов этнической информации определяется задачей кодирования и декодирования. Информация в данном контексте рассматривается как содержательно-смысловая. Семантический аспект информации выражает отношение между информацией как компонентом отражения и отражаемым объектом-«передатчиком» информации. Информация влияет на вероятность выбора последовательности действий и достижение цели посредством той или иной последовательности действий, мотивирует изменения значимости элементов определенной

последовательности действий. Количество семантической информации, содержащейся в каком-либо элементе этнической системы, измеряется степенью изменения тезауруса под воздействием этого элемента культуры. Изменение тезауруса сопровождается совокупностью неодинаковых элементов в информационной системе, а именно кодами, позволяющими переводить информацию с одного языка (естественного или искусственного) на другой.

Количество семантической информации, характеризующее элементы культуры мордовского этноса, меняет качественную природу информации. Информационные элементы этнических систем можно рассматривать в какой-то степени как элементы культуры определенного народа, закодированные на его «языке». «Язык» рассматривается в рамках лингвистики не только как средство коммуникации, но как некоторые символы-знаки культуры этноса. Такие информационные знаки находят свое отражение в устных поэтических и прозаических произведениях, записываемых со слов мордовских крестьян русскими и зарубежными учеными, или представителями мордовской национальной интеллигенции.

В то же время в современном постиндустриальном информационном обществе значительно изменился характер этнических процессов. Это связано с возрастанием плотности и частоты межэтнических контактов, унифицирующим воздействием системы образования и СМИ, возможностями социального и политического манипулирования этничностью. Усложнение проблем, связанных с сохранением, трансляцией и использованием информации в современном обществе, обновление средств передачи и сохранения информационных ресурсов, усложнение коммуникационных сетей обусловили необходимость углубленного исследования информационных процессов в обществе и культуре.

Произошел переход от анализа опредмеченной, овеществленной культуры в сферу представлений, исследования механизмов преемственности группового опыта, восприятия культуры как средства передачи специфически этнической информации. Соционормативные культурные различия, в основе которых лежат различия в системе ценностей, значений, эталонов действия, моделей желаемого поведения, рассматриваются как символы культурной и этнической идентификации⁵.

Этническая культура, на которой базируются национальные научные школы, определяется как сложноорганизованный механизм, хранящий информацию, постоянно вырабатывающий для этого наиболее выгодные и компактные формы, зашифровывающий и дешифровывающий сообщения, переводящий их из одной системы знаков в другую. Понимание национальной культуры как системы, основанной на информационных связях, позволяет утверждать, что, во-первых, любое социальное взаимодействие является сообщением, содержащим определенную информацию, во-вторых, информационное взаимодействие является универсальным механизмом формирования и функционирования социокультурной общности во всех сферах ее жизнедеятельности. Мордовский этнос трактуется как «сгусток информации», а этническая мордовская культура — как особое информационное образование, основанное на связях информационного характера.

Информационное взаимодействие в рамках национальных научных школ обеспечивает формирование социокультурных связей, управление совместной жизнедеятельностью людей, регулирование отдельных областей культуры, накопление и трансляцию социального опыта, социокультурные изменения. Изучение социокультурных реалий с точки зрения информационных процессов, на основе которых они складываются и функционируют, показывает свою эффективность в различных областях исследований общества и культуры.

Информационную структуру пространственных каналов получения информации в национальных школах можно рассматривать как знание, в котором фигурируют отношения различной степени порядка — этнические отношения. А. А. Сусоколов называет их «информационным фильтром», который способствует структурированию информации, поступающей извне, в соответствии с этническими нормами, ценностями, представлениями⁶.

В современных условиях на первый план выходит мотивирующая информация. Она является определяющей в анализе временных процессов взаимодействия социосистем в рамках информационного общества. Мотивация функционирования тех или иных информационных процессов избыточна и меняет определенную последовательность действий в рамках развития информационных систем.

На Востоке поступление информации связано с ненаучным мышлением, недооценкой объективности и рациональности, необходимостью новой структурированности информации, оценкой равновероятности окончания информационного процесса в различных социосистемах. На Западе, наоборот, получение информации определяется основным принципом: «я — мыслю».

Поэтому взаимосвязь информационных уровней различных научных школ («вертикальный слой») определены активным самодвижением социосистем (научных школ), выбор их траектории поведения в получении интересующей информации. Это значит, что управляющая система оказывает такое воздействие на субъект, при котором последнему необходимо изменить свое поведение, чтобы достигнуть определенного состояния информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М., 1985. С. 102—105.

² Лебедева Н. М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 167—189.

³ Цит. по: Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 19—21.

⁴ См.: Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание человека // Педагогика. 1998. № 4. С. 3—8.

⁵ См.: Лотман Ю. М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Семiosфера. СПб., 2000.

⁶ См.: Сусоколов А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. Вып. 20. М., 1990. С. 5—39.

Поступила 24.03.08.

А. А. НАПАЛКОВ

ИНТЕРНЕТ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Информационная и коммуникативная функции культуры наряду с социализирующей, познавательной, мемориальной, гедонистической формируют личность и среду ее обитания. В настоящее время происходит постоянное увеличение спектра коммуникационных средств и технологий благодаря развитию Интернета.

Являясь средством массовой коммуникации, Интернет образует особый социальный институт в системе средств массовой коммуникации и структуре общества в целом, имеющий внутреннюю организацию, позиции и роли, нормы и ценности, характерные для этого института, и выполняющий определенные функции по отношению к личности и обществу.

Каждый социальный институт характеризуется наличием цели деятельности, функциями, способствующими достижению этой цели, набором социальных позиций и ролей, типичных для данного института, а также системой санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление отклоняющегося поведения¹. Все эти признаки есть в структуре и процессах функционирования Интернета.

Если более точно определять положение Интернета в институциональной структуре общества, то можно сказать, что Интернет входит в число коммуникационных институтов, относящихся к институтам культуры. Коммуникационные институты являются теми органами, через которые общество посредством социальных структур производит и распространяет информацию, выраженную в символах.

Рассматривая Интернет как упорядоченную среду, в которой активно идут процессы организации и самоорга-

НАПАЛКОВ Алексей Александрович, преподаватель кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета.

низации, можно выделить в ней ряд формальных структур. Во-первых, «Общество Интернет», или ISOC, Internet Society, в основном определяющее направления развития Интернета и ставящее своей целью содействие глобальному информационному обмену. ISOC назначает Совет по архитектуре Интернет, IAB (Internet Architecture Board), который отвечает за техническое руководство и ориентацию Интернета. IAB представляет собой группу приглашенных лиц, которые добровольно принимают участие в его работе, утверждают стандарты и распределяют ресурсы (например, адреса). Интернет работает благодаря наличию стандартных способов взаимодействия компьютеров и прикладных программ друг с другом. Наличие таких стандартов позволяет связывать между собой компьютеры производства разных фирм. IAB несет ответственность за эти стандарты, решает, нужен ли тот или иной стандарт и каким он должен быть. Если возникает необходимость в каком-нибудь стандарте, IAB рассматривает проблему, принимает стандарт и объявляет об этом по сети. Кроме того, IAB следит за разного рода номерами и всем тем, что должно оставаться уникальным. Например, каждый компьютер в Интернете имеет свой адрес. Правила, по которым присваиваются эти адреса, утверждаются IAB².

Пользователи Интернета также имеют возможность принимать участие в управлении функционирования сети. Для этого в ISOC существует еще один общественный орган — Инженерная комиссия, IETF (Internet Engineering Task Force). IETF регулярно собирается для обсуждения текущих технических и организационных проблем Интернета. Если возникает достаточно важная проблема и находится необходимое количество добровольцев, готовых над ней работать, создается рабочая группа. Посещать заседания IETF и входить в состав рабочей группы может любой человек. Рабочие группы выполняют много различных функций: от выпуска документации и принятия решений о том, как сети должны взаимодействовать между собой в специфических ситуациях, до изменения значений битов в определенном стандарте.

Во-вторых, консорциум WWW, координирующий усилия более 500 корпораций, государственных и частных исследовательских учреждений, направленных на совершенствование

технологий World Wide Web. Он был основан создателем WWW Т. Б. Ли в 1994 г. на базе Лаборатории компьютерных наук (Laboratory for Computer Science, LCS) Массачусетского технологического института в сотрудничестве с CERN (Европейской лабораторией физики элементарных частиц в Швейцарии). Консорциум WWW обеспечивает адаптивность и гибкость Сети в условиях постоянно расширяющихся возможностей компьютеров, других устройств доступа к Интернету, используемого программного обеспечения, а также возникающих с развитием Сети проблем (например, проблемы цифровой подписи и т. д.).

В-третьих, организации, ставящие своей целью влияние на развитие Интернета, такие как Truste — организация, основанная Э. Дайсон, занимающаяся защитой неприкосновенности частной жизни в Интернете, или Chaos Computer Club (CCC) — немецкая хакерская организация.

В-четвертых, организации, отвечающие за регистрацию доменных имен в каждой стране, доменной зоне; например, в России (зона .RU) это в первую очередь Российский научно-исследовательский институт развития общественных сетей (РосНИИРОС) и Ru-Center («Региональный сетевой информационный центр»).

В-пятых, отдельные компьютерные сети, входящие в состав Интернета (в данном случае компьютерные сети рассматриваются как зарегистрированные организации со своей структурой управления, персоналом, особыми целями деятельности и т. д.). В России, например, первой сетью, вошедшей в состав Интернета, была сеть «Релком», созданная на базе Института атомной энергии им. Курчатова.

В-шестых, провайдеры Интернета, обеспечивающие доступ широкого круга пользователей к сети Интернета, а также являющиеся юридически зарегистрированными организациями.

В-седьмых, компании, фирмы, добровольные объединения и отдельные люди, создающие и поддерживающие отдельные ресурсы, сервисы Интернета и программные продукты для него.

В-восьмых, пользователи Интернет.

К неформальным структурам Интернета можно отнести множество сообществ пользователей по интересам, формирующихся, как правило, вокруг определенных информационных

ресурсов. Встречаются самые разнообразные сообщества: от открытых, подвижных сообществ с достаточно размытыми границами и постоянно меняющимся кругом членов до закрытых с обязательной регистрацией и невозможностью доступа посетителей «со стороны». Эта классификация неполная, но позволяет выделить основные институциональные структуры Интернета.

Как социокультурный институт Интернет выполняет информационную и коммуникационную функции. Информационная функция позволяет потребителям быстро получать необходимую информацию. Это могут быть научные знания, техническая документация, книги, справочники, статьи, сообщения, чертежи, схемы, рисунки, видеоматериалы, звукозаписи и др. Но у информационной функции есть и вторая сторона. Кроме потребителя информации, есть ее поставщик, т. е. издатель. Бурные темпы развития Интернета во многом связаны с тем, что публикация информации в Сети сегодня обходится несопоставимо дешевле (в тысячи и десятки тысяч раз), чем ее распространение с помощью традиционных носителей. Коммуникационная функция Интернета позволяет людям общаться. Она развивается за счет создания в Интернете служб, аналогичных традиционным средствам общения, но превосходящих их по возможностям. Это, например, электронная почта, интернет-телефония, телеконференции. Chat-конференции, видеоконференции и др.

«Одно из наиболее распространенных заблуждений, существующих в Интернете, состоит в том, что в Сети все равны. Однако это далеко не так. Неравенство (стратификация) в Интернете достаточно распространено»³. На уровне любого интернет-ресурса имеется разделение как минимум на два неравноправных уровня — администратор(ы) ресурса и пользователи ресурса. Если ресурс, поддерживается компанией, то существует еще его внутренняя иерархическая система подчиненности, организационной статусной и ролевой структуры.

Существуют различные классификации пользователей. Один из важных критериев стратификации пользователей — навыки использования возможностей Сети. Чем выше навыки и умения использования сети пользователем, тем больше возможностей Интернета он может использовать и тем выше уважение к нему со стороны других пользователей.

На очень многих ресурсах вводится еще один уровень неравенства среди пользователей: различаются зарегистрированные и незарегистрированные пользователи. Незарегистрированный пользователь, как правило, имеет доступ не ко всем материалам и сервисам ресурса, тогда как регистрация значительно расширяет его права и возможности. Доступ к части ресурсов и сервисов Интернет платный, соответственно, в этом случае начинает иметь значение уровень дохода пользователя как фактор стратификации.

Наиболее ярким примером стратификации в сетевых сообществах С. В. Бондаренко считает телеконференции. Системные администраторы (администраторы сервера) обладают высшей ступенью власти и являются наиболее технически квалифицированными, они осуществляют контроль за функционированием всего сервера и над поведением пользователей.

Администраторы сетевых новостей отвечают за функционирование электронных конференций, они могут переназначить модератора, запретить доступ к серверу новостей тому или иному пользователю. Есть еще много других возможностей, которыми обладает только администратор. Но администратора не выбирают и тем более не переизбирают. Таковы правила сетевой коммуникации.

Модератор форума — это ответственное лицо, назначенное, либо выбранное на основании голосования (тайного или открытого), основной задачей которого является слежение за тем, чтобы статьи, отправляемые в модерлируемую группу, находящуюся в ведомстве указанного лица, соответствовали тематике группы и не несли в себе оскорбительных суждений и материалов. Также в круг его обязанностей входит выполнение ряда действий в случае нарушения установленного порядка. Модератором может быть лицо, свободно владеющее тематикой модерлируемой им группы, обладающее тактичностью, обязательностью, категоричностью суждений, являющееся психологически уравновешенным и справедливым по отношению к другим пользователям⁴. Модераторы подфорумов имеют право полного контроля над содержанием раздела или отдельной темы внутри форума.

Пользователи — нижняя статусная ступень сетевых сообществ. Причем в среде пользователей также выстраивается своя иерархия, которая зависит от степени участия

в работе ресурса, например, новичок, житель, почетный житель, старожил, небожитель и др.

Общение в Сети строится на основании определенных норм и ценностей. Социальные институты нередко называют «узлами» или «конфигурациями»⁵ в ценностно-нормативной структуре общества, подчеркивая тем самым их особую роль в нормативном функционировании общества и организации общественной жизни в целом. Вся совокупность социальных институтов, институциональная структура общества, является своеобразной опорой общественной жизни, поскольку она обеспечивает социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию. Каждое изменение в структуре общества, появление нового элемента неизменно отражается в корректировке существующих и появлении новых норм и ценностей.

Наиболее обобщенная система ценностей Интернета была сформулирована Э. Кроллом, который сопоставил основные ценности Интернета и первопроходцев Америки. В обоих случаях люди осваивают новое, неизвестное пространство, это порождает сходные ценности во взаимоотношениях между «первопроходцами». В качестве краеугольных камней Э. Кролл выделяет два основных принципа.

Во-первых, уважается и поощряется индивидуализм. В обычном обществе каждый может претендовать на индивидуальность, но во многих случаях индивидуум вынужден согласовывать свои интересы с интересами достаточно большой группы людей, в определенной степени разделяющих взгляды данного индивидуума. Таким образом, появляется проблема «критической массы». Если Вы не можете собрать группу единомышленников, Ваши интересы страдают. В Сети критическая масса равна двум. Вы общаетесь, когда хотите и как хотите, — это всегда удобно. Географическое положение значения не имеет. Ваши собеседники могут находиться в любой точке Сети (практически в любом уголке земного шара). Поэтому создание группы, сообщества по какой угодно теме абсолютно возможно. Можно формировать альтернативные группы по одной теме: например, кому-то нравится общаться через электронную почту, кто-то предпочитает группы новостей, кто-то — форумы или чаты. Каждый свободен в своем выборе. Поскольку для достижения критической массы не нужно вступать в более много-

численную группу, каждый пользователь является членом некоей группы-меньшинства. Преследование инакомыслящих не приветствуется.

Во-вторых, Сеть — хорошая, и ее следует защищать. Как и все новое, Интернет, с одной стороны, встречает негативное отношение консервативно настроенной части общества, с другой — сталкивается с проблемами, которые трудно предугадать заранее в силу новизны самого явления. Следовательно, те, кто понимает ценность Интернета, должны проявлять усилия по его защите, сохранению и развитию. Безнравственно делать что-либо во вред Сети — это осуждается пользователями⁶.

Кроме положительной формы (система ценностей), нормы уровня нравов в Интернете часто выражаются и в запретительной форме, например, правила предоставления услуг, формулируемые провайдерами (обычно называемые «Соглашениями о порядке предоставления услуг» или «Политикой приемлемого использования»). В случае если пользователи грубо нарушают эти правила, им может быть отказано в предоставлении услуг. Чаще всего эти правила носят запретительный характер. Обычно пользователям запрещается использовать услуги провайдера для массовой или одиночной рассылки писем рекламного характера, на получение которых пользователи Интернет не давали своего явного согласия; создавать помехи работе пользователей Интернета; использовать услуги провайдера для распространения угрожающей, назойливой, клеветнической, непристойной информации; информации, которая так или иначе может быть воспринята как оскорбительная; информации, задевающей национальные или религиозные чувства, содержащей нецензурные слова или призывы к насилию; использовать услуги провайдера для распространения информации или программ с нарушением авторских прав; размещать на серверах тексты, фрагменты музыкальных произведений или видео, не имея на то письменного согласия автора или правообладателя и т. п.⁷

Таким образом, можно сделать вывод, что впечатление неуправляемости и абсолютной стихийности развития Интернета уже устарело. Также неверно представление о равенстве пользователей Сети и возможности работать и использовать ресурсы в соответствии с ценностями каждого

отдельно взятого пользователя. Интернет, как и любой социокультурный институт, имеет структуру формальных и неформальных организаций, несет в себе набор функций, которые помогают реализовывать определенные институциональные цели, существует определенная иерархия пользователей и их отношения строятся в системе разрешений и запретов. Интернет не может обойтись без механизмов саморегулирования и внешнего регулирования, многие из которых в настоящее время еще только формируются, уточняются и опробуются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социология. Основы общей теории / Под ред. Г. В. Осипова, Л. Н. Москвичева. М., 1996. С. 235.

² См.: Кролл Э. Все об Интернет / Пер. с англ. СПб.; Киев, 1995. С. 36—37.

³ Бондаренко С. В. Стратификация в сетевых сообществах межличностного общения // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: Материалы Всерос. объединенной конф. СПб., 2001. С. 144—147.

⁴ См.: Общие сведения о UseNet // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://news.1september.ru/newsweb/usenet.htm>].

⁵ Скородумова О. Б. Социокультурные функции Интернет // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Skorodumova>].

⁶ См.: Кролл Э. Все об Интернет... С. 62.

⁷ См.: Сервисное соглашение на предоставление услуг хостинга Интернет-ресурсов // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.hoster.ru/documents.htm>].

Поступила 12.05.08.

**Е. А. ШИШКИНА КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ
КАК РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ
ГЛОБАЛЬНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
И СОЦИОПРИРОДНОГО
ПРОСТРАНСТВА**

Экологические трансформации современности происходят на всех уровнях социоприродного бытия, от глобального до локального, определяя необходимость изучения противоречий природы и общества на уровне региона. В его рамках формируются культурные традиции и образ жизни, определяющие поведение личности и социальных групп.

«Что касается России, то значительная часть ее населения, несмотря на десятилетие реформ, которые привели к увеличению зависимости от ситуации на мировых рынках и транснациональных экономических процессов, остается сегодня в значительной мере привязанным к „месту“ — экономически и культурно»¹. Социально-синергетические процессы зависят и от географического пространства, поскольку на динамику социальной самоорганизации существенное влияние оказывает концентрация людей и их культурных артефактов на данной территории². В этих условиях природа приобретает статус сущности отдельного человека и целого общества. По мнению Д. С. Лихачева, экологию нельзя ограничивать только задачами сохранения природной биологической среды. Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни, для его привязанности к родным местам, для его нравственной самодисциплины и социальности³.

Значимость Калининградской области в системе социоприродных и социокультурных взаимодействий обусловлена ее географическим положением, природно-климатическими характеристиками, ресурсными возможностями и одновременно

ШИШКИНА Елена Александровна, доцент кафедры прикладной информатики в экономике Астраханского государственного технического университета, кандидат социологических наук.

социокультурными процессами. Культурные стили населения области — результат взаимодействия неповторимого исторического наследия и современных транскультурных коммуникаций, которые становятся основополагающим критерием оценки социоприродных практик.

В 1255 г. рыцари Тевтонского ордена построили на р. Прегель крепость и назвали ее Кенигсберг — «Королевская гора». По итогам Второй мировой войны эта часть Восточной Пруссии перешла под советскую юрисдикцию и с 1946 г. стала называться Калининградом. За последние полвека под влиянием политических трансформаций культурное наследие Калининградской области понесло существенные потери, сохранилось лишь небольшое число памятников архитектуры и археологии. Однако в современном Калининграде существенно активизировались работы по восстановлению исторического и культурного достояния, которое отражает многовековое развитие Восточной Пруссии и является уникальной частицей мирового культурного наследия.

Название города является частью системы символов, которые играют особо важную роль в культуре общества. Они формируют самосознание индивида, социальной группы, обеспечивают личную и групповую идентификацию. Экспрессивные символы вызывают сильное эмоциональное воздействие. В этих условиях чем выше степень единства членов общества, тем сплоченнее общество вокруг символа. Такое единство способствует формированию норм поведения и образует господствующий в обществе порядок⁴. После распада советского государства в области появилось немало желающих вернуть городу его историческое имя, восстановить старые названия улиц и населенных пунктов. Но вместе с немецкой культурой не менее значимым остается влияние советской и современной российской культуры, которая закрепились и в общих стандартах поведения, и в отношении граждан к своей природной обители.

В ряду иных субъектов РФ область занимает особое положение. От территории страны она отделена сухопутными границами иностранных государств, на юго-востоке тянется Балтийская гряда, а на западе и юго-западе омывается Балтийским морем и его заливами. Главные реки Неман и Преголя, а вместе с ними озера, болота и смешанные леса образуют уникальный природный ансамбль и заповедные

территории. В комплексе всех сырьевых месторождений особо значимыми являются нефтяные запасы и крупнейшие в мире запасы янтаря, обусловившие редкую специализацию области по его добыче и переработке.

Существенное влияние на политическую, экономическую и социокультурную динамику оказывает вхождение области в состав Балтийского региона. Усиление глобальных транснациональных и транскультурных потоков способствует не только возрастанию военно-стратегического и внешнеэкономического значения области. Непосредственная близость к Европе, благоприятные климатические условия, принадлежность к «Балтийскому поясу роста» делает ее наиболее динамично развивающимся макрорегионом современной Европы.

Историко-культурные и природно-климатические особенности области раскрылись также как мощный потенциал развития туристической сферы⁵. Природные богатства Балтии и Калининградской области являются особо значимой и уникальной частью мирового социокультурного пространства. Вместе с архитектурными ценностями они нуждаются в сохранении и поддержании. Сегодня признаком высокой культуры общества становится не степень отличия социального от природного, а степень их единства. Только через целостность системы «человек — окружающая среда» может быть достигнута стабильность природы и общества, являющихся основополагающими составляющими социоприродной системы. «Развитие туризма в соответствии с общемировыми и европейскими тенденциями по сохранению окружающей среды может содействовать и решению ряда экологических проблем Калининградской области. Это произойдет в том случае, если будет найден баланс между отрицательным влиянием быстрого роста туризма на экологию и первоочередной организацией природоохранных мероприятий, когда природный компонент становится основным достоинством рекреационной зоны, а часть доходов от туризма используется для сохранения и развития окружающей среды»⁶.

В настоящее время природные экосистемы почти на всей территории области вытеснены и заменены антропогенными, что предопределяет необходимость разумного и рационального их использования⁷. Под влиянием антропогенной нагрузки уникальные природные богатства Калининградской области испытывают катастрофические изменения. Основными

проблемами являются загрязнение атмосферного воздуха, водоемов, ухудшение качества питьевой воды, низкая экологическая культура, рост числа свалок неуполученных отходов, разрушение морских берегов, снижение численности ценных промысловых рыб и животных. В области растет значимость природных факторов риска, способных привести к возникновению чрезвычайных экологических ситуаций. К ним Е. В. Краснов и О. Е. Митюк относят разрушение берегов, оползни, подъем уровня грунтовых вод, штормовые нагоны морских вод в устья рек, экстремальное выпадение атмосферных осадков⁸.

После распада СССР Калининградская область, оставаясь субъектом РФ, оказалась включенной в многолетний экономический кризис страны. Но примерно с 1999 г. начинается позитивная динамика. Восстанавливается работа на важных предприятиях области — Вагоностроительном заводе, Судостроительном заводе «Янтарь», создаются принципиально новые для региона производства, например, предприятие «Автотор», собирающее автомобили по лицензиям концернов БМВ (Германия), KIA (Корея), «Дженерал моторс» (США). Растет грузооборот Калининградской железной дороги, Калининградского морского торгового и рыбного портов. Нефтяные терминалы Калининградского морского канала обеспечивают экспорт из России в страны Западной Европы и Скандинавии более 2 млн т нефтепродуктов в год.

Эти преобразования вызвали неоднозначные последствия в системе общего социального и экологического благополучия. С одной стороны, экономический подъем и введение в действие восстановленных и вновь созданных предприятий способствовали решению многих социально-экономических проблем. С другой — значительно усилилась антропогенная нагрузка на естественную среду обитания. Особую значимость в ухудшении экологического состояния сыграло ускоренное восстановление предприятий, не позволившее создать систему их полноценного функционирования, учитывающего современные экологические требования.

Расположенный на территории Калининградской области природно-заповедный фонд является важнейшей зоной социоприродного и социокультурного пространства Балтийского региона. Куршская коса — ключевой объект, вошедший в список природного и культурного наследия ЮНЕСКО. Это

единственное место в Балтийском регионе, где воплощены результаты более чем двухвековых попыток восстановления некогда разрушенной природы. Экологическое неблагополучие Куршской косы усугубляется ежегодно. Ее территория, пострадавшая в 1999 г. от урагана, обозначена экспертами как зона «экологического бедствия»⁹.

Вислинская (Балтийская) коса — вторая по величине песчаная пересыпь в Балтийском море длиной 55 км. Она столь же уникальна, как и Куршская коса. В 1963 г. на ее территории образован государственный природный заповедник. Однако в 1998 г. постановлением администрации области Положение о государственном природном заказнике было отменено, а в 2004 г. не продлен заповедный режим, что создало реальную угрозу уникальному заповеднику.

Заинтересованность в сохранении природного и культурного наследия области обозначила особое внимание со стороны зарубежных соседей, представителей международных организаций стран Балтийского региона. В России пока практически отсутствуют навыки социально-природно ориентированного применения финансовых механизмов, верная мировоззренческая основа которых содействовала формированию международного права окружающей среды, которое в свою очередь теперь укрепляет ее¹⁰. С 1991 г. город открыт для сотрудничества с зарубежными странами в первую очередь с Германией и Польшей, в сфере бизнеса, культуры и образования. Сегодня в городе функционирует множество иностранных учреждений, обеспечивающих необходимую городу информационную, административную и визовую поддержку. В их число входят генеральные консульства Республики Польша, Литовской Республики, Латвийской Республики, Королевства Швеция, Представительство Торговой палаты Гамбурга в Калининграде, Бюро советника по координации датских проектов, Центр немецкой культуры «Немецко-Русский дом», Региональное бюро поддержки проектов (ТАСИС).

Калининград стал единственным городом, которому Еврокомиссия выделила на создание экологического менеджмента и проведение аудита больше 400 тыс. евро. Зарубежное финансирование способствовало активизации научной деятельности. В 1998—2003 гг. коллективом калининградских ученых и сотрудников федеральных природоохранных органов под руководством Управления природных ресурсов и

охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов Российской Федерации по Калининградской области при финансовой поддержке Шведского отделения Всемирного фонда дикой природы разработан стратегический документ, определяющий направление развития системы охраны природы — схема охраны природы. Документ предназначен для создания системы особо охраняемых территорий в Калининградской области.

Активизация социальной деятельности по защите окружающей среды в области вызвана и усилением межкультурных коммуникаций с соседними государствами. Паромные переправы соединяют Калининград и аван-порт Калининграда г. Балтийск с Санкт-Петербургом, портами Германии и Швеции. Восстановлен прямой поезд «Берлин—Калининград», следующий через Польшу. Регулярные автобусные маршруты связывают Калининград с Белоруссией, Литвой, Латвией, Польшей и Германией. Влияние европейских стандартов поведения, отношения к материальным, духовным и природным ценностям способствует постепенному переосмыслению культурных норм и образцов деятельности. В области формируются общественные организации, деятельность которых направлена на сохранение естественной среды обитания.

Наиболее весомый вклад в охрану окружающей среды вносит «Экозащита» — общественная организация, созданная в 1990 г. в Калининграде и ставшая коллективным членом Международного Социально-экологического Союза «Коалиция Чистая Балтика» (Coalition Clean Baltic), действующего в Балтийском регионе. «Экозащита» — единственная устойчивая организация в регионе, которая, в первую очередь, обращает внимание на то, каковы причины существующих экологических проблем. Она считает необходимым активизировать деятельность муниципалитетов и начать создание карт экологических проблем. Отдельные муниципальные учреждения области уже используют эти идеи и пытаются задействовать механизм финансовой Программы Европейского Союза. Активная деятельность «Экозащиты» становится наиболее действенным механизмом привлечения населения области к природоохранной деятельности.

Таким образом, состояние социально-экологического пространства Калининградской области можно расценивать

как неблагополучное. В то же время усиление процессов транскulturации между гражданами области и зарубежья благоприятствуют не только экономическому росту, но и способствуют изменению системы ценностей населения, их культурно-нравственной переориентации, нацеленной на сохранение и восстановление исторического культурного наследия, в рамках которого природная среда выступает как наивысшая социокультурная ценность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Яницкий О. Н. Поток и «место»: к проблеме локального социально-экологического знания // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/2/ia4.html>].

² Ельчанинов М. С. Природная среда и модернизация. // Социс. 2007. № 8. С. 17.

³ См.: Лихачев Д. С. Экология культуры // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.google.ru>].

⁴ См.: Социология права / Под ред. В. М. Сырых. М., 2004.

⁵ См.: Корнеев В. С. Туристская индустрия как фактор устойчивости регионального развития // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.google.ru>].

⁶ Там же.

⁷ Краснов Е. В., Митюк О. Е. Многофакторная оценка риска возникновения чрезвычайных экологических ситуаций в Калининградской области // Электрон. ресурс [режим доступа: <http://www.google.ru>].

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Выстробец Е. А. Животный мир и право на благоприятную окружающую среду: Информ.-метод. материалы и справочный комплекс: Учеб.-метод. пособие. М., 2005. С. 5.

Поступила 27.05.08.

Е. Ф. ЧЕРЕМУШКИНА ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАБОТАХ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ БРИТАНСКИХ «КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Многие академические гуманитарные дисциплины давно определили свою объектно-предметную область. Однако за последние два десятилетия вновь возник интерес к исследованиям культуры междисциплинарного характера. В результате появилась область интеллектуальной деятельности, которая по-новому осмысливает особенности разнообразия культур и раскрывает новые перспективы. В России такой интегративной областью стала культурология, определившаяся как самостоятельная научная и учебная дисциплина в середине 90-х гг. XX в. В Британии подобной интеграцией социально-гуманитарного знания в области изучения культуры являются «Культурные исследования» («Культуральные исследования», Cultural Studies). В 1964 г. был создан Бирмингемский центр современных культурных исследований (БЦСКИ), что положило начало развитию этого направления, ставшего одним из основных в изучении культуры в англоязычном мире и за его пределами.

Британские «Культурные исследования» выросли из «левого ливисизма», т. е. из теории влиятельного литературного критика, культуролога и педагога Ф. Р. Ливиса (1895—1978). В работах «Массовая цивилизация и культура меньшинства» (1930), «Культура и окружающая среда» (соавт. Д. Томпсон, 1933), «Образование и университет» (1943), «Величие традиции» (1948) и др. Ливис защищал идеи либерализма, подкрепленного протестантской этикой, ориентируясь на британскую консервативно-просветительскую традицию. Он противопоставлял «культуру как органическое единство людей, существовавшее в Англии при Шекспире, и «цивилизацию» как век массового внедрения машин и утверждения

ЧЕРЕМУШКИНА Елена Федоровна, старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Мордовского государственного университета.

этики «бентанизма» (по имени позитивиста Дж. Бентама), т. е. утилитаризма, индивидуализма, эгоизма. До индустриальной революции и почти всеобщей урбанизации XIX в. Англия имела подлинно народную общинную культуру и культуру меньшинства образованной элиты, дававшую стимул для интеллектуального развития и эмоционального наслаждения. Для Ливиса это был золотой век «органической общинности» с «живой культурой» «народных песен и народных танцев», не развращенной коммерческими интересами¹.

В XIX в. происходит «культурный распад»: единая национальная общинная культура раскололась на культуру образованного меньшинства, воплотившую ценности и стандарты «лучшего из сказанного и задуманного»², и распространяющуюся из-за океана, из США, массовую коммерческую культуру «стандартизации и уравниловки с уклоном вниз», потребляемую «необразованным» большинством. Согласно ливисистам, подлинная культура — не просто досуговая деятельность, прежде всего это средство формирования зрелых индивидуумов, осознающих «смысл жизни». Основные функции массовой культуры — «компенсация», «отвлечение», психологический контроль над аудиторией.

Хотя органическое сообщество потеряно, существует возможность получить доступ к ценностям и стандартам высокой культуры, которая теперь сведена к литературной традиции — самой могущественной форме существования языка, сохраняющей культурную преемственность. В преодолении кризиса культуры XX в. Ливис отводил решающую роль литературной критике и гуманитарной интеллигенции — «университетской элите». Все занятия в университете должны быть организованы вокруг единого центра — национальной английской литературы. Не может быть великого искусства в обществе, язык которого примитивен. В условиях, грозящих языку вырождением, живая литературная традиция — гарант его сохранности. Литературную традицию Ливис противопоставляет коммуникативному языку рекламы.

После Второй мировой войны британское общество и культура претерпевали глубокие изменения, что было связано, во-первых, с потерей Британией старой имперской идентичности и трудностями приобретения новой культурной и национальной идентичности (происходит ее ослабление как

мировой супердержавы; закрепляются особые отношения с США, Европой и новым содружеством наций в союзе против СССР, гомогенное население пополняется притоком народов из нового содружества наций; усиливается культурное влияние США); во-вторых, с разрушением традиционной культуры рабочего класса, обусловленным ростом уровня благосостояния рабочих и увеличением способности приобретения потребительских товаров, заменой конфронтации «народа» с правящим классом посредническими организациями; реформой образования, затушевывающей классовые различия; в-третьих, с «новыми беспорядками» (движением «новых левых»), обусловленными социальными противоречиями, экспансией новых СМИ, крушением сталинизма в СССР и кризисом лейбористской партии в Британии и т. д. Анализ этих изменений стал призванием «Культурных исследований».

Основообразующими для «Культурных исследований» стали тексты, изданные в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в.: «Выгоды образованности» Р. Хоггарта (1957), «Культура и Общество» (1958) и «Долгая Революция» (1961) Р. Уильямса, «Создание английского рабочего класса» Э. П. Томпсона (1963). Этих авторов многое объединяет: они — выходцы из социальных низов, сумевшие благодаря своим личным качествам получить университетское образование; все трое — участники Второй мировой войны, с юности связанные с левым движением. Обратившись к марксизму, они пересмотрели его и дали ему иное толкование. Главным недостатком старого марксизма они считали экономизм и недостаточное внимание к культуре. Основная задача Бирмингемского центра «Культурных исследований» на этапе становления состояла в том, чтобы инициировать широкие исследования современной британской культуры (повседневной, обыденной) с учетом социальных, политических и экономических контекстов.

Г. Р. Хоггарт (р. 1918) — один из основателей Бирмингемского центра «Культурных исследований», первый его директор, исследовал характер культуры английского рабочего класса 30—50-х гг. XX в.: смыслы, ценности обычных людей, живущих своей жизнью и создающих свою историю. Соединив методы социологии и ливисистских «литературных исследований», Хоггарт таким образом соединил тщательное

описание поведения, жилья и одежды людей с оценкой моральных и социальных ценностей, которые они воплощают. Он пытался раскрыть значения и ценности, присущие ритуалам и обычаям рабочего класса. Для Хоггарта культура рабочего класса 30-х гг. есть жизнь, отмеченная глубоким чувством общности. Это культура, созданная людьми и для людей, более здоровая, чем наступающая из-за океана массовая культура. Массовые развлечения 50-х гг. отнюдь не просто «безответственны и чужды», они разрушают структуру городской «популярной» культуры — культуры рабочего класса. «Большинство массовых развлечений находится в той части, которую Д. Х. Лоренс описал как «антижизнь». Они полны порочной яркости, непристойных призывов и моральных уловок... они не предлагают ничего, что может действительно затронуть ум или сердце»³.

Осмысливая изменения в послевоенном образе жизни английского рабочего класса, Хоггарт связывал духовное обеднение национальной английской культуры с американизацией и глобализацией культуры, прежде всего, с молодежным потребительством американского типа. Он критиковал популярную журналистику, реально оценивая качество «желтых» журналов и романов, построенных на сексе и насилии. Успех транслируемых по радио «мыльных опер» у представительниц рабочего класса объясняется тем, как замечательно показано в них обычное и простое. Это повторяется в газетных комиксах, отражающих жизнь «маленького человека». Хоггарт предсказывал возникновение общества, в котором большая часть населения будет сведена к состоянию покорно восприимчивой пассивности: «с глазами, приклеенными к телевизорам, фотографиям красоток и киноэкранам»⁴. Потребители этой культуры — «безвольные и прирученные невольники класса с механическим, как у машины мышлением», «пассивные варвары-гедонисты»⁵.

Предметом критики Хоггарта были главным образом производители популярной культуры, но не ее потребители. Власть «коммерческой культуры» выросла в неустанном нападении на старую традиционную культуру рабочего класса от имени нового «солнечного варварства». Но даже в этой «стране чудес из сахарной ваты» все еще есть признаки сопротивления. Рабочий класс живет не столь бедной духовной жизнью. Старая общинная и самодеятельная по-

пулярная культура все еще остается в манере речи, стилях пения, в существовании рабочих клубов, духовых оркестров, в старомодных журналах, групповых играх (дартс, домино). Хоггарт доверяет «значительным моральным ресурсам» представителей рабочего класса, помогающим им приспособиться к собственным целям изделия и методы культурной промышленности на них. Главный вопрос состоит в том, как долго сохранится этот запас морального капитала и будет ли он воспроизводиться.

Литературный критик, социолог, культуролог Р. Г. Уильямс (1921—1988) родился в Уэльсе, в семье железнодорожного рабочего в сельской местности, расположенной в промышленном районе: оживленная железнодорожная линия связывала угледобывающие и сталелитейные центры Южного Уэльса с центрами тяжелой промышленности «Черной страны» вокруг Бирмингема. В этой части Уэльса говорили на английском языке («англизция» произошла в 40-е гг. XIX в.), но при этом считали себя валлийцами. «Ни англичанин, ни валлиец», Уильямс определил свою этническую и культурную идентичность в названии своего первого и самого известного романа «Пограничье» (1960).

В книге «Культура и общество» Уильямс попытался обосновать тезис о том, что культура обыденна и представляет собой не только и не столько совокупность наивысших достижений человечества в интеллектуальной, художественной деятельности, сколько определенный «способ жизни» («way of life»). Уильямс проводил различие между буржуазной культурой как «основной индивидуалистической идеей со своими учреждениями, манерой поведения, мышлением и намерениями, которые из нее проистекают», и культурой рабочего класса как «основной коллективной идеей, со своими учреждениями, поведением, образом мысли и намерениями»⁶. Рабочий класс, начиная с индустриальной революции, из-за своего положения не имел возможности производить культуру в более узком смысле. Культура рабочего класса является прежде всего социальной (там, где она создала учреждения), а не индивидуальной (в специфической интеллектуальной или художественной деятельности).

«Социальное» определение культуры представляет три новых способа мышления о культуре: «антропологическое» требование: культура — это описание определенного образа

жизни; культура выражает некоторые значения и ценности; функция культурного исследования должна состоять в разъяснении значений и ценностей, выраженных (или скрытых) в определенном образе жизни.

Рассматривая культуру как «способ жизни» (повседневные значения и ценности являются частью выразительной цельности социальных отношений), Уильямс считает, что современное понимание термина «культура» несет на себе печать аристократических представлений, ассоциирующих ее с философией, искусством, литературой, наукой (т. е. теми сферами деятельности, где традиционно главную роль играли представители господствующего класса). Замкнутый в «башне из слоновой кости», интеллеktуал (в том числе и марксистской ориентации) игнорирует огромный, эмоциональный и интеллектуальный опыт «масс». Он склонен считать, что качество жизни возрастает с углублением и развитием таких форм культуры, как театр, живопись, музыка. Между тем общее качество жизни возрастает потому, что изменяются другие сферы деятельности, также являющиеся разумными, творческими и познавательными (искусство садовников, рабочих-металлургов, ткачей, политиков, экономистов и т. д.). Уильямс формулирует новую задачу для интеллектуалов, работающих в парадигме «Культурных исследований»: нужно покинуть башню из слоновой кости и попытаться приспособить свое образование и научную деятельность к более широкому контексту повседневной культуры, культуры народных масс. Исследователь должен отказаться от традиционных стереотипов мышления, шаблонных делений на высокое и низкое искусство, от противопоставления интеллектуала и массы, технологии (цивилизации) и культуры.

Со временем Уильямс все больше внимания уделял политической борьбе уэльсцев и утверждал приоритет региональных, локальных ценностей в культуре.

Э. П. Томпсон (1924—1993) — один из крупнейших социальных историков, политический деятель, марксист «социалистическо-гуманистического» направления. Его книга «Создание английского рабочего класса» (1963) выявляет важную роль культуры в создании классовых отношений. Стремясь представить историю, которую рабочий класс создает «своими руками», он бросил вызов традиционной

марксистской интерпретации, рассматривавшей историю капитализма как предопределенную неминуемыми изменениями способов производства и общественно-экономических формаций (структурных детерминант), и уделил основное внимание роли человеческого фактора: опыту, ценностям, идеям, действиям. Считая формирование рабочего класса выдающимся фактом 1790—1830 гг., Томпсон утверждал, что культура рабочего класса является наиболее выдающейся популярной, которую когда-либо знала Англия. Рабочий класс был не только рабочим классом Англии, но и английским рабочим классом, политические амбиции которых вырастали из веры в традиционный моральный порядок, из сознания прав «свободнорожденного гражданина Англии», понимания своей культурной укорененности, идентичности, передававшегося от поколения к поколению (в песнях, устных рассказах, в пересказах истории и мифов, на собраниях землячеств), а не из нового революционного мировоззрения.

Таким образом, исследования Р. Хоггарта, Р. Уильямса, Э. П. Томпсона детерминируют проблематику британских «Культурных исследований» (проблем «обычной жизни обычных людей», повседневной жизни семьи, политического противостояния в среде рабочего класса, образа жизни, специфического времяпровождения и др.), их методологию («обновленный» марксизм, переносящий акцент с экономических на культурные, человеческие факторы, антропологический подход, сравнительно-исторический метод), методику («непосредственное наблюдение», использование данных этнологии и др.) и основную парадигму (противопоставление традиционной (популярной, народной) исконно британской культуры (культуры рабочего класса) современной коммерческой, упадочной, глобальной массовой культуре, распространяющейся из США).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Leavis F. R., Thompson D. Culture and Environment. L., 1933.*
- ² *Arnold M. Culture and Anarchy. L., 1960. P. 31.*
- ³ *Hoggart R. The uses of literacy. L., 1957. P. 340.*
- ⁴ *Op. cit. P. 316.*
- ⁵ *Op. cit. P. 250.*
- ⁶ *Williams R. Culture and Society, 1780—1950. L., N. Y., 1958. P. 313.*

Поступила 30.10.08.

В. А. МОИСЕЕНКО

АРХИТЕКТУРНЫЙ ОБРАЗ МОСКВЫ 1812 г. ГЛАЗАМИ НЕПРИЯТЕЛЯ

Значительной частью населения нашей страны, хранящей историческую память о трагических днях Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., события 1812 г., преломленные через призму фильмов «Гусарская баллада», кажутся не более чем увлекательным маскарадным шоу по сравнению с великими потрясениями XX в. Априори столь же несоразмерными воспринимаются и потери в области национального культурного достояния. Мы помним о вывезенной фашистами и исчезнувшей Янтарной комнате, о разрушенной немецкой артиллерией древней церкви Спаса на Нередице в Новгороде, о разоренной гитлеровцами усадьбе П. И. Чайковского в Клину и т. д. Но основной своей массой вряд ли можем указать произведения изобразительного искусства и архитектуры, утраченные в результате наполеоновского нашествия. Между тем в 1812 г. Россия пережила величайшую культурную катастрофу. В огне гигантского московского пожара не только заживо сгорели более 20 тыс. раненых русских солдат, но и был обращен в пепел огромный, уникальный по своей исторической и эстетической значимости город.

Здесь не место поднимать вопрос о непосредственных виновниках этого пожара. У каждого историка имеется свое мнение на этот счет. В большинстве оно сводится к тому, что поджигателями были наши соотечественники. Однако в руках Наполеона тактика «выжженной земли» была действенным и хорошо опробованным средством борьбы с непокорным населением. Одними из первых ее испытали на себе жители Каира во время египетской экспедиции Бонапарта 1798—1799 гг.¹

МОИСЕЕНКО Владимир Алексеевич, доцент кафедры архитектурного проектирования и дизайна Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

Нельзя усомниться в умении наполеоновских военачальников устраивать в покоряемых ими городах гуманитарные катастрофы. Другое дело, что в Москве из контролируемой эта катастрофа превратилась в неконтролируемую, затронувшую в конце концов и самих ее организаторов. Для историков отечественной культуры последнее обстоятельство — слабое утешение. Но в то же время (не иначе как насмешка судьбы!) именно мемуары захватчиков рассказывают нам о том, какое архитектурное чудо представляла собой прежняя Москва в последние дни и часы своего существования — та Москва, которую мы навсегда потеряли.

При описании древней русской столицы французы, ощущая себя полновластными хозяевами доставшегося им бесценного сокровища, ничуть не скрывали своего восхищения. В этом смысле тональность их описаний в корне отлична, скажем, от посвященных архитектуре Москвы страниц печально известного пасквиля Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году», где автор проявляет поистине «акробатическую ловкость» в умении представить даже самые прекрасные памятники русского зодчества как лишнее доказательство порочности создавшего их государства.

Однако в сентябрьские дни 1812 г. соратников Наполеона меньше всего интересовали подобные казуистические эскерсисы. Страницы их воспоминаний дышат не словесной эквилибристикой, но мощными «шекспировскими» страстями. Сначала — ослепительная эйфория от ощущения достигнутой цели, а буквально через несколько десятков часов — иррациональный ужас перед огненным смерчем, который угрожает уничтожить все плоды победы. И что крайне удивительно, эти яркие, драматичные картины последних дней существования старой Москвы остались практически невостребованными художественными литературами западноевропейских стран первой половины XIX в. Ни один из крупных писателей Запада того времени не «переплавил» огромную массу дневниковых записей о Москве 1812 г. в беллетристическую форму.

Это обстоятельство становится тем более загадочным, что среди завоевателей был аудитор первого ранга Государственного совета, инспектор движимых и недвижимых коронных имуществ, интендант наполеоновских войск Анри Мари Бейль, более известный нам под псевдонимом Стендаль

(1743—1842), будущий автор романов «Красное и черное», «Пармская обитель», «Люсьен Левен». Ни в одном из этих внушительных по объему произведений нет (пусть даже в форме авторских отступлений) картин Москвы осенних дней 1812 г. Что касается принадлежащего Стендалю сочинения «Жизнь Наполеона», то вместо ярких, живописных картин оно заполнено скучнейшими политическими рассуждениями.

Будущий знаменитый писатель, подобно сотням его соратников по русскому походу, тоже запечатлел эти драматические дни в своем дневнике, который начал вести с 1801 г., в возрасте восемнадцати лет. Но (и это уже почти мистика) как раз дневниковые записи Стендаля, относящиеся ко времени его пребывания в России, отсутствуют! Помимо нескольких малозначащих строчек от 30 сентября², мы располагаем лишь дневниковой записью от 15 сентября 1812 г.³; последняя дошла до нас исключительно потому, что была включена Стендалем в письмо от 4 октября 1812 г., адресованное Феликсу Фору в Гренобль⁴. Столь «выборочную» лакуну традиционно объясняют тем, что упомянутая часть дневника могла быть утеряна во время бегства из России⁵.

С точки зрения общественного положения и воинского звания авторы иноязычных мемуаров находились на разных ступенях социальной и послужной лестницы. К «высшему эшелону» принадлежали Арман-Огюстен-Луи де Коленкур (1773—1827), маркиз, герцог Винченский, дивизионный генерал, в 1808—1811 гг. — посол в Петербурге; Филипп-Поль де Сегюр (1780—1873), граф, находился в 1812 г. в свите Наполеона в звании генерал-адъютанта (его сочинения, отличающиеся красотой и возвышенностью стиля, являются, пожалуй, наиболее художественными с точки зрения формы из дошедших до нас воспоминаний французов о событиях 1812 г.); Поль де Бургоэн (1791—1864), барон, офицер 5-го вольтижерского полка 2-й дивизии молодой гвардии Э.-А. Мортве, впоследствии полномочный министр Франции в России; Антон Дедем (1774—1825), голландский барон, в 1812 г. — командующий бригадой в авангарде зятя Наполеона, короля Неаполитанского, Иоахима Мюрата.

Ко «второму эшелону» могут быть отнесены Бонифаций Кастеллан (1788—1862), адъютант в штабе императорской

гвардии; Луи-Жозеф Вионне де Марингоне (1769—1834), командир батальона 2-го полка пеших гренадеров старой гвардии; Антуан-Огюстен Пьон-де-Лош (годы рождения и смерти не установлены), командир артиллерийских батарей императорской гвардии; Любен Гриуа (1772—1839), начальник артиллерии 3-го резервного корпуса; Евгений Лабом (1783—1849), капитан, командир батальона 4-го корпуса Эжена Богарне (пасынка Наполеона); Губер-Франсуа Био (1778—1842), капитан стрелкового полка 6-го корпуса; Адриан-Огюстен де Майи-Нель (1792—?), офицер французской армии, впоследствии пэр Франции; Цезарь Ложье-де-Беллекур (1779—?), офицер легкоконного полка 4-го корпуса Эжена Богарне; А. Тирион (годы рождения и смерти не установлены), офицер 1-й кирасирской дивизии генерала Сен-Жермена 1-го резервного кавалерийского корпуса Э. А. Нансути; Вильгельм-Антон Фоссен (1784—1860), подпоручик 5-й дивизии Ж.-Д. Компана 1-го пехотного корпуса Луи-Никола Даву; Генрих Брандт (1789—1868), подпоручик вислянского (польского) легиона дивизии Клапареда императорской гвардии; Жан-Рош Куанье (1766—?), лейтенант, адъютант в свите Наполеона, впоследствии капитан; Мишель Комб (годы рождения и смерти не установлены), лейтенант 8-го конноегерского полка Третьего резервного кавалерийского корпуса Эммануэля де Груши; Андриен-Жан Бургонь (1776—1827), в 1812 г. — сержант, впоследствии плац-комендант; Ван Эренс (годы рождения и смерти не установлены), офицер 2-й дивизии Л. Фриана Первого пехотного корпуса Луи-Никола Даву, впоследствии генерал-лейтенант; Фон Лоссберг (1776—1848), офицер 3-го пехотного полка 8-го (Вестфальского) корпуса А. Жюно.

Наконец, в третью группу, которую условно можно было бы назвать «обслуживающим персоналом», входят Жан Доминик Ларрей (1766—1842), французский военный хирург, генерал-инспектор санитарной службы армии; Ульрих Генрих фон Росс (1780—?), врач Третьего Вюртембергского конноегерского полка дивизии П.-О. Себастиани; Батист Дюверже (годы рождения и смерти не установлены), корпусный казначей Первого пехотного корпуса Луи-Никола Даву; Луи-Франсуа де Боссе (1770—1835), дворцовый префект, академик искусств в Лионе, сопровождал Наполеона в Россию; Клод-Франсуа Меневаль (1780—1842), личный секретарь Наполеона; Луи-

Констан Вери (1778—1845), камердинер Наполеона; Рустам Раза (1782—1845), слуга Наполеона.

Учитывая пристрастие европейцев начала XIX в. к экскурсам в античность, можно было бы ожидать от авторов воспоминаний сопоставления Наполеона с Александром Македонским, вошедшим после ряда победоносных сражений в столицу великой Персидской империи. Как ни странно, таких сравнений практически нет. Очевидно, мемуаристы страшились произнести роковое слово «Персепо́ль». Столица Ахеменидов была захвачена Александром Македонским и сожжена им за несколько лет до своей смерти. Слишком прозрачной и зловещей становилась эта аналогия, особенно если учесть, что через три года после московского пожара Наполеон был сослан на остров Святой Елены и оказался, по сути, политическим трупом, а еще через 6 лет скончался.

Употребление прилагательного «азиатский» по отношению к увиденному в древней русской столице (вполне естественного со стороны завоевателей, пришедших из Западной Европы), оказывается строго нормированным и не «укладывается» в античную историю. Так, Барон Дедем сразу же после использования этого эпитета вместо цитирования древних авторов переходит к обсуждению куда более актуальных проблем: «Трудно себе представить чисто азиатскую роскошь, коей следы мы видели в Москве. Запасы, хранившиеся во дворцах и частных домах, превзошли наши ожидания. Если бы в городе был порядок, то армии хватило бы продовольствия на три месяца; но дисциплины более не существовало»⁶.

Этот утилитарный взгляд на вещи, несомненно, навязанный автору мемуаров складывающейся критической обстановкой, вызвал к жизни трагикомическую ситуацию: самым ярким впечатлением барона Дедема об архитектуре Москвы стало... складское здание! «Уезжая из Москвы, я видел немощной длины склад, под сводами которого хранились кули с превосходной крупчатной мукою; склад этот был предан разграблению, а между тем за неделю перед тем я с трудом получил мешок самой грубой муки»⁷.

Этот комедийной (если отвлечься от драматизма происходящих событий) реплике противостоит эпический, не смущаемый ни триумфами, ни бедствиями тон воспоминаний графа де Сегюра. Вступление французских войск в Москву

описывается им так, будто он присутствует при открытии Америки Христофором Колумбом⁸.

Вторит Сегюру наполеоновский секретарь Меневаль: «Станным и впечатляющим показалось французским солдатам внезапное появление перед их глазами этого великого города, скорее азиатского, чем европейского, раскинувшегося до самого конца открытой равнины, увенчанного тысячами двумястами шпилями и лазурными куполами, усыпанными золотыми звездами, соединенными друг с другом позолоченными цепями»⁹.

Но как констатировал Наполеон, от великого до смешного один шаг. Буквально через несколько недель, уже после того, как над древней русской столицей пронесся огненный смерч, в преддверии надвигающейся русской зимы, император французов созывает своих маршалов и, подобно полоумному диктатору, диктует свою волю: «Идите сюда, послушайте новый план, который я придумал. Принц Евгений, читайте! (Маршалы слушали.) „Надо сжечь остатки Москвы и идти через Тверь на Петербург, куда придет и Макдональд, чтобы присоединиться к нам, Мюрат и Даву будут в арьергарде!“ Император, сильно возбужденный, блестящими глазами смотрел на своих генералов, лица которых, сумрачные и серьезные, выражали только изумление»¹⁰. Естественно, мертворожденная идея похода по бездорожью на Петербург была почти сразу же предана забвению¹¹.

Последние строки графа де Сегюра выглядят подобием фигового листка, которым он пытается прикрыть циничную суть процитированных выше строк. Видимо, ни Сегюр, ни Наполеон, ни те, кто исполнял его указания по уничтожению Москвы, не задумывались над тем, что архитектурные памятники и крупные монументы обладают непостижимой способностью сполна расплачиваться со своими обидчиками. Здесь не обойтись без исторических параллелей. Выше мы уже упоминали о безвременной (в возрасте 33-х лет) смерти Александра Македонского, сжегшего Персепо́ль. Был бесславно зарезан и Юлий Цезарь, сжегший за несколько лет до своей смерти Александрийскую библиотеку. Павла I убили в Михайловском замке, для строительства которого он приказал использовать мрамор Исаакиевского собора и усадьбы в Пелле, построенной Екатериной II для внука Александра.

Наполеону был дан в Египте урок, который он совершенно не воспринял. Разбив в боях армию мамлюков, Бонапарт уже считал себя покорителем Востока. Разрешив французским солдатам для тренировки в меткости обстреливать из ружей и артиллерийских орудий Большого Сфинкса в Гизе, он через несколько месяцев почти потерял свою армию, ставшую жертвой «внезапной» эпидемии чумы. Что касается 600-тысячной Великой армии то проклятие, нависшее над ней после разрушения Москвы, возможно, было не последней причиной того, что во Францию вернулись лишь считанные тысячи из тех, кто побывал с Бонапартом в древней русской столице. Поэтому давно уже ставшее прописной истиной первое правило любой войны «Не ходи на Москву!» стбит сформулировать в более категоричной форме: «Не трогай Москвы!».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ал-Джабарти Абд ар-Рахман. Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий. М., 1962. Т. III. Ч. 1. С. 54—55.

² Стендаль Ф. Собр. соч. Т. XV. Дневники. М., 1949. С. 375.

³ Там же. С. 371—374.

⁴ Стендаль Ф. Собр. соч. Т. XV. Письма. М., 1959. С. 111—117.

⁵ См., напр., *The Private Diaries of Stendhal*, edited and translated by Robert Sage. N. Y., 1954. P. 7.

⁶ Из записок барона Дедема // Русская старина. 1900. Т. 103. С. 127.

⁷ Там же. С. 128.

⁸ См.: Сегюр Ф.-П. *де*. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 155—156.

⁹ Наполеон. Годы величия (Воспоминания секретаря Меневала и камердинера Константа). М., 2002. С. 75.

¹⁰ Сегюр Ф.-П. *де*. Указ. соч. С. 180.

¹¹ Там же. С. 186, 213—216.

Поступила 18.09.08.

ОСЬМУХИНА О. Ю. Авторская маска в русской прозе XIII — первой трети XIX в. (генезис, становление традиции, специфика функционирования): Монография; науч. ред. О. Е. Осовский. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. 188 с.

Категория авторской маски принципиальна для постмодернистской поэтики и в последнее десятилетие привлекает внимание исследователей самых различных специальностей. Однако ни в одном из отечественных исследований не представлено ни четкого определения этой категории, ни функций, ею исполняемых, ни ее характерных черт и примет, чего нельзя сказать о рецензируемой монографии.

Следует отдать должное О. Ю. Осьмухиной. В монографии был найден наиболее оптимальный путь исследования — обращение к конкретным и наиболее значимым для отечественного литературного сознания прозаическим памятникам от древности до начала XIX в.

Уже во введении О. Ю. Осьмухиной, предлагая собственную концепцию авторской маски, а также четко «проговаривая» основные теоретические положения, замечает, что авторская маска рассматривалась исключительно как «феномен исторической поэтики», и интересна была «не столько теоретическая, сколько историческая логика существования этой категории» (С. 13). Фактически введение и каждая глава монографии содержат теоретический аспект, вытекающий из анализа художественных текстов и в целом «статусности» автора в контексте той или иной историко-культурной эпохи. Стремление к сочетанию историко-литературного и историко-культурного подходов предопределили характер и содержание составляющих работу частей.

Первые две главы монографии «Шутовство и рефлексия как типы авторского „антиповедения“ в литературе XIII—XV вв.» и «„Благочестивый монарх“ и опальный „князь-латинист“» посвящены исследованию генезиса традиции использования авторской маски в древнерусских памятниках, причем развитие масочных процессов в литературе Древней Руси рассматривается в историко-культурной перспективе. Если замечания о «масочно-игровом» поведении И. Грозного были сделаны еще Ю. М. Лотманом, Б. А. Успенским, Д. С. Лихачевым и А. М. Панченко, то рассмотрение эпистографии А. Курбского или «Хождения за три моря» А. Никитина в этом же контексте выглядит хотя и неожиданно, но очень убедительно, как раз благодаря формулировке выводов исключительно на основе конкретных текстовых примеров, детальному исследованию эмпирического материала.

Третья глава «„Игрец со челоуеки“ Аввакум Петров» рассматривает преломление и эволюцию древнерусской традиции авторской маски в творчестве протопопа Аввакума, соединившем в себе традицию игровую и рефлексивную традицию. Проанализировав тексты Аввакума (от «Жития» до литературы «учительской» и эпистографии протопопа), О. Ю. Осьмухина сопоставила поведенческие модели Аввакума и его вечного оппонента патриарха Никона, доказала конструирование в наследии протопопа не только «речевой маски», а также и то, что

авторская маска «подразумевает авторское оформление себя самого в тексте, сознательное конструирование определенного образа, отличного от реального» (С. 103).

В четвертой главе «„Сотворение маски” в обособленном от автора тексте в XVIII столетии» изучается процесс создания авторской маски в русской прозе XVIII в., когда маска из литературного приема постепенно трансформируется в художественный образ фиктивного автора, приписывающего себе слово автора реального. При этом автор монографии сопоставляет произведения Д. И. Фонвизина, М. Д. Чулкова и Н. М. Карамзина с романами Ф. А. Эмина, «Исповедью» Ж.-Ж. Руссо и экспериментальными произведениями Л. Стерна, демонстрируя тем самым развитие общих тенденций в отечественном и европейском культурно-художественном сознании «века Просвещения».

Пятая глава «Фиктивный автор-нарратор в отечественной прозе первой трети XIX столетия» посвящена трем наиболее ярким произведениям отечественной прозы первой трети XIX в. — «Повести Белкина» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Пестрые сказки» В. Ф. Одоевского. Здесь авторская маска тематизируется, самоидентификация писателя получает самое непосредственное выражение. Несмотря на принципиальные замечания, сделанные О. Ю. Осьмухиной в этой главе относительно нарративных экспериментов со «сказовым» словом, для еще большей убедительности собственных концептуальных положений можно было бы привлечь (хотя бы в качестве сопоставления) более широкий иллюстративный материал, например, из романтических повестей А. А. Бестужева-Марлин-

ского или «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

В монографии заключения фактически нет, и подобная «незавершенность» производит двойственное впечатление: с одной стороны, оно закономерно и свидетельствует о возможности продолжения «диалога» об авторской маске (прежде всего ее эволюции в литературно-художественной практике постмодерна), с другой — заключение, еще раз четко «проговаривающее» важнейшие концептуальные положения монографии, необходимо причем не столько автору или специалистам по «авторской» и «масочной» проблематике, сколько начинающим исследователям или же занимающимся смежной проблематикой.

В целом глубокое знание и тонкое понимание историко-литературных, а также культурных процессов позволило О. Ю. Осьмухиной не только проникнуть в мельчайшие детали биографической, творческой концепции того или иного художника, но и проиллюстрировать свою гипотезу наиболее выразительными цитатами из художественных текстов и эпистографии, проанализировать широкий круг художественной и научной литературы (заметим, что рецензируемая монография снабжена обширной библиографией, включающей иноязычные издания). Можно с уверенностью заключить, что отечественное литературоведение и культурология пополнились действительно серьезным и глубоким исследованием.

М. В. ЛОГИНОВА
доктор философских наук,
профессор
(г. Саранск)

ANNOTATIONS

S. V. Serebryakova. Modelling of Regional Structure of Modern Russian Society (after the example of the Privolzhsky Federal District).

A classification of models of interregional interrelations as complicated multi-level social and economic category and one of the basic factors allowing educing trends, intensity and essence of the regional structure of the Russian society development is presented.

O. D. Sheblo. Problem of Categorical Determination of Regional Processes: Phenomenon of Asian Regionalism.

The article is devoted to the analysis of categorical determinations of regional processes in the framework of the global policy. A brief review of regional integration theories has been made; the essence of «the old» and «the new» regionalism is substantiated.

K. M. Glonti. Old-Industrial Regions: Problems and Development Perspectives.

Specificity of old-industrial regions of Russia as well as their formation and evolution are treated in the article. Their potential in the process of innovative transformation is presented.

A. K. Rodionova. Federalism Characteristics as Instruments for its Evolution Stages Determinations.

The analysis of presence and functioning of elements and characteristics of the federalism institute as unified entity is presented. Tendencies and problems of political «construction» of federalism are determined.

Panel «100 Years to the Book „Materialism and Empiriocriticism”» by V. I. Lenin.

Materials of the panel held in Saransk on October 29, 2008 and devoted to a hundred-year jubilee of the book «Materialism and empiriocriticism» by V. I. Lenin issuing are presented.

O. A. Ermolaeva. Modern Public Conscience of Russia on State and Regional Levels.

The process of double paradigm change in public conscience taking place in the modern Russian society is analysed in the article. In the country this means dismissal of party and class approach and recognition of priority of humanity valuables with preservation of national traditions, on the inter-national arena — orientation on integrative valuables of the mankind.

N. T. Arefyeva. Structure of Modern Western Socio-Cultural Futurology.

Main prognoses of futurologists of liberal and socio-cultural trends connected with the future of personality and culture are treated in the article.

L. A. Vasilyeva. Democratic Political Consensus and Efficient Political Process — First Phase of Changes in Russian Society.

The analysis of the first stage of political changes in the post-Soviet Russia based on political consensus and efficient political process is carried out in the article.

N. I. Izergina. Organic Demography as Vector of Social and Political Changes in Modern Russia.

The analysis of basic propositions of the organic demography theory by I. A. Ilyin is presented in the article. The conclusion that implementation of its general principles is mostly applicable for Russia is made.

Z. A. Egorova. Influence of Electoral System on Multi-Party System Formation in Russia: Regional Aspect.

The analysis of electoral system changes in the country and in the Ulyanovsk Region essentially influencing the formation of multi-party political system in Russia and its constituent entities is carried out in the article.

S. A. Shankin, A. S. Boriskin. Main Trends in Innovative Development of the Region.

Main trends in innovative development of the Republic of Mordovia by means of innovative cluster formation, venture business development and techno-park activities are analysed in the article.

S. N. Rastvortseva. Essence of Social and Economic Efficiency of Development of a Region.

Problems of social and economic efficiency of development of a region are analysed in the article. Levels of objective and subjective relations are studied, tasks of regional management are considered, basic components of economic potential (resource and resultative) and their rational utilisation influencing regional efficiency in general are determined and analysed.

E. G. Animitsa, V. A. Sukhikh, N. V. Novikova. Conceptual Orientations, Mechanisms and Methods for Regional Economy Management.

The analysis of different approaches and methodological principles of regional development modernisation is presented. Diversity of the applied methods and instruments forming the mechanism for regional social and economic development is described.

V. I. Makolov. Investment Policy of the Region: Present State Evaluation and New Tasks.

The analysis of priority trends of the Republic of Mordovia investment policy is carried out in the article. Evaluation of investment process in the region is made and main tasks of the republican investment policy for the post-crisis period are determined.

I. A. Yushachkov. Analysis of Efficiency of Management of Restructuring Process at Industrial Enterprises of the Region.

It is highlighted that the main part of changes taking place at industrial enterprises of the Republic of Mordovia has an adaptive character because they have higher profitability in comparison with innovative changes for the short-term period and are in general aimed at solution of enterprises' survival problems.

E. G. Sarantseva. Modernisation of Production Costs Management at Industrial Enterprises of the Region.

Main trends in modernisation of production costs management at the most resource-intensive industrial enterprises of the Republic of Mordovia such as JSC «Electrovpyramitel» and JSC «Saransk Instrument-Making Plant» are determined.

S. I. Malozemov. Regionalisation of the Russian Federation Agrarian Policy.

The process of regionalisation of the Russian Federation agrarian policy in the 90th of the XX century is analysed in the article. Main trends in the formation of integrated agrarian and food market of the country in the beginning of the XXI century are presented.

K. V. Maltsev. Problems of Land Market Development in the Russian Federation.

On the basis of sociological research held in the Nizhny Novgorod Region and expert inquiry «Research of transactions with land and real estate in the Russian Federation» the analysis of the land market development in the Russian Federation is carried out.

I. P. Yutkina. State Support of Agriculture in the Region in the Context of Priority National Project «Development of Agri-Industrial Complex» Implementation.

Main trends of priority national project «Development of Agri-Industrial Complex» implementation in the Republic of Mordovia are considered. Two-year work in this area is summarised, problems in the priority national project implementation in the Republic are stressed.

I. N. Krutova. Establishment of Infra-Structure as Condition for Development of Project Financing of Agri-Industrial Complex of the Region.

The necessity of establishing a special inter-branch bank of project financing or a corresponding department under «Rosselkhozbank» in the territory of Mordovia as necessary infra-structure entity in the system of project financing of Agri-Industrial Complex of the Republic of Mordovia is substantiated in the article.

T. A. Burtseva, A. V. Kuznetsova, N. A. Mironova, E. A. Berezina. Perception Map of Dairy Producers in the Market of the Kirov Region.

The analysis of the present stage of dairy market of the Kirov Region is carried out. Perception map of dairy producers in the market of the region is presented.

A. S. Gureev. Development of Regional Meat and Meat Products Markets.

Main trends in the development of meat and meat products markets in the Russian Federation constituent entities and federal districts are analysed in the article. Regular patterns in their functioning are considered.

Yu. V. Kuznetsova. Organisation of Dairy Products Promotion into Russian and Regional Markets.

The analysis of main trends and strategies of organisation of dairy products promotion into the Russian and regional markets as well as milk and segmentation of dairy products market of Saransk are presented.

S. V. Bulyarsky, S. A. Bulyarskaya. Consortium as Collective Participant of Innovative Activities.

The experience of formation and efficient activities of a consortium established on the basis of the agreement between universities, scientific and industrial organisations is generalised. Principles providing sustainable and efficient activities of the consortium are formulated. The analysis of the agreement contents is carried out and its management structure is offered. Positive experience in operation of consortiums established with participation of the Ulyanovsk University in the Privolzhsky Federal District is underlined.

N. V. Ivashkina. Problems of Formation of Ethno-Cultural Educational Policy in the Region.

Problems of interrelations between state structures and public organisations in ethno-cultural educational policy in the Republic of Mordovia are considered in the article. Expert evaluation of efficiency mechanisms of its implementation is presented.

V. P. Salnikova. Integration of Global and Regional Components in the Contents of University Studying Course «Culturology».

Global and regional aspects of culturally orientated education are considered in the article. «Culturology» integrates elements of classical and modern sciences and determines vector of educational activity inclusion into the cultural environment.

M. I. Berkovich, S. V. Bozhenko, A. A. Brut-Bruyako. Estimation of Interrelation between Economic and Social Spheres of the Russian Federation Constituent Entities.

The analysis of main tendencies and regular patterns in functioning of economic and social spheres of constituent entities and cities of the Russian Federation on the basis of statistic methods of factor and cluster analysis is carried out in the article. A group of «identical» in economic and social state constituent entities and cities of the country is determined. Specificity of the economic and social spheres presented by several subsystems which are relatively secluded and autonomous is determined. This fact should be taken into account in the course of regional development structures development.

L. V. Loginova. Institutionalisation of Regional Interests: Subjective and Objective Motivations.

Institutionalisation of regional interests fixes norms and rules, reduces them to the system capable of acting in the sphere of regional interests implementation, provides coordination of different regional interests and appearance of social and economic institutions and structures on their basis. Category of institutionalisation of regional interests efficiency reflects the degree of correspondence between regional state power and its institutional role in social and economic structure of the society.

A. N. Peskova. Change of Status Positions in the Sphere of Labour Activities of a Region.

The analysis of position changes in different kinds of labour activities of the regional society in the conditions of globalisation and informatisation is carried out.

M. V. Simonova. Regional and Branch Peculiarities Structural Indices of Labour Force Quality.

Main parameters of structural indices of labour force quality at industrial enterprises of the Samara region are considered in the article. It is stressed that in the course of labour resources strategic planning it is necessary to get orientated on the quality group of labour force capable of taking decisions in complicated and unforeseen situations and orientated on the constant innovative development. Presently industry feels shortage in specialists of this group.

E. V. Mozerov. Social Aspect of Housing and Mortgage Policy in the Region.

Various social aspects of state housing and mortgage policy in the Republic of Mordovia are analysed in the article.

I. G. Yulenkova. Problems of the University Teacher Identification in the Regional Society.

On the basis of sociological research problems of the university teacher identification in the regional society, in particular, in the Republic of Mordovia are analysed in the article.

V. P. Bukin. Youth of Russian Province: the Common and the Peculiar.

On the basis of comparison of results of different sociological researches social status of the youth of some Russian Federation constituent entities is analysed; common and peculiar features of its adaptation to the existing conditions are determined.

Yu. P. Shabaev, N. P. Mironova, A. V. Demina. Ethno-Political and Civil Identification of Youth in the Komi Republic.

Main components of ethno-political and civil identification of youth of the Komi Republic are presented in the article. Their interrelation and mutual influence are analysed.

V. G. Novikov. Self-Governing and Co-Governing as Factors for Development of Social Activities of Students in an Educational Institution.

The system of students' self-governing and co-governing is treated as important element in the mechanism of increase of readiness of Russian population to self-sufficiency in different spheres of public activities in the conditions of socially orientated market. Special attention is paid to interrelation of elements of governing, self-governing and co-governing in educational process.

M. A. Leshchinsky. Model of an Orthodox Christian World-View in the Present Stage of Society Development.

Main components of an Orthodox Christian World-View in the present stage of the society development are analysed. Special attention is paid to the points of polyphony, dialogism, conciliarism and Orthodox ideal.

V. I. Tverdokhle. Religiosity and Religious Associations in the Region.

Religious situation in the Kursk Region and activities of religious organisations are analysed in the article. Special attention is paid to the problems of incongruity of faith and religiosity, churching.

Zh. Yu. Bakaeva. Quantitative and Informative Context of Scientific Schools: Ethno-Regional Aspect.

An attempt to analyse quantitative characteristics in the context of scientific schools functioning and development is made. Special attention is paid to the socio-cultural aspect of the problem.

A. A. Napalkov. Internet as Cultural Communicative Institution.

The status of Internet as institution in the social structure, its main functions, resources, stratification categories are determined in the article. Internet is treated as well-ordered and self-organising environment.

E. A. Shishkina. The Kaliningrad Region as Regional Model of Global Socio-Cultural and Socio-Natural Space.

Research of regional socio-cultural space exposes the possibility of comprehending global ecological problems in the historical and trans-cultural aspects. The significance of the Kaliningrad Region in the system of socio-cultural practices is conditioned by its geo-political status, climate condition and at the same time by cultural environment regulating relations between the nature and the society.

E. F. Cheremushkina. Problems of Inter-Cultural Interaction in the Works of Founders of the British «Cultural Studies».

Conceptual issues of the creative work of the founders of the British «Cultural Studies» R. Hogart, R. Williams, E.T. Thompson are analysed in the article. Special attention is paid to the problems of every-day life of ordinary people, «renewed» Marxizm, direct observation, opposition of traditional British culture (culture of the working class) to modern commercial, decadent, global mass culture spreading from the USA.

V. A. Moiseenko. Architectural Image of Moscow of 1812 by the Eyes of the Enemy.

Architectural image of Moscow which was pictured in the diaries of French participants of the Patriotic War of 1812 is presented in the article. Some historical parallels between cultural heritage of the peoples' destruction and results of this activity are made.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, В. В. Козин*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 29.12.08. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура JournalSTT. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,43. Тираж 1000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 6231.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru, direktor-rri@mail.ru
Электронная версия журнала на сайте <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.